

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Книга вторая

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Книга вторая

Москва
Политбюро
1999

УДК 882-94
ББК 66.3(2Рос)6
Б 24

Книга издана в авторской редакции

Художник — Виктор Яковлев

*Охраняется законом РФ
об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном
порядке.*

ISBN 5-89756-019-6
ISBN 5-89756-021-8(Книга2)

© В. Баранец, автор, 1999
© Издательство «ПОЛИТБЮРО», 1999

Глава 1
РОССИЯ — НАТО:
ВОЙНА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ

ПОЛКОВНИК ДИЛЬ

Немецкий полковник Манфред Диль раз десять обращался в Управление внешних сношений российского Генштаба (УВС) с просьбой встретиться с группой офицеров центрального аппарата «для обмена полезной информацией». Но ему вежливо отказывали. И на то были свои причины.

Сначала надо было разобраться, что это за птица такая. По компьютерному досье Диль проходил как сотрудник Посольства Германии в Москве, числясь старшим офицером военно-воздушного атташата. До назначения на эту должность служил в частях и штабах ВВС Бундесвера, затем — в одном из спецотделов германского Генштаба.

А с некоторых пор его должность стала называться так: «советник по вопросам информации и контактам НАТО». Это вызывало новые вопросы: чей именно советник и по какой именно информации?

В общем, ситуация вокруг Диля была туманной, и руководство Генштаба долгое время не решалось идти с ним на контакт. Впрочем, так было почти всегда, когда в гости к нам напрашивался иностранный кадровый разведчик, имеющий какую-нибудь дырявую «крышу», типа той, что и была у Диля.

А он продолжал упорно слать факсы.

Однажды мне позвонил начальник Управления внешних сношений контр-адмирал Анатолий Негреев и сказал, что в этот раз Диль напрашивается на аудиенцию с пресс-секретарем министра обороны, чтобы наладить контакты между пресс-службами Минобороны России и НАТО.

— Так что тебе и карты в руки, — заключил он, — а еще раз отказывать человеку уже стыдно.

Я согласился, но с условием, что никаких официальных

обязательств брать на себя не буду, а проведу лишь общую разведку намерений настырного немца и доложу по команде.

Когда долго служишь на Арбате и на твоём счету уже не один десяток втыков от начальства за ошибки в работе, невольно учишься быть осторожным. Смутное предчувствие того, что мое согласие встретиться с немецким полковником, которого все вежливо отфутболивали, может с неожиданной стороны обернуться очередной выволочкой из-за какого-нибудь пустякового прокола, заставило меня вспомнить мудрое генштабовское правило: «Больше советуешься — меньше синяков на заднице».

Я решил посоветоваться со своим давним другом из Главного разведуправления, которому позвонил по закрытой связи и изложил суть вопроса. Полковник со смаком поизмывался надо мной, ехидно заметив, что «осторожность, переходящая в трусость, есть первая стадия генштабовской паранойи». Но когда я на полном серьёзе попросил его заглянуть под «крышу» Дилия, ерничество мигом испарилось. Он даже стал упрекать меня за то, что я допустил промашку, согласившись на встречу. И в очередной раз напомнил любимую поговорку:

— Не трахают — не дергайся.

Но отступать мне было поздно. А сваливать встречу с немцем на заместителя — стыдно. Успокаивало меня лишь то, что в состав нашей делегации на переговоры с напористым немцем был включен офицер из «Аквариума» и таким образом я получал необходимое прикрытие. Было даже любопытно посидеть в компании профессиональных разведчиков.

В назначенное время встреча с Дилем состоялась. Немец пришел с огромным целлофановым пакетом, набитым брошюрами о НАТО, которые он тут же раздал всем участникам беседы. Такими же брошюрами уже давно усыпаны многие арбатские кабинеты, нет их разве что в буфете и туалете. Глядя на знакомые и уже порядком надоевшие обложки глазами махрового большевика, у которого в крови «бдительность к проискам буржуазной пропаганды», я думал о том, что НАТО с помощью этих брошюр обрабатывает сознание наших офицеров в соответствии с уже хорошо знакомым генштабовской разведке планом психологической операции.

Наверное, по этой причине однажды меня осенила ори-

гинальная догадка и я восторженно подумал: «Да это же не книги, а “жучки”!» И принялся раздирать натовский бестселлер, с особой тщательностью рассматривая толстый корешок, в котором мне пригрезился датчик из тончайшей алюминиевой фольги.

Заглянувший в мой кабинет полковник Олег Михайлов невежливо заметил:

— Если у вас проблемы со стулом, то у меня сухие грушки есть...

— Сам ты грушка, — сказал я Михайлову, — это у нашего ГРУ могут быть проблемы, если я сейчас сенсационное разоблачение сделаю, и сам Ельцин вручит мне в Кремле орден за бдительность...

Михайлов обрадовался:

— Может, по этому выдающемуся поводу стоит выпить?

Его приятным идеям невозможно было найти альтернативу, это и превращало нас в единомышленников.

Когда полковник Диль вручил мне новую дюжину почти наизусть вызубренных книжек, я с улыбкой вспомнил, как полковник Михайлов разрезал на них перочинным ножом плавленый сырок и соленый огурец.

Диль начал пространно рассказывать о НАТО и о том, насколько важно в новых политических условиях налаживать взаимопонимание между нашими армиями. Минут двадцать мучительно покорчив одухотворенную вниманием физиономию, я больше не выдержал и осторожно дал понять немцу, что он говорит банальные вещи, а мои товарищи не туземцы, к которым внезапно приплыл Миклухо-Маклай. Хотелось скорее раскусить цель визита Манфреда.

Уловив толстый намек, Диль положил перед собой что-то вроде опросного листа и с истинно немецкой педантичностью, переходя от пункта к пункту, стал задавать вопросы. Судя по ним, нетрудно было сообразить, что Диль имеет задание основательно прощупать психологию восприятия НАТО офицерами российского Генштаба, вычленив отрицательные и позитивные моменты, определить стереотипы и алгоритмы. Ну и, разумеется, разработать соответствующие рекомендации для тех, кто занимается информационно-психологическим обеспечением расширения НАТО на Восток.

Положение подопытного кролика злило меня. Стало ясно, что все это — часть уже хорошо известной в Ген-

штабе натовской спецпрограммы, имеющей целью «размыть образ врага», внедрить в сознание наших военнослужащих установки, которые бы заставляли их не так агрессивно относиться к блоку и к намерению его руководства продвинуться на Восток.

Весь набор банальных аргументов, которые с истинно арийской добросовестной прямолинейностью излагал Диль, был мне тоже хорошо известен. Я лишь делал вид, что внимательно слушаю его, а сам думал о своем...

Еще в первой половине 80-х годов, когда наша разведка выудила в натовских штабах документы, свидетельствующие о намерении альянса расширить зону своего влияния за счет разваливающейся коалиции соцстран, меня поражала та вялость, с которой Кремль прореагировал на эту информацию (даже тогда, когда Венгрия тайком от Москвы стала напрашиваться в НАТО, еще состоя в Варшавском Договоре).

Создавалось впечатление, что Горбачев, упоительно токовавший о перестроечных процессах и о новом мышлении, не придавал значения проблеме, очертания которой не только легко прогнозировались, но и были уже хорошо видны. Даже самые серые офицеры советского Генштаба отлично понимали, что вывод наших войск из Восточной Германии приведет к опасным для СССР кардинальным изменениям на военной карте Европы.

Сотрудники «Штази» (разведка бывшей ГДР), глубоко внедрившиеся в штаб-квартиру НАТО в Монсе (Бельгия), поставляли в «центр» исключительно достоверные и ценные сведения (немецкому агенту удалось даже жениться на сотруднице одного из отделов штаб-квартиры блока, откуда и добывались ценнейшие сведения). Разумеется, Кремль о поступающей в «Штази» информации и о далеко идущих планах Североатлантического альянса тоже знал. Знал и о том, что некоторые наши друзья по соцлагерю начинают потихоньку поворачиваться задницей к Москве.

Казалось, что, провозглашая одну за другой свои инициативы, радикально меняющие расстановку сил в Европе, Горбачев не всегда понимал глубину военно-политических последствий своих предложений. Конечно, сейчас легко валить все на Михаила Сергеевича. Но факт остается фактом — ни в Кремле, ни в правительстве не нашлось тогда людей, которые смогли бы серьезно предостеречь Горбачева от слишком поспешных решений, связанных с

выводом наших войск из Европы. Молчаливая или поддакивающая цэковская «свита» развязывала ему руки.

Пожалуй, самыми первыми нашими союзниками, раньше всех почувывшими угрозу, которую несли соцлагерю политические «прорывы» Горбачева, были восточные немцы. Один из самых преданных наших партнеров, руководитель разведки ГДР Маркус Вольф, писал в своем дневнике:

«...Еще оставался проблеск надежды на разум, прежде всего в позиции нашего главного союзника. Даже в самых мрачных предчувствиях я не мог представить себе, что произойдет в результате подписания договора «два плюс четыре». Несмотря на нараставшие сомнения в политических способностях Горбачева, я долго после того, как стали известны решения, принятые в июле 1990 года в Архызе — а согласно им территория ГДР без всяких условий включалась в НАТО, — не верил и не хотел верить в то, что лидер Советского Союза, не возразив и словом, мог бросить своих ближайших друзей и союзников на произвол судьбы. Этот шаг вызвал не меньшее удивление нового друга Горбачева Гельмута Коля и его окружения...»

Продолжая делать вид, что внимательно слушаю Диля, я думал о том, что он чем-то очень похож на других офицеров НАТО, с которыми мне довелось встречаться и беседовать во время зарубежных поездок с министром обороны или во время приемов на Арбате. По многим вопросам мы находили общий язык. И лишь когда заходила речь о том, несет или не несет в себе угрозу для России расширение НАТО на Восток, беседы превращались в общение глухих со слепыми.

Каждая сторона выдвигала свои аргументы. Мы кропотливо выстраивали свои оборонительные редуты, на которые с легкой усмешкой «наезжали» самоуверенные оппоненты. Мы продолжали дружно лопотать о недопустимости расширения НАТО в сторону наших границ, но чем дольше это длилось, тем яснее становилось, что к нам уже никто не прислушивается.

Диль говорил о важности обмена информацией между нашими армиями и о том, что в российских Вооруженных силах НАТО все еще воспринимается как агрессивный военный блок. Он пожаловался на какую-то статью в «Красной звезде», в которой якобы слишком негативно говорилось о НАТО.

— И у нас есть к вам аналогичные претензии, — ска-

зал я Дилю. — Не так давно один из натовских генералов обвинил наш Генштаб в нежелании участвовать в обсуждении проблем отношений Россия — НАТО. Это не соответствует действительности. Начальник Генштаба генерал армии Самсонов во время недавней встречи с американским генералом Шаликашвили заявил, что готов в любой момент сесть за стол с натовским руководством.

— Если бы между нами были налажены надежные каналы обмена информацией, то таких досадных накладок не случилось бы, — сказал Диль, — мы уже давно предлагаем вам обменяться офицерами связи.

Я хорошо знал, что многократные и навязчивые просьбы генсека НАТО Хавьера Соланы прикомандировать к российскому Генштабу натовских офицеров связи министры обороны Павел Грачев и Игорь Родионов повесили в воздухе: прежде всего надо было утрясти общие принципы отношений между Россией и альянсом.

— Вопрос об офицерах связи решаем не мы с вами, — ответил я.

Диль словно не слышал меня и шел дальше:

— Помимо прикомандирования офицеров связи, мы бы могли установить у вас в Генштабе компьютерные системы, замкнуть их на штаб-квартиру НАТО, а заодно и подключить всех вас к Интернету.

Я чуть не упал со стула.

Такие сказки не умели сочинять даже братья Гримм.

Глаза офицера из «Аквариума» загорелись, как у волка, заметившего безмятежно бредущего ему навстречу зайца...

Посмотрев в мои квадратные очки, голубь НАТО, видимо, по-своему прочитал удивление в них:

— Я понимаю, что это страшно дорого, а у вас серьезные проблемы с финансами. Но НАТО возьмет все расходы на себя.

«Может, вам лучше сразу подключить Центральный командный пункт Генштаба к ЦРУ? — хотелось сказать мне Манфреду. — Мгновенно все расходы окупятся».

Мне вспомнился случай пятилетней давности. Тогда тоже несколько щедрых натовских офицеров настойчиво обхаживали наших арбатских и упорно доказывали пользу обмена информацией. В итоге у нас появилась дюжина американских компьютеров IBM. Причем три из них тут же исчезли в неизвестном направлении: легендарная русская привычка «приделывать ноги» тому, что плохо лежит,

а еще хуже учитывается, с блеском проявилась и в Генштабе.

Затем все оставшиеся компьютеры у нас изъяли и увезли в спецлабораторию ГРУ на проверку. Пошли слухи, что в них вмонтированы передающие устройства, позволяющие американцам считывать информацию, в том числе, разумеется, и секретную. Через некоторое время компьютеры нам вернули, но байки об их «особых свойствах» стали генштабовским эпосом.

С тех пор на Арбате раза три менялись офицеры контрразведки, курирующие центральный аппарат Минобороны и Генштаба, и каждый из них начинал свою службу у нас с того, что пытался размотать детективную историю с происхождением американских компьютеров и стремился выяснить, куда испарились недостающие. Причем в роли стукачей были те офицеры, которым компьютеров не досталось. Такая «бдительность» была формой зависти.

Вспомнив об этой мутной истории, я говорю Дилку:

— Вопрос о компьютерах тоже должно решить большое начальство.

Видимо, немец был из тех, которым не привыкать карабкаться по скользким и высоким стенам крепостей российской бюрократии. Он уже знал, когда и где надо заходить с флангов.

— Я имею честь сообщить вам, что руководство НАТО приглашает группу офицеров русского Генштаба и военных журналистов в Брюссель, где можно будет более детально обсудить вопросы координации работы по обмену информацией. Все расходы НАТО возьмет на себя. От вас требуется только согласие.

Скучные полусонные физиономии членов нашей делегации моментально оживляются и веселеют.

— Это неплохая идея, — вдохновенно говорю я, — обязательно доложим руководству!

Диль доволен. Есть поклевка. Он снова лезет в свой бездонный целлофановый пакет, достает брошюры о НАТО и снова раздает их нашим офицерам уже по второму или третьему разу. Его подарок — как наказание.

— Это можете подарить сослуживцам.

Офицеры с пресным видом принимают презенты — у них в кабинетах лежит уже штук по десять таких книжек: все натовские военные делегации будто сговорились завалить нетленным бестселлером наш Генштаб.

— А это я могу предложить тем, кто курит, — говорит Диль, эффектно щелкая красивой черной зажигалкой с натовской символикой.

Курят у нас многие, но чувство национальной гордости великороссов не позволяет им признаться в этом. Низменный рефлекс побеждает мое достоинство — я соглашаюсь принять жалкую натовскую подачку под презрительными взорами патриотически настроенных сослуживцев: в моей зажигалке вот-вот газ кончится.

Диль уходит очень довольный.

В коридоре меня догоняет офицер из «Аквариума» и просит взглянуть на только что подаренную мне немцем зажигалку. Он внимательно рассматривает ее, взвешивает на ладони, щелкает, прикладывает к уху и возвращает с таким гордым видом, словно обезвредил гранату.

— Между прочим, презентик-то с большим намеком, — подкалывает меня видевший все это полковник Юрий Жданов, — агрессивный блок империализма дает нам прикурить...

Через несколько месяцев группу арбатских офицеров и военных журналистов принимали в штаб-квартире НАТО. Прием был необычайно радушный и щедрый. Натовцы опять упорно твердили о пользе таких встреч и обмена информацией.

На обратном пути в самолете звучали хмельные речи о том, что натовцы в общем-то открытые и хлебосольные люди, что вряд ли стоит с маниакальной подозрительностью относиться к ним — это приведет к самоизоляции России.

Я знал это состояние человеческой души: совместные обильные трапезы с потенциальным «противником» иногда вызывают желание брататься с ним. В такие часы даже древняя международная разведаксиома — «дружба военных — разновидность шпионажа» — кажется сильно прокисшей. За бутылкой водки или виски генералы и полковники противостоящих армий часто запросто решают такие военные проблемы, которые дипломаты не могут расколоть десятилетиями. Причем чем больше выпито бутылок, тем легче это делается.

В тот раз натовцы среди прочих преподнесли российским гостям подарки в виде белых платсмассовых карабинчиков-брелоков со значком блока.

— Между прочим, презентик-то с большим наме-

ком, — съязвил я в разговоре с одним из обладателей этой штуковины, — НАТО дает понять, что Россия будет ходить у него на поводке.

Через некоторое время мне довелось видеть конфиденциальные материалы, в которых содержалось много любопытного о бурной деятельности бюро НАТО по вопросам информации и прессы в Москве. То и дело мелькала уже хорошо знакомая фамилия Дилия. Он кропотливо добывал сведения закрытого характера где только мог...

Один из «источников», бдительно наблюдавший за сверхактивной работой бюро в России, сообщал:

«...Специализируясь на организации и финансировании ознакомительных поездок различных российских делегаций и частных лиц в штаб-квартиру альянса, натовские дипломаты действуют расторопно и энергично. Минувя российский МИД, они напрямую завязывают контакты в Москве, в том числе в Минобороны и Генштабе, а также в регионах. Тем временем департамент общеевропейского сотрудничества МИДа беспомощно разводит руками и констатирует, что все это происходит вне планов Совместного постоянного Совета Россия—НАТО»...

О том, что под крышей бюро по-хозяйски орудовала натовская разведка в России, уже знала, наверное, и генштабовская буфетчица Варя.

Во многих арбатских сейфах лежала ксерокопия материала, в котором было написано:

«...Трудно понять, какое отношение к информационным усилиям НАТО в России может иметь военно-воздушный атташе Посольства Германии, представитель которого как раз и возглавляет московское бюро НАТО...»

Читая эти строки, я вспомнил: у полковника Дилия тоже была авиационная форма...

26 марта 1999 года, на третий день бомбежек Югославии натовскими самолетами, полковнику Манфреду Дилию через военного атташе Германии в России было передано требование немедленно покинуть территорию нашей страны. Оно исходило от российского Минобороны и обосновывалось так: «Бомбежки Югославии — это новый фашизм. Поэтому полковник Диль должен в двадцать четыре часа покинуть Москву».

Уже из Брюсселя Диль огрызнулся:

— Лично я больше не смогу сотрудничать с теми, кто так обо мне отозвался.

* * *

Несмотря на все протесты Москвы против расширения НАТО на Восток, натовское руководство это давнее свое намерение все-таки реализовало. Иного решения от «партнеров» в Генштабе и не ждали. Потому как многое заранее знали и предвидели.

Русская военная разведка — единственный «спецдепартамент» времен демократии, который чудом (в отличие от ФСБ) выдернул голову из-под гильотины беспрерывных и бестолковых реформ. Хотя к концу посткоммунистического «смутного десятилетия» серьезные проблемы уже затронули и ГРУ: были сокращены объемы финансирования наших подразделений за рубежом, а на некоторых направлениях — и штаты.

Многие сотрудники ГРУ с благодарностью вспоминают своего бывшего шефа генерал-полковника Федора Ладыгина, которому приходилось вести тяжелые «бои» за то, чтобы никому не дать порушить отлично налаженную систему военной разведки. Некоторые «радикальные реформаторы» из правительства и МИДа, настаивали на том, что в условиях потепления международного климата надо экономить и на разведке.

Благодаря разведке Генштаб был хорошо осведомлен, что, пока генсек НАТО Хавьер Солана с загадочной улыбкой Джоконды повторял, будто заклинание, что без учета мнения России нельзя решать ни один крупный военно-политический вопрос в Европе, натовские генералы по-хозяйски провели инвентаризацию военной инфраструктуры стран бывшего соцлагеря и оформили стратегические карты, на которых первые эшелоны боевых группировок блока упирались в наши государственные границы.

А что же Россия? Ельцин и Черномырдин время от времени появлялись в телевизоре и излагали мнение: «Наше отношение к расширению блока отрицательное». Им дружно вторили высшие генералы — министр обороны Грачев и начальник Генштаба Колесников.

Эта словесная препираловка длилась много лет подряд. Пока мы втягивались в бесконечные дискуссии с натовцами и договаривались о «правилах игры», они делали свое дело, не обращая внимания на протесты Москвы, — готовили новых кандидатов для вступления в блок.

Мы же упустили стратегическое время для практических контрмер.

В конце концов наступил момент, когда Кремлю и МИДу заявлять в открытую о таких мерах было уже слишком опасно — Россию «посадили на иглу» западных инвестиций и кредитов. И любой намек на силовое парирование угроз, исходящих от НАТО, мог обернуться для Москвы перекрытием «финансового кислорода».

Россия оказалась в ловушке.

ТАК НАЧИНАЛОСЬ

Когда Михаил Горбачев повел дело к выводу наших войск из Европы, в советском Генштабе стали прогнозировать возможные военно-стратегические последствия этого процесса для СССР. Аналитических документов было много, а вывод один — спешный уход равен отступлению с отлично укрепленных редутов.

В то время на Арбате служило еще много генералов-фронтовиков, которые очень болезненно воспринимали это ретирование. И их можно было понять: слишком дорогая цена была заплачена за те позиции, которые теперь предстояло сдать без боя. Старики с таким положением не хотели мириться. С их подачи еще в конце 80-х годов в аналитических документах Центра военно-стратегических исследований Генштаба появились выводы о необходимости хотя бы на так называемый переходный период оставить вместо наших зарубежных групп войск, дислоцировавшихся в Германии, Польше, Венгрии и Чехословакии, военные базы по типу американских в Германии, Италии, Японии, Южной Корее.

Такие предложения Генштаба несколько раз направлялись в Кремль и МИД. Но оттуда поступали на Арбат ответы, в которых прямо и между строк говорилось, что некоторые военные руководители «неадекватно оценивают бурные политические процессы в обновляющейся Европе» и что весьма проблематично будет договориться с западными государствами по поводу наших баз за границей.

Трудно было понять эту логику: почему американцы сумели договориться, а мы не сумеем? К тому же сроки, которые Кремль планировал для вывода наших групп войск из-за рубежа, были очень жесткие. Уже тогда в Генштабе пришли к заключению, что при таком положении темпы вывода будут многократно превышать темпы строительства жилья для бесквартирных офицеров, а также казарм и

объектов, необходимых для уходящих домой частей. Так оно и вышло. Много вопросов у ГШ возникало и в связи с финансированием вывода, порядком оплаты нашего недвижимого имущества за кордоном. Но Кремль продолжал давить на Минобороны и Генштаб, требуя безоговорочной реализации «исторических решений». Это вызывало у людей раздражение, доходящее нередко до злобы.

В Кремле хорошо знали об этих умонастроениях высшего генералитета. По роду службы мне не однажды приходилось бывать на Старой площади, где можно было слышать разговоры, что многие минобороновские и генштабовские военачальники «не могут отказаться от стереотипов старого мышления в силу сложившегося менталитета». Точно такие же слова Горбачев сказал начальнику Генштаба генералу армии Владимиру Лобову, напутствуя его перед назначением на должность. Призывы Генсека к «новому мышлению» повторяли быстро перестроившиеся соратники по Политбюро.

А поскольку ворчание генералов было слишком опасным для их военной карьеры и могло восприниматься в Кремле как несогласие с линией партии и лично Генсека, то наше высшее военное руководство хотя и скрипело зубами, но смиренно подчинялось воле Верховного Главнокомандующего.

Суть разногласий между Кремлем и Арбатом выражалась просто: генералы предлагали вместо радикального подхода к выводу наших войск из Европы использовать эволюционный, понуждая НАТО на адекватные шаги. Но это толковое предложение было проигнорировано.

* * *

Как только Горбачев сделал свои сенсационные заявления о выводе советских войск из-за границы и первые наши части, уходящие домой, стали зачехлять боевые знамена, начался откровенный раздрай в Организации Варшавского Договора (ОВД). На совещания в Главный штаб на Ленинградском проспекте, 41 стали приезжать вторые, а часто и третьи лица, представлявшие военное руководство союзников. Сворачивались планы совместных учений, труднее стало договариваться о координации военной деятельности.

К тому же в Москву от нашей зарубежной агентуры валом повалила информация о том, что союзники активно

«продают» на Запад не только поставленную им советскую боевую технику, но и секретную информацию. По этой части особенно усердствовали поляки — одного из них наши разведчики выявили и стали подбрасывать ему под видом конфиденциальных документов классно изготовленную «липу». Сейчас он национальный герой Польши, хотя за бумаги, переправленные им в ЦРУ, в пункте приема макулатуры дали бы лишь кусок хозяйственного мыла.

Я уже говорил, что еще до роспуска ОВД в советском Генштабе многие считали, что и наш давний вероятный противник в лице НАТО должен пойти на адекватные меры. Это мнение высшего военного руководства было известно Горбачеву, и во время визитов в ФРГ и США он высказывался на сей счет. Было совершенно очевидно, что если после роспуска Организации Варшавского Договора и вывода советских частей из-за границы НАТО не сделает аналогичные шаги, то о военной паритетности или снижении уровня противостояния в Европе нечего и говорить.

Однажды маршал Дмитрий Язов напрямую поставил этот вопрос перед М.Горбачевым и Э.Шеварднадзе. И получил в ответ уверения в том, что руководители ведущих стран НАТО дали твердое обещание, что учтут «справедливую озабоченность Москвы и даже на миллиметр не продвинутся на Восток». Более того, в ходе переговоров Горбачева с германским и французским руководителями в протоколах были зафиксированы их уверения в том, что никаких шагов по расширению альянса за счет бывших соцстран они делать не будут.

Ум часто невозможно отличить от хитрости, а наивность — от глупости.

Когда российские дипломаты в 1996 году подняли из архивов эти документы и показали их немцам и американцам, те скромно опустили очи долу и заявили, что «переговорные протоколы не имеют статуса обязательных для выполнения документов». Это не договорные обязательства, и не наша, мол, вина, что вы до такого не докумекали...

МАНЕВРЫ

Как только рухнул соцлагерь и прекратила существование Организация Варшавского Договора, натовские стратеги сразу же начали извлекать из этого максимальную вы-

году. Первую скрипку здесь, естественно, играли американцы. Их эмиссары наводнили польские, венгерские, прибалтийские, румынские штабы. По каналам нашей разведки пошла информация, что Пентагон намерен принять активное участие в разработке военных доктрин этих государств, концепций реформирования их вооруженных сил и военно-техническом перевооружении армий и флотов.

В былые времена, когда Кремль получал сведения о заигрывании некоторых соцстран с Западом, моментально включался мощный механизм нашего противодействия на уровне высшего государственного и партийного руководства: начинались активные дипломатические маневры, Москва намекала соцпартнерам на экономические санкции, грозила сворачиванием военной помощи и иными «карательными» мерами, и все становилось на свои места. Но после августовских событий 1991 года (и особенно — после падения СССР) такие приемы уже не действовали.

Пока новая власть в Кремле, на Старой и Смоленской площадях пребывала в сладкой эйфории победы демократии и азартно делила кресла, пока шла перетасовка дипломатических кадров (некоторых послов и военных атташе отзывали как ставленников старой партийной и военной верхушки, а на их место назначали «своих» людей, что нанесло огромный урон нашей международной политике), натовцы не теряли время зря и, пользуясь моментом, повели массированные операции на отсечение от России не только бывших соцстран, но и республик бывшего СССР.

В конце 1992 года Москва получила конфиденциальную информацию о новых стратегических планах НАТО и о том, какое место в этих планах отводится России. Направление главных усилий альянса было нацелено на то, чтобы не допускать укрепления союза Москвы с республиками бывшего СССР. В решении этой задачи натовцы добились к тому времени уже немалых успехов: они все больше влияли на интеграционные взгляды руководителей государств и военных ведомств стран Содружества, некоторые стали откровенно отворачиваться от России.

Но, пожалуй, самый крупный успех натовской дипломатии и агентуры был достигнут на «украинском фронте»,

где Киев не только отверг предложение России вступить в СНГ, но и открыто дал понять Кремлю, что не приемлет его идею о коллективной безопасности. Двойную игру с Россией и ведущими странами НАТО вели и некоторые другие республики бывшего СССР, в том числе и те, которые подписали с Москвой оборонительный договор в Ташкенте. В Генштаб систематически поступала информация об этом.

Обеспокоенный таким положением дел, маршал Шапошников 2 декабря 1992 года направил главам государств, правительств, парламентов, министрам иностранных дел и обороны конфиденциальную записку с анализом состояния военно-политического сотрудничества в рамках Содружества. Предостерегая наших союзников по СНГ от иллюзий насчет их возможного вступления в Североатлантический альянс (такие настроения стали распространяться), маршал неизвестно на каком основании утверждал: «...Имеются данные о том, что НАТО не намерено пополнять членство своего блока за счет государств Восточной Европы и СНГ...»

А вскоре из Вашингтона по нашим разведканалам просочились сведения, что там разрабатывается программа, в соответствии с которой будут строиться отношения не только с республиками Содружества, но и по линии НАТО — Россия. Тогда же стало известно, по какой схеме и даже в какой очередности блок намерен «работать с кандидатами».

Какими-то неведомыми способами Москва выудила из Пентагона информацию о том, что американский президент пришел в восторг после знакомства с подготовленным в военном и внешнеполитическом ведомствах документом, который позже стал называться программой «Партнерство во имя мира». Американские политики и дипломаты, наведывавшиеся в Москву, с гордостью приписывали его авторство Б.Клинтону.

Через некоторое время в Москву поступила и копия доклада президента США «Стратегия национальной безопасности», в котором были такие слова:

«...Наша военная мощь не имеет себе равных в мире... Мы можем и должны своим участием оказывать влияние на мировые процессы... Мы являемся величайшей мировой державой, у которой есть глобальные интересы и на которой лежит глобальная ответственность... Американское лидерство в мире сейчас

важно как никогда. Если мы утвердим его за рубежом, мы сможем сделать Америку безопасной и процветающей...

Применение силы с нашей стороны будет решительным и, если это необходимо, — односторонним...»

Было ясно, что Программа — один из способов утверждения такого лидерства.

Когда государственный секретарь США Кристофер прибыл в Кремль и в общих чертах ознакомил с Программой Бориса Ельцина, наш президент тоже пришел в восторг и воскликнул: «Гениально!» (об этом мне во время моей поездки в США рассказывал корреспондент «Вашингтон пост», единственный журналист, сопровождавший Кристофера).

Документ представлял собой большой набор общих слов о необходимости учитывать новые политические реалии в мире, добиваться укрепления стабильности и сотрудничества. В Программе наряду с этим содержались некие условия для тех стран, которые захотят войти в нее: унификация вооружений, обеспечение прозрачности военного бюджета (то есть детальный показ расходов денег на оборону), обмен сведениями о состоянии и перспективах военного строительства, развития военно-промышленного комплекса, проведение совместных учений, установление гражданского контроля над армией, обмен офицерами связи и т. д.

Когда аналитики Генерального штаба ознакомились с этим документом, они пришли к выводу, что Программа может лишить Россию возможности самостоятельно вести военное строительство. Более того, НАТО получало допуск к важнейшим рычагам контроля над нашей обороной вообще и над военно-промышленным комплексом в частности.

Программа превращала Россию в рядового члена НАТО, который обязан был действовать по общепринятым в альянсе правилам и подчиняться решениям его руководства, где доминировали американские взгляды.

То были унижительные условия, и, естественно, у нас в МО и Генштабе категорически отвергали их. Но весь идиотизм нашего положения заключался в том, что какая-то непонятная «политическая целесообразность», проповедуемая высшей властью, постоянно брала верх над военно-стратегическими расчетами генштабистов.

Аналитики Генштаба еще готовили документ для Кремля, в котором на основе огромного массива конкретных

расчетов высказывалось негативное отношение к Программе, а некоторые депутаты Федерального собрания РФ уже расточали ей комплименты и убеждали соотечественников, что Россия должна принять этот документ. Большую активность при этом проявлял тогдашний председатель Комитета Государственной думы по обороне Сергей Юшенков, которого у нас на Арбате многие то ли в шутку, то ли всерьез стали называть «агентом влияния».

Меня поражала та легкость, с которой этот человек с умным видом выстраивал свои аргументы в пользу вступления России в Программу. Хотя в это же время несколько десятков высококлассных специалистов Главного оперативного управления и Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба, обладавших колоссальным объемом стратегической (в том числе и разведывательной) информации, еще только-только подобрались к первым экспертным выводам.

Когда я сейчас бываю в Госдуме и вижу там Юшенкова, меня так и подмывает подойти к этому человеку и спросить, как он по прошествии шести лет оценивает свою пропагандистскую кампанию в пользу вступления России в Программу.

Ныне некоторые даже самые верные соратники Юшенкова «выражают возмущение» тем наглым напором, с которым НАТО прет на Восток. Строго по Программе...

Российские флюгеры — самый опасный тип демократических горлопанов, которые долгое время занимались идеологическим обеспечением заманивания России в натовскую военно-политическую ловушку. Чем яростнее они пропагандируют среди соотечественников взгляды, выгодные НАТО, тем чаще их приглашают с визитами за рубеж, тем крупнее размеры гонораров за выступления.

Принципы таких людей можно покупать, как макароны, перелицовывать, как старые одежды, или выращивать, как кроликов.

А возможность легко заработать сотню-другую долларов на пропаганде в России нужных НАТО установок превращалась в специфический вид бизнеса. Когда я был в США, американцы показывали мне записанное на телепленку выступление известного российского «штрейкбрехера» перед членами одной из комиссий Конгресса. Мне показалось, что текст его речи был написан под диктовку директора ЦРУ.

ПОЗИЦИЯ

Уже в первых документах Генштаба, содержащих анализ Программы, был сделан вывод о том, что «Партнерство во имя мира» — это форма подготовки расширения блока за счет бывших соцстран, причем на максимально выгодных для него условиях.

Уже первые расчеты аналитиков ГШ показали, что непосредственный выход НАТО к нашим западным границам поставит Россию в крайне трудное положение. Наши военные группировки бывшего второго эшелона (Московский, Северо-Кавказский военные округа) после ликвидации ОВД и вывода войск из-за границы превращались в разрыхленный первый эшелон. К тому же на северо-западном ракетоопасном направлении мы лишались станции предупреждения о ракетном нападении в Прибалтике (Скрунде). А еще раньше мы потеряли аналогичную станцию на западе Украины (Мукачево).

Уже тогда у генштабовских экспертов не было никаких сомнений относительно того, что вступление Польши в НАТО — это всего лишь вопрос времени. Сие значило, что подлетное время натовских самолетов к нашим важнейшим индустриальным и военно-промышленным центрам значительно уменьшается и одновременно увеличивается глубина проникновения авиации блока на нашу территорию (с польских аэродромов самолеты НАТО смогут проникать в Россию на глубину от 650 до 750 километров).

Еще более мрачными были наши расчеты по натовскому тактическому ядерному оружию, по составу сухопутных и военно-воздушных группировок, нависавших над нашими северным и южным флангами.

Далеко не в нашу пользу складывалось соотношение сил и на море: с выводом наших войск из Прибалтики Балтийский флот оказался фактически разорванным надвое (Балтийская и Кронштадтская базы), а Черноморский все еще оставался в стадии скандальной дележки с Украиной, и как о полноценной стратегической группировке о нем уже нельзя было говорить.

Было ясно, что Программа «Партнерства» при нашем безоговорочном вступлении в нее очень похожа на мягкую форму капитуляции России после поражения в «холодной войне».

А в это время министр иностранных дел РФ Андрей Козырев расточал комплименты Программе и рисовал радужные перспективы участия России в ней. Руководство Минобороны и Генштаба продолжительное время отказывалось комментировать для прессы Программу.

В то время многие десятки иностранных журналистов, аккредитованных в Москве, допекали нашу пресс-службу просьбами взять интервью у министра обороны Павла Грачева и начальника Генштаба Михаила Колесникова. Но они отказывались, вероятно, выжидая, что скажет Президент — Верховный Главнокомандующий и по поводу Программы, и в связи с расширением НАТО на Восток.

Наконец Ельцин высказался в том плане, что не все нас устраивает в натовской Программе и надо ее совершенствовать. Грачев следом заявил, что Программу надо внимательно проанализировать, так как «не все положения одинаково трактуются сторонами».

Вскоре Борис Ельцин отправился с визитом в Польшу и там сделал свое громкое заявление о том, что эта страна вольна сама решать, как ей быть со вступлением в НАТО. Восторгам поляков не было конца. Польская пресса захлебывалась от комплиментов в адрес «гробовщика коммунизма» и цветоча российской демократии.

Помню, Ельцин еще находился в Варшаве, а Грачев проводил пресс-конференцию в Москве. Польский журналист спросил министра обороны о том, как он относится к возможному вступлению Польши в НАТО. Грачев ответил почти ельцинскими словами: времена диктата «старшего соцбрата» прошли, и Россия как демократическая страна не вправе никому диктовать условия обеспечения национальной безопасности. Короче, вступление Польши в НАТО — дело самой Польши.

А уже в день возвращения Ельцина из Варшавы многие минобороновские и генштабовские генералы и офицеры были шокированы новым заявлением своего президента: он высказал резко негативное отношение к вступлению Польши в НАТО. Это было заявление, которое в корне противоречило варшавскому...

Поляки подняли вселенский хай. И, думается, справедливо. Шараханье из стороны в сторону, непоследовательность в подходах Москвы к этой проблеме, отсутствие четкого плана стратегии и тактики наших действий. — вот что изначально порождало невнятную позицию Кремля и

МИДа. Все это часто ставило в совершенно дурацкое положение наше военное руководство.

Российские верхи в своей международной стратегии часто руководствовались соображениями политической конъюнктуры. И Ельцин, и Козырев из кожи вон лезли, чтобы заручиться поддержкой Запада в условиях непрерывно наседающей на них внутренней оппозиции. Таким образом, внешняя поддержка экономических реформ была важным фактором внутреннего политического спасения власти. Естественно, в таких условиях Кремль и МИД становились все более зависимыми от Запада, что находило отражение и в их лояльном (а порой беспринципном) отношении к невыгодным для России инициативам НАТО.

В то же время позиция российского Генштаба по этой проблеме была совершенно иной: во главу угла ставились не конъюнктурные политические соображения, а честные стратегические расчеты, основанные на огромном массиве военной информации (особенно — разведывательной). Но нередко приходилось замечать: если военно-стратегические соображения МО и ГШ не вписывались в политическую конъюнктуру Кремля и МИДа, там их игнорировали.

Я часто бывал в тот период в Центре военно-стратегических исследований Генштаба, где у меня немало друзей. Они рассказывали мне о содержании исследований по проблеме Россия—НАТО, показывали документы, в которых выстраивались основательно аргументированные прогнозы и предлагались конкретные варианты линии поведения Москвы в условиях трансформации Североатлантического альянса. Были там и многие экспертные оценки, касающиеся политических, экономических и, разумеется, военных угроз, которые несло в себе расширение НАТО на Восток.

Заместитель начальника ЦВСИ ГШ генерал Валерий Чирвин с возмущением рассказывал мне, что почти вся эта колоссальная работа военных ученых остается невостребованной ни Кремлем, ни МИДом.

В то время у генштабовских аналитиков особо острую неприязнь вызывала позиция руководства Министерства иностранных дел во главе с Андреем Козыревым. А то, что он расточал комплименты натовской Программе и изо всех сил подталкивал Ельцина к прорыву на этом важнейшем участке нашей международной политики, нередко вызывало у некоторых генштабовских офицеров уже не только неприязнь, но и откровенную злобу.

Хотя надо сказать, что были (да и сейчас есть) у нас на Арбате люди, которые считали высшим классом своей работы угодливое подстраивание военно-стратегических расчетов и планов под политические намерения Кремля и МИДа. Бывали случаи, когда в угоду конъюнктуре они спешно перелопачивали документы, выводы в которых менялись на противоположные. Такие хамелеоны уверенно держались на плаву и хорошо росли по службе. Однако я не знал ни одного такого полковника или генерала, которого уважали бы подчиненные и сослуживцы.

РЫЦАРИ И НЕГОДЯИ

Однажды в Генштабе появился конфиденциальный документ, который произвел среди специалистов, курирующих проблему НАТО, фурор. То был доклад Службы внешней разведки России, посвященный отношениям Москвы с Североатлантическим альянсом и возможным последствиям расширения НАТО (в то время директором СВР был Евгений Примаков).

Документ этот быстро стал в Генштабе бестселлером, и офицеры даже установили очередность знакомства с ним. Я был поражен предельно смелыми, лишенными всякой политической конъюнктурщины выводами наших разведчиков. Было такое ощущение, что мне дали выпить родниковой воды.

Но самым интригующим, пожалуй, было то, что доклад СВР по многим позициям принципиально расходился с «ватными» и невнятными позициями МИДа. В нем четко и жестко формулировались стратегические интересы России, от которых мы ни при каком развитии событий не должны отступать. В то же время в документе не было тупой ортодоксальной прямолинейности, лишаящей нас маневра и многовариантности действий.

Доклад СВР по большинству позиций совпадал с выводами и предложениями Генерального штаба. Этот документ хотя и имел гриф конфиденциальности, но уже вскоре спокойно гулял по Москве, что значительно активизировало дискуссию об отношении России к натовской Программе. Тем более что стал активно муссироваться тезис: присоединение РФ к натовской Программе может разрушить Договор о коллективной безопасности стран СНГ.

Решил определить свою позицию и парламент. Были назначены закрытые слушания (мне довелось присутствовать на них в качестве наблюдателя).

Конфиденциальный стенографический отчет о ходе слушаний дает хорошее представление и о позиции сотрудников различных ведомств, и о той тонкой игре, которую они вели, отстаивая интересы своих департаментов. К тому времени стало совершенно очевидно, что уже и внутри нашего военного ведомства (между Минобороны и Генштабом) нет единства во взглядах на эту проблему. Если Генштаб в своих конфиденциальных аналитических работах высказывал однозначно негативное отношение к поспешному присоединению к Программе, то руководство МО чутко следовало в фарватере Кремля и МИДа. Об этом свидетельствовала, в частности, и позиция представителя Минобороны, приглашенного на слушания в Госдуму.

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

**Из документов закрытых слушаний в Госдуме РФ
Программа “Партнерство во имя мира” и будущее
СНГ**

Стенограмма

Ю.В.Ушаков, директор департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ:

— Главный вывод: участие в “Партнерстве” — не помеха укреплению взаимодействия в рамках СНГ, в том числе по вопросам коллективной безопасности. Нарастивание координации (а мы полностью за это) будет способствовать укреплению исходных позиций стран Содружества и развитию диалога с НАТО.

П.С.Золотарев, генерал-майор, Управление военной политики Министерства обороны РФ:

— Мы считаем целесообразным присоединение России к Программе “Партнерства” и рассматриваем это сотрудничество как промежуточный этап на пути формирования новой системы безопасности и стабильности на континенте. Наша самоизоляция от “Партнерства” лишь усложнит геополитическое и геостратегическое положение России.

Л.Г.Ивашов, генерал-лейтенант, секретарь Совета министров обороны СНГ:

— Я бы здесь возразил тому оптимизму, с которым господин Ушаков охарактеризовал результаты межмидовских консультаций. Ведь большинство участников консультаций высказались с неопределенной пока еще позиции. И поэтому говорить, что все поддерживают, наверное, будет не совсем точно... Что касается

других негативных последствий присоединения России и государств СНГ к натовской программе по формуле “16+1”, то нам они видятся в следующем:

- в ослаблении, если не разрыве, интеграционных связей в военной сфере СНГ;

- в возможном появлении в тылу России союзников или военных объектов НАТО;

- в вероятности оказания давления на Россию и другие страны СНГ в случае их попыток проведения самостоятельной военной политики;

- в возможном подрыве позиций ООН, СБСЕ, САС и подмене их функциями НАТО;

- и, наконец, в усилении в этом случае влияния США в Европе... Наша позиция такова: Россия не должна спешить с присоединением к Программе “Партнерство во имя мира”.

А.И.Тымко, генерал-лейтенант, первый заместитель главнокомандующего Пограничными войсками РФ, начальник Главного штаба Пограничных войск:

- Присоединение к программе “Партнерство во имя мира” стран ближнего зарубежья может привести к разрушению Договора о коллективной безопасности государств — членов СНГ. Это самым негативным образом отразится на решении проблем защиты жизненно важных интересов России.

Обеспечение безопасности государств СНГ видится прежде всего в рамках Договора о коллективной безопасности как основы будущей системы безопасности в Европейско-Азиатском регионе.

Г.Г.Янпольский, заместитель председателя Госкомоборонпрома РФ:

- Нас беспокоят... положения по дальнейшей транспарентности национального военного планирования и бюджетных процессов, по раскрытию долгосрочных военных планов: направления развития Вооруженных сил, НИОКР и других аспектов планирования... Сегодня, когда не приостановлен процесс деградации военно-промышленного комплекса России и существуют многочисленные неопределенности в его развитии, мы считаем, что не должны ограничивать свои возможности самостоятельно маневрирования, так как в течение последних трех лет из-за сокращения госзаказа военное производство упало почти в пять раз. Мы отчетливо понимаем, что такая ситуация недопустима. Она игнорирует потребности обороны и экономической безопасности страны...

Присоединение России к Программе “Партнерства” на условиях “16+1” при соблюдении выдвинутых требований к ее участникам не только означало бы игнорирование ядерного статуса России, ее права самостоятельно решать вопросы обо-

роны, но и существенно осложнило бы и без того трудную задачу поддержания в этих целях необходимого оборонно-промышленного потенциала...

Генерал П. Золотарев:

— Присоединение или неприсоединение к Программе — это прежде всего политическое решение, и оно не вырабатывается в Министерстве обороны. В Министерстве обороны под это политическое решение нарабатывается конкретное наполнение... Есть намерение идти по этому пути, и мы имеем такую ориентацию. Практические наработки в этом плане в Министерстве осуществляются...»

Слушая Золотарева, я думал о том, что после предателей самый опасный тип генералов — приспособленцы, угодливо работающие под некое «политическое решение» даже тогда, когда оно противоречит интересам России...

ПУТАНИЦА

Вопрос об участии (или неучастии) России в Программе запутывался. Чем больше было разных точек зрения, тем труднее было Кремлю определиться. Руководство НАТО торопило Ельцина. Вскоре в Минобороны поступило из Кремля поручение президента. В нем Верховный Главнокомандующий предписывал военному ведомству и Службе внешней разведки «проработать параметры практического участия и реализации Программы “Партнерство во имя мира”...»

Пока МО, ГШ и СВР прорабатывали параметры, в весьма тревожное русло входила ситуация в Югославии. Однажды наступил момент, когда Москва получила серьезный повод по-новому взглянуть на своих будущих партнеров.

После того как натовские самолеты в 1994 году первый раз провели бомбардировки сербских позиций, многие наши военные и даже мидовские чиновники, до этого выступавшие горячими сторонниками присоединения к Программе, заколебались. Некоторые даже стали ставить вопрос о невозможности вступления России в Программу.

И Ельцин не скрывал своего недовольства карательными мерами натовцев против сербов. Клинтон в телефонном разговоре с российским президентом попытался убедить его, что бомбардировки были «единственно верными

радикальными мерами», направленными на погашение конфликта. И что Москве не следует делать резких шагов, отходя от Программы.

И уже вскоре на одном из секретных документов, поступивших из ГШ, Ельцин собственноручно начертил: «Наверное, не стоит пока прямо увязывать события в Боснии и Герцеговине с присоединением к Программе НАТО, тем более что мы не форсируем этот процесс...»

Такая постановка вопроса выглядела дипломатичным компромиссом. Но, учуяв еще одну слабинку Москвы, натовцы принялись еще безоглядней орудовать в Югославии. И тогда Москва решила хотя бы присутствием своих войск на Балканах дать понять НАТО, что Россию слишком рано списывать со счетов.

Всему этому была придана форма «совместной миротворческой операции».

СТОЙ ТАМ — ИДИ СЮДА

В 1995 году при штаб-квартире НАТО в Монсе (Бельгия) начала работать группа российских офицеров, которая занималась организацией деятельности российских миротворческих сил в Боснии. То был явный знак перевода российско-натовских отношений в практическую плоскость, хотя в России дискуссия о проблеме расширения НАТО продолжалась и еще многое было неясно. Парламент потребовал от Генштаба разъяснения его позиции.

7 мая 1995 года на закрытые слушания по этому вопросу в Государственную думу был приглашен начальник Генерального штаба Михаил Колесников...

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

Из выступления начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковника Михаила Колесникова

7.05.95.

Стенограмма

— Если... будет... у них решен вопрос о ходе расширения НАТО за счет стран Восточной Европы, даже с учетом того, что, допустим, ну наши ближние соседи — Украина, Белоруссия — пока не войдут, то баланс резко нарушится в пользу стран НАТО. Тем более что мы уже провели большие сокращения по Договору об ограничении обычных вооружений в Европе...»

У «них» вопрос уже был решен.

Украина первой присоединилась к Программе НАТО «Партнерство во имя мира». Чуть позже свою подпись от имени России под этим документом поставил министр иностранных дел Андрей Козырев. Правда, в своей речи на церемонии подписания документа в Брюсселе он неожиданно заявил, что в Программе мы будем участвовать на основе индивидуального партнерства «Россия—НАТО» и что членство РФ в Североатлантическом союзе будет поставлено под вопрос, если альянс двинется на Восток за счет присоединения стран бывшего Варшавского Договора.

Генералы НАТО смотрели при этом на Козырева с видом опытных людей, иногда разрешающих детям почувствовать себя самостоятельными.

Уже никакие патетические заклинания Козырева о «великой державе», о необходимости наделить ее особым статусом в НАТО не могли повлиять на положение дел. Натовские генералы открыто стали говорить, что Москва должна сразу же забыть и думать о каком-то «праве вето» на расширение НАТО или на другие решения альянса.

На следующий день в российском Генштабе происходили весьма странные разговоры между генералами и офицерами — никто толком не мог сказать, на каких именно «дополнительных условиях», о которых говорил Козырев, Россия вступила в Программу и вступила ли она туда вообще? Главный мозговой трест армии в очередной раз был в неведении относительно маневров МИДа.

Я обратился с просьбой к офицерам Управления военного строительства и реформ, которые участвовали в подготовке минобороновских документов для вояжа Козырева в Брюссель, с просьбой дать внятные разъяснения. Они напускали на себя многозначительный вид и мямлили что-то туманное: «Понимаешь, старик, не все так просто. Подписи Козырева еще не все значат. Да и МИД нам всего не говорит...»

В очередной раз проявилась старая болезнь нашей внешней военной политики: стратегические решения по глобальным оборонным вопросам принимались в келейном кремлевско-мидовском кругу. У меня все чаще складывалось впечатление, что внешняя военная политика России была приватизирована МИДом, а Кремль лишь утверждал мидовские предложения, слабо вникая в их суть.

А ведь еще очень многое было неясно.

Еще не дали своего согласия на вступление в «Партнерство» соответствующие комитеты Государственной думы. Еще не пришли к окончательному и согласованному выводу Министерство обороны и Генеральный штаб. Еще не изложили по этому поводу свою точку зрения Совет безопасности, Служба внешней разведки и многие другие компетентные инстанции.

А Козырев уже побывал в штаб-квартире НАТО и все утряс.

Но на этом легендарный русский бардак не кончался. Таинственную фразу о каких-то непонятных России и ее армии «условиях» вступления в Программу НАТО все чаще стали повторять не только Козырев, но и министр обороны, и начальник Генштаба. Я понимал, им надо было продемонстрировать лояльность. Этого требовали правила игры. Они, как сказал на закрытых парламентских слушаниях генерал Павел Золотарев, «имели ориентацию».

Весть о том, что Козырев в Брюсселе сумел заставить натовских генералов принять «дополнительные условия» Москвы по участию в Программе, вселяла в души генштабистов смутный оптимизм: значит, мы «не сдаемся с потрохами», а встречаем в это дело с чувством собственного достоинства. К тому же представителям Генштаба на Смоленской площади втолковали, что фраза Козырева о том, что Россия вступает в Программу НАТО «на определенных условиях» означала не что иное, как предоставление Москве права вето при голосовании. Это было очень похоже на победу...

А 19 марта 1994 года Генштаб услышал вот это сенсационное сообщение.

Агентство «Интерфакс»:

«...Премьер-министр РФ Виктор Черномырдин после встречи в пятницу в Москве с министром обороны США Уильямом Перри заявил, что Россия сознательно присоединяется к программе НАТО «Партнерство во имя мира», не выдвигая НИКАКИХ УСЛОВИЙ...» (выделено мной. — В.Б.).

Вот тебе, Виктор Степанович, и Юрьев день!

Глава правительства говорил одно, глава МИДа — другое.

Через полтора года, в конце сентября 1995-го, Черномырдин в весьма резкой форме выскажется против продвижения НАТО на Восток. О вступлении России в этот блок уже не было и речи.

Мы пожинали червивые плоды собственной беспринципности.

В нашей возне с НАТО в 1993—1994 годах меня больше всего поражало то, что и Ельцин нередко не имел самостоятельной и четкой позиции по этой проблеме. Просматривая некоторые мидовские бумаги по вопросам внешней военной политики, я раз за разом убеждался, что наш президент где лучше, а где хуже выступал в роли мидовского ретранслятора. Механизм выработки внешнеполитических стратегических решений в военной области был не только несовершенен и узок, но и чрезмерно субъективен.

Очень часто судьба глобальных военных вопросов отдавалась на откуп личной воле Ельцина. Так приходило понимание того, что сосредоточение в руках Президента — Верховного Главнокомандующего почти всех рычагов управления внутренней и внешней военной политикой имеет много минусов. Даже очень здоровый и очень умный президент был физически не в силах переваривать гигантские объемы стратегической информации и самостоятельно принимать единственно правильное решение.

А если учитывать, что Ельцин то и дело болел, что на его плечи взваливались сотни и тысячи других неотложных вопросов, то можно представить, как легко он мог ошибаться. Думаю, не случайно Ельцин все чаще международные вопросы стал «перегружать» на своего помощника Дмитрия Рюрикова, что создавало еще одну бюрократическую инстанцию между Ельциным и МИДом.

А в Генштабе многие уже давно испытывали недоверие и к Козыреву, и к Рюрикову и часто открыто говорили о том, что сомневаются в их способности проводить жесткую российскую политику. Козырев дал не один повод уличить его в мягкотелости и уступчивости Западу. О Рюрикове поговаривали, что его дочь замужем за одним американским деятелем (называлась фамилия Саймса).

Эта информация вызывала уже не только пикантные пересуды, но и легко объяснимые подозрения.

* * *

В Генеральном штабе внимательно отслеживали все точки зрения ведущих российских политиков, политологов, экспертов, аналитиков по проблеме Россия—НАТО. Часто голова шла кругом от мешанины в мыслях и выводах

таких «экспертов», причем занимающих довольно видное положение. Например, в одной и той же заметке «Интерфакса» (23.4.94) сообщалось, что, по мнению президента Центра проблем национальной безопасности и международных отношений Сергея Рогова, «России следует присоединиться к Программе НАТО «Партнерство во имя мира».

А чуть ниже тот же Рогов утверждал:

«Присоединение к Программе «Партнерства» может окончательно подорвать и без того хилый Договор о коллективной безопасности СНГ».

Еще через восемь месяцев Рогов окончательно «прозревает»: «Военные расходы России составляют на сегодня 5% от военных затрат США и 3—4% от расходов НАТО. В результате выполнения Договора о сокращении обычных вооружений в Европе военный потенциал Североатлантического альянса превысил российский втрое. В случае вступления в НАТО стран Восточной Европы российский военный потенциал будет превышен вчетверо...»

Вот и разберись теперь в позициях такого эксперта.

В России много умных людей, но, когда дело доходит до принятия конкретных решений, часто почему-то принимается наихудшее из них.

ЧЕБАН

...Я рассматриваю одну из секретных генштабовских карт. На ней условными знаками изображены военные базы и объекты НАТО, расположенные вблизи России и других стран бывшего СССР. В осеннюю сырую пору точно так же облеплен опятами большой пень. Всего по миру разбросано почти 5000 натовских баз, объектов, центров. Россия может противопоставить им десяток своих баз в ближнем зарубежье и пяток в дальнем.

Полуторамиллионной (1996 г.) Российской армии противостояла натовская армада, которая была в четыре-пять раз сильнее. И при этом американцы интенсивно подталкивали нас к кардинальному сокращению стратегических ядерных вооружений, вынуждая постоянно делать уступки и пугая урезанием финансовой помощи нашим экономическим реформам.

Это называется «справедливое партнерство»...

— Бьюсь об заклад, после расширения НАТО его баз вокруг России наверняка станет еще больше, — говорил

мне полковник Валерий Чебан, — и первыми они появятся в Польше или Прибалтике.

Он служит в Центре военно-стратегических исследований Генштаба и ведет российско-натовскую проблематику. У него светлая голова, которая по праву заслужила называться «докторской». Чебан часто пишет аналитические документы, которые нередко вызывают у некоторых наших руководителей испуг и недовольство. И полковник слышит советы:

— Мягче надо, мягче!

Он ничего не смягчает. Мне нравится читать его честные аналитические материалы:

«...К границам России приближаются не совместные промышленные предприятия или иные объекты созидания, а инструменты войны, разрушения в виде группировок, вооружений и всего того, что используется в современной войне. Анализ собственно военной стороны дела позволяет уже сегодня высветить отнюдь не радужные перспективы для России, которая, как известно, чаще всего подвергалась нападению извне именно в “смутное” для нее время...»

С некоторых пор я стал замечать, что Чебан для некоторых своих сослуживцев стал чем-то вроде интеллектуального раздражителя. Кто бы и по какому бы вопросу ни зашел в его кабинет, почти всегда это посещение заканчивается дискуссией. Я не исключение.

— Слушай, доктор, — говорю я Чебану, — ты мне можешь по-простому объяснить, почему эти супостаты хотят подобраться аж к Смоленску?

— Ты же знаешь, что раньше их единство основывалось на страхе перед коммунистической агрессией, — отвечал мне «доктор». — А сегодня это консолидирующее начало исчезло и закономерно возник вопрос: против какого врага надобно теперь направлять усилия? Исчезла главнейшая функция, которая определяла судьбу организации, — противостоять ОВД. Это и вынудило НАТО лихорадочно искать себе новые виды деятельности, дабы оправдать свое существование.

— Но ведь эти «виды деятельности» можно было легко найти и без расширения на Восток. Неужели НАТО не могло заниматься тем же миротворчеством в прежнем составе?

— Это противоречило бы американской доктрине о

глобальном господстве. Ты посмотри только, как они себя в Югославии ведут, эти «миротворцы»... Уже и за Караджичем охоту устроили. Хотят вытащить его на международный трибунал в Гаагу... Уже и лейбл ему соответствующий прицепили — «преступник перед человечностью».

— Кстати, — говорю я Чебану, — во время чеченской войны кто-то предлагал судить в Гааге Ельцина с Грачевым по той же статье. Только не помню, чтобы натовцы за ними по Москве гонялись.

Полковник хитро улыбается и ничего не говорит в ответ...

Через некоторое время я узнал, что Чебан своими ключими докладами о НАТО все-таки «достал» кого-то из наших высоких генштабовских начальников. Был скандал. Потом у полковника снова были неприятности после его громких статей по той же проблематике в одной из крупных газет и выступлений на радио «Свобода». Чебану инкриминировали «свободомыслие», которое заключалось в том, что его мысли не совпадали с официальной точкой зрения.

Чебана ушли.

Через несколько дней он уже служил в аналитическом Центре штаба Погранвойск.

Директор Федеральной Пограничной службы генерал Николаев ценил светлые головы. Чебан вскоре стал генералом.

КОФЕ

Программа «Партнерства» явно не пошла, хотя и в Кремле, и в МИДе открыто об этом не говорили. А натовцы настойчиво призывали нас искать новые пути сотрудничества. Мы, хотя и со скрипом, но шли им навстречу. Однажды Грачев объявил, что будет разработана еще одна Программа — «Россия—НАТО». И дал поручение Генштабу в сжатые сроки разработать ее.

Было это на майские праздники.

Москва отдыхала, веселилась, загорала, жарила шашлыки и поднимала тосты. А во многих кабинетах Генштаба почти две недели днем и ночью не останавливалась работа.

Я был на дежурстве, когда под утро услышал за дверью звуки чьих-то шагов. Дверь моей дежурки открылась, и на пороге появился заместитель начальника Центра военно-

стратегических исследований Генштаба генерал-майор Валерий Чирвин. У него был изможденный вид — красные глаза, впалые небритые щеки.

— Старик, у тебя кофе есть? — сказал он, устало садясь на стул. — Мои ребята уже с ног валяются.

Он рассказал мне, что несколько специалистов Центра безвылазно «куют» Программу «Россия—НАТО». Жены и дети термосы с едой на Арбат возят.

Я отдал генералу остатки кофе.

Вскоре звуки шагов послышались вновь. Я вышел в коридор. Полковник из Главного оперативного управления Генштаба тоже работал над Программой и тоже искал кофе:

— Уже пишем «Классиком» и «Пеле». А глаза все равно будто клеим намазаны, — зло и устало сказал он.

Я посоветовал ему разжиться кофе у Чирвина.

Полковник, безбожно костеря каких-то «козлов со Смоленки», устало побрел дальше по коридору.

В те майские праздничные дни в ларьках на Арбате генштабовские полковники сильно «вымели» кофе. Ларечники подозрительно косились на красноглазых, заросших щетиной офицеров и подозревали их в новом виде наркомании.

Две недели Генштаб сушил мозги над Программой «Россия—НАТО». Еще столько же утрясал ее с МИДОм. Потом столько же МИД утрясал ее с Кремлем. Повезти этот праздничный торт на пробу в Брюссель доверили Грачеву. Грачев полетел туда с понтом, а вернулся с фигой: натовские генералы «вырубали» из Программы все, что давало России хоть какие-то права на вето и возможность влиять на натовские решения.

Нас опять оставили в дураках.

Кто-то из генштабовских остряков прозвал Программу «Партнерство во имя мира» «Партнерством во имя МИДа».

КУЛИКОВ

Есть у нас в группе советников министра обороны Маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов, бывший Главнокомандующий Вооруженными силами стран Варшавского Договора. Болгарская газета «Дума» однажды сумела уговорить его на интервью. Главный вопрос — отношения России и НАТО.

Куликов слыл прозорливым человеком. Интересно было узнать, что он думает обо всей этой катавасии, о перспективах наших отношений с натовцами. «Я думаю, — говорил он, — что в обозримом будущем Россия не войдет в НАТО, так как такой шаг не смягчил бы международную обстановку. Россия выступает за создание политического союза. И этот политический союз мог бы возникнуть вместо НАТО».

Маршал нашел именно то «золотое сечение», которое позволило бы России, как говорят шахматисты, хорошо поставить свою партию прежде всего в Европе.

В таком политическом союзе Россия объективно могла занять подобающее ей место без надрывных козыревских заклиний «Россия — великая держава». Маршал клонил к тому, что старушка Европа как-нибудь и без американцев могла бы навести порядок в собственном доме. Болгарский журналист понял это и тут же задал провокационный вопрос:

— Возможно ли участие США в подобном союзе?

— Это дело США. Мы в данном случае думаем о Европе. Я лично считаю, что им нечего делать в таком союзе, который позволил бы самим европейцам решать проблемы своего дома.

Куликов ясно указывал нашим политикам направление «главного удара». Но Кремль давно утратил стратегическую инициативу и покорно плелся в натовском обозе.

ГРОМОВ

С некоторых пор я стал замечать, что в нашем военном ведомстве существует две команды генералов и офицеров, занимающих противоположные позиции по вопросу вступления России в НАТО. Условно я назвал их «куртизанки» и «патриоты». К «куртизанкам» принадлежали все те, кто на Арбате издавал воинственные кличи против унижения России, но тем не менее смотрел в рот Кремлю и МИДу, боясь сказать и слово против.

«Патриоты» типа маршала Куликова, генералов Громова, Ивашова придерживались иных позиций. В их выступлениях четко просматривался один и тот же вывод: мы не против сотрудничества с армиями НАТО, но предельно честного (хотя были и такие, которые считали, что в самом союзе России делать нечего). Они же ставили под

вопрос и саму необходимость существования НАТО после роспуска Варшавского Договора и предлагали альянсу превратиться в сугубо политическую организацию.

Негласный спор «куртизанок» с «патриотами» был столкновением двух мировоззрений. А поскольку дискуссия о НАТО, уже длительное время не затухающая в армии, раскалывала ее, она была вредна. Она лишала армию единства. Я все чаще начинал подумывать, что эта дискуссия очень даже похожа на хорошо просчитанную психологическую диверсионную акцию.

Западная пресса усиленно прощупывала умонастроения нашего высшего генералитета. Заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Борис Громов дал интервью немецкой газете «Вельт», которое по многим позициям было созвучно интервью маршала В.Куликова болгарской «Думе».

Интервью Громова вызвало недовольство Кремля и МИДа. Борису Всеволодовичу «инкриминировали» якобы слишком фривольное вторжение в сферу большой политики, недопустимое для генерала. Вот выдержка из того интервью, которое наделало немало шума у нас в Генштабе. Его размножали на ксероксах и передавали из рук в руки.

«Вопрос: Пока планы расширения НАТО на Восток встречают решительное сопротивление России. Будет ли так всегда?

Ответ: Государства — члены НАТО должны исходить из того, под чем они когда-то поставили свои подписи. Раньше они исходили из нецелесообразности расширять свой блок. И теперь они должны держать свое слово. Расширение НАТО не принесет России ничего позитивного.

Вопрос: Чего опасается Россия в связи с расширением НАТО?

Ответ: Россия ничего не боится. Россия — это не та страна, которая должна бояться. И так было всегда. Россия говорит лишь, что расширение НАТО ведет к ликвидации существующих договоров. Если НАТО не опасается этого, тогда я ничего не могу сказать.

Вопрос: А что можно сказать по поводу поляков или чехов, которые связывают свою защиту с членством в НАТО?

Ответ: Разве они говорят что-то иное, кроме того, что боятся России? НАТО должно трансформироваться в политический союз и не оставаться военным объединением. Если уважаемые и умные руководители НАТО не будут прислушиваться к новой России, в которой изменения претерпели и Вооруженные силы, а будут и дальше игнорировать ее, то это не приведет ни к чему хорошему...»

Громов сказал то, о чем думал почти весь Генштаб.

Но здравые голоса звучали не только в России. Звучали они и в США.

Лорд Скибельский, профессор политэкономии Нью-Йоркского университета: «...Сейчас говорить, что мы намерены расширять НАТО в восточном направлении, равносильно заявлению в адрес Москвы, что мы по-прежнему считаем ее нашим врагом.

Надо учитывать исторические тенденции. Россия страдает от унижения. Она понимает, что потерпела поражение в «холодной войне», ее экономика повержена, демократия страшно слаба. В этих обстоятельствах говорить о расширении НАТО — вещь чрезвычайно неумная и опасная».

Когда звучат здравые вещи, невозможно не согласиться даже с вероятным противником.

* * *

...А в нашем Генштабе светлые головушки продолжали мучительно просчитывать, к каким последствиям может привести расширение НАТО на Восток.

Логика ситуации подсказывала нашим стратегам, что наряду с поиском более эффективных дипломатических контрмер надо переходить к демонстрации «силовых козырей», вплоть до пересмотра ядерной доктрины. Это могло остудить нахальный натовский напор, заставить руководство альянса считаться с серьезностью наших намерений.

Но политики думали иначе. Козырев мотался в Брюссель и настаивал на том, чтобы натовские генералы признали Россию великой державой и создали для нее в «Партнерстве» особые условия. Натовцы соглашались с Козыревым, но в ответ на требования «особых условий» просили встать в общую очередь.

В конце концов Программу, в неведомой абсолютному большинству наших генералов и офицеров форме, Россия все-таки подписала рукой шефа МИДа. Для нас это «историческое событие» значило ничуть не больше, чем вступление страны в международную акробатическую лигу сексуальных меньшинств...

ПРОГНОЗЫ И ИЛЛЮЗИИ

Некоторые аналитики ГШ были убеждены, что разрастание НАТО приведет к его «самоубийству», и потому не

видели повода для паники. Они считали, что расширение НАТО неминуемо вызовет обострение противоречий как внутри организации, так и за ее пределами. Каждое государство, вступающее в НАТО, несет с собой и нерешенные проблемы с другими государствами, которые лягут тяжелым грузом на плечи блока.

Конкретный пример. Эстония вступает в НАТО. Автоматически претензии на часть российской территории становятся головной болью Североатлантического союза. Зная, что за спиной мощная в военном отношении организация, экстремистские и националистические круги Эстонии могут пойти на вооруженные провокации на границе Пыталовского района, на который давно претендует Таллинн...

Таких спорных проблем немало и между другими странами. Например, между Венгрией и Румынией, между Болгарией и Грецией. Кстати, членство в НАТО не спасло от войны из-за Кипра двух ее членов — Грецию и Турцию. Это еще одно подтверждение тому, что членство в НАТО не страхует его участников от возможных конфликтов.

Одновременно высказывались предположения, что расширение военно-политического союза, после того как сузилась область его применения из-за исчезновения Организации Варшавского Договора, неизбежно обострит его противоречия со странами, не входящими в этот блок. Предполагалось, что чем стремительнее будет расширение, тем интенсивнее пойдет процесс поиска и создания соответствующего противовеса. В условиях, когда военной способ решения спорных проблем еще, к сожалению, действует, расширение НАТО вызовет к жизни новые военно-политические союзы. Но тогда традиции «холодной войны» могут возродиться.

И хотя все это лишь прогнозы, все равно нельзя было исключать, что Германия может предъявить претензии России из-за Калининградской области, Румыния потребует возвращения Молдовы в родное лоно, а Молдова — Приднестровья.

К аналогичным выводам приходили и многие западные военные эксперты и политики. Некоторые утверждали, что расширение НАТО объективно будет способствовать сплочению разнополюсных политических сил России, вызовет всплеск национализма.

Острая дискуссия шла и среди российских политиков. Как всегда, резок и категоричен был генерал Александр Лебедь:

— Расширение НАТО на Восток представляет огромную угрозу для России. Этот факт, безусловно, приведет к началу третьей мировой войны...

Александр Иванович обожал шумные переборы.

Отвечая на вопрос одной из польских газет о том, что случится, если в Североатлантический альянс войдут Польша и Чехия, он подчеркнул: «Начнется мировая война. Погибнут как цивилизованные, так и нецивилизованные государства. Пропадут все формы жизни на Земле».

Лебедь считал также, что главная цель НАТО в возможной войне с Россией — завоевание огромного пространства от польской границы до Тихого океана. Поэтому основным гарантом безопасности страны является армия. Вооруженные силы должны защищать российские интересы, ее военнослужащие должны твердо стоять на российских позициях и поддерживать древние армейские традиции России. Запад, утверждал командарм, «стремится завладеть гигантскими богатствами русского государства, поработить его народы. Но это у них не получится. А как мы этого добьемся — военная тайна»...

Александр Иванович — смесь здравого смысла, страшилок и неосмотрительно категоричных прогнозов. Но иногда ошибается не только один генерал, но и весь Генштаб. Многие у нас считали, что если НАТО начнет усиленно разбухать, то атмосфера недоверия и подозрительности неизбежно сформирует заказ на противодействие ему. Встанет вопрос о создании аналогичного военно-политического союза. Многие бывшие республики СССР, вкусив горькие плоды суверенизации и уткнувшись в тупики военного строительства, обусловленные непосильными затратами на содержание оборонного комплекса своей страны, подойдут к необходимости объединения усилий и создания соответствующей системы коллективной безопасности. В результате военно-блоковая политика получит новый мощный импульс...

Как только Ельцин, а за ним и Грачев сделали свои первые заявления, содержащие эту идею, целый ряд руководителей республик СНГ (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) в один голос заявили, что категорически отмечают такие соображения российского руководства.

ТРЕВОГА

По мере того как в российском Генштабе приходили к выводу, что все усилия руководства страны по блокированию расширения НАТО на Восток безрезультатны, на Арбате стали думать об усилении наших группировок, находящихся на наиболее опасных направлениях. Прежде всего — Запад и Юг. Но тут Россия в силу ряда причин, связанных с крушением СССР, оказалась опутанной сетями договорных обязательств, доставшихся ей в наследство от Союза. Представление об этой проблеме дает следующий документ:

**Генеральный штаб Вооруженных сил РФ
О проблеме фланговых ограничений**

17 ноября 1995 года страны — участницы Договора об обычных Вооруженных силах в Европе (Договора об ОВСЕ), подписанного 19 ноября 1990 года в Париже, должны завершить сокращение вооружений и техники, предусмотренное Договором, и выйти на согласованный уровень.

К этому времени в соответствии со статьей V Договора об ОВСЕ уровни вооружений в Ленинградском и Северо-Кавказском военных округах должны соответствовать установленным Договором ограничениям. Эти ограничения, как неоднократно заявляло Министерство обороны РФ, наносят ущерб безопасности России и являются для нас неприемлемыми.

Оставаясь приверженной основополагающим принципам, заложенным в Договоре об ОВСЕ, российская сторона обращает внимание на то, что отдельные его положения устарели, вошли в явное противоречие с сегодняшними геополитическими и военными реалиями.

Договор об обычных Вооруженных силах в Европе разрабатывался и подписывался в условиях противостояния двух военно-политических блоков — Варшавского Договора и Североатлантического союза. При подписании Договора к фланговому району относилась часть территории Советского Союза, на которой дислоцировались Закавказский, Ленинградский, Одесский и Северо-Кавказский военные округа. После распада СССР на территории части этих округов возникли независимые государства. Ташкентским соглашением (1992 года) между ними были распределены вооружения и техника бывшего Союза, ограничиваемые Договором об ОВСЕ. В результате этого произошло смещение в пропорциях уровней вооружений для России в районе «расширенной Центральной Европы» и «фланговом районе».

Фланговые ограничения обязывают Россию концентрировать основную массу обычных вооружений не там, где этого требует сегодняшняя обстановка...

Из общего для нашей страны максимального уровня в 6400 танков, 11480 боевых бронированных машин (ББМ) и 6415 артистем калибра 100 мм и выше в регулярных частях ЛенВО и СКВО, территория которых составляет более половины всей европейской части Российской Федерации, после 1995 года Договором будет разрешено иметь не более 700 танков, 580 ББМ и 1280 артсистем.

В то же время в Калининградской области (менее половины процента территории европейской части страны) Россия может разместить 4200 танков, 8760 ББМ и 3235 единиц артиллерии.

Такой перекосяк противоречит основополагающему принципу равенства прав и обязательств, а также принципу учета интересов безопасности любого государства-участника. По существу положение Договора о фланговых ограничениях ставит Россию в дискриминационное положение. Все страны-участницы смогут размещать войска и обычные вооружения на своей территории по собственному усмотрению, и только Россия и Украина не будут иметь права сделать этого даже там, где требует обстановка, интересы обеспечения национальной безопасности...

О необходимости исправить возникшее положение шла речь в послании Президента России Б. Н. Ельцина, направленном руководителям ряда стран — участниц Договора об ОБСЕ в сентябре 1993 года...

К сожалению, западные партнеры стремятся удержать Россию в рамках договорных ограничений и не дать возможности в полной мере удовлетворить наши потребности в вооружениях и технике...

Все наши предложения до настоящего времени не встретили понимания со стороны западных партнеров по Договору. Их нежелание искать реальные развязки по этой проблеме ставят Россию в сложное положение...

Наши специалисты подсчитали, что при тех «потолках», что установлены Договором об ОБСЕ, страны НАТО будут иметь в Европе превосходство над системой коллективной безопасности СНГ в танках — на 6750, в боевых бронированных машинах — на 10000, в артиллерии — на 6,7 тысячи единиц, в боевых самолетах — на 1650...

Когда мы в 1996 году суммировали все данные, то выходило, что НАТО получало над нами превосходство в 23 танковые дивизии, 55 авиационных и более 100 артиллерийских полков, 83 полка на боевых бронированных ма-

шинах. Кроме того, к НАТО переходила разветвленная и хорошо подготовленная военная инфраструктура стран бывшего Варшавского Договора — порты, аэродромы, ракетные базы, склады, узлы связи.

И если бы у российских политиков и дипломатов сложилось адекватное понимание этой угрозы, они должны были бы отреагировать. Как? Ответ лежал на поверхности: либо снизить потолок вооружений для НАТО до уровня СНГ, либо оставить «потолок» для СНГ на уровне НАТО. Но ни то ни другое в нашем МИДе почему-то не прорабатывалось. Тревогу в основном били наши генштабовские генералы, и создавалось впечатление, что только они и радели за надежную безопасность России и справедливый подход к определению уровней вооружений для РФ после распада СССР.

А мы выклянчивали у Запада разрешение на то, чтобы как следует прикрыть войсками свою государственную территорию.

Запад умышленно долго молчал.

Когда же он «соизволил» пойти навстречу русским, нам его разрешение уже было не нужно.

На одной из пресс-конференций у первого заместителя начальника Генштаба генерал-полковника Владимира Журбенко спросили:

— Вы намерены и дальше обсуждать вопрос о количестве своих танков на Северном Кавказе с НАТО?

— Никаких обсуждений. Наши танки уже там, где им положено быть, — ответил Журбенко.

ИГРЫ

Чем активнее решался вопрос о вступлении бывших стран Организации Варшавского Договора в НАТО, тем чаще на страницах российской прессы стали появляться различного рода «утечки стратегической информации». В том числе якобы из Генштаба и «ведущих научно-исследовательских военных центров» России. Было ясно, что проводится новая информационная операция. Цель ее — оказать давление на руководство и население рвущихся в Североатлантический блок государств.

В таких материалах речь шла о некоей новой стратегии противодействия основным внешним угрозам национальной безопасности России. Один из ключевых элементов

этой стратегии — развертывание на территории Белоруссии, в Калининградском оборонительном районе и на кораблях Балтийского флота тактического ядерного оружия.

Предлагались и более суровые меры — нацелить наши стратегические ядерные ракеты на бывшие соцстраны, которые собираются вступить в НАТО.

Ту же цель — заставить вздрогнуть наших бывших союзников по Варшавскому Договору, засобиравшихся в НАТО, — преследовала и статья, появившаяся в газете «Завтра» (21 октября 1995 года). Некий генерал N рассуждал таким образом: «...Сейчас НАТО превосходит Россию по численности войск и обычных вооружений в Европе в 2—3 раза. После присоединения к альянсу Польши, Венгрии и Чехии этот разрыв еще больше возрастет. В таких условиях единственная возможность и экономически реализуемый путь, если, конечно, нас не прельщает судьба боснийских и краинских сербов, — это сдерживать НАТО, опираясь на тактические ядерные средства, способные нивелировать превосходство противника в обычных вооружениях. То есть принять на вооружение ту стратегию, которой в годы «холодной войны» придерживался сам блок НАТО...»

Когда в прессе появлялись такие материалы, телефоны пресс-службы Минобороны дымились от непрекращающихся звонков западных и российских журналистов. Все допытывались — действительно ли разрабатывается новая ядерная доктрина России?

Нам было велено отвечать журналистам, что статья безвестного генерала — его личная точка зрения, а МО и ГШ самостоятельно позицию России по таким вопросам не формулируют.

БАЛКАНЫ

Как ни проявлял активность министр обороны Грачев, мотаясь между Москвой, Вашингтоном, Брюсселем и Центральной Кремлевской больницей, в которой лежал больной Ельцин, американцы все равно его «сломали» и сделали все так, как и хотели: наш воинский контингент в Боснии поступал под командование НАТО.

Изначально наши подходы к участию в миротворческой операции в Боснии были во многом невняты. Прибыв на переговоры в Брюссель, Грачев встретил сплоченных и на-

храпистых генералов из руководства блока, которые трудно шли на уступки. А нашему министру надо было выполнить главную установку, которую Ельцин дал ему перед его отлетом в бельгийскую столицу: «Ни в коем случае не ложиться под НАТО». Это значило, что России надо было добиваться таких условий своего участия в миротворческой акции на Балканах, при которых бы она не выглядела униженно, танцуя под натовскую дудку.

Но стоило министру заявить, что если натовцы не будут идти на компромисс, то он и сопровождающие его лица покинут переговоры, тут же последовала негативная реакция МИДа. Наш посол в Бельгии Виталий Чуркин стремился сглаживать острые углы в ходе переговоров Грачева с НАТО, что, на мой взгляд, связывало руки министру.

Думаю, это сыграло не последнюю роль в том, что в итоге позиция командования нашей бригады в Боснии оказалась двусмысленной: несерьезно было утверждать, что мы «не бежим в упряжке НАТО» только потому, что у командующего операцией генерала Джоулвана «на служебных бланках не будет печати Североатлантического альянса».

Грачев одно время так увлекся контактами с НАТО, что оттеснил в сторону министра иностранных дел Козырева, докладывая о результатах переговоров напрямую президенту. Ревнивый Козырев не выдержал и публично заявил, что Грачев «не ставит МИД в известность о своей международной военно-дипломатической деятельности, в частности по вопросам установления мира в бывшей Югославии».

* * *

После того как в Дейтоне американцы вынудили югославов принять натовские условия, стало окончательно ясно, что и Россия будет участвовать в балканском урегулировании по чужому сценарию. И хотя натовцы неизменно подчеркивали «важную роль России в этом процессе», было ясно, что это всего лишь долг вежливости. Истинное значение нашей роли определялось нашими реальными возможностями. А тут даже в количественном плане натовцы во главе с американцами «душили» нас на Балканах многократным превосходством — 60 тысяч военнослужащих блока против 1,5 тысячи российских миротворцев. К тому же наша разведка пронюхала, что натовцы в случае необходимости готовы увеличить группировку до 100 тысяч человек.

Неопределенность нашей стратегии в Югославии породила нервную обстановку в Генштабе. Я видел мучения наших специалистов из Главного оперативного управления, которые, не имея зачастую ни четких установок МИДа, ни своего начальства, вынуждены были отрабатывать документы по подготовке российского военного контингента для участия в миротворческой операции под эгидой НАТО. Из-за этого мы часто попадали в унижительное положение, а точнее, в это положение командование блока нас умышленно загоняло.

Сначала наши войска из-за прихоти натовцев были передислоцированы из северной в южную часть Пасавинского коридора, затем из-за наших скромных финансовых возможностей («Каждый будет платить за себя» — Ельцин) американцы предложили нам «долг», за который мы должны были расплачиваться по ходу хозяйственных и ремонтных работ в районе дислокации.

Получалось, что мы вроде бы как наемные рабочие у НАТО.

* * *

В начале декабря 1995 года уже и между руководством Минобороны и Генерального штаба стали возникать разногласия по поводу нашего участия в миротворческой акции на Балканах.

Начальник Генерального штаба Михаил Колесников на проекте директивы министра обороны Грачева о составе нашей миротворческой бригады, которую надо было перебрасывать в Боснию, начертал резолюцию: «А где возьмем деньги?»

По этой же причине не было единства и между другими высшими генералами. Одни говорили, что в Югославии нам нечего делать, другие считали, что мы обязательно должны участвовать в миротворческой операции. Одним из них был генерал-полковник Леонтий Шевцов.

В январе 1996 года один из газетчиков спросил у Шевцова:

— Вы уполномочены командовать российской миротворческой бригадой в Боснии. Не считаете ли вы, Леонтий Павлович, что сначала нам следовало бы разобраться с пожаром внутренним, российским, и лишь после этого выходить на европейскую арену?

Генерал ответил так:

— К сожалению, эти две линии идут параллельно, и здесь время упускать нельзя, иначе нас могут потихоньку отстранить от всех европейских дел. А Европа — это тоже мы, и у нас тут есть свои российские интересы. Один раз уйдем от проблемы, второй, а на третий нас никто приглашать не станет.

Но ответа на вопрос «где возьмем деньги?» по-прежнему не было. А тут директор департамента МИДа Александр Горелик неожиданно «засветил» странную карту: он заявил, что «финансовый аспект участия России в операции многонациональных сил в Боснии определится только после того, как будет принято официальное решение о направлении в состав этих сил российского воинского контингента». А затем подтвердил, что высшие государственные органы РФ «конкретного политико-организационного решения на сей счет пока не вынесли».

А до старта участия нашей бригады в операции оставалось уже 20 дней. Ельцин обратился в Совет Федерации с просьбой ускорить рассмотрение вопроса, чтобы подвести законодательную базу под наше миротворчество.

* * *

В начале января 1996 года генералы и офицеры Генштаба, внимательно следившие за развитием событий в Югославии, испытывали гнетущую тревогу из-за того, что непонятное, кем-то скрываемое, недоговариваемое, невнятное происходило в дипломатических маневрах Москвы вокруг Боснии.

Секретные шифровки, валом валившие из Вашингтона, Белграда, Брюсселя, не стыковались между собой, в них одно было лишь совершенно ясно: нас оставляют с носом. 1 января 1996 года неожиданно проклюнулся невразумительный голосок российского дипломата из Загреба. Этот «высокопоставленный сотрудник», панически боявшийся назвать свою фамилию, пробормотал для прессы следующий пассаж: «Участие России в будущей операции по выполнению подписанного в ноябре между Загребом и хорватскими сербами соглашения о мирной реинтеграции в состав Хорватии Восточной Славонии (сербонаселенной части республики. — *В.Б.*) возможно, но не предопределено. Все зависит от того, будут ли учтены интересы и пожелания Москвы».

Тот же дипломат отметил, что «для согласия РФ участвовать в предстоящей операции необходимо, чтобы она была ооновской и осуществлялась не путем принуждения сторон, а на базе сотрудничества и доброй воли. В противном случае ни о какой реинтеграции не может идти и речи».

Совершенно неясным оставался и вопрос финансирования нашей бригады, отправляющейся в Югославию. Для ее переброски, по расчетам наших генштабовских специалистов, требовалось 60 самолетовылетов и 4 железнодорожных состава. Вместе с собой бригада везла 120 единиц бронированной техники и 300 автомобилей.

Минобороновские финансисты рассчитали, что на первых порах для нашего участия в операции необходимо изыскать 78 млн долларов (техническое обеспечение, прогон и использование техники, горючего, амуниции, пищевого довольствия). Еще 20 млн необходимо было для того, чтобы платить жалованье личному составу (почти 2000 человек). Когда же этот вопрос обсуждался в парламенте, Комитет по обороне представил совсем другие расчеты: в 1996 году, по его мнению, на содержание нашего миротворческого контингента потребуется 109,5 млрд рублей и 18,8 млн долларов США.

Наши контрактники, служившие в Югославии под флагом ООН, получали по 860—960 долларов в месяц. А их соседи, «голубые береты», скажем, из Франции и Бельгии, получали по 3000 долларов. У наших бойцов была скрытая зависть к коллегам. Но люди не роптали — 800 долларов для наших военнослужащих были довольно большими деньгами. «Обчищая» таким образом своих миротворцев примерно на две тысячи долларов в месяц каждого, правительство погашало государственные долги ООН, из которой и финансировались операции.

И хотя из правительства в начале января 1996 года просочилась в прессу информация о том, что деньги для наших десантников найдены в военном бюджете, то была липа. Статья в военном бюджете, по которой финансировалась деятельность российских миротворческих сил за рубежом, была мизерная, тех денег не хватало даже на содержание 18 тысяч наших миротворцев на территории СНГ.

Министерство финансов РФ, в свою очередь, официально сообщило, что «вопрос еще не прорабатывался». Из

источников в том же Минфине стало известно, что правительство, дескать, намерено обратиться за помощью к частным структурам с просьбой делать пожертвования в виде валютных переводов на специальный счет в Сбербанке. Мне очень захотелось увидеть того коммерсанта, который принесет в Сбербанк 100 тысяч долларов и объявит, что он безвозмездно жертвует их в пользу российских десантников.

* * *

В середине декабря 1995 года посол России в США Юлий Воронцов проинформировал Москву о расстановке сил в американском Конгрессе в связи с отправкой миротворческого контингента на Балканы. Судя по содержанию его информации, он цеплялся за какие-то юридические и политические противоречия в отношениях Клинтона с парламентом по балканскому вопросу и намекал, что следует сыграть на них.

Шла мелкая дипломатическая возня, которая не могла существенно повлиять на улучшение наших позиций на Балканах.

А вероятность того, что группировка международных миротворческих войск в Югославии (фактически войск НАТО) сумеет и без нас добиться успеха, была очень высокой. И это неизбежно давало в руки США и руководства Североатлантического альянса мощный аргумент в пользу того, что именно этому союзу «по зубам» самые сложные проблемы миротворчества, и таким образом, дескать, ничего страшного в продвижении «гаранта мира и стабильности» на Восток нет. Следовательно, все вопли некоторых политических сил в России об «угрозе» НАТО беспочвенны. И если Россия действительно хочет стабильности, ей-де место в НАТО.

Но все эти маленькие и большие хитрости легко читались аналитиками Генштаба. Видели их и в Службе внешней разведки. Ее директор Евгений Примаков в очередной раз заявил, что расширение НАТО на Восток невыгодно России, что «в случае присоединения к Североатлантическому альянсу восточно-европейских стран, в непосредственной близости от западных границ РФ могут быть размещены ракеты с ядерными боеголовками, с небольшим подлетным временем к жизненно важным объектам нашей страны». В том же ключе неоднократно

высказывался начальник Генштаба генерал Михаил Колесников.

Наши силовики все чаще отваживались самостоятельно формулировать принципы отношений России с НАТО и таким образом вторгались в сферу международной политики. Происходило это, на мой взгляд, потому, что Кремль в течение длительного времени так и не смог дать Минобороны и Генштабу четких директив относительно того, какой линии придерживаться. Нередко можно было видеть обратное: с подачи высшего генералитета президент озвучивал позицию России в отношении НАТО, что явно указывало на «управляемость» Ельцина со стороны военных. А потом и вовсе наступил период, когда эта проблема была «отдана на откуп» министру обороны, который начал действовать без оглядки на МИД. Это и вызывало раздражение у руководства внешнеполитического ведомства.

Андрей Козырев в конце 1995 года стал говорить о непоследовательности Министерства обороны, упрекая Павла Грачева в том, что он во время выступления в штабквартире НАТО в Брюсселе высказался якобы за «слияние» Североатлантического блока и Вооруженных сил России.

Но что было на самом деле?

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Министерство обороны РФ

Из выступления министра обороны России генерала армии П.Грачева на закрытом совещании министров обороны стран НАТО в Брюсселе

28 ноября 1995 года

...Политическое и военное руководство Российской Федерации ознакомилось с документом “Исследование по расширению НАТО”. В данном исследовании мы не нашли убедительной мотивировки причин предполагаемого расширения блока. Нет там и должного анализа перспектив европейской безопасности. С нашей точки зрения, исследование больше задает вопросов, чем предлагает ответов. Например, такие ключевые вопросы, как пути укрепления всеобщей безопасности, роль ОБСЕ в поддержании стабильности, меры по противодействию появления новых разграничительных линий в Европе, изложены в исследовании лишь в самой общей форме. Обходится стороной и тема трансформации НАТО в соответствии с новыми европейскими реалиями, зато довольно определенно прослеживается мысль о возможности базирования иностранных вооруженных сил на

территории новых членов блока и даже размещения там ядерного оружия. Заранее оговаривается, что новые члены должны быть готовы предоставлять свою территорию для проведения учений ОВС НАТО.

Все это будет означать наращивание военного присутствия блока на наших западных рубежах. Иными словами, возникнут новые стратегические реалии — ремилитаризация европейской безопасности и приоритет силовых подходов над политическими, — на что мы вынуждены будем адекватно реагировать...»

Единственное, что давало какой-то повод для упрека Козырева Грачеву, — это слова министра обороны о том, что «как разумную и приемлемую для всех альтернативу расширению альянса предлагается рассматривать сотрудничество как в рамках “Партнерство во имя мира”, так и в более широком формате, прежде всего между Россией и НАТО. Этому способствует близость наших взглядов на современные риски и угрозы...»

Таким образом, ни о каком «слиянии» России с НАТО не было и речи.

Наши дипломаты и военные не находили приемлемой формулы отношений России с блоком. И все чаще высказывали взаимные упреки и вели бесплодные споры.

Козырев считал, что выход можно найти:

— Президент после выздоровления и переезда в Кремль должен выслушать все точки зрения в отношении НАТО и принять решение, которое бы положило конец дискуссиям.

Опять все упиралось в Ельцина.

Ельцин все еще болел, ему по чайной ложке в день давали читать документы, среди которых «натовские» были, пожалуй, самыми сложными, и, естественно, их прислуга часто откладывала. В тот период не то что одной президентской головы — сотен генштабовских и мидовских голов не хватило бы, чтобы быстро и точно принять единственно верный план действий.

И не только в этом заключалась проблема. Бывают в международной политике моменты, когда высшая власть должна мгновенно (или хотя бы оперативно) принимать решения, чтобы не дать возможность противнику навязывать инициативу, опережать нас. Тем более, когда это касается сферы национальной безопасности.

Но мы были лишены такой возможности.

Все опять упиралось в здоровье президента...

Вот выздоровеет Ельцин, приедет в Кремль и всех рас судит — и дипломатов, и генералов.

Как же все по Козыреву было просто: собери президент в Кремле совет, выслушай мнения и принимай окончательное решение (естественно, и всю ответственность бери на себя). Но разве не было таких долгих советов о вводе войск в Чечню, о создании двух искусственных политических блоков — Черномырдина и Рыбкина, о монополизации продажи оружия? И что? Везде провал. Механизм президентской власти был явно несовершенен.

* * *

В конце декабря 1995-го — начале января 1996 года в МИД РФ, в Минобороны и Генштаб косяком пошли по конфиденциальным каналам тревожные депеши наших дипломатов, разведчиков, представителей России в ООН и НАТО, в штабе группировки миротворческих сил в Югославии. Все в один голос отмечали, что американцы откровенно «давят» наши позиции по всем направлениям и ведут себя как истинные хозяева положения, не оглядываясь на русских.

В середине января 1996 года стало известно, что Вашингтон выделил 500 миллионов долларов на формирование так называемой мусульmano-хорватской армии (МХА). Предполагалось, что большая группа руководителей МХА пройдет специальную подготовку в США. Американцы намеревались поставить МХА свое вооружение и технику. Для обучения офицеров МХА непосредственно в частях было подготовлено подразделение американских специалистов.

Одновременно Пентагон в ходе подготовки своих войск для участия в миротворческой операции в Югославии в тайном порядке создал так называемый Особый резерв (ОР), который был оснащен тяжелым вооружением, самолетами-штурмовиками, вертолетами и самым современным стрелковым оружием. По планам Пентагона, ОР (более двух тысяч человек) предполагалось использовать в кризисных ситуациях как часть быстрого реагирования. В состав ОР входила супер-штурмовая группа «Америка», состоящая из специалистов высшей категории подготовки. Группа размещалась на авианосце (он нес патрульное дежурство в Адриатическом море) и должна была использоваться, в частности, для захвата или уничтожения «лиц повышенной

опасности» в зоне миротворческой операции (югославы знали об этом и потому приняли меры повышенной безопасности в отношении тех своих руководителей, которые были объявлены международными преступниками).

Подготовка миротворческой операции на Балканах шла полным ходом. Представители вооруженных сил США заняли все ключевые посты в штабе натовской группировки. Дело дошло до того, что на одну из должностей, вельможено выделенную американцами для российского полковника, наш кандидат не подошел, так как он оказался «не в том чине».

Сербы крайне болезненно отреагировали на согласие русских по требованию американцев покинуть ранее определенный им район дислокации «Русбата-1» в Пасавинском коридоре и уйти на юг.

Освобожденный район на севере Пасавинского коридора заняли сами американцы. Они сбивали таблички с помещений администрации представителей ООН и прикрепляли на них свои: это было похоже на кадры из фильма «Секретарь райкома», когда немецкий солдат вот так же прикладом сбивал табличку с надписью «Райком ВКП(б)» и прибывал на ее место «Дойче комендатур».

Наша разведка в Боснии запеленговала, что американцы оснащают свои войска самым современным оружием и техникой. Они прислали последние модификации вертолетов «Апач», начиненных специальными приборами, ловящими излучение от движущихся целей, и передатчиками информации в реальном, европейском, измерении времени.

Поступали из-за океана машины разминирования, способные обнаруживать и обезвреживать мины с неметаллическим корпусом. Были там и суперсовременные приборы ориентирования солдат на местности, было еще много такого, что свидетельствовало: американцы и их союзники по НАТО располагаются на Балканах основательно и надолго, стремясь сполна использовать отличную возможность испытать свою новейшую военную технику.

Было совершенно ясно, что югославская земля для них — еще один полигон для отработки разнообразных задач с использованием новейших вооружений.

Что мы могли противопоставить всему этому? Наши устаревшие БТР-80, у которых сильно полысела резина, или наших солдат, которым не хватало валенок?

Но главное все же было не в этом. Мы отдали инициативу американцам и НАТО еще задолго до того, как был подписан план операции.

Грачев метался: то он сначала издал директиву о направлении в Югославию десантной дивизии, то через некоторое время отменил эту директиву и вместо дивизии определил для отправки бригаду. Сначала министр принял решение направить в Югославию две тысячи человек, а потом вдруг ограничился 1500. И так было почти во всем. Мы направляли своих солдат в Югославию, так и не договорившись с американцами о политических методах контроля за операцией. Мы были похожи на бедную деревенскую тетку, которая решила принять участие в великосветском рауте.

На моих глазах происходили сцены, достойные пера Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Чехова, Зоценко, Ильфа и Петрова, Чапека и Войновича. Отданный утром приказ министр к обеду отменял, а к вечеру вновь вводил его в силу. Никто в Генштабе не мог дать внятного ответа на вопрос о том, как мы можем повлиять на политический контроль за операцией, если вдруг окажется, что натовцы нарушают ранее достигнутые договоренности.

Не выдержав колоссальной физической и психологической нагрузки, Грачев слег в госпиталь.

А первые заместители министра Колесников и Кокосин медлили, судя по всему, боясь брать ответственность на себя за решение назревших вопросов. Некоторые специалисты Генштаба, получившие назначение на Арбат по блату, бараньими глазами рассматривали документы, о способах исполнения которых зачастую не имели представления и поручали это неблатным пахарям, которые тратили минуты там, где «позвоночникам» не хватило бы и 10 дней.

Все было плохо в нашем доме на Арбате.

Генералы и полковники, матерясь и чертыхаясь, с какой-то обреченностью тыкали пальцами в карту Югославии и дружно твердили, что НАТО теперь «пахан в Европе», а Россия в ж..е.

И то была сущая правда.

СЕМЕНОВ

Вероятно, не имея больше сил молчать при виде угрозы, которая все явственнее накатывалась на Россию с За-

пада в виде НАТО, решил принародно сказать свое слово Главком Сухопутных войск генерал армии Владимир Семенов. 2 января 1996 года он дал интервью «Интерфаксу», в котором заявил, в частности, что «НАТО по-прежнему остается военно-политическим союзом и намерение его руководства принять в свой состав новых членов не может не вызывать беспокойства. Через несколько лет, несмотря на сопротивление Москвы, страны Восточной Европы и Балтии станут членами НАТО, что неминуемо приблизит военные структуры Североатлантического альянса к границам России. Нам надо готовиться к этому».

Семенов был авторитетен в армии. Оценки Главкома всегда отличались взвешенностью и точностью. Давно наблюдая за ним, как говорится, сблизил и издал, я часто поражался тому, что прогнозы Семенова практически всегда сбывались. В худшем случае — на 90%.

Еще осенью 1992 года Семенов на совещании высшего руководящего состава очень точно предсказал, до какой степени может дойти развал армии, если будет сворачиваться ее финансирование. Может быть, вывод Семенова о том, что войска НАТО неминуемо приблизятся к границам России, и не был открытием. Зато впервые из уст военачальника столь высокого ранга прозвучало предостережение о той особой опасности для России, которую таило в себе готовящееся вступление в НАТО государств СНГ.

«Для подобных опасений есть основания» — Семенов знал, что говорил. Аналитические документы ГРУ, СВР, ФСБ уже на протяжении длительного времени свидетельствовали о том, что осуществляется грандиозная глобальная операция по «отрыву» стран СНГ от России, переманиванию их на сторону НАТО. Более того: некоторые государства Содружества уже так далеко зашли в нерекламируемых отношениях с США и НАТО, что никакие усилия Москвы, никакие «пряники» уже не помогали.

Чем реальнее становилось приближение НАТО к нашим границам, тем яснее в Генштабе осознавали, что Россия осталась без сильных военных союзников.

Что же предлагал в этой ситуации Главком Сухопутных войск? Он предлагал сделать весьма разумный в данной ситуации шахматный ход — опереться на сильного и влиятельного партнера. Этого партнера он видел прежде всего в Китае. Потому и высказался за укрепление связей «с великим соседом».

Эту идею еще в конце 1995 года в одном из своих заявлений для прессы высказывал и Грачев (он откровенно намекнул на возможность полномасштабного военного союза с Китаем). Стратегическая важность этой идеи была очевидна. Понимал это и Кремль, еще поздним летом 1995 года срочно спланировавший осенний визит Ельцина в Пекин. Но он был отложен в связи с болезнью президента...

ГЛУПОСТЬ С КЛЕЙМОМ ГЕНШТАБА

Еще задолго до прибытия первых наших самолетов с миротворцами в Тузлу на аэродроме обосновалось американское разведывательное подразделение. Цели его наши спецы вычислили мгновенно: контроль за всем, что русские привезут с собой и что увезут. Ясно было, что штабовцы больше всего беспокоились о том, чтобы мы тайком не стали поставлять оружие сербам.

И вот уже первые российские самолеты стали разгружаться. Вышли люди, а за ними покатали наши «Уралы» с яркими буквами на дверцах «IFOR» (сокращенное название миротворческой операции «Согласованное усилие». — *В.Б.*). А на их место стали загружаться такие же «Уралы», но с другой надписью — «UN». Американцы задержались, засуетились, явно не соображая, что же на самом деле происходит. Логика их суждений была проста: если у русских миротворцев в бывшей Югославии уже были свои «Уралы», то зачем через всю Европу тащить сюда такие же?

Один из американцев не выдержал и спросил у нашего офицера:

— Не дешевле ли было вам вместо многих десятков новых машин доставить сюда два ведра краски, чтобы пометить надписи?

Наш офицер ответил, что работавшая здесь техника уже порядком изношена и что наше командование решило не рисковать репутацией.

Но любопытный американец не отставал. Он продолжал интересоваться, почему аж из России на железнодорожных платформах были доставлены сюда уголь (92 т) и дрова (192,5 т), хотя их запросто можно было покупать в районном местечке Углевик по льготной цене.

Пользуясь логикой американца, можно было идти и дальше: скажем, зачем везти новое стрелковое оружие из

России, если можно передать его от убывающих — прибывающим подразделениям российских миротворцев?

Накануне прибытия основных наших сил в бывшую Югославию там побывала передовая группа офицеров Генштаба и штаба ВДВ. Она подготовила карту с обозначениями маршрутов передвижения десантных батальонов. Когда же прибывшие из России командиры решили проверить обозначенные на карте маршруты, то обнаружили вдруг, что на одном из них находится два... взорванных моста. Пришлось унижаться и просить у американцев понтоны.

Справка: вместе с 1,5 тыс. наших миротворцев должны были прибыть 62 боевые машины десанта, 32 бронетранспортера, 8 самоходных установок и более 300 легковых, грузовых и специальных автомобилей.

Вполне резонно, что не только у американцев, но и у многих наших офицеров возникало сомнение в целесообразности авиaperевозок некоторых видов оружия и техники (один час перелета военно-транспортного самолета ИЛ-76 с оплатой за воздушные коридоры стоит более 3 тысяч долларов).

Командование нашего батальона, уже находившегося в Югославии, не однажды обращалось в штаб ВДВ с предложением оставить свою технику, ввоз которой был оплачен ООН, российской миротворческой бригаде с зоной ответственности в Республике Сербской.

Благодаря такой идее российская бригада на месте могла бы получить более 50 легковых, грузовых и специальных автомобилей, включая и 10 полевых кухонь, ремонтный взвод, все средства связи, в том числе и космические. Помимо этого, «Русбат-2» предлагал 15 бронетранспортеров, а также все стрелковое вооружение и боеприпасы в идеальном состоянии и уже приспособленные для использования в высокогорном районе. Логичность таких ходов была очевидной. Но как часто мы делаем то, что не поддается не только американской, а просто нормальной логике.

* * *

В российском Генштабе продолжали очень внимательно следить за позициями руководства НАТО и США, связанными с продвижением Североатлантического союза на Восток. Эти позиции то неожиданно становились «лояльными» по отношению к Москве, то опять ужесточались.

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Москва. Кремль

Федеральное агентство правительственной связи и информации РФ

26 января 1996 года

Из стенограммы телефонного разговора президентов США и России

Б.Ельцин: Теперь замечания по НАТО. Сегодня я подписал детальное послание, которое базируется на серьезном анализе документации, сделанном специалистами, и где снова излагается наше понимание проблемы. Расширение НАТО болезненно отразилось бы на всех аспектах отношений.

В последнее время в самых разных средствах массовой информации появились спекуляции. Ваш посол позволил некорректные высказывания. Я недоволен высказываниями вашего посла Пикеринга.

Билл, я прошу тебя исследовать мое послание уже сегодня, сразу, как только ты его получишь. И дать ответ либо по телефону, либо письмом.

Б.Клинтон: Я пришлю тебе ответное письмо по НАТО, где будет подтвержден наш курс, выработанный в мае в Москве и осенью в Гайд-Парке. Если говорить коротко, наша позиция сводится к тому, чтобы двигаться к демилитаризации НАТО, сокращая войска и вооружения в Европе.

Б.Ельцин: Этот подход мне понятен. Однако на декабрьской сессии НАТО говорилось кое-что другое. Утверждалось даже, что возможно разместить ядерное оружие на территории новых членов НАТО. Это абсолютно невозможно.

Б.Клинтон: Я совершенно с тобой согласен. Ты прав. Как ты уже слышал от меня, на будущей неделе я встречу с премьер-министром Черномырдиным, и мы с ним продискутируем все эти вопросы...»

* * *

Еще в конце 1995 года в Генштабе немного вздохнули, когда некоторые натовские генералы в Брюсселе стали говорить о том, что вопрос о расширении НАТО надо отложить до 1997 года. Это давало России хоть какую-то возможность выиграть время и попытаться принять контрмеры.

Но уже в январе 1996 года генсек НАТО Хавьер Салана во время встречи с премьер-министром Эстонии Тийтом Вяхи сказал, что руководство возглавляемого им альянса «под влиянием протестов со стороны России не должно отказываться от планов расширения организации».

В тот же день, 25 января, замгенсека НАТО Гебхард фон Мольтке высказался в подобном же духе и предупредил: если Россия будет сколачивать в противовес расширению НАТО новый военно-политический блок, то это будет означать возвращение на путь антагонизма. Он же высказался за то, чтобы Россия строго выполняла Договор об обычных Вооруженных силах в Европе и все свои предложения, связанные с пересмотром отдельных положений, согласовывала с «заинтересованными сторонами».

Это звучало уже как угроза и издевательство: какая страна будет «заинтересована» в том, чтобы вблизи ее границ стало больше русских танков? Натовцы по-прежнему и слышать не хотели наши доводы о том, что Договор ОВСЕ подписывался еще во времена СССР, что наши южный и северный фланги оказались ослабленными. Что мы, в конце концов, сами вольны решать, где «в собственном доме расставить мебель».

Генштаб уже не обращал внимание на несогласие Норвегии и Турции с аргументами России и занимался переброской тяжелой техники туда, куда этого требовала обстановка.

Натовские генералы неуклюже пытались доказать российским, что продвижение НАТО на Восток имеет сугубо мирную направленность (они утверждали, что «Партнерство во имя мира» имеет отношение только к миротворческим операциям).

Но этот аргумент был явно рассчитан на простачков: наша разведка постоянно сообщала о том, что в странах центральной и восточной Европы, ранее входивших в Варшавский Договор, натовские специалисты полным ходом ведут изучение полигонов и аэродромов, мест возможного расположения военных баз и арсеналов, учебных центров. Причем ни в одной из этих стран не существовало таких предпосылок кризисов, которые бы потребовали использование миротворческих контингентов НАТО.

ЛИЦО

Вероятно, почуяв новые дуновения политических ветров в России после парламентских выборов 1995 года, решил существенно скорректировать свою позицию в диспутах по проблемам расширения НАТО и первый замминистра

обороны Андрей Кокошин, всегда строго следовавший в фарватере МИДа и Кремля.

В начале февраля 1996 года его пригласили на международную конференцию в Мюнхен. Еще до отъезда в Германию сотрудники его аппарата подготовили тезисы доклада, которые Андрей Афанасьевич, что называется, тщательно «полировал»: по регламенту конференции, все, кто желал выступить на ней, должны были предварительно распространить текст своего доклада.

Мне удалось просмотреть текст этого материала, который вызвал у меня, пожалуй, впервые за время работы Кокошина в МО, удивление жесткостью оценок. Говорилось и о возвращении к «холодной войне», если НАТО примет новых членов, и о новом раунде гонки вооружений, и о нарушении Западом своих обещаний не расширяться на Восток после объединения Германии.

Мне показалось, что до этого я глубоко ошибался в Андрее Афанасьевиче, считая его человеком, не способным на смелые заявления. А в докладе — небывалая жесткость оценок, бескомпромиссная защита военно-стратегических интересов России.

В Мюнхене доклад первого замминистра обороны России пошел гулять по рукам участников конференции. У многих, как говорится, глаза лезли на лоб: такой жесткой бескомпромиссности от Кокошина не ждали. Задавленная кризисами, с хиреющей обороной Россия захотела на равных говорить с европейскими грандами?!

Андрей Афанасьевич на трибуне. Зал встречает его, затаив дыхание. Затем очень настороженно слушает его и... недоумевает. Текст распространенного доклада и «живое» выступление — во многом совершенно разные вещи. Исчезло почти все, что вызывало самые острые возражения западников. В перерыве десяток журналистов бросается к Кокошину и интересуется, из-за чего произошла такая странная корректировка. Кокошин поблескивает хитроватыми глазами и отвечает:

— Письменный доклад и устное выступление просто дополнили друг друга...

Но российского оратора не перестают атаковать репортеры:

— Но где же тогда ваша истинная позиция по НАТО?
Кокошин уходит от ответа...

* * *

Россия нуждалась в более напористой защите своих интересов, в более серьезных шагах своих политиков. Нам часто не хватало американского нахальства там, где дело касалось российских интересов и авторитета страны.

Многие слишком горячие головы в Генштабе считали, что у нас был отличный противовес, который, дескать, мог заставить прислушаться зарвавшихся натовцев к голосу Москвы. И потому все чаще начинали доказывать, что мы должны и обязаны были засвечивать свой последний и самый мощный козырь — ядерные ракеты. При этом сторонники такой позиции апеллировали к тому, что России отлично подыгрывал президент Белоруссии Лукашенко, заявлявший, что, если НАТО полезет на Восток, он приостановит вывод российских частей РВСН.

Среди генштабовских сторонников жестких мер противодействия расширению НАТО на Восток были и такие, которые предлагали хотя бы блефануть своим тактическим ядерным оружием, пообещав расставить его вдоль западных границ. Предлагались и другие варианты: отказаться от ратификации Договора СНВ-2, выйти из Договора по обычным вооружениям в Европе, снять с себя обязательства не нацеливать ракеты на США и другие страны НАТО...

Наиболее здравомыслящие руководители и аналитики МО и Генштаба остужали горячие головы одним аргументом: такие меры — возврат к временам «холодной войны». Мы словно попали в заколдованный круг. НАТО прет на Восток — «расширяется зона европейской стабильности и мира». Россия хватается за ядерную дубину — «нагнетание военного психоза». А если эта проблема выносилась на повестку дня парламента, то можно было не сомневаться — там коммунисты, эндээровцы, жириновцы и яблочники учинят между собой яростный базар, который в итоге ничем не кончится.

Несчастлива страна, в которой парламентарии день и ночь брызжут слюной друг на друга и машут перед носом оппонентов кулаками, когда требуется одна, отвечающая высшим интересам государства, позиция.

Великая трагедия России — политические трепачи и краснобаи. Все знают, что надо делать, куда идти, но никто ничего не делает и никуда не идет.

Политический пустобрех — самая модная и престижная профессия в России конца XX века.

И «одиноким царем в Кремле», умеющий (точнее — умевший) демонстрировать высший пилотаж и железную волю, когда ему надо было спасти собственную карьеру, проявлял почти полную немощь, когда надо было спасти страну от грозящих ей военных опасностей.

Народ ждал от него ответа на тот же сакраментальный вопрос — что делать с НАТО? Несколько раз сказав уже банальное, что он «категорически против расширения блока на Восток», замолчал, уткнувшись в карту новой предвыборной битвы за право оставаться в Кремле.

Точного плана действий от него Россия не услышала. Он думал о выборах. Зато о НАТО думали другие. Слава богу, в России нет недостатка в светлых головах. Главный военный эксперт при правительстве РФ генерал-полковник Валерий Миронов говорил:

— Давайте спросим себя: стал ли мир более стабильным оттого, что Варшавского Договора давно нет, а остался один военный блок НАТО. Увы, не стал. Наоборот, локальные войны и вооруженные конфликты говорят об обратном. НАТО стремится к расширению на Восток, намереваясь взломать так называемую буферную зону и выйти вплотную к российским границам, возможно, с ядерным оружием. При этом НАТО намерен единолично определять, когда и насколько он продвинется и чьи интересы безопасности будут им приниматься во внимание, а чьи — нет. Разумеется, интересы России в расчет не берутся. Один из дипломатов в штаб-квартире НАТО откровенно заявил: «Россия слишком слаба, чтобы что-либо сделать в данной связи... К тому же, когда российская экономика будет перестроена, а армия восстановлена, русские уже привыкнут жить с расширенным НАТО». Напористости подобных стратегов мы должны противопоставлять твердость нашей позиции, отвергающей расширение НАТО.

Мы словно навсегда разучились играть на опережение. В большой политике это неминуемо приводит к трагическим последствиям для государства. Вплоть до того, что ставится под вопрос само его существование...

КОЗЫРИ

Чем реальнее становилась угроза продвижения НАТО на Восток, тем чаще наши генштабовские стратеги задумывались над тем, что же можно этому противопоставить.

Но стоило министру обороны Игорю Родионову в своей статье в «Независимой газете» — «Какой должна быть оборона?» — назвать только часть мер даже в качестве гипотетических, как раздалось недовольное ворчание руководства НАТО, Кремля и МИДа.

Происходило что-то странное, словно российское руководство очень боялось чем-то не угодить Западу. Там, на Западе, было что-то гораздо более важное, чем смелое и громкое объявление миру о готовности противостоять надвигающейся на Россию угрозе.

Там были деньги.

С помощью их режим еще мог как-то продержаться на плаву, в пожарном порядке расплачиваясь с бастующими шахтерами, медиками и учителями.

Если бы мы начали огрызаться, нам бы денег не дали.

И тогда бы от чубатых и лысых, рыжих и черных реформаторов осталось бы одно воспоминание...

Проявлялся сугубо ельцинский инстинкт: цели выживания для политического режима были гораздо важнее укрепления обороноспособности страны.

Вместо проявления реальной твердости в отношении с альянсом Москва продолжала лишь играть в нее.

Опять была выпущена утка о том, что наше тактическое ядерное оружие мы в случае несговорчивости НАТО нацелим на те базы в европейских странах бывшего Варшавского Договора, где будут размещаться объекты НАТО.

Западная пресса эту наживку быстро и с аппетитом съела (посмаковала и наша).

Кремль, как и всегда в подобных случаях, не подтвердил, но и не опроверг данную информацию. Разразившийся было скандалчик скоро пошел на убыль. Но вторая его серия началась, после того как Ельцин совершил предвыборную поездку в Екатеринбург. Там министр атомной промышленности РФ Виктор Михайлов, как это следовало из статьи в «Вашингтон пост», в доверительной беседе с американским журналистом во время торжественного приема проболтался о том, что Россия в случае необходимости уничтожит места размещения натовских ядерных боеголовок в Чехии после ее вступления в НАТО.

Начальник Управления информации Минатома Георгий Кауров тут же категорически опроверг утверждения американской газеты. Но «Вашингтон пост» заявила в ответ, что располагает магнитофонной записью слов Михайлова.

Это круто меняло дело. Еще и по той причине, что Михайлов был членом Совета безопасности РФ и, конечно, знал, что говорил. А говорил он гораздо меньше, чем знал. Его «утка», выпущенная все из того же кремлевского болота, была всего лишь пробным шаром для США и НАТО. Ибо никаких генштабовских планов перенацеливания наших ракет на Чехию не было и в помине...

И хотя перспективу такого шага в Генштабе все же не исключали, настоящая игра шла совсем по другим правилам.

К лету 1996 года в одном из аналитических подразделений ГШ я познакомился с документом, в котором подробно описывались явные и скрытые технологии продвижения НАТО на Восток, начиная от информационного обеспечения этой акции и заканчивая прогнозами будущих военных тренировок на новых российско-натовских границах (вплоть до провокаций на суше, на море и в воздухе). Запомнилось, что особенно мрачные перспективы отношений предвиделись в этой связи на российско-польской и российско-эстонской границах.

Запомнился и еще один вывод из того документа: не встречая адекватных политических, дипломатических, экономических и военных контрмер Москвы, НАТО методом «пробных шаров» в информационной войне и скрытых организационных действий сумел добиться реализации самого выгодного для себя и крайне неблагоприятного для России проекта.

Этот проект уже давно «работал».

Руководство НАТО время от времени вместо смещенного Грачева стало приглашать в свою штаб-квартиру Родионова. Министр обороны у России появился новый, но позиция осталась прежняя: мы стояли на том, чтобы мир на континенте обеспечивался прежде всего за счет структур европейской безопасности.

В НАТО прекрасно знали это. Министры обороны блока говорили членам нашей военной делегации, прибывшей на переговоры в Брюссель: «Нам известны ваши лозунги», «Ваши декларации для нас не новость».

Слышал я слова и покруче: «Мы устали от русской демагогии»...

Они прозвучали и в норвежском городе Бергене, куда Родионов был приглашен осенью 1996 года.

Я сидел рядом с министром, и у меня было такое впе-

чатление, что генсек НАТО Солана пригласил его в свой штаб только для того, чтобы показать своим генералам...

Знакомство с доставкой на дом.

Причем за наши деньги.

БЕРГЕН

Приезд Родионова в Норвегию осенью 1996 года на встречу с министрами обороны стран НАТО был, на мой взгляд, более важен для руководства альянса, нежели для России. К тому времени Хавьер Солана уже объявил, что в 1997 году вне зависимости от позиций Москвы вопрос о приеме новых членов в НАТО будет окончательно решен и что встреча с Родионовым станет, пожалуй, одной из последних сверок часов.

Явно преднамеренная утечка информации об этом из штаб-квартиры альянса в Бельгии была психологическим давлением на Москву, с тем чтобы русские вели себя более податливо. Стратегическая задача была понятна: вынудить Россию смириться с продвижением НАТО на Восток уже как с реальным фактом и навязать ей свои правила игры на перспективу.

Примерно дней за десять до отлета Родионова в Берген западные журналисты, аккредитованные в Москве, стали осаждать пресс-службу Минобороны просьбами встретиться с главой российского военного ведомства для интервью или хотя бы получить от него письменные ответы на интересующие их вопросы.

Было совершенно очевидно, что идет активная разведка позиции России на предстоящей встрече в Норвегии. Иностранных корреспондентов больше всего интересовало, будут ли принципиально новые моменты? Интерес подогревался еще и тем, что то был первый официальный контакт с руководством НАТО недавно назначенного министра обороны. Естественно, преждевременно выбалтывать наработки никто не собирался, и единственное, на что согласился Родионов, — дать интервью известному югославскому журналисту Лозански, да и то о проблематике НАТО-Россия говорил с ним в самой общей форме.

Молчание Родионова еще больше подогревало интерес к нему. Скажу даже больше: натовские спецслужбы развили небывалую активность, чтобы заблаговременно вынюхать содержание выступления Родионова, чтобы оно не

стало неожиданностью и можно было подготовиться к скоординированным «упреждающим мерам». В тот день я по неопытности чуть не влип в историю, которая могла бы сулить мне очень большие неприятности.

Когда наша делегация прибыла в штаб-квартиру НАТО в Бергене, ко мне подошла переводчица Соланы, чтобы уточнить порядок проведения пресс-конференции. Она вспомнила бывшего пресс-секретаря министра Елену Агапову, особый акцент делая на том, что «с ней легко работалось». Мне, естественно, не хотелось работать хуже Агаповой, и я пообещал, что со мной тоже проблем не будет.

Как только я проглотил эту наживку, сразу же последовала подсечка: переводчица попросила дать ей текст выступления Родионова, для того чтобы можно было заранее перевести его и таким образом не допустить неточностей в синхронном переводе. Тем более, утверждала моя собеседница, «Елена Александровна никогда не отказывала»...

Я уже протягивал переводчице текст речи министра, когда мое предательское намерение было пресечено твердой рукой нашего военного атташе в Норвегии.

— Этот текст вы получите через пять минут после выступления Родионова, — сказал он переводчице с американской улыбкой, — у нас сейчас новые требования.

Я до сих пор признателен полковнику.

Благодаря ему я вернулся на Родину действующим, а не отставным офицером.

Дело в том, что в речи Родионова было несколько таких принципиальных моментов, о которых натовские генералы не должны были знать заранее. Если бы это произошло, они смогли бы быстро провести скоординированную атаку на нашего министра на совещании. Идя же на него с незасвеченными картами, Родионов находился в выгодном положении.

Но Берген ничего не изменил.

Натовские генералы услышали из уст Родионова: «Мы против расширения альянса на Восток. Мы за то, чтобы усилить роль организации по безопасности и сотрудничеству в Европе».

Натовцы делали вид, что плохо слышат.

Они вели себя почти так же, как ведут себя генералы победившей армии с побежденными.

Улыбки не сползали с их лиц.

Нам было не до улыбок...

ЧЕМОДАНЧИК

В состав российской военной делегации, которая в сентябре 1996 года отправлялась в норвежский город Берген на переговоры с натовцами, я был включен в самый последний момент. В самолете начальник Управления внешних сношений Генштаба контр-адмирал Анатолий Негреев сказал мне, что накануне помощник американского военного атташе в России задолбал его факсами, прося подробную справку на «непланового» члена российской делегации.

А когда же Анатолий Дмитриевич увидел, с каким кейсом я лечу в Норвегию, он улыбнулся и предрек:

— С таким чемоданом ты поставишь на уши все натовские спецслужбы.

Он оказался провидцем...

Мой новый «дипломат» имел внушительные размеры и загадочный вид. Он был «наворочен» электронной панелью с цифровой клавиатурой, шифр-замком, пейджером, часовым табло и будильником. В нем был хитро вмонтирован мобильный телефон, а блестящие боковые защелки очень напоминали скрытые объективы фотоаппарата или кинокамеры, ручка — приемо-передающую антенну. Все это вместе создавало впечатление мобильного разведывательного центра.

Уже перед посадкой в машину в норвежском аэропорту я заметил среди многочисленных секьюрити высокого блондина, который попеременно приклеивался острым взглядом к моему лицу и кейсу.

Когда Родионов, Солана и их переводчики удалились для переговоров с глазу на глаз, остальным членам нашей делегации было предложено находиться в отдельной комнате. Со своим кейсом я не расставался ни на минуту — в нем были секретные документы.

В комнате ожидания курить было запрещено, и я с кейсом в руке вышел в коридор. Высокий блондин стоял под дверью и смотрел на меня настороженно. В том, что это «хвост», уже никаких сомнений не было (к каждому члену нашей делегации во время визитов за рубежом всегда приставлялся негласный персональный наблюдатель, который непрерывно вел «объект» от минуты прилета до момента отлета, фиксируя все контакты и перемещения).

— Извините, где здесь можно курить? — спросил я у блондина на плохом английском языке.

Он ничего не понимал или прикидывался.

Тогда я достал из кармана пачку сигарет и показал ему. Он четким жестом уличного регулировщика указал мне в маленький холл напротив, где на журнальном столике еще дымилась в пепельнице чья-то сигарета. Как только я погасил в ней и свой бычок, мой надзиратель тут же сурово указал мне на дверь комнаты. Уходя, я у открытого окна полной грудью жадно втянул в себя фальшивый воздух натовской демократии и побрел в узилище. Мой конвоир молча шел следом.

Меня злило такое негостеприимство. Тем более, что мы приехали в Норвегию всего лишь на день. А у меня не было даже возможности выйти в старинный парк у дома и осмотреть окрестности.

Через полчаса я вышел в коридор снова, надеясь перехитрить белобрысого тем, что якобы хочу в туалет, а сам прошмыгну в парк. Но он тут же встал на моем пути и подобно грозному полицейскому опять указал рукой на дверь.

— Ай хев ин туалет, — сказал я ему.

Он отрицательно покачал головой и чуть ли не затолкал меня в комнату ожидания.

Еще через час мне уже всерьез приспичило, и я пошел на прорыв. Блондин окинул меня свирепым взглядом, когда я снова высунулся в коридор.

— Ай хев вэры-вэры ин туалет, — сказал я ему, корча болезненную мину и хватаясь рукой за живот. Но не успел я сделать и два шага в сторону, как мой сторож рявкнул:

— Стоп!

И, выхватив из кармана мобильный телефон, стал что-то кому-то говорить на непонятном мне языке, другой рукой придерживая меня за рукав.

Прибежал переводчик.

— О'кей, — сказал он, — мы находимся в служебном здании НАТО, перемещения членов русской делегации здесь ограничены, и потому мы проводим вас до туалетной комнаты. Можете оставить свой портфель в комнате ожидания.

Я сказал переводчику, что в кейсе рабочие документы, а меня в любой момент могут вызвать к министру.

— А как вы узнаете об этом? — полюбопытствовал переводчик, скользнув хитрым взглядом по моему кейсу.

Я еле сдержался от этого наглого вопроса.

— Много будешь знать, быстро состаришься, — буркнул я, решительно направляясь к туалетной комнате.

Переводчик и секьюрити эскортировали меня к заветному туалетному. Я даже спиной чувствовал, что они не спускают глаз с моего кейса.

Я курил умышленно долго. Умышленно долго мыл руки и причесывался. Затем основательно стал изучать устройство автоматической подачи мыла и салфеток. Тут дверь приоткрылась — показалась натужно улыбающаяся физиономия переводчика:

— Вы еще не освободились?

Я решил поиздеваться над своими «хвостами» и зажег вторую сигарету...

Дверь несколько раз открывалась, и все повторялось:

— Вы скоро?

Я корчил такую рожу, словно у меня высшая стадия дизентерии. Вдруг в моем кейсе сработал будильник. Такого за ним раньше не водилось. Я выключил его и обратил внимание, что цифры на электронном табло стали гаснуть и появляться в совершенном беспорядке, словно кто-то невидимый баловался с часами и пейджером.

Я резко открыл дверь в коридор. Рядом с переводчиком и «хвостом» стоял третий человек с мобильным телефоном в руке, из которого торчала крохотная антенна, кончик которой представлял собой характерное для мобильного пеленгатора крохотное кольцо. Человек с этим аппаратом мигом испарился, а я снова был эскортирован в «стойло».

Время от времени мой «хвост» заглядывал в комнату, пытаюсь убедиться, что я на месте.

В комнате появились два новых человека в строгих костюмах, которые со скучным видом листали газеты, пили кофе и время от времени поглядывали в мою сторону.

С кейсом я подошел к окну, поставил его на подоконник и стал приводить в чувство будильник и пейджер, у которых явно «поехала крыша». За окном на высоких металлических мачтах развевались на ветру флаги натовских стран. Я на минуту оставил свою затею и ради любопытства пересчитал стяги. Все правильно — семнадцать (шестнадцать натовских и российский, поскольку встреча про-

ходила по формуле «16+1»). И тут только я заметил, что вместо российского на флагштоке болтаются два французских государственных флага, которые по расцветке похожи на наш (принципиальное отличие лишь в порядке расположения цветов).

Как бдительный российский патриот, я тут же усмотрел в этом злостную натовскую провокацию и попросил дежурного офицера вызвать переводчика, сказав ему, что у меня есть очень важный «ван квэстшин».

— Извините, есть проблемы? — неожиданно спросил меня по-русски один из надзирателей, отрываясь от газеты.

Я популярно объяснил ему, чем недоволен. Надзиратель схватился за мобильный телефон.

Через пять минут за окнами показались два человека в желтой униформе, которые в мгновение ока устранили несправедливость.

— Флаг снят? — спросил меня появившийся за спиной переводчик.

— Да, снят, — ответил я.

— Мне бы хотелось посмотреть, какого качества получится снимок, — глядя на мой кейс, сказал переводчик голосом, выдававшим едкий сарказм. — У вас хорошая наблюдательность и отличная аппаратура.

— У вас тоже не слабая, — съязвил и я, вспомнив о «сдуревшем» пейджере.

За мной в тот день везде волочился блондин: на переговоры, в столовую, на пресс-конференции, во время прогулки по городу, в гостинице, в магазине и даже на торжественном ужине в старинном дворце, куда я тоже притащился с кейсом.

На бесконечно длинных столах пестрели в огромных подносах норвежские морские деликатесы. Тут произошла интересная сцена: генсек НАТО Солана и человек двенадцать министров обороны стран блока оказались в плотной очереди друг за другом. А поскольку министр обороны России был самым важным гостем, Солана упорно хотел пропустить Игоря Николаевича впереди себя. Родионов отказался от такой привилегии и встал в очередь последним. И тут вдруг десятка два репортеров принялись бешено «расстреливать» эту компанию «кодаками» и «никонами» — момент был уникальный: генсек НАТО, дюжина глав военных ведомств государств блока и замыкающий их

министр обороны России стоят гуськом с тарелками в руках. Публика дружно улыбалась.

За пивным столом рядом со мной уселись переводчик и «телохранитель». Мой кейс стоял на полу под столом, а его плотно сжимал ногами. Мои соседи хитровато улыбались и спрашивали, как я нахожу норвежское пиво. Я показал большой палец. Мой бокал быстро опустел, а пива хотелось еще. Для этого надо было метров десять пройти до бара. Но не переться же туда с огромным кейсом и пустым бокалом?

— Если вам нравится наше пиво, то почему вы не пьете еще? — спросил меня переводчик.

Сказать ему, что я не могу оторваться от своего кейса, было бы глупо. Даже соврать я не знал как. Норвежец оказался сообразительным и учтивым человеком. Он что-то сказал секьюрити. Тот принес мне сразу три бокала и что-то буркнул на своем языке. Его сослуживец перевел:

— Мой друг приносит вам свои соболезнования и говорит, что, наверное, только в России офицеры работают во время отдыха.

— Но мы умеем и отдыхать во время работы, — сказал я, чокаясь.

Тут мой негласный охранник за весь день сказал лишь одно слово по-русски:

— Водька!

Мы дружно рассмеялись.

Когда я поздно ночью подъехал к трапу нашего самолета, блондин подошел попрощаться. Через переводчика он сказал мне:

— Мы сегодня славно поработали.

— Да, напряженный день, — сказал я.

Мы улыбнулись, пожав на прощанье друг другу руки.

БРЮССЕЛЬ

В декабре 1996 года российская военная делегация во главе с министром обороны прибыла в Брюссель на очередную встречу с руководством НАТО. Еще до отлета Родионова в Бельгию на Арбат поступила информация, что предстоящая встреча министра с Соланой будет похожа на «последнее предупреждение». Под таким соусом натовцы хотели, видимо, добиться некоторого смягчения позиций

Москвы против расширения НАТО. Российская сторона была к этому готова.

В самолете я просмотрел материалы нашей разведки, касающиеся того суммарного военного потенциала, который получал НАТО в случае расширения. Превосходство над нами было многократное и тотальное.

Логика подсказывала: надо выбрасывать наши последние козыри, говорить о конкретных военных мерах, которые Россия будет вынуждена принять в случае такого развития событий.

На бельгийской военной авиабазе Родионова встречал посол Виталий Чуркин. Перед тем как идти на переговоры с натовцами, дипломаты и военные сели в специально отведенной в аэропорту комнате за стол — согласовать позиции. Меня поразило, что Чуркин менторским тоном стал советовать нашим генералам, как себя вести на переговорах, и даже рекомендовал «не паниковать».

Он как бы между прочим посоветовал не касаться вопроса о перенацеливании ракет и не пугать натовцев никакими силовыми контрмерами.

Когда же от Чуркина последовали другие странные инструкции, то даже начальник Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковник Леонид Ивашов, человек в высшей степени выдержанный и интеллигентный, и тот не стерпел и был вынужден несколькими тактичными фразами осадить посла.

Мне вспомнилось выступление Ивашова на закрытых слушаниях в Думе в 1993 году. Тогда Леонид Григорьевич высказал несколько главных прогнозов насчет того, что ждет Россию в отношениях с НАТО в ближайшие годы. Каждый его прогноз сбился на сто процентов. Этот человек, никогда не поддающийся эмоциям и тем более политической конъюнктуре, когда дело касается анализа военно-стратегических проблем, был у нас на Арбате мудрым провидцем и дипломатом. Он был одним из тех немногих генералов, в котором сочетались лучшие качества представителей старой российской военной школы — профессионализм и интеллект, порядочность и интеллигентность.

Переговоры Родионова с Соланой с первой минуты пошли по руслу, о котором предупреждал нашего министра генерал Ивашов. Генсек НАТО начал нас «давить» и предупреждать, что расширение становится уже чуть ли не объективным историческим процессом.

— Вслед за расширением НАТО в Европу вновь возвратится «холодная война», — отрезал Родионов.

Солана не соглашался и говорил, что это уже в прошлом. Родионов доказывал свое. Опять не сошлись.

Не сошлись и в предложении Соланы подписать документ об обмене офицерами связи.

— Сначала надо подписать договор «Россия—НАТО», — сказал Родионов.

— Мы готовы подписать хартию, — уклонялся Солана.

— Только договор, — напирал министр.

Не сошлись...

ФИНИШ

...Потом был Хельсинки, где Клинтон и Ельцин ничего кардинально в проблеме не изменили.

Потом был майский Париж 1997 года, где Ельцин подписал Основополагающий акт «Россия—НАТО».

Еще задолго до этого события в Минобороны и Генштабе подготовили аналитический документ — сравнительный анализ российской и натовской военных группировок в Европе.

Я был настолько поражен изложенными в документе данными о мощи надвигающейся на Россию с Запада натовской армады, что не удержался и во время очередного визита в Боюссель показал материал летевшему в самолете вместе с российской делегацией военному обозревателю «Московских новостей» Александру Жилину (у меня давно сложились с ним доверительные отношения, поскольку мне импонировала его трезвая позиция в материалах на военные темы).

Сравнительная характеристика боевого потенциала Вооруженных сил России и НАТО в случае продвижения блока на Восток навевала грустные мысли. В генштабовском документе подчеркивалось, что с вхождением в Североатлантический союз государств «первой волны» (Польша, Чехия, Венгрия) НАТО продвинется на Восток к границам России до 750 километров. Это существенно сократит период стратегического предупреждения о нападении на Российскую Федерацию. При этом российские войска на территории Калининградской области окажутся в непосредственном соприкосновении с войсками блока. В Европе боевой состав войск НАТО увеличится по личному со-

ставу на 15%, по танкам — на 20%, по боевым самолетам — на 15%. Зона досягаемости территории РФ для авиации НАТО с аэродромов Польши будет достигать рубежа Мурманск—Котлас—Самара—Грозный.

Это лишь часть данных.

В ту пору (декабрь 96-го) нашей 470-тысячной группировке в Европе противостояли более чем 3,5-миллионные вооруженные силы стран Североатлантического альянса. Они насчитывали еще до принятия в альянс Венгрии, Польши и Чехии 43 полнокровных дивизии — 14 тысяч танков, почти 4,5 тысячи самолетов и 2,5 тысячи вертолетов, около 15 тысяч артиллерийских систем различных калибров. Три новые страны в блоке расширяли его состав на 13 дивизий.

Этот генштабовский документ «сбросили» в Кремль, в правительство, в МИД, в обе палаты Федерального собрания. В такой утечке был специальный умысел — дать понять высшей власти, что торопиться брать на себя в Париже обязательства, которые будут крайне невыгодны России, не следует, а необходимо выдвинуть НАТО свои встречные жесткие условия, которые позволили бы обеспечить хотя бы относительное равенство боевых потенциалов России и блока на западном театре военных действий. Но эти расчеты не оправдались...

Подготовка к подписанию основополагающего акта продолжалась в прежнем темпе. Ничего не изменилось и тогда, когда часть сведений из конфиденциального документа была «засвечена» в ряде российских газет. Создавалось впечатление, что кто-то в Кремле и в МИДе страшно торопится сделать очередной «исторический прорыв» в Париже, не обращая внимание на мнение Минобороны и Генерального штаба.

Мне было хорошо известно, что точка зрения руководства нашего военного ведомства игнорировалась в Кремле еще и потому, что там и к министру обороны Родионову, и к начальнику Генштаба Самсонову было, мягко говоря, слишком прохладное отношение. Между ними и секретарем Совета обороны Ю.Батуриным шла тогда явная и скрытая жестокая «война» по вопросам, касающимся новой концепции военной реформы. К тому же на обоих высших генералов кто-то регулярно поставлял в Кремль компромат, пытаясь убедить Ельцина, что эти военачальники принадлежат к нелояльной и опасной «военной оппозиции».

И можно понять, почему аналитический документ МО и ГШ о военном потенциале НАТО в Европе так быстро попал на стол президенту, который уже готовился к смещению министра и начальника Генштаба (тут стоит заметить особо, что это случилось всего лишь за 5 дней до подписания основополагающего акта в Париже, а новый глава военного ведомства генерал армии И.Сергеев не успел толком ознакомиться с документом, да и к тому же с первой минуты пребывания в должности продемонстрировал безоговорочную лояльность Верховному и, естественно, «испортить» визит президента во французскую столицу своим особым мнением не мог...).

Начиная с весны 1993 года официальная Москва вела себя как ломающаяся глуповатая девка в руках опытного натовского ухажера: она по инерции продолжала что-то вякать, а он, сразу не получив по рукам, уже шарил у нее за пазухой...

В Париже, образно говоря, дошло до публичного изнасилования с явными признаками добровольности. При этом Кремль и МИД делали оптимистическую мину и утверждали, что Москва «совершила новый исторический прорыв».

Странные у нас политики: даже позорное бегство с поля боя частенько представляют в виде победоносного шествия.

Для пресс-службы президента любой документ, подписанный Ельциным, — исторический. Иногда дел на копейку, а «продают» на рубль. Я уже хорошо знал многие эти фокусы, которые бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков метко обозвал паллиативами. Когда Борису Николаевичу сильно не хватало позитива, он позволял себе красочно пофантазировать.

Нас приучали принимать фальшивку за чистую монету.

Но генштабистов на мякине не проведешь. И если отбросить в сторону пропагандистскую шелуху, то станет ясно, что парижский документ — еще один акт признания Москвой факта своей окончательной капитуляции после «холодной войны» и предоставления НАТО возможности пользоваться этой победой по своему усмотрению.

Года четыре блок смотрел на Россию, как на брыкливую невесту. Затем упоил ее наркотиком комплиментов и затащил в парижскую койку. Остается одно утешение —

хоть забеременела от приличного мужика. И свидетельство имеется.

А если без шуток, то это жестокая расплата Кремля и МИДа за маловнятную и беспринципную политику уступок блоку, который заманил Ельцина в Париж и заставил поставить подпись под документом, открывающим для НАТО возможность диктовать нам свои правила игры.

Ястржембский радостно бил в кремлевские колокола и пел оды парижскому Акту. А на Арбате в Центре военно-стратегических исследований Генштаба по тому же поводу справляли панихиду... В одном из документов ЦВСИ говорилось: «Механизм политических консультаций, заложенный в Акте, не признает принципа консенсуса и по этой причине не дает России возможности эффективно влиять на принятие решений, затрагивающих ее национальную безопасность»...

Мой друг и духовный наставник отставной полковник Владимир Петрович Дроздов никогда не работал в Главном разведывательном управлении Генштаба, но часто делал такие военно-политические прогнозы, будто ему ежедневно из «Аквариума» на серебряном подносе подавали оригиналы самых секретных натовских директив. Этот провидец, которому еще во времена маршала Язова доверили быть одним из референтов министра, говорил мне:

— Попомни, сын мой, после Парижа НАТО будет похож на бодливого быка, который гуляет сам по себе. А Россия — на муху, зудящую на его рогах.

Я часто вспоминаю тебя, Петрович...

Потом был натовский мадридский саммит, куда мы не поехали, — надо было показать свою обиду...

Потом была Шуйская Чупа, где Ельцин, отвлекшись слегка от рыбалки, говорил, что Россия не согласится с приемом стран Балтии в НАТО.

Он напоминал мне соседского дедушку из моего далекого детства, который убеждал меня в том, что поезда по железной дороге ходят исключительно по его личному желанию. Дед лет сорок проработал на железной дороге и наизусть знал расписание поездов. «Вот сейчас захочу, — говорил он, незаметно для меня взглянув на часы, — и побежит поезд на Донбасс».

Вскоре на Донбасс бежала электричка.

Я лопался от восторга при этих фокусах.

До тех пор, пока не повзрослел...

* * *

Уже вскоре после смещения генерала армии Родионова с поста министра обороны в мае 1997 года руководство НАТО возвратилось к вопросу о том, чтобы в российском Генштабе расположились его представители. Клаус-Петер Клайбер, заместитель генерального секретаря НАТО по политическим вопросам, в связи с этим говорил:

— Так как взгляды НАТО и России становятся все ближе, мы должны информировать общественность о наших новых отношениях, чтобы заручиться ее поддержкой. Именно поэтому Основопологающий акт содержит также положение о создании Центра документации НАТО в Москве. Этот центр поможет удовлетворить потребность в информации о новом облике НАТО. Мы надеемся, что этот Центр будет создан и начнет работать уже в январе 1998 года.

И я вспомнил слова полковника Дилиа о компьютерах, которые он предлагал установить у нас в Генштабе и подключить их к Интернету...

Диалог Москвы и НАТО все еще был похож на разговор слепого с глухим, умного с глупцом. Тем более что ставить нас в глупое положение натовцы начинали все более откровенно.

В июне 1998 года министр обороны РФ маршал Игорь Сергеев прилетел в Брюссель, где его тепло приняли. Натовские генералы традиционно (до ушей) улыбались, говорили маршалу комплименты, в тысячный раз подчеркивали важность сотрудничества, партнерства и открытости...

А в это же время в обстановке строжайшей секретности готовился натовский план «силового устрашения» сербов.

Не успел Сергеев возвратиться в Москву, как авиационная армада блока зароилась в районе конфликта. То была унижительная неожиданность для высшего государственного и военного руководства России.

Москва устами Примакова недовольно заворчала. Один из натовских генералов, плутовато поблескивая глазами, на полном серьезе перед всем миром заявил в телекамеру, что «авиационные маневры Североатлантического альянса проводятся для помощи Ельцину на переговорах с югославским президентом».

Наверное, таким же образом можно было и перенацелить парочку наших межконтинентальных стратегических

ракет на Зимбабве — в помощь Клинтону, когда он проводил переговоры с африканскими товарищами.

Маршал Сергеев, плохо скрывая недовольство нечистоплотным приемом, примененным против России, твердил:

— Я солдат и привык к ясности.

Разобиженная Москва пыталась «отомстить» НАТО за коварство тем, что грозила отозвать из штаб-квартиры блока своего военного представителя генерала Виктора Заварзина (он оказался в неведении об акции, хотя натовцы обязались своевременно и точно информировать российского представителя о своих планах).

Генерал Леонид Ивашов по этому поводу заметил, что «информация о масштабах маневров, привлекаемых силах и средствах российским представителям давалась неполная и несвоевременная, даже искаженная... Данные, передаваемые российской стороне накануне учений, скорее походили на дезинформацию...»

Многие на Арбате были согласны с выводами генерала Ивашова о том, что НАТО начинает играть роль «европейского полицейского», который все больше делает ставку на военную силу, что противоречит нашему конструктивному подходу к сотрудничеству с Североатлантическим альянсом...

Ивашов говорил:

— Если НАТО предпримет какие-либо силовые акции без решения Совета безопасности ООН, то это станет преддверием новой «холодной войны»... Москва при всех сложностях найдет соответствующие оперативно-стратегические противовесы...

Казалось, нет в России политика или военачальника, который бы в унисон со всеми не говорил, что расширение НАТО на Восток и его безоглядные силовые решения в Европе несут в себе опасность.

В ответ на это в сотый, в тысячный раз звучало иное. Министр обороны США Уильям Коэн:

— В расширенном виде НАТО не представляет для России военной угрозы...

И пока мы вели многолетние, многочисленные и бесплодные диспуты и переговоры по этой проблеме, натовские генералы наносили на свои карты перспективные пункты дислокации оперативно-тактического ядерного оружия на территории Польши и с любопытством рассматривали в бинокли русские луга и перелески...

АМЕРИКА

Летом 1998 года командование одного из самых крупных и знаменитых военно-учебных заведений США — академии ВВС, располагающейся в Колорадо (Air Force Academy — AFA), пригласило меня прочитать несколько лекций о состоянии Российской армии и ходе ее реформирования.

29 августа я вылетел в Америку.

...Стюардесса «Боинга», узнав, что я лечу в Колорадо, с гордостью сообщила, что командир корабля когда-то окончил тамошнюю военную академию и что бывших военных летчиков, выходцев из стен AFA, «Дельта» переманила много. «Наша компания ценит асов».

В салоне дружно орали годовалые карапузы. Подтянутый и седой командир взял одного из них на руки и потцовски покачал. Узнав, что молодая американка купила кроху в Екатеринбурге, пошутил:

— Очень похож на Бориса Ельцина!

Когда наш самолет покидал русское небо, «Боря Ельцин» ревел сильнее всех. Таких купленных русских карапузов я насчитал в «Боинге» полторы дюжины. Молодые и пожилые мамы-американки счастливо признавались нам, что иметь «рашин бойз» в Америке сейчас очень престижно. Только в 1998 году американцы выкупили в России свыше 350 годовалых детей по цене от 2 до 5 тысяч долларов. После кризиса 17 августа «товар» значительно подорожал — московские сучки, например, еще до родов заламывали за своих детей по 25-30 тысяч баксов — но это уже из сугубо конфиденциальных источников...

Американский летный офицер встретил меня в ночном аэропорту Колорадо-спрингс с такой счастливой улыбкой, словно всю жизнь ждал этого момента. После 14-часового (с двумя посадками в Нью-Йорке и Цинциннати) полета состояние мое было как «после вчерашнего», но не сделать в ответ рот до ушей было неприлично. Я немало бывал за бугром и уже знаю, что улыбка в Америке, как чарка в России: нехорошо не чокаться, если вам предлагают.

Затем последовала череда других элементов американского гостеприимства с психологическим подтекстом. Офицер многозначительно заметил, что мы выходим через зал для VIP-гостей без всякого досмотра. Сели в новехонький японский «джип» со спецномером и немислимым

количеством прибабасов. Как только я сел в кресло, электронный кондиционер дунул на меня так, что чуть не оторвались уши.

Заехали за продуктами в гарнизонный магазин, где капитан предложил мне отовариться. О содержимом прилавков супермаркета, куда ежедневно заезжают американские летчики, их жены и дети, умышленно рассказывать не буду, потому что стыдно делать это — на моем рабочем столе лежала куча писем от наших полуголодных пилотов. В знак солидарности с ними я мужественно демонстрировал штатовскому капитану полное равнодушие к капиталистическому продовольственному разврату и не устоял лишь перед гигантской колорадской картофелиной, которой можно накормить взвод.

У въезда на территорию академии ждал меня еще один приятный сюрприз — огромное светящееся табло с мигающей надписью «Welcome colonel Baranets!».

Перед тем как заснуть в летной гостинице, я основательно «побегал» по пяти десяткам телеканалов, чтобы узнать, какие информационные блюда подаются гражданским и военным американцам. Забегая вперед, скажу, что всю неделю моего пребывания в академии на TV не было важнее новостей, чем сексскандал Клинтона, очередной успех бейсболиста Маквайра и кризис в России.

Утром я увидел в окне поросшие сосняком серые Скалистые горы и кусок василькового колорадского неба, в котором весело жужжал одномоторный желтый самолетик, тянущий за собой на тросе такой же желтый планер. Планер сильно повиливал крыльями, было ясно, что управляет им неопытный пилот. Это не прекращающееся днем и ночью самолетное стрекотание в небе над Колорадо — звуковой символ академии ВВС. В то утро в штабе АФА я узнал, что по плану здесь проводится 35 тысяч полетов в год.

Слушая американского полковника, я вспомнил письмо пяти лейтенантов российских ВВС в Минобороны, которые жаловались, что после выпуска из училища они полтора года не садились в кабины своих истребителей, что даже налет полковых асов — 10—15 часов в год (вместо 150 минимальных). Американские пацаны по этой части дают им фору. Чтобы заслужить значок «Крылья», курсанты летают 11 раз с инструктором и один раз — самостоятельно.

АФА основана в 1947 году, после того как ВВС США стали отдельным видом вооруженных сил. В соответствии с законом, подписанным президентом Дуайтом Эйзенхауэром, было решено создать отдельное учебное заведение, которое «отвечало бы самым высоким требованиям обороны страны с воздуха». Рассматривалось 580 вариантов дислокации.

Территория — 18,500 акров. Число первых курсантов — 380. Сейчас — 4000. Курсанты объединены в авиакрыло, состоящее из 4 групп. В каждой группе — 10 эскадрилий (по 100 курсантов).

С 1975 года на учебу в АФА стали принимать женщин. С тех пор более двух тысяч их закончили академию и были направлены в ВВС на различные летные и нелетные должности. Более 30 тысяч курсантов получили дипломы бакалавров, стали младшими лейтенантами. В ВВС США нет летной части, в которой бы сегодня не служили выпускники АФА.

Поступающему в академию кандидату должно быть не менее 17 и не более 23 лет, и он не должен состоять в браке. Для поступления в академию кандидаты должны получить рекомендацию от сенатора штата, от конгрессмена района или от вице-президента США. Не более 100 кандидатов могут получить рекомендацию от президента страны. Академия считается одной из лучших в стране по инженерному образованию. Среди преподавателей 45% докторов наук. В академии служат 1000 офицеров и 1200 унтер-офицеров, 1800 гражданских лиц.

Преподается 400 предметов, часть из которых курсанты выбирают по собственному усмотрению. Академия выдает дипломы по 30 основным и 4 вторичным специальностям. Десятки выпускников стали астронавтами. 127 выпускников погибли в боях, а 35 благополучно вернулись из плена. Более 200 выпускников стали генералами.

Руководитель приема в академию полковник Хеди Пинкертон говорил:

— Наша академия — один из самых элитных колледжей в США. Мы ищем тех, чьи качества и устремленность заключаются в том, чтобы найти самых талантливых людей, способных преданно служить нации в качестве офицера ВВС.

Начальник учебной части генерал-лейтенант Тэд Олстром вторил коллеге:

— Академия — это место, где молодой человек себя испытывает. Наша миссия — развивать и внушать молодым мужчинам и женщинам, что смысл карьеры военного летчика — преданно служить Отечеству.

А вот как объяснял свое решение стать военным летчиком кадет Майкл Томлинсон:

— Когда меня спрашивают, почему я поступил в академию, я отвечаю, что военный летчик — прекраснейшая профессия на земле и это лучшее место, где можно начать свою карьеру.

Академия — компактный научный город с современной и рациональной архитектурой. Вылизанные до картинности дороги умно вписаны в ландшафт, очень напоминающий курортный кавказский где-нибудь под Геленджиком. Много солнца, чистый горный воздух. На зеленом поле парадов часто можно видеть величественно марширующие олени выводки или индюшачьи стаи.

Светлые учебные корпуса под завязку набиты компьютерами, тренажерами, электронными стендами, макетами. В общежитии у каждого курсанта свой компьютер, но приобрести он его должен за личный счет. Есть огромная библиотека, в которой почти 700 тысяч книг и 500 так называемых авторских коллекций (есть и собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина). Сюда кадеты ходят при крайней необходимости: почти всю библиотечную информацию можно выудить с помощью «электронного самоучителя», который имеет доступ и к Интернету. Кстати, украинский курсант с татарской фамилией Юсупов, обучающийся здесь, признался мне, что регулярно читает по Интернету российские газеты.

В академии учатся 40 курсантов-иностранцев. Среди них — румыны и эстонцы, хорваты и словаки. Поляков и болгар аж по трое, что явно указывает на американский интерес к этим странам — их потихоньку затягивают в НАТО. Есть даже македонец и албанец. А русских нет. Это вызывает удивление преподавателей и кадетов. Правда, один русский кадет Устинов все же с трудом отыскался, но он отпрыск эмигранта.

Престиж АФА в Штатах особо ценится потому, что она дает университетское образование. Каждый курсант за годы учебы проходит полную программу по одной из четырех академических специальностей: инженерное дело, гуманитарная, основная (военная) и социальная наука.

Более 30 курсантов получили право продолжить образование в Оксфордском университете в Англии.

Многие курсанты признавались мне, что самый тяжелый период учебы — занятия на тренировочной базе академии в так называемой «Долине Джека». Там молодняк «берут на излом», заставляя переносить сверхчеловеческие трудности. Кто выдерживает — получает заветные погоны.

В академии — культ спорта. Вдоль дороги то и дело попадаются бегуны, среди которых я уже узнаю знакомых офицеров-преподавателей, разменявших шестой десяток. Сидящий за рулем Дейв говорит: «Три раза не сдал норматив — свободен. И министр не поможет».

Здесь никому не дают завести безобразный живот, который, как и в России, летчики называют «подвесным бачком».

Но не каждый кадет может стать летчиком. Это преподаватели и инструкторы определяют только на третьем году учебы курсантов. Так ставится заслон бездарям. По понедельникам вся академия выходит на парад. Собирается толпа зрителей. Гремит оркестр, развеваются флаги. Начальники, преподаватели, жены офицеров приветствуют марширующих так, словно только что они возвратились с победного поля битвы. В небе с оглушающим ревом проносятся два F-16. Кадеты сопровождают их жадными завистливыми взглядами.

Многие кадеты неплохо говорят на русском, японском, немецком и французском. Я побывал на занятиях по нашему языку. Система обучения очень интенсивна и сплошь компьютеризирована. Кадет вставляет лазерный диск, и на экране возникает московская толчея. Девушка что-то высматривает. Под экраном светится: «Это студентка Маша. Она ищет такси». Затем появляется молодой человек (явно с бодуна), который жадно засасывает стакан газировки из автомата. Надпись: «Это таксист Миша». И вдруг с экрана повеяло до боли родным: я увидел в толпе подполковника, нагруженного баулами.

— У вас в России сейчас очень трудно служить, — говорит мне кадет Тейлор, — мы сочувствуем вам.

У входа в аудиторию витрина. В ней помятая и промасленная летная фуражка советского образца с кокардой-«капустой». Рядом — бутылка «Московской» (пустая).

В соседней аудитории капитан Стив Лемберт читал лекцию об истории войны на Тихом океане. Будущим лет-

чикам напоминают черные уроки Перл-Харбора. Преподаватель говорит: «Чтобы лишиться себя внезапных неприятностей, надо заранее отрезать авиацию противника от пунктов снабжения горючим». Переводчик Крис шепчет мне на ухо: «Наши кадеты с молодых ногтей должны уметь мыслить не только тактически, но и стратегически».

Вечером в офицерском клубе была моя лекция о проблемах реформы нашей армии. Пришло человек сто — офицеры, кадеты, гражданские преподаватели. Слушали внимательно и сочувственно. Потом — уйма вопросов: «Почему в результате вашей реформы половина самолетов стали небоеспособными?», «Почему русская армия реформируется с 92-го года, а концепцию приняли только в августе 98-го?», «Зачем Ельцин за последние шесть лет поменял трех министров обороны и шесть начальников Генштаба?», «А правда, что русские ракеты очень старые и могут взорваться?». И, наконец, тот вопрос, который я предвидел еще в Москве:

— Почему русские не хотят дружить с НАТО?

— Мы не против, чтобы дружить. Но на равных.

— А можно ли на равных дружить сильному со слабым? Я начинаю лукавить:

— Я не считаю Америку такой уж слабой.

В зале — смех.

— Считаете ли вы НАТО военной угрозой для России?

— Безусловно.

— А почему же тогда поляки, чехи, венгры и другие ваши бывшие друзья, наоборот, боятся военной угрозы со стороны России?

— Этот блеф — лучший пропуск в предбанник НАТО.

Затем в гостиничном номере дискуссия продолжается за бутылкой русской водки. Хмель бьет по мозгам, и мои оппоненты — офицеры Стив, Кори и Джон (двое последних — плохо замаскированные разведчики) — задают вопросы и высказывают суждения все более откровенно. Чем больше пьем, тем жестче становится наша беседа.

Стив боготворит свою авиацию. Узнав, что когда-то я был танкистом, он с некоторым сарказмом замечает, что танки сегодня уже не играют прежней роли в бою. Он говорит:

— У нас есть такое оружие, что мне достаточно пролететь на одном участке — и дюжины ваших танков не станут.

Я знал, что имел в виду Стив, когда хвастался мне об американском секретном «чудо-оружии», хотя и не называл его тип. Я с великим трудом сдерживал свой хмельной язык за зубами, чтобы не сказать Лемберту: «Слушай, капитан, наши парни из разведки уже давно знают больше, чем ты, что делается на вашей фирме «Текстерон». Оружие, которое ты собираешься применять со своего самолета против наших танков, называется кассетными противотанковыми боеприпасами с инфракрасными датчиками цели. Не так ли? Хочешь марку? Плиз: «SBU-97». В каждой кассете — по 10 так называемых суббоеприпасов, в каждом суббоеприпасе — по 4 малоразмерных поражающих элемента «Skit». «Скиты» спускаются на землю на парашютах. Во время спуска инфракрасный датчик ведет поиск цели, обнаруживая ее по тепловому излучению, а затем выдает команду на пуск. Но только учти, my dear friend, что против этих ваших хитрых штучек русские золотые головы уже придумали противоядие».

Но этого я ему, конечно, не сказал. Я сказал ему другое.

— Ты будешь лететь над полем боя, а не на параде. У нас есть такие зенитные ракетные комплексы, которые еще далеко на подлете снимут твою «невидимку» с неба, как муху с потолка.

Кори поддерживает атаку Стива с другой стороны: «Великая миссия Америки и НАТО — научить все народы жить мирно». Я парирую: «А зачем же втихаря ссорите Россию с бывшими республиками Союза?»

Дискуссия принимает слишком серьезный оборот, и Джон гасит ее:

— Давайте лучше о женщинах...

Об этом ночном диспуте я рассказал начальнику кафедры истории АГА полковнику Карлу Риддлю. Его суждения мудры и проницательны. Он задумчиво сказал:

— Нам еще долго придется отстирывать свои мозги от пятен «холодной войны».

— Карл, — говорю я полковнику, — могут ли Россия и НАТО найти общий язык?

— Этот поиск, наверное, будет долгим. У нас слишком разные взгляды на проблему. Между нами еще слишком много подозрительности и неискренности. Америка и Россия — «инвалиды “холодной войны”». Главное — не откатиться к ней снова.

— Но мы ведь катимся.

— Да, слишком много неуклюжих движений с обеих сторон.

Чувствую, что этот разговор портит настроение нам обоим. И потому увожу его в другую сторону.

Я спрашиваю у Карла, есть ли в академии «дедовщина». Он не сразу понял, что это такое. Пришлось объяснить — это когда старослужащие дубасят молодых. «Для нас это дикость, — говорит Риддль, — здесь учатся цивилизованные люди, большинство из которых верующие и ходят в церковь».

Гарнизонная церковь — оригинальное строение в виде «гармошки» из вертикально стоящих алюминиевых крыльев. Службы ведутся для протестантов, католиков и иудеев. Тут служат 9 капелланов и проходит около 20 служб в неделю. Кадеты приходят исповедоваться в грехах, самым большим среди которых считается насилие над человеком.

Даже здесь, в святом месте, американских кадетов не покидает чувство юмора. Однажды пришли первокурсники. Увидели на стене странные деревянные кругляшки. Сержант объяснил, что к ним надо во время молитвы приставлять лоб. «Зеленые» дружно припали. Появившийся вскоре офицер чуть не лопнул со смеху — подчиненные исповедовались, прилипнув лбами к... вешалкам.

Офицеры и преподаватели академии живут в уютном жилом городке у подножия гор. Капитан Стив Лемберт пригласил меня на ужин в свой двухэтажный коттедж с гаражом и двумя машинами. У Стива красивая жена Лора, глядя на которую, никогда не скажешь, что она мать троих сыновей. Лемберты накрыли щедрый стол, хотелось быстрее дотянуться до множества вкусных яств. Но неожиданно одну мою руку осторожно взял шестилетний Эндрю, а другую отец семейства. Стив прочел короткую молитву, в которой благодарил Бога за пищу и мирно прожитый день.

Уже была ночь, когда мы со Стивом, прихватив бутылку русской водки и бутерброды, вышли на лужайку у дома и сели в уютные кресла. И снова, как и вчера в гостинице, по мере опустошения бутылки, наши разговоры становились все более откровенными. Я вспомнил слова мудрого полковника Риддля о том, что мозги русских и американских офицеров еще сильно заражены бактериями «холодной войны».

Потихоньку мы со Стивом снова выбрали на ухабистую дорогу российско-американских отношений. Я стал то и дело наезжать на Стива из-за того, что натовцы уже долгое время пытаются держать нас в дураках, заманивая в ловко устроенные ловушки сокращения стратегических наступательных вооружений. И при этом делают умопомрачительные фокусы со своим так называемым «возвратным потенциалом». Наша разведка в Штатах уже устала разоблачать это ракетно-ядерное напёрстничество. Стив хитро улыбается в ответ и говорит:

— Это дело больших политиков. Хотя я понимаю, что никому не хочется оставаться в дураках.

Стив говорит со мной уважительно, но в его словах то и дело звучат нотки, свидетельствующие о чувстве превосходства его страны над моей. Это еще больше раздражает меня — есть в этом что-то ущербное. Я вспомнил, как лет десять назад плыл на крейсере в Тихом океане, а команда повстречавшегося нам американского корабля приветствовала нас. А не так давно командир того же российского крейсера рассказывал мне, что теперь американские матросы часто показывают нашим голые задницы.

Но об этом Стиву мне рассказывать стыдно.

— Стив, — говорю я капитану, — мне понравились ваши офицеры и кадеты. Неужели вы действительно считаете, что Россия может угрожать вам и всему НАТО войной?

— Давай лучше выпьем, — уходит от ответа Лемберт, — а о большой политике пусть голова болит у боссов.

— Давай выпьем за наших детей, чтобы они никогда не видели войны, — говорю я.

— О'кей, — оживляется Стив, — хороший тост.

...Высоко в небе сияла галогеновая американская луна. В желтом свете ее плыл над ночными Скалистыми горами крохотный учебный самолетик, который колорадские кадеты прозвали «светлячком». А мне почему-то вспомнился летеха Кропоткин, сын полковника ВВС. Он бросил службу потому, что «два года не видел истребителя»...

На обратном пути в Москву штурманом «Боинга» был тоже выпускник АФА...

* * *

Поздней осенью 1998 года натовские стратеги стали планировать новые авиационные удары по сербам. Ельцин

помалкивал. Два или три высоких правительственных чиновника пробубнили что-то раздраженное для иностранной прессы. Свирепствовал Жириновский. Хлестко и жестко реагировал Селезнев. Его поддерживал Бабурин. Парламентская делегация ринулась в Косово. Югославов уговаривали разойтись с натовцами по-мирному. Те вроде бы согласились. Мир с облегчением вздохнул. Но до развязки конфликта было далеко...

В середине ноября 1998 года Россию ошарашила новая мрачная весть: руководство НАТО приняло решение «в случае необходимости» использовать в Югославии свои войска, игнорируя мнение Совета Безопасности ООН.

И я снова вспомнил пророческие слова мудрого Петровича о том, что НАТО неизбежно превратится в разрастающегося быка, на рогах которого будет зудеть беспомощная российская муха...

* * *

9 декабря 1998 года министр иностранных дел России Игорь Иванов выступал в Брюсселе перед руководством НАТО. Генеральный секретарь блока Хавьер Солана слушал его с той же своей знаменитой «улыбкой Джоконды».

Эта загадочная улыбка не испарилась с лица Соланы даже тогда, когда Иванов жестко сказал:

— Что касается нашей позиции относительно дальнейшего расширения НАТО, то она остается неизменной: Россия была, есть и будет против...

Ничего не изменилось.

Разве что государственных флагов стран — членов НАТО за спиной Соланы стало больше. А площадку для новых флажштоков командование блока приказало расширить с дальним прицелом...

* * *

Пожалуй, ни один крупный российский политик с такой жесткой последовательностью не сопротивлялся расширению НАТО на Восток, как Евгений Примаков. Какой бы он пост ни занимал — директора СВР, главы МИДа или премьера правительства, — позиция его оставалась неизменной. И когда натовцы приступили к разработке секретного плана военной операции в Югославии, они хорошо понимали, что с позицией России, которую во многом определял Примаков, нельзя будет не считаться.

За месяц до начала операции (в феврале 1999 года) по международному авторитету Примакова натовские спецслужбы нанесли массированный удар. Евгению Максимовичу припомнили многое из того времени, когда он был директором СВР (по сути, это был и компромат против России, формирование негативного отношения к которой являлось частью информационной войны НАТО).

С подачи американской, английской и других западных разведок в наиболее крупных СМИ были засвечены подробности некоторых операций СВР в Европе. Утверждалось, будто бы операция «Мост» была направлена на подрыв отношений между Германией и Австрией. Операция «Нейтрон» якобы имела цель настроить пражских рабочих против вступления Чехии в НАТО. В ходе операции «Дезо» (которая, по утверждению «авторитетных источников», проводилась совместно СВР и СИС — Словацкая информационная служба во главе с Иваном Лексом) финансировались неонацистские организации Чехии.

И вывод: «Примечательно, что, идя на подобный шаг, глава СВР Евгений Примаков фактически шел вразрез с официальной внешнеполитической линией России, задаваемой министром иностранных дел Андреем Козыревым. Тогдашний глава российского МИДа не раз заявлял о том, что Россия не возражает против присоединения бывших стран Варшавского блока к североатлантическим структурам».

И то была суцая правда — Евгений Максимович «шел вразрез». Но не с Россией, а с Козыревым...

ЮГОСЛАВИЯ

Руководство НАТО сдержало слово, данное еще осенью 98-го, — оно наплевало на итоги голосования Совета безопасности ООН и 24 марта 1999 года приказало нанести первые бомбовые удары по Югославии. Милошевичу инкриминировали то, что он отказался подписать ультиматум, предъявленный сербам в Рамбуйе, и чинит массовый геноцид в Косово. А по каналам Главного разведывательного управления Генштаба и Службы внешней разведки РФ еще до начала бомбежек поступили в Москву сообщения, что вспышка «геноцида» была специально инспирирована для оправдания военных действий.

Американские, английские, немецкие офицеры миссий связи, одновременно играющие роль инструкторов в отрядах так называемой Армии Освобождения Косово, активно подстрекали население бежать из края. Известный сербский политик Вук Драшкович назвал это «самой большой театральной массовкой в мире».

Циничная ложь натовского командования стала составной частью войны блока против сербов. Военно-транспортные самолеты США уже доставили в Вашингтон и Нью-Йорк 19 гробов с американскими спецназовцами, погибшими в подбитых сербами вертолетах, а штаб-квартира НАТО официально уверяла мир, что «человеческих жертв со стороны блока нет». Пилота первого сбитого F-117A уже зарыли в могилу под Лос-Анджелесом, а американские газеты печатали его «героический рассказ» о том, как он с помощью сослуживцев спасся от плена.

Офицер югославских ПВО ракетой российского переносного зенитного комплекса «Игла» сбил американский самолет, а натовские генералы доказывали, что он «потерпел катастрофу из-за технических неисправностей»...

Главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Уэсли Кларк, не моргнув глазом, доказывал, что летчик «по ошибке» выпустил четыре ракеты по сербскому пассажирскому поезду, хотя на ленте фотоконтроля истребителя отчетливо было видно, что пилот цепко держал в прицеле вагоны.

Лицемерие натовцев безгранично. Руководитель пресс-службы штаб-квартиры НАТО в Брюсселе Джемми Шеа на пресс-конференции показывал журналистам сделанный из космоса снимок албанской деревни и говорил, что теперь она дотла сожжена сербами. Американский репортер просит Шеа показать фото спаленной деревушки.

Шеа плутовато сверкает глазами и говорит:

— К сожалению, этот снимок секретный.

В зале — взрыв смеха...

Вероломная ложь пресс-службы НАТО, которую ежедневно в течение двух с половиной месяцев войны озвучивал перед журналистами ее представитель Джемми Шеа, в конце концов «достала» и международную организацию «Репортеры без границ». Она распространила доклад, в котором приводилось огромное количество примеров беспардонного вранья, систематически исходившего из уст главного рупора альянса.

Натовские информаторы цинично гнали любую грязную «дезу», которая могла хоть как-то оправдать агрессию. Сообщалось, например, о «казни сербскими силами одного из албанских лидеров Фехми Агани», о «ранении и пропаже без вести Ибрагима Руговы», о «разрушенных сербской артиллерией деревнях». Впрочем, чему удивляться? Ложь — психологическое оружие войны. На войне никогда не бывает правды. Правдой может быть лишь одно — победа или поражение...

Российская разведка сообщала в Москву из европейских столиц, что там проходят массовые демонстрации против бомбардировок Югославии, а русские редакции радиостанций «Свобода» и «Голос Америки» в один голос твердили: «Европа дружно поддерживает НАТО и призывает его наказать Милошевича».

«Свобода» и «Голос Америки» вели психологическую обработку россиян в топорном стиле. Почти каждая передача, будь она о зубной пасте, антипоносном лекарстве или о классической литературе, была насыщена антисербским идеологическим ядом.

Офицеры Генштаба и ФАПСИ, читая материалы радиоперехватов, лопались со смеху: какой-то прогоревший коммерсант из Челябинска по «Свободе» клеймил Милошевича за то, что он «помешал работе совместного российско-югославского предприятия». А тетка из Ясной Поляны с дикцией пьяной бомжихи с вдохновением цитировала какое-то письмо Льва Толстого, призывавшего «не любить сербов, а любить всех».

* * *

В тот день, когда натовские пилоты выпустили по Белграду самое большое количество ракет, Президент России вручал какую-то награду лучшему геральдисту страны.

НАТО продолжало терзать Югославию ракетами и бомбами.

Московский бомонд славненько оттягивался в «Метрополе» на юбилее Аллы Пугачевой.

В тот день во многих газетах появился жуткий снимок сербской девочки, у которой взрывом бомбы оторвало ноги. В ее по-старушечьи печальных глазах — боль, упрек и мольба.

Мне было стыдно смотреть в ее глаза...

Я позвонил Игорю Николаевичу Родионову и спросил его, может ли югославский конфликт перерасти в третью мировую войну?

Он ответил не сразу. На другой день прислал по факсу трехстраничную записку, которая начиналась такими словами: «Может быть, мой ответ покажется странным, но третья мировая уже идет...»

Американцы призывали резервистов. Натовские послы по всему миру агитировали правительства стран, не входящих в блок, оказывать Североатлантическому альянсу политическую помощь. Болгария и Румыния, Австрия и Балтия тут же откликнулись на призыв НАТО — так создавалась видимость всемирной поддержки действий блока. Желая выслужиться перед НАТО, Венгрия три дня тормозила российскую колонну МЧС с гуманитарным грузом для Югославии.

На этом фоне отважным европейским рыцарем, бросившим вызов гиганту НАТО, выглядела крошечная Швейцария — она категорически отказалась пропускать натовские военные самолеты через свое воздушное пространство.

Война в Югославии резко меняла политическую жизнь Европы. Отношения Москвы и НАТО отбрасывались на позиции 50-летней давности. С той лишь разницей, что тогда у Москвы было несметное число союзников, а сейчас она могла опираться лишь на Белоруссию, Таджикистан и Армению.

Ельцин, изредка бросающий негодующие кличи в адрес НАТО, поразил всех внезапным решением: в мае он назначил Виктора Черномырдина своим представителем по урегулированию конфликта в Югославии. Черномырдин, еще с марта 1998 года обиженный на Кремль из-за своей отставки и явно мучающийся положением политика с гаснущей популярностью, воссиял. Он частенько стал появляться в телевизоре.

За минувший год говорить по-русски он так и не научился. Из винегрета его слов без переводчика только и можно было понять, что война в Югославии — «безобразие», а Россия в нее втягиваться не будет.

Назначение Черномырдина советником президента имело особый расчет в политических интригах Кремля. Оно было публичной пощечиной «не оправдавшему надежд» Примакову, усиления позиций которого очень опа-

салось ельцинское окружение. Ельцин играл в свою любимую игру «сдержки и противовесы».

ГЕНЕРАЛ ИВАШОВ ПРОТИВ ЧЕРНОМЫРДИНА

К этому сенсационному решению президента многие политики и военные в Москве отнеслись с немалым подозрением. И были на то свои причины. К лету в столице все чаще поговаривали о политическом преемнике Ельцина, а столь резкое возвышение Черномырдина, терявшего популярность после отставки, вроде бы указывало на то, что «семья» определилась и ставит на ЧВС.

Однако хорошо знающие кремлевскую кухню аналитики читали эту ситуацию по-другому. Дескать, Ельцин с подачи «семьи» таким образом давал Черномырдину исторический шанс: победа на переговорах с натовцами становилась отличной стартовой площадкой для начала выборной кампании Виктора Степановича, а если поражение — «сам виноват». Черномырдин сильно рисковал. У него было слишком мало шансов на то, чтобы выиграть, и слишком много, чтобы проиграть.

Назначение Черномырдина спецпредставителем вызвало немало саркастических реплик во многих арбатских кабинетах. И не только потому, что у людей, хорошо знавших Виктора Степановича, были сомнения в дипломатических способностях «газовика».

Тут был и еще один существенный фактор: поручив Черномырдину играть главную роль на переговорах с натовцами, Ельцин отодвинул на второй план министра иностранных дел Игоря Иванова, давно, как говорится, вросшего в проблему и занимавшего прагматичную и жесткую позицию на переговорах по Югославии. Иванов четко излагал не только политические, но и военные подходы России к разрешению кризиса, прислушиваясь к соображениям минобороновского и генштабовского генералитета, чем и вызывал к себе уважение у многих на Арбате.

Отправляясь в Белград в начале июня на окончательную выработку плана урегулирования кризиса, Черномырдин включил в состав своей делегации начальника Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ генерал-полковника Леонида Ивашова. Когда наступил решающий момент переговоров и российским представителям надо было выразить свое отношение к плану

урегулирования, стало ясно, что у Черномырдина и Ивашова нет согласованной позиции.

Черномырдин фактически соглашался с натовским вариантом решения косовской проблемы, который был предложен Милошевичу. России же были предъявлены ультимативные требования: или она участвует в операции, или «может быть свободной». Ситуация складывалась парадоксальная. Весь мир трубил, что Россия внесла решающую роль в прекращение войны, а в реализации договоренностей ей отводили третьестепенное место.

Ивашов считал, что прекращение бомбардировок должно стать первым и главным пунктом плана урегулирования. Принципиальные разногласия между Черномырдиным и Ивашовым (а точнее — между Ивашовым и НАТО) были и по другим пунктам плана, в частности по тому, войдут ли российские миротворцы в Косово в подчинение натовского командования или будут действовать самостоятельно, будет ли у них свой сектор ответственности или нет.

Натовцы настояли на том, чтобы в текст соглашения, обсуждавшегося в Бонне, в тот пункт, где говорилось о необходимости вывода югославских полицейских и вооруженных сил, не без ведома Черномырдина было добавлено слово «всех». Ивашов был категорически против этого и доказывал, что, как только сербская полиция и армия покинут Косово, неминуемо начнется резня (и тут он на все 100 процентов оказался прав, что и подтвердило уже вскоре развитие событий).

Сенсационная информация о наметившихся противоречиях между спецпредставителем российского президента и сопровождавшим его генералом Ивашовым мгновенно долетела до Москвы. В Госдуме тут же раздались требования пригласить Черномырдина, Иванова, Сергеева и Ивашова. В парламентских кабинетах звучали гневные реплики по поводу того, что «Черномырдин идет на уступки НАТО».

По военно-дипломатическим каналам в Москву из Белграда поступила и более серьезная информация: во время встречи с Милошевичем Черномырдин сказал ему, что представленный ему план урегулирования якобы полностью согласован с Кремлем и МИДом. А это не совсем соответствовало действительности.

Чтобы загасить зреющий скандал, советник Черномырдина Валентин Сергеев категорически опроверг «зlostные

слухи». Как потом выяснилось, то была неуклюжая попытка показать хорошую мину при плохой игре. Сергеев явно пытался спасти ЧВС.

Лукавую позицию занимал и маршал Сергеев. Отвечая на вопросы корреспондента «Интерфакса», он упорно настаивал: «Вы обязательно напишите: «Никаких противоречий нет».

Противоречия были, и очень серьезные.

В тот же день, поговорив с некоторыми генералами и офицерами МО и Генштаба, располагавшими сведениями о деталях переговоров с натовцами, я узнал, что Ивашов, которого поддерживал Иванов, вступил в конфронтацию с Черномырдиным. Более того, сам Леонид Григорьевич уже вскоре в интервью для телевидения в Минске подтвердил, что принципиально не согласен с рядом требований и положений плана, предложенного натовским руководством:

— План содержит в себе ряд опасных моментов, угрожающих суверенитету СРЮ, а при его реализации Россия попадает в зависимость от НАТО.

Его смелостью и логикой нельзя было не восхищаться. Этот русский генерал, которого я знал еще с конца 80-х, уже много раз был сильно бит судьбой за то, что не умел угодливо подстраиваться под мнение стоявших над ним политиков и военачальников. И даже после того, как его после августовских событий 1991 года наказали смещением с высокой должности начальника Управления делами МО «за лояльность к маршалу Язову» и слишком самостоятельную позицию, он так и не научился держать нос по ветру, поддакивать кремлевским или правительственным чиновникам.

Вместе с министром обороны и генералом Ивашовым мне довелось участвовать во многих переговорах с натовцами. И везде, будь то в Москве, Брюсселе или Риме, Леонид Григорьевич неизменно следовал принципам, которые отвечали высшим интересам России. Чем больше мне приходилось сталкиваться с Ивашовым во время службы на Арбате, тем чаще я замечал, что его взгляды на отношения России и НАТО, особенно после принятия блоком решения о расширении на Восток, начинают ужесточаться.

Происходила своеобразная трансформация, за которой я с большим любопытством наблюдал, поскольку всегда

считал Леонида Григорьевича неким мерилом нравственного и профессионального авторитета. И признаюсь, что даже короткие минуты нашего общения часто использовал для того, чтобы выверить взгляды и выводы, которые как пресс-секретарю министра обороны надо было использовать при подготовке тезисов статей и выступлений Родионова по внутренней и международной военной проблематике.

После этого Игорь Николаевич сам корректировал текст и всегда интересовался, с кем из специалистов МО и Генштаба я согласовывал материал. Если проект статьи или речи поступал с визой Ивашова, то он обычно подвергался правке в минимальной степени (вывод управления Ивашова из подчинения начальнику Генштаба и «замыкание» его в 1996 году на министра был доказательством того, что Родионов стремился приближать к себе лучшие интеллектуальные силы).

Однажды я работал над тезисами статьи министра, в которой рассматривались возможные варианты силовых контрмер России против расширения НАТО на Восток. Накануне Родионов надиктовал мне ключевые положения, а остальное разрешил изложить по собственному усмотрению. Зная умонастроения министра, я «соорудил» очень грозный пакет возможных военно-политических контрмер, что называется, на грани фола, но мучили сомнения, реалистично ли все это? Я продолжал работать над статьей даже во время визита в Италию.

Поздним вечером во время прогулки по резиденции нашего посла в Риме я решил исповедаться Ивашову в своих сомнениях. Тогда Леонид Григорьевич уберег меня от соблазна запугивать НАТО разного рода ядерными страшилками и примитивным блефом о возможном перенацеливании наших стратегических ракет на страны блока.

Я затем много раз вспоминал о том нашем разговоре: и в октябре 98-го, и в марте — апреле 99-го, когда генералу Ивашову выпала тяжелая «взрывоопасная» роль формулировщика военно-политических позиций России перед началом натовской операции в Косово и после. С такой громкой и запредельной жесткостью этого не делал еще ни один кадровый генерал современной Российской армии. Прежнего Ивашова, умеющего излагать самые острые вопросы с ювелирной тонкостью, я уже не видел. Кто знает, не избери Леонид Григорьевич такую манеру общения с

натовцами, они, возможно, продолжали бы отмахиваться от нас, как коровы от назойливых мух.

Натовская агрессия в Югославии ярко высветила нескордированность и непоследовательность позиций Кремля, Минобороны, Генштаба, правительства и парламента. Это и привело к тому, что иногда не Верховный Главнокомандующий руководил высшим генералитетом, а наоборот. Достаточно проследить цепь некоторых фактов. Начало агрессии НАТО. Ельцин громогласно заявляет, что Россия может даже пойти на оказание военно-технической помощи Югославии. Затем: «Мы не дадим тронуть Косово... Это не пройдет... Вот и все».

Следом осторожный министр Сергеев излагает свою позицию в унисон Ельцину. За ним — начальник Генштаба Квашнин формулирует те же мысли, но чуть жестче. Начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-полковник Владислав Путилин делает тонкий намек: «Российские войска располагают всем необходимым, чтобы выполнить приказ президента и правительства в связи с текущим развитием событий вокруг Косово». В тот же период генерал Ивашов публично заявляет, что если НАТО решится использовать военную силу против суверенной Югославии, то Россия выйдет из режима санкций, запрещающих поставки оружия Сербии.

А вскоре пресс-секретарь президента Дмитрий Якушкин уже страстно уговаривал российское и мировое общественное мнение «не обращать внимания на заявления некоторых военных о возможности какой-либо военной помощи Белграду в случае силовой развязки кризиса». В действиях Кремля и верхушки военного ведомства не было единства.

О политической активности Верховного Главнокомандующего в тот период говорить не приходится: Ельцин иногда неделями «выдерживал паузу», что в экстремальных ситуациях для главы такого государства было совершенно недопустимо. В конце концов все закончилось тем, что генералы принесли президенту свой план операции и фактически навязали ему свою волю.

Но не будем забегать вперед.

...В июньском Белграде генерал Ивашов снова сильно рисковал навлечь на себя неприятности, сопротивляясь нахальному напору натовцев и не слишком жестко пытавшемуся ставить их на место Черномырдину. Некоторые рос-

сийские СМИ возмущенно твердили о том, что «Ивашов лишает Россию шанса сыграть историческую роль в утверждении мира на Балканах». Его обвиняли в недопустимой для генерала самостоятельной позиции и даже требовали немедленно подать в отставку.

Сотрудники нашего военного атташата в Белграде передали в Генштаб, что югославы раздражены позицией Черномырдина и считают, что своей податливостью он «вынуждает Югославию капитулировать перед НАТО на унижительных условиях».

Я позвонил в Посольство Югославии в Москве, чтобы узнать об отношении посла Милошевича (брата президента СРЮ) и военного атташе к переговорам в Белграде. Обычно вежливо говорившие со мной по телефону сотрудники посольства на этот раз общались в откровенно хамской манере капризных московских секретарш. Они грубили, разговаривали на повышенных тонах и даже бросали трубку, не дослушав до конца мои вопросы.

Меня это поражало. Но я снова, в десятый, двадцатый раз, звонил в югославское посольство и тоже, как братушки-сербы, орал в телефонную трубку и доказывал, что они поступают глупо, отказываясь от нашей информационной помощи. У нас была отличная возможность с помощью некоторых центральных российских СМИ не оставить камня на камне от лжи пресс-службы НАТО, радио «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си и эффективно противодействовать явно подыгрывающей НАТО информационной политике некоторых наших телекомпаний и газет.

Безусловно, стратегия и тактика решения этого вопроса должна была определяться в «верхах» — на уровне правительств, генштабов, разведок России и Югославии. Но даже примитивной координации действий Москвы и Белграда в информационной войне против НАТО не было.

Однажды терпение югославской контрразведки лопнуло, и она была вынуждена выдворить группу телерепортеров НТВ из страны. Мотивировка была формально-примитивной — «за необъективность» (хотя сербские спецслужбы располагали сведениями о том, что с помощью некоторых российских тележурналистов ЦРУ пытается выведать место содержания троих американских солдат, плененных сербами).

А в Генштабе, после того как Ельцин встретился с Черномырдиным в Кремле, по большому секрету передавалась

из уст в уста информация о том, что Б.Н. пригласил к себе Иванова и сказал, что МИД должен «плотно курировать косовское урегулирование и довести дело до конца».

Это был принципиальный момент.

Он свидетельствовал о том, что Ельцин изменил свое отношение к миссии Черномырдина и снова поручает МИДу роль ударной силы на переговорах с НАТО по Косово. О таком повороте дела свидетельствовало и то, что для дальнейшего ведения переговоров за границу снаряжалась новая делегация во главе с Ивановым. В состав ее был включен и генерал Ивашов.

Черномырдина в составе делегации не было.

Но и сам ЧВС, и его советник Сергеев без ложной скромности заявили в СМИ, что «президент остался доволен».

Вскоре Черномырдин появился в телевизоре и стал твердить, что на переговорах с натовцами он действовал в «строгом соответствии с указаниями президента». Он выглядел злым и растерянным. В его «фирменной» косной и малосвязной речи лишь местами обнаруживалось подобие логики и ясно формулируемой мысли. Одно лишь можно было понять совершенно четко: негодование Виктора Степановича было связано с генералом Ивашовым, хотя фамилию его он не называл.

Он был больше похож на бригадира газовиков, устраивающего разнос провинившимся подчиненным, нежели на дипломата. И уж совсем не был похож на кандидата в президенты страны, когда сказал, опять-таки явно в отношении Ивашова:

— Кто он такой?! Он должен подчиняться министру обороны и выполнять его распоряжения!

А затем стал повторять тезис, из-за которого в Белграде и разгорелась свара: «Наш воинский контингент никогда не будет подчиняться НАТО в Косово. Никогда!»

А тем временем развязка югославской войны шла уже по натовскому плану: сербские генералы получали от командования альянса четкие распоряжения, когда, где и в каком порядке они должны выводить свои войска из Косово. Пресс-секретарь НАТО Джемми Шеа и тут не упустил возможности поизголяться над сербами: «Мы не договариваемся с ними, мы диктуем свои условия».

За все время войны это была, пожалуй, единственная правдивая фраза.

БРОСОК НА ПРИШТИНУ

В начале июня 1999 года Милошевич принял жесткие условия, продиктованные ему натовцами, и согласился на вывод своих войск из Косово. Командование НАТО начало спешно готовиться к вводу миротворческих подразделений в провинцию, не обращая внимания на требования России учесть ее предложения. Наши продолжали упорно настаивать на том, чтобы им предоставили свой сектор ответственности, и были категорически против того, чтобы российским контингентом командовал натовский генерал.

Однако еще не было ясно, из каких источников будет оплачиваться наше участие в операции (цифры назывались разные — от 150 до 200 миллионов долларов в год, а позже окажется, что хватит и 70). ООН, где почти все решения принимались под диктовку американцев, настаивала на принципе «каждый платит за себя». Россия требовала, чтобы операция проводилась под патронажем ООН (США упорно противились этому, поскольку побаивались принятия роли НАТО вообще, а своей — в частности).

Пока наши дипломаты и военные продолжали спорить с натовцами о принципах нашего участия в косовском урегулировании, российская разведка на Балканах пронюхала некоторые детали операции, которая разрабатывалась в Брюсселе и штабе британского генерала Майка Джексона (и даже то, что его командный пункт после ввода войск в Косово будет находиться на аэродроме Слатина близ Приштины).

В МИДе, Минобороны и Генштабе лихорадочно просчитывали, как не допустить, чтобы миротворческая операция проводилась без нашего участия и на невыгодных для нас условиях. Чем меньше оставалось времени до ввода войск, тем больше становилось ясно, что тягомотные дипломатические дискуссии, которые вел в Москве замгоссекретаря США Струоб Тэлботт, играют на руку натовцам и служат лишь маскировкой форсированной подготовки войск блока к броску в Косово (в нашем Генштабе уже знали, что подразделения спецназа и разведки НАТО проникли на территорию края).

Сопровождавшие Тэлботта американские генералы прямо из здания Минобороны РФ связывались с Вашингтоном и Брюсселем и продолжали утверждать, что операция начнется лишь через сутки. Разгадав эту уловку, россий-

ские дипломаты и военные на переговорах с Тэлботтом искусно демонстрировали, что искренне клюют на нее.

А в это время между Генштабом и штабом миротворческой бригады полковника Николая Игнатова в Углевике (Босния) состоялся по засекреченной связи блиц-обмен сообщениями, о сути которых в МО и ГШ знало не больше дюжины высших генералов.

У тех же, кто уже знал, что замышляется в Главном оперативном управлении Генштаба, однажды сильно екнуло сердце, когда генерал Ивашов высказался перед телекамерами в том смысле, что если натовцы не хотят представлять нам свой сектор, то мы и спрашивать не будем...

В тот же день начальник Генштаба Квашнин доложил замысел операции Ельцину и получил «добро». Уже через сорок минут, после того как он покинул Кремль, генерал Заварзин получил из Генштаба зашифрованную директиву. Ему было приказано немедленно приступить к операции.

Как только в Углевике стало темнеть, небольшие группы БТР и машин стали выходить за ворота части, якобы для патрулирования. В назначенном месте собралась колонна из 50 бронетранспортеров, боевых машин десанта и автомобилей со 170 нашими десантниками, которая рванула по Югославии на юг. Разведка дислоцирующейся рядом с российской бригадой американской дивизии и агентства ЦРУ в СРЮ узнали об этом слишком поздно — когда наша колонна была на подходе к Косово.

Американские тележурналисты с плохо скрываемым паническим изумлением орали в микрофоны, что «не могут поверить своим глазам», а следом за ними и дикторы НТВ с каким-то похоронно-раздраженным унынием сообщали соотечественникам, что наши десантники обвели натовцев вокруг пальца.

Клинтон не удержался от того, чтобы публично дать громкую оплеуху Центральному разведывательному управлению США: он заявил, что о марше русских узнал из телепередач. Руководство ЦРУ моментально попыталось смыть позорное пятно с мундира и сообщило, что еще накануне марша запеленговало секретные переговоры между российским Генштабом и штабом российской бригады в Углевике.

Такая «реабилитация» выглядела глупо, ибо никаких контрмер американцы своевременно не предприняли, да и не могли этого сделать, поскольку перехватили всего лишь

«дезу». И уже вскоре из Вашингтона в Москву поступила конфиденциальная депеша, в которой предсказывалось, что, вероятно, замдиректора ЦРУ по оперативной работе Джек Даунинг и начальник евразийского управления Джон Бендер полетят с постов.

Тучи над ними уже сгущались после попадания американской ракеты в китайское посольство в Белграде, за которым последовало три десятка ошибочных ракетно-бомбовых ударов, приведших к гибели многих сотен ни в чем не повинных сербов и албанцев. А после того как Даунинг и Бендер проморгали выход колонны десантников из расположения бригады полковника Н.Игнатов, отставка двух высокопоставленных разведчиков ЦРУ стала неминуемой, что вскоре и случилось.

...Преодолев более 500 километров, наша колонна перед рассветом ворвалась на косовский аэродром Слатина. Он был взят под контроль за несколько часов до того, как туда прибыло передовое подразделение английских разведчиков для подготовки места дислокации штаба генерала Джексона.

Тогда, пожалуй, всего лишь Ельцин и несколько высших генералов МО и Генштаба знали, что срочный захват аэродрома Слатина нашими десантниками был вызван не только тактическими соображениями. Была и другая причина: сербы не успевали эвакуировать свое секретное аэродромное оборудование и оружие (ракеты и бомбы) и через югославский Генштаб в Москву поступила просьба «прикрыть отход».

Наши десантники выполнили приказ — захватили косовский аэродром. Но мы страна уникальная еще и в том смысле, что среди наших сограждан есть огромное сословие людей, которые успехи воспринимают как позорные поражения, а поражения — как справедливую кару «за вредность». И в этом, мне кажется, заключается тайна уничтожения национальной гордости, развития инстинктов неуважения к себе. Не потому ли нас незаметно приучили писать слово Родина с маленькой буквы, а чувство патриотизма превращено в признак отвратительной «моральной гнилости» российской души...

Если бы русские первыми высадились на Марсе или выиграли чемпионат мира по футболу, наверняка и тогда нашлись бы среди нас «особенные люди», которые с той же логикой сумели испоганить нам и эти праздники.

Только время и дальнейшее развитие событий в Косово и Югославии покажет истинную цену операции и ее значение в современной российской, сербской, а может быть, и всей европейской истории.

Всякие категоричные оценки — не более чем разновидность субъективизма. И чем дальше друг от друга были полюса крайностей, тем яснее становилось, насколько сильно расколота Россия и ее общественное мнение. Национал-патриоты и выражающие их настроения СМИ заходились от восторга. С других политических колоколен раздавалось: «Позор!». Даже восторг президента назывался «телячьим».

Можно было понять чувства одних и трезвую логику других. Для одних принципиально важно, чтобы наши были в Косово. Другие твердят: «Ничего страшного не случилось бы, не появись наши в Слатине». Некоторые военные аналитики были убеждены, что отсутствие наших военных в провинции ускорит раскол в НАТО, солдаты которого неминуемо окажутся в Косово между двух огней (албанцами и сербами) и им придется столкнуться с геноцидом «навыорот» и коварством отрядов Армии Освобождения Косово. Ведь уже вскоре между французами и англичанами началась грызня по поводу методов разоружения косоваров и защиты истребляемых ими сербов. А высшие военные чины НАТО заголосили о том, что вооруженным силам альянса вряд ли удастся навести в провинции порядок — нужен специальный контингент полицейских.

...Уже через несколько дней нашу громкую викторию натовские политики, дипломаты и военные тихо порвали на лоскутья: захваченный нашими десантниками аэродром стал «местом общего пользования», как мы ни ерепенились, а своего сектора не получили — будем нести совместную службу в уже поделенных натовцами секторах.

Блефом, рассчитанным на профанов, выглядело и утверждение некоторых наших генералов, что российский контингент якобы не будет подчиняться натовскому руководству — даже рядовой солдат понимает, что без единоначалия четкое управление не то что 50-тысячным войском, а даже взводом невозможно. Адмирал Гуидо Вентуриони, в мае 99-го назначенный председателем Комитета военного планирования НАТО, сказал по этому поводу твердо и однозначно:

— Внутри KFOR должны сохраниться отношения единого военного командования, с тем чтобы не ослаблять эффективность этих сил.

Главный итог драматичных коллизий в Югославии летом 1999 года состоит в том, что НАТО не удалось оттеснить Россию от участия в миротворческом процессе (хотя права играть в нем самостоятельную роль мы так и не добились). Зато НАТО удалось решить свою стратегическую задачу — отделить Косово от Югославии. Тысячи косовских сербов, которые еще надеялись, что наши десантники возьмут их под свою защиту, дружно побежали на север, узнав о том, что русские не получили своего сектора.

Все идет к тому, что создается новое, независимое от Белграда государство со своими органами власти и своей армией. Под носом у натовцев албанцы безудержно занимаются этнической чисткой — отстреливают и вырезают сербов целыми семьями. Так утверждается мир в человеческом зверинце, мир на пепелищах, мир на кладбище.

Натовские (и подвывающие им некоторые российские) СМИ, которые еще недавно дружно жалели албанцев, бегущих из Косово в соседние страны, лишь скороговоркой рассказывают о бегстве и уничтожении сербов. Такие двойные стандарты — всегда предвестие долгой истребительной войны обиженных с обидчиками.

И пока невозможно предвидеть, чем все это обернется для натовских и российских солдат, оказавшихся в кратере тлеющего в центре Европы косовского вулкана. Но уже совершенно очевидно, что мир, который устанавливается с помощью ракет и бомб, несправедлив и ненадежен.

Наши миротворцы-десантники еще только готовились к отправке в Косово, а российская разведка уже знала, что НАТО приступило ко второй части крупномасштабной секретной операции по устранению Милошевича и разделу Югославии. Албанцы вырезали и «поджаривали» сербов в их домах, но вместо того чтобы спасти зовущих на помощь живых людей, натовские офицеры и солдаты с упорством голодных шакалов разрывали свежие могилы по всей провинции, чтобы представить миру новые доказательства этнических чисток.

К их результатам причисляли и те сотни албанцев, которые погибли от натовских бомб и ракет. Вот лишь некоторые факты, подтвержденные самими албанцами: 14 апреля — 64 человека, 3 мая — 20 человек, 14 мая — 79 че-

ловек, 30 мая — 20 человек. Все эти погибшие люди отнесены натовцами к жертвам «сербского геноцида».

Такая ложь была необходимым условием для создания фона, на котором решалась стратегическая цель операции — смещение Милошевича и раздел Югославии (в это время на секретном объекте английской разведки в Лондоне лидер косовских албанцев Ругова получал последние инструкции о порядке своих действий при формировании косовского правительства). Резиденты ЦРУ щедро отваливали деньги активистам оппозиции, выводящим молодежь и стариков на демонстрации протеста против Милошевича. А руководителей Черногории по высшему разряду принимали в Вашингтоне, суля золотые горы при условии, если они примут диктуемые им правила игры.

Все это в перспективе пахло тем, что Россию в конце концов попросят «на выход» из страны, принимающей натовскую ориентацию.

А в это время в Кремле Ельцин осыпал комплиментами маршала Сергеева за то, что наши военные в Югославии «хорошо сработали». Принимая эти похвалы, министр тут же сделал льстивое «алаверды»:

— Под вашим руководством, Борис Николаевич!

И трудно было понять, чего больше хотел маршал — поделиться с Верховным славой или ответственностью...

Уже вскоре Москва стала располагать сведениями, что в штаб-квартире НАТО при подведении итогов операции «Союзническая сила» прозвучали выводы: достигнутые успехи необходимо считать промежуточными, так как не достигнута пока еще одна стратегическая цель — смещение Милошевича. В качестве возможных вариантов новых действий рассматривались возможности военного вмешательства альянса в других регионах СРЮ — Санджаке, Черногории, Воеводине. Повод тот же — «этнические чистки». Узнав об этом, я вспомнил слова американского сенатора Лугара о том, что пока при власти остается «югославский диктатор», никакую цель на Балканах нельзя считать достигнутой.

ЧТО ЗА ГОРИЗОНТОМ?

Агрессия в Югославии заставила наших политиков и военных задуматься над перспективами отношений России и НАТО. Хотя основные формулы этих отношений в той или

иной степени были выработаны в Минобороны и Генштабе еще на рубеже 1993—94 годов. Их было немного, но споры вокруг них с тех пор и до сего дня ведутся яростные.

Попытки России сначала сотрудничать с НАТО на уровне Программ «Партнерство во имя мира», а затем «Россия—НАТО» не дали нужного результата прежде всего по той причине, что руководство альянса постоянно диктовало нам унижительные и несправедливые условия сотрудничества с блоком.

К тому же и среди высшего политического и военного руководства страны с самого начала наблюдался явный и скрытый раскол: одни группировки настаивали на том, что Россия, как великая держава, должна сотрудничать с НАТО на особых условиях, другие твердили, что это отрывка имперского мышления и если мы уж решили вступить в блок, то надо не соваться в чужой монастырь со своим уставом, а принимать те условия, которые нам диктуют.

Когда же НАТО встревал в очередную военно-политическую авантюру, типа той, что случилась в середине 90-х годов в Боснии, Россия начинала метаться и «грозить» НАТО созданием своего военного блока с бывшими республиками Союза и даже Китаем, но все это в сущности выглядело блефом (мы в конце концов вместе с натовцами и на их условиях приняли участие в миротворческой операции в Боснии).

Попытки Москвы создать военную коалицию в рамках СНГ к концу 90-х годов все явственнее превращались в призрак — некоторые вчерашние союзники стали выходить из ташкентского Договора 1992 года о коллективной безопасности Содружества и откровенно напрашиваться в НАТО.

И Москва снова начинала громко трубить о том, что НАТО — рудимент «холодной войны», что ему необходимо трансформироваться в политический блок или вообще распуститься, а его функции должны взять на себя ООН и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однажды эта проблема очень сильно растрогала даже помощника Президента РФ по авиации и космонавтике Евгения Шапошникова: «Настало время, чтобы Россия вместе с другими государствами выступила инициатором новой модели миропорядка на основе концепции безблокового существования».

Идея была хорошей, но не новой.

К тому же всяческие новые модели миропорядка имеют, как известно, одно уникальное свойство: они осуществимы лишь тогда, когда их авторами являются коалиции сильных в экономическом и военном отношении стран. И совершенно очевидно, что любые попытки России под самыми благородными лозунгами изменить сложившийся порядок вещей НАТО будет рассматривать как ее стремление получить прежде всего личные выгоды, создать условия, при которых можно подняться с колен.

Новый век Россия встречает на распутье. Куда ей идти? Где искать союзников? Создавать свой военно-политический блок или вступать в уже существующие?

Недостатка в советчиках у нее не было. Один из них — известный казахский политолог профессор Нурбулат Масанов — предрекал: «В действительности только НАТО способно гарантировать России сохранение нынешнего статус-кво, а не мнимую безопасность. Если же Россия будет по-прежнему испытывать неоимперскую ностальгию и пытаться играть роль великой державы (которой она уже не является ни в политическом, ни в экономическом отношении), то есть будет пытаться конкурировать с НАТО на политическом рынке, то мрачный конец неизбежен, особенно на фоне растущего влияния Китая и возрастающей независимости постсоветской «периферии». Конкуренция с НАТО обернется для России неизбежным изоляционизмом, а в условиях углубления кризиса, дефицита финансовых ресурсов, нарастания внутренней нестабильности, этнического и регионального сепаратизма такая политика может стоить ей территориальной целостности и безопасности».

Такие советы и соображения у многих в Кремле и на Арбате вызывали зубовой скрежет. Никто не хотел мириться с тем, что России предлагается «сдаться в плен». И снова перед страной, как и сто, и двести лет назад, неотвратимо вставали роковые и проклятые вопросы: «Что делать?» и «Куда идти?»

Сильно сдавший вожак уже не мог самостоятельно давать на них ответы. Он все чаще лишь озвучивал тексты, которые кремлевские спичрайтеры писали ему. Он все чаще болел, «дотягивая» свой второй президентский срок то в ЦКБ, то в Сочи, то на Валдае.

Многие политики в стране и за рубежом уже без стес-

нения делали громкие заявления о том, что Ельцин «неадекватен».

Но кремлевская свита поила его наркотиками комплиментов и вдохновляла «собрать силы на третий срок», потому как нет и не предвидится достойных преемников...

Его вывезли всего на несколько часов в Кельн, где решались стратегические, политические, экономические и военные вопросы на рубеже веков. Российские министры и дипломаты стыдливо опускали очи долу, когда иностранцы интересовались у них здоровьем президента. Когда он поехал в августе в Киргизию на встречу “шанхайской пятерки”, мне показалось, что Ельцин посвежел. Он и сам сказал: «Я в отличной форме и готов к бою». С кем? За что? Перед концом его президентства еще больше открылась циничная воровская суть режима, верхушка которого ненасытно грабила Россию — американцы начали разматывать дело об утечке из Москвы десятков миллиардов долларов. Мелькали фамилии членов “семьи” и всех тех, кто был или остался у кормушки. Раскормленные физиономии этих воругов стали то и дело появляться в телевизоре. Они сверкали плутоватыми глазами и твердили: «Это ложь!» А в западных газетах публиковались уже документы с их подписями. Знакомые фамилии этих тайных миллиардеров уже внесены в списки тех, кто мечтает прорваться к власти снова на парламентских и президентских выборах...

А от наших резидентов в странах НАТО идут в МИД, в СВР и Генштаб шифровки, в которых сообщается, что руководители государств альянса рекомендуют своим послам «заблаговременно и точно» определить, на кого именно надо делать новые ставки в России...

Глава 2 ТЕНИ ПУТЧА

ВОСЬМАЯ ПУЛЯ

...Вскоре после октябрьского мятежа 1993 года с Лубянки в Генштаб поступил документ с грифом «Совершенно секретно». То было донесение Управления военной контрразведки ФСК о попытках вооруженных военнослужащих столичного и некоторых подмосковных гарнизонов прорваться к осажденному парламенту и встать на его защиту. Я видел этот документ. Из десятка эпизодов сильнее всего запомнился один.

...Вечером 3 октября командир батальона подполковник Беличенко построил подчиненных, рассказал им о происходящем в Москве, а затем скомандовал:

— Кто готов выступить на защиту Конституции и Верховного Совета — шаг вперед!

Добровольцев набралось человек тридцать. Получив оружие и боеприпасы, они на крытом брезентом «Урале» двинулись к Москве.

Далее в совсекретном лубянском документе сообщалось, что вооруженная группа во главе с подполковником была остановлена в районе военного аэродрома Чкаловский совместным постом военнослужащих МВД и ФСК. Комбат и его подчиненные не подчинились приказу сдать оружие и вернуться в распоряжение части. Завязалась потасовка, переросшая в перестрелку. Несколько человек были ранены и убиты, остальные окружены и арестованы. Некоторые офицеры, отказавшиеся сдаться, покончили с собой.

В районе аэродрома Чкаловский, там, где случилась эта трагедия, с тех пор летом и зимой на деревьях и кустах алеют красные матерчатые ленты (я много раз видел их, когда вместе с министром обороны улетал в командировку из Чкаловского или возвращался домой). А рядом, на заборе из железобетонных плит с облупленной известью, ви-

сит обернутая целлофаном и выгоревшая на солнце фотография красавца офицера, который погиб здесь. Он дал тут свой последний бой с пистолетом в руке и восемь патронов в «магазине». Семь пуль он выпустил в тех, кто встал на его пути в столицу. Восьмую — себе в висок.

Он тоже хотел защитить Конституцию.

Управление информации Минобороны, в котором я в то время служил, ежедневно отслеживало сообщения СМИ о развитии кризиса. Моему заместителю, полковнику Ивану Сасу, было поручено подготовить аналитическую записку для министра обороны. Иван был въедливым и честным аналитиком.

Перелистывая огромную кипу разномастных газет, он наткнулся на материал о вооруженной стычке у аэродрома. Прочитав его, угрюмо сказал мне:

— Черт ногу сломает! Хасбулатов с Руцким называют себя защитниками Конституции. Ельцин называет себя защитником Конституции. Офицеры рвались защищать Конституцию. А кто же тогда на нее нападает?

Иван умел задавать вопросы, на которые никто не знал ответов.

Одно было ясно — лучше защитил Конституцию тот, у кого аргументы оказались крупнее калибром. У капитана был пистолет «Макарова». У Ельцина были танки Т-72 и Т-80. Он и оказался «прав».

После октябрьской заварухи я пытался выяснить детали трагедии у Чкаловского. Но разыскать мятежный батальон не удалось — его уже не было. По приказу министра обороны подразделение расформировали. А президенту доложили «о принятых мерах и наказании виновных».

Кремль замалчивал количество жертв в Белом доме и в Москве в целом, число военных, с оружием в руках выступивших против высшей исполнительной власти. А многие газеты, особенно оппозиционные, начали вести свои расследования, чтобы установить истинное число погибших. Стали появляться сенсационные материалы о тайном исчезновении трупов из БД, о переполненных моргах городских больниц и военных госпиталей, о безымянных свежих братских могилах в подмосковных лесах. Чтобы погасить разрастающееся муссирование этой темы, Кремль выпустил официальное сообщение о числе октябрьских жертв — 142 погибших.

Но этим данным на Арбате мало кто верил. Почти все знали, что еще в день расстрела Верховного Совета один

из комментаторов американской телекомпании CNN, снимавший прямой репортаж о бойне в центре Москвы (тот самый, который сказал: «Извините, даже когда русские убивают друг друга, мы не можем пропустить ланч»), проговорился, что, по сведениям, полученным от военного советника Президента России генерала Дмитрия Волкогонова, в Белом доме — около 500 трупов.

В аппарате Волкогонова работали офицеры, некогда служившие у нас на Арбате. Кто-то из генштабистов позвонил им и поинтересовался, верно ли сообщение американца, сославшегося на Волкогонова?

— Дмитрий Антонович знает что говорит, — такой был ответ.

Но и этот довод выглядел неубедительно. Можно ли было верить Волкогонову, даже если он советник президента? Как он мог получить такие сведения в самый разгар расстрела парламента? К тому же нельзя было исключать, что данные о потерях, полученные от матерого идеологического волка, были специально выпущенной из Кремля пропагандистской уткой, рассчитанной на то, чтобы защитники Белого дома быстрее прекратили сопротивление и сдались.

Однако вскоре всплыла другая информация, которая заставила генштабистов всерьез отнестись к сообщению Волкогонова.

Из секретариата министра просочились сведения, что существует письмо трех силовых министров (Ерина, Грачева, Степашина) Президенту России, в котором значилось точное число погибших — примерно такое же, какое было названо Волкогоновым. Когда информация об этом выплеснулась за стены Минобороны и Генштаба, российские и иностранные журналисты устроили яростную охоту за сенсационным документом.

Зарубежный репортер, побывавший в Минобороны на пресс-конференции, намекнул одному из наших офицеров, что готов выложить три тысячи долларов за документ. Слух об этом заманчивом предложении быстро растекся по многим кабинетам, не минуя и обиталище помощника начальника Генштаба по контрразведке.

И все-таки нашелся очень рискованный подполковник, возгоревшийся желанием отхватить толстую пачку баксов. Он стал подбираться к документу. По этому случаю была даже затащена в койку машинистка-секретчица, которая

видела копию письма силовиков президенту. Но, получив удовольствие от новоиспеченного любовника, бдительная «жрица любви» сдала его контрразведчикам...

«ДИГГЕРЫ»

Сыщикам ФСК было хорошо известно, что почти двум сотням отставных и кадровых военных удалось пробраться в Белый дом и влиться в ряды его защитников (из них был сформирован добровольческий полк, списки личного состава которого оказались вскоре на Лубянке и в МВД, там же появились и сделанные скрытой камерой съемки бойцов добровольческого полка, марширующих в старой военной форме по внутреннему дворику БД).

Но руководство Минобороны и Генштаба категорически отрицало наличие кадровых офицеров среди защитников Верховного Совета. Я давно привык к тому, что наше военное ведомство во имя защиты чести мундира порой делало заявления, не соответствующие действительности. И в те дни Управление информации МО распространило в СМИ официальное сообщение, что ни один офицер МО или Генштаба среди мятежников не был замечен.

А в это время на рабочем столе министра лежала докладная записка Управления военной контрразведки, в которой утверждалось иное. Более того, уже вскоре нескольких кадровых и отставных офицеров тихо уволили. Но разоблачили далеко не всех. Многие из них до сих пор служат на Арбате...

Подполковник Генштаба был в отпуске, когда коллеги из Союза офицеров позвали его в Белый дом. Он рассказывал мне, что, когда перед решающим штурмом БД стало ясно, что его защитникам не продержаться, было принято решение в первую очередь вывести по подземным коммуникациям женщин и кадровых офицеров. Многие из них категорически отказывались уходить. И даже тогда, когда поступил приказ Руцкого, некоторые его не выполнили.

Но большинство все же приказу подчинились. Им удалось уйти, хотя не все остались в живых. Одну группу, пытавшуюся выбраться на свободу по подземке, ведущей в сторону Филевской линии метро, заблокировали омоновцы и приказали сдать.

В группе было человек пятнадцать офицеров и один прапорщик. Старшим был подполковник по кличке «Зав-

хоз»: в добровольческом офицерском полку он был замом командира по тылу.

— Эй, «диггеры», только без дурусти, — крикнул в черный туннель омовец. — Сдавайте оружие и уматывайте отсюда к еханой матери! Мочить вас не будем! Даю слово офицера!

«Диггеры» долго совещались.

Решили, что сопротивляться бессмысленно. Возвращаться назад тоже рискованно — там уже могла быть засада. Стали выходить по одному, бросая оружие под тоннельным фонарем.

Омовцы оказались людьми слова. Перекрестив выбравшихся из подземелья офицеров крепким матом, отпустили их на волю, даже не требуя документов, — все-таки свой брат, военный.

Последним должен был выходить «Завхоз».

Но он оказался человеком недоверчивым.

Застрелился.

— Етит твою мать! — орал командир омовцев. — Кто теперь докажет, что не мы его замочили?!

— Я докажу, — сказал прапорщик, выходявший предпоследним, — у подполковника именной пистолет. Мы с ним из одной части. Проблем у вас не будет.

Мертвого «Завхоза» приволокли к выходу из коллектора.

Прапорщику ввиду того, что он был заросшим сильнее всех и одетым в старые лохмотья, приказали играть роль бомжа-свидетеля. Ему дали стакан водки и бутерброд. Прапорщик выпил и попросил еще. Так было достовернее.

Прибывшие вскоре сыщики и врачи оформили «Завхоза» как самоубийцу. Читая в некоторых газетах страшные заметки о зверствах омовцев в октябрьские дни 1993 года, я не раз вспоминал этот рассказ генштабовского подполковника.

У нас есть разные омовцы.

НЕВОЛЬНЫЕ КИЛЛЕРЫ

В 1993 году история напомнила нам жестокую аксиому: когда власть несправедлива, она неизбежно раскалывает общество на враждующие лагеря. А вместе с ним и армию. И тогда военные люди тоже вынуждены делать выбор.

Мне до сих пор помнятся угрюмые лица генералов Грачева, Колесникова, Кондратьева, других наших военачальников, которых вечером и ночью 3 октября я видел на пятом этаже Генштаба. Они тоже делали свой выбор, когда долго тянули резину, не решаясь бросить войска против мятежников.

Эта медлительность наших арбатских полководцев, приведшая Ельцина в лютую ярость, была в сущности протестом против опасной заварухи, в которую втягивал армию президент. Наши генералы отлично понимали, какой страшный грех они возьмут на душу, если прикажут войскам огнем подавить бунтующих депутатов и их сторонников.

Возможно, глубже и острее других понимал это Грачев — его слово было решающим. Он в армии — высший единоначальник. Над ним — только Верховный Главнокомандующий. Грачев приказал собрать коллегия Минобороны, чтобы выслушать соображения генералитета. Это давало министру возможность обрести хоть какое-то алиби: окончательно решение Грачева на ввод войск в столицу опиралось на коллегиальное мнение, и таким образом он страховался на случай наихудшего варианта развития событий.

Но по строгому счету в ту ночь коллегии Минобороны не было: вместо почти четырех десятков ее членов в зале собралось человек пятнадцать. Не было зама Грачева генерал-полковника Бориса Громова, Главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-полковника Владимира Семенова, некоторых других военачальников.

Было очевидно, что странное отсутствие большой группы высокопоставленных генералов на Арбате в столь важный момент вызвано их нежеланием ввязываться в «мокрое» дело. И это тоже был протест.

Странно вел себя и командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник Леонтий Кузнецов (позже Грачев скажет о нем, что он «проявлял некоторую нерешительность»). Таманскую мотострелковую дивизию на марше к Москве штаб округа несколько раз по непонятным причинам тормозил (комдив, генерал-майор Валерий Евневич, доложил об этом в рапорте на имя заместителя министра обороны генерал-полковника Георгия Кондратьева).

Не понимая, почему такое происходит, Евневич не вы-

держал и послал к министру своего заместителя с жалобой. После его доклада Грачев вынужден был взять управление дивизией на себя.

Когда стало ясно, что побоища в центре Москвы уже не избежать, войска, повинаясь приказам командиров, с лютой ненавистью крестили матюками Верховного Главнокомандующего и всех, кто подвигал их к черте, где прозвучала команда «Огонь!».

Есть приказы, которые армия выполняет с глубоким отвращением к тем, кто их отдал. И тем ближе военные подступают к невидимой грани, у которой они могут повернуть штыки в обратную сторону.

Долгое, длящееся с весны противостояние президента и Верховного Совета, предшествовавшее танковому расстрелу, раздражало армию и усиливало ее недовольство Кремлем.

Летом и осенью в арбатских кабинетах часто шли острые дискуссии. Генералы и офицеры спорили о том, правильную ли тактику избрал Ельцин, заявляя о «жаркой осени» и «артподготовке». Опасное предчувствие, что «дело пахнет порохом», усиливалось по мере того как Ельцин зачастил в «придворные дивизии», а группы офицеров Генштаба и Минобороны стали выезжать раз за разом в войска, чтобы в соответствии с указаниями министра «правильно сориентировать людей».

Командующие войсками военных округов и флотов почти ежедневно звонили в Москву, стараясь держать нос по ветру. Некоторые лезли из кожи вон, чтобы лишний раз прогнуться перед «самим» — слали телеграммы со словами решительной и горячей поддержки президента, призывали его «покончить с болтающим парламентом». Случалось, поступали и забавные шифровки: «В соответствии с указаниями министра обороны о поддержке президента, докладываю, что поддерживаю...»

И все же большинство войсковых и флотских военачальников оказались людьми, не способными на подобную проституцию. После выхода президентского указа № 1400 многие командующие в своих обращениях к Ельцину советовали отменить его и «вернуться к нулевому варианту».

Сторонников президента в Минобороны и Генштабе резко поубавилось, когда в Белом доме отключили телефонную связь, свет и воду, а само здание обвязали огромной пружиной из новенькой колючей проволоки (кстати, и

в Генштабе были отключены все городские телефоны: наше начальство боялось «разлагающей агитации мятежников»).

Я был в числе офицеров МО и Генштаба, которым было приказано «челночным методом» ходить к БД на разведку.

Мне было противно смотреть на шныряющих возле «парламентского гетто» российских и иностранных журналистов, которые на этом позоре России делали свои сенсации. Один из них с большим любопытством рассматривал хищно торчащие острые металлические лепестки и восхищенно говорил:

— Тут не то что депутат — муха яйца порежет!

Вокруг колючей проволоки ездил бронетранспортер с громкоговорителем, из которого раздавались страстные призывы к депутатам сдаваться и переходить на сторону Ельцина. Когда агитатор умолкал, врубалась бодрая музыка советских композиторов. Над колючей проволокой очень экзотично звучал душевный голос Бернеса: «Я люблю тебя, жизнь...»

Наверное, ничто так не развивает у военных людей злое отношение к власти, как ее иезуитское и агрессивное отношение к своим противникам.

Доставалось от генштабистов и парламенту, не сумевшему грамотно и корректно построить принципиальный спор с Кремлем. Среди арбатских сторонников президента, оказавшихся в явном меньшинстве, чаще всего были люди, сидящие в высоких начальственных креслах. Их можно было понять: им было что терять в случае падения режима.

И после расстрела Белого дома среди генштабистов наблюдался явный раскол. Были разные этажи, кабинеты, компании, чины. Но суть споров оставалась одинаковой: одни осуждали тех, кто согласился расстреливать БД, другие доказывали, что все было в рамках правил. И вспоминали при этом, что еще после августовских событий 1991 года, во времена маршала Шапошникова, в уставе появилось принципиальное дополнение: «Командир, отдавший приказ, несет ответственность перед законом за его правомочность».

Но приказы бывают разными. Одно дело — всаживать автоматную очередь или снаряд в мишень на полигоне, другое — в живых людей, твоих сограждан.

Танкисты-кантемировцы на итоговых стрельбах порой показывали дохлые результаты. А на мосту у БД творили чудеса — всего лишь один снаряд не попал в окна парламента. О том, что было с его защитниками после обработки танковым огнем, можно было судить по страшным фотографиям, попавшим в Генштаб...

Наши частые дискуссии сводились к самому трудному для военных людей вопросу: надо ли безоговорочно выполнять приказ командиров на применение оружия против людей или поступать в соответствии с собственным пониманием правомочности такого приказа? Да и разве против такого «противника» должна воевать армия?

В арбатских кабинетах шли горячие споры:

— Когда приказ преступный, офицер вправе не выполнить его.

Чтобы разбить этот аргумент «гуманистов», так называемые «уставники» выкатывали на прямую наводку артиллерию своих доводов:

— Это что же получается? Получив приказ старшего начальника, офицер, вместо того чтобы тут же приступить к его выполнению, должен с Генеральным прокурором советоваться?

— С башкой своей надо советоваться!

— А что, в этой башке Уголовный кодекс содержится?

— На крайний случай там есть мозги!

— Если я каждый раз буду соображать, законный это или преступный приказ, то мне не в армии, а в Главной военной прокуратуре служить надо!

— Когда приказывают стрелять в людей — думать надо!

— А если это преступники?

— А если окажется, что преступник тот, кто отдал приказ стрелять?

— Так что, по-твоему, президент и министр?..

— Эй, петухи, хватит! Так знаете, до чего можно договориться?

Офицеры расходились разгоряченные и злые.

Сегодня диспут закончен.

Но завтра он повторится.

Так мы до сих пор и живем — каждый со своей правотой. Но только кому она теперь нужна? Что, у нас у каждого на лбу написано, кто стрелял, кто нет? Мы — АРМИЯ. И все теперь замазаны.

Это сейчас в газетах и книжках пишут, что «верные

президенту войска восстановили конституционный порядок». Пройдет время, и совсем по-другому напишут. Может быть, вот так: «Президент отдал армии преступный приказ расстрелять восставший парламент. И она его выполнила».

Пока Ельцин у власти, вряд ли можно рассчитывать на то, что октябрьским событиям 1993 года (как и чеченской войне) крепко «схваченная» Кремлем российская Фемида сумеет дать честную оценку. Но Суд Совесть еще впереди. Он обязательно будет. Он нужен всем нам — стрелявшим по взбунтовавшимся белодомовцам или с разинутым ртом наблюдавшим побоище со стороны. Он особенно нужен и тем, кто будет жить и служить после нас.

Такое озверение власти никогда не должно повториться. Ельцинский режим канет в Лету с «родовыми пятнами» засохшей человеческой крови как уродливое недоразумение отечественной истории.

...Однажды мой внук Данила придет из школы после урока истории и спросит:

— Дед, ты тоже в Москве воевал?

И я ему отвечу:

— Воевал... Был такой правитель — Борис. Мы много с ним навоевали. И в Москве, и на Кавказе...

Наверное, мы и сами пока не поняли, что натворили.

Для одних — «защита конституционного порядка», для других — уничтожение взбунтовавшихся народных депутатов и их сторонников.

Эх, была бы возможность отмыться в бане от всего этого позора, как шахтеру от угольной пыли! Только нет таких средств, чтобы отстирать нечистую совесть.

И такая сука-мука простреливала насквозь душу, словно коренной зуб без наркоза из меня тащили.

— Киллеры проклятые! — Такие «комплименты» были тогда в моде на Арбатской площади. Они предназначались тем, кто носил погоны. Так «благодарный» московский народ под стенами Генштаба приветствовал свою любимую армию, избавившую его от «бандитов» с депутатскими мандатами.

А кто-то счастлив был тем, что Грачев отметил его усердие в октябрьские дни японским ширпотребом, денежной премией, орденом, новой должностью или новым званием. Я хорошо знал этих «героев октября». Под пули они не ходили и даже не показывали носа за двери Ген-

штаба. А когда вечером 3 октября поступила весть, что повстанцы якобы взяли уже Останкино, друженько переоделись в старую советскую форму, завалывшуюся в шкафах.

А кто-то бдительно следил за тем, чтобы начальник не занес его фамилию в списки офицеров для поощрения президентом и министром. Некоторые генералы и полковники отказывались не только от «Панасоников», «Грюндигов» и премий, но и от орденов. Были и такие, которые и от Героя отмахивались (генерал Кондратьев). Есть награды, которые приносят человеку больше позора, чем чести. Министр от ордена Мужества не отказался. Счастливый генерал Виктор Ерин вышел из Кремля с Золотой Звездой Героя России на груди...

А кто-то думал, что поступил бы так же, как тот капитан у каменного забора с облупленной известью, недалеко от Чкаловского аэродрома...

Легко было тому, кто, еще не отмыв руки от пороховой гари, садился кушать генштабовскую севрюжину и, горделиво оглядывая новенький орден, провозглашал тост «За верность президенту!».

Говорят, что армия — тупая, бездумная сила, всегда готовая смиренно идти туда, куда ее пошлет власть. Знала бы власть, куда ее в последние годы посылали люди в погонах...

Возле Генштаба меня остановил корреспондент «Советской России». Стал расспрашивать, что думает арбатский офицер о «победе над мятежниками». Я сказал, что это очень черная победа, что мне после нее стыдно ходить в форме по городу. После того как материал был опубликован, старый шахтер, по-моему, из Кузбасса, прислал в «Советскую Россию» письмо, в котором упрекал меня в трусости и демагогии. Он писал, что настоящие офицеры были вместе с защитниками Белого дома с оружием в руках, а кисейные — вздыхали по углам Генштаба.

Я не знал, что ему ответить. У него была своя правота. «Если вы такой патриот, — писал он, — то почему не взяли оружие и не пошли на помощь парламенту? Надо не рассоливать, а смести с лица земли преступную власть».

Были такие мысли.

И не у одного меня.

Но вовсе не трусость и не боязнь потерять насиженное место удерживали от такого шага. И что началось бы в

России, если бы в те дни пошли друг против друга батальоны, полки и дивизии, ведомые генералами и полковниками?

Мы уже хорошо знаем, чем заканчивается деление на «красных» и «белых».

ОПАСНЫЕ ПРИЗНАКИ

Еще с лета 1992 года стало заметно, как в армии вызревает клан тех, кто явно или скрыто противился Кремлю. Критических выпадов облеченных большой властью военачальников в сторону высшего руководства страны и армии становилось все больше.

С язвительной дерзостью делал публичные заявления командующий 14-й армии генерал Александр Лебедь. Он все чаще позволял себе похлопывать по плечу президента и министра обороны, призывая их: «Хватит ходить по миру с сумой. Как козлы за морковкой. Хватит. Пора за дело браться и державность блюсти».

Во время командировки в Тирасполь осенью 1992 года я был поражен бунтарским духом Офицерского собрания армии Лебеда: выступающие открыто несли по кочкам президента, министров обороны и иностранных дел России из-за их маловнятной политики в регионе. И особенно — в отношении дальнейшей судьбы объединения (через некоторое время дойдет до того, что офицеры армии устроят коллективное обсуждение директивы министра обороны, разнесут ее в пух и прах и будут даже грозить игнорированием приказа).

Почти в том же духе проходило и Офицерское собрание Черноморского флота, когда обсуждался вопрос о его разделе с Украиной и местах базирования. Собрание приняло обращение к президенту и правительству, в котором прямо и между строк выражалось недовольство черноморцев политикой российских властей.

И здесь, в Минобороны и Генштабе, становилось все больше людей, которые заявляли о своем несогласии с решениями президента, правительства, министра. «Не согласен — пиши рапорт, и до свидания!» — так советовал своим самым строптивым генералам и офицерам Павел Грачев.

Служил у нас в центральном аппарате МО полковник Роберт Быков, человек с безоглядной смелостью в сужде-

ниях и страсть как не терпящий несправедливость. Когда однажды вышел президентский указ и «во исполнение» его — приказ министра обороны, которые ущемляли интересы военных пенсионеров, Быков написал открытое письмо «верхам», а затем в одной из телепередач сказал властям все, что про них думает. Полковника признали «опасным». По распоряжению министра он был сначала убран из Минобороны в Главкомат ОВС СНГ, а затем его и вовсе уволили из армии.

Не всем у нас на Арбате хватало смелости писать открытые письма президенту, премьеру или министру обороны.

Однако среди тех, кто все чаще высказывал на совещаниях несогласие с некоторыми решениями Ельцина или Грачева, были уже и заместители министра обороны, Главкомы видов Вооруженных сил и родов войск. Но эти арбатские «семейные» раздоры у нас старались не разглашать. Зато в прессу все чаще стали просачиваться сведения о росте негативного отношения армии к высшей исполнительной власти.

Некоторые газеты опубликовали выдержки из конфиденциального документа Центра социологических исследований Минобороны РФ, содержащего итоги опроса, проведенного в войсках и на флотах. Утверждалось, что почти 90% личного состава крайне отрицательно оценивают деятельность президента и правительства. Из Кремля и кабинета министров раздался громкий окрик. После этого на документы Центра был наложен гриф «Не для печати».

Для власти, будь она царской, советской или демократической, всегда неприятно, когда на нее ворчит армия. Но тем не менее каждая власть обязана знать о себе правду. Однако флаги на Кремле поменялись, а его нелюбовь к критике осталась.

К тому же информаторы Минобороны и Генштаба, которым вменялось в обязанность доносить до уха Кремля «глас военный», сделали выводы после неприятного инцидента, связанного с разглашением результатов социологического опроса в войсках: информация о настроениях военнослужащих, попадавшая на стол Верховному, жестко фильтровалась. Наверное, поэтому Ельцин с большой уверенностью заявлял:

— Я знаю, что армия поддерживает своего президента. Президент сильно заблуждался.

Армия отворачивалась от своего Главнокомандующего. Еще осенью 1993 года в документах спецслужб все чаще стал появляться термин «антипрезидентские настроения». Накануне декабрьских выборов в парламент эти настроения достигли пика. То была своеобразная месть армии за то, что высшая власть втянула ее в кровавую разборку. Кремль в то время делал ставку на «Демократический выбор» Егора Гайдара. Руководству Минобороны и Генштаба было рекомендовано «ориентировать» армию в том же направлении.

Однако командующие войсками военных округов и флотов, получившие из Генштаба соответствующие директивы, отнеслись к их выполнению без горячего энтузиазма. Словно предчувствуя неладное, Павел Грачев дал указание Центру социологических исследований провести в ряде частей «легкий зондаж» общественного мнения. За «Демвыбор» собирались голосовать чуть более 8% военнослужащих.

И даже жесткие требования руководства МО в оставшееся до выборов время «сориентировать военнослужащих и их семьи в правильном направлении» успеха не принесли. Армия почти 30% голосов отдала за ЛДПР — ее победа ошеломила Кремль и руководство МО. Кремлевские аналитики в те дни писали: «Армия на выборах ушла за Жириновским».

Ельцин был разгневан. На пресс-конференции, состоявшейся вскоре после выборов, он мрачно сказал: «Это очень серьезно. Выводы будут сделаны».

Провал партии власти в целом по стране, а в армии в частности, сильно насторожил Ельцина. Для укрепления своих пошатнувшихся позиций в армии президент подписал указ о присвоении генеральских званий многим десяткам высших офицеров. Но щедрый звездный дождь, выпавший на погоны высшего офицерского корпуса, лишь частично пригасил недовольство армии властью.

Вооруженные силы в массе своей продолжали испытывать стойкую антипатию к Ельцину. Даже многие наши минобороновские социологи в то время считали, что однозначно президента поддерживали лишь 7% генералитета и 3% старшего и младшего офицерства.

Выводы, о которых говорил Ельцин, были действительно сделаны: в руководстве управления Минобороны по работе с личным составом были проведены кадровые рокировки. Но ни антипрезидентские, ни антиправительствен-

ные настроения в войсках от этого не ослабли. И на то были новые причины: задержки выплат денежного содержания военнослужащим увеличились с трех до шести месяцев. В некоторых военных академиях Москвы и Санкт-Петербурга офицеры устраивали уже «молчаливые забастовки» на строевых плацах и отказывались идти на занятия. Перепуганному начальству еле-еле удавалось гасить конфликты экстренным выколачиванием денег в финансовых органах.

В некоторых частях, в том числе и несущих круглосуточное боевое дежурство, офицерские расчеты в полном составе отказывались заступать на смену. Однажды дело дошло до того, что экипаж атомной подводной лодки прислал на берег радиограмму, требуя выплатить задержанное денежное содержание. В противном случае — отказ от боевого патрулирования в море. Руководство флота во избежание ЧП где только могло наскребло денег и выплатило их взбунтовавшимся морякам.

Уставы и законы запрещают военным участвовать в забастовках. Но чтобы выразить властям недовольство своим положением, военнослужащие прибегли к нестандартным приемам: участие членов семей военнослужащих в блокировании и пикетировании полигонов, военных баз, учебных заведений, штабов. Затем офицерские жены и дети стали перекрывать стратегические автомобильные и железнодорожные магистрали, взлетно-посадочные полосы военных аэродромов. Такие случаи были в Забайкалье, Калининграде, Курске...

Все более активную роль в армии играли военные профсоюзы. Судить об этом можно было не только по пикетам, которые они устраивали на Горбатом мосту у Белого дома. Некоторые их акции, о которых почти ничего не знала Россия, проводились в так называемых закрытых гарнизонах, в том числе и «ядерных». Один из них, например, назывался «Тула-50». Это была одна из самых крупных в стране баз хранения ядерных боеприпасов.

У военного профсоюза этой части, который возглавлял Александр Горбачев, давно не сложились отношения с руководством 12-го Главного управления Минобороны РФ (технический контроль за состоянием ядерных боеприпасов). Активисты военного профсоюза длительное время допекали начальство требованиями возратить куда-то исчезнувшие деньги, предназначенные на выплаты пенсий и

льгот служащим гарнизона, уличали его в незаконном строительстве дач, в грубом нарушении правил хранения ядерных боеприпасов (в некоторых помещениях арсенала находилось больше ядерных головок, чем было положено по инструкции).

Конфликт с профсоюзом причинял много головной боли московскому начальству, которое в конце концов решило... ликвидировать базу. Это еще больше подхлестнуло забастовочное движение в гарнизоне, но даже обращение в Главную военную прокуратуру не помогло служащим добиться своего, что еще больше злило людей.

По мере того как положение в армии ухудшалось, руководству Минобороны и Генштаба все чаще и жестче приходилось ставить острые вопросы перед высшей исполнительной властью. В конце 1995-го армия стала испытывать небывало острый дефицит солдат и сержантов, что грозило войскам необратимыми процессами развала. И тогда коллегия Минобороны обратилась к властям уже не с традиционной просьбой, а с требованием «принять сдерживающие меры». Правительство было вынуждено отреагировать на резкий тон генералитета и инициировало скорейшее принятие Закона об увеличении сроков службы военнослужащих переменного состава.

В ультимативном тоне было выдержано и обращение коллегии МО к президенту, правительству и парламенту осенью 1996 года, когда месячное финансирование армии было сведено к нулю. Но даже грозный тон этого документа не возымел действия на высшую исполнительную власть, которая сильно опустошила госказну в период президентских выборов.

И тогда министр обороны Игорь Родионов решился на беспрецедентный шаг: он собрал членов коллегии и нагрянул к главе кабинета министров. Опешивший Черномырдин не ожидал такого напора, назвав его «генеральским бунтом». Но остроту проблемы все же на некоторое время помог снять.

Когда же задержки с выплатой денежного содержания снова возросли до трех и более месяцев, группа офицеров Генерального штаба задумала невиданную крамолу — задержать на Знаменке президентский кортеж и потребовать от Верховного Главнокомандующего вернуть долги Вооруженным силам. И только своевременное вмешательство контрразведки остудило горячие головы генштабистов.

Растущие антипрезидентские настроения в армии вызывали тревогу в Кремле и в Белом доме. Федеральная служба безопасности, военная контрразведка, Федеральное агентство правительственной связи и информации резко активизировали контроль за лояльностью командного корпуса Вооруженных сил РФ. Причем спецслужбы уже обращали пристальное внимание на степень благонадежности не только высшего, но и среднего комсостава.

В нашу армейскую жизнь все глубже начинало вкрадываться нечто чуждое психологии и менталитету военных людей. Вместо четкой исполнительности и безоговорочного повиновения указам президента, приказам и директивам министра обороны и начальника Генштаба в больших и малых гарнизонах все чаще стали происходить случаи, которые в шифровках командующих войсками военных округов и флотов обозначались словами «протест», «неповиновение», «ультиматум», «игнорирование», «бойкот», «бунт»...

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал-полковник Виктор Копелев прислал президенту письмо, в котором выражал тревогу и недовольство углубляющейся профессиональной деградацией армии. Это письмо в администрации президента было охарактеризовано как «недопустимо вызывающее», а руководству Минобороны поступило распоряжение уволить генерала, да он и сам не видел больше смысла служить.

Выдавливание из армии нелояльных генералов и офицеров стало формой борьбы власти с оппозиционностью военных. Многие уже и не ждали, когда их уберут, — бросали открытый вызов Верховному и снимали погоны.

...Холодным февральским днем 1997 года у дверей Генштаба зарубежный корреспондент брал интервью у подполковника Российской армии. Вопрос: «Возможен ли военный переворот?»

— Ни в коем случае! — говорил офицер. — Лично я к этому отношусь отрицательно. Но, наверное, при крайних обстоятельствах такое вообще возможно...

— А какие это «крайние обстоятельства»?

— Извините, я очень спешу...

Для майора Анатолия Беляева, устроившего свой персональный путч на танке, гоняя его по приволжскому гарнизону, крайним обстоятельством стало полное отсутствие средств к существованию.

За настроениями военнослужащих Российской армии внимательно следят не только иностранные СМИ, но и, естественно, аналитические центры. В одном из секретных докладов военного ведомства США подчеркивалось:

«Российское политическое руководство за последние пять лет не завоевало уважения своих граждан. А с точки зрения офицеров, к большинству общих очевидных провалов политиков следует добавить полное забвение интересов армии, ее небеспеченность, отсутствие каких-либо четких указаний. В результате этого армия стала относиться к своим политикам с глубоким презрением».

БУНТУЮЩИЕ СТРАЖНИКИ

Я смотрю в военно-энциклопедический словарь. «Военная оппозиция — группировки военнослужащих, выступающих вразрез с линией руководства государства в военном строительстве».

Но и без словаря давно известно, что военная оппозиция может быть предвестником военного путча. Путчи и перевороты, случавшиеся в России, начинались всегда с недовольства военных властью. Сначала — ворчание и критика. Затем — воззвания, манифесты, вооруженное восстание. А там — как повезет. Торжество победы или поражение, за которым аресты, нары и даже расстрелы.

Чуть больше трехсот лет назад, в 1698 году, был знаменитый стрелецкий бунт. Стрельцы четырех московских полков (около 4 тысяч человек), направленные после Азовских походов (1695—96 гг.) в Великие Луки, были разгневаны таким унижительным отношением. Они сместили своих начальников и двинулись к Москве. Установили тайную связь с царевной Софьей Алексеевной, заточенной в монастырь, и готовились к расправе с боярами. В июле 1698 года взбунтовавшиеся стрелецкие полки были разбиты царскими войсками под Новоиерусалимским монастырем. Почти 1300 человек были казнены. Вдвое больше — отправлено в ссылку.

В 1825 году было легендарное восстание декабристов в Санкт-Петербурге и последовавшее за ним восстание Черниговского полка на Украине. Под следствие попали тогда почти 600 человек. Из них 80% были офицерами. 120 сослали на каторгу. 3 тысячи солдат подверглись репрессиям.

В начале нынешнего века во время первой русской революции 1905—1907 годов, в армии и на флоте было поднято более 100 восстаний. Наиболее крупные массовые вооруженные бунты произошли в Кронштадтском, Севастопольском, Владивостокском, Свеаборгском гарнизонах. Все они были подавлены.

В июне 1905-го было восстание матросов на эскадренном броненосце «Потемкин». Матросы эскадры, направленной для подавления бунтарей, отказались стрелять по мятежному кораблю. К восставшим присоединились миноносец № 267 и броненосец «Георгий Победоносец». Однако все взбунтовавшиеся корабли из-за недостатка топлива и продовольствия были вынуждены сдаться властям.

В том же 1905 году вспыхнул бунт на крейсере Черноморского флота «Очаков». Руководителем восстания был лейтенант Петр Шмидт. Он приказал поднять сигнал «Командую флотом!» и призвал другие корабли эскадры присоединиться к восстанию. Шмидт был в тот же день арестован и расстрелян вместе с другими участниками мятежа.

С 1919 года в большевистской России стал активно муссироваться термин «военная оппозиция». Тогда, на VIII съезде РКП(б), группа делегатов выступила вразрез с линией ЦК партии, против создания регулярной Красной Армии, использования старых военных специалистов и за «сохранение партизанских методов управления войсками и ведения войны».

В 1921 году случился Кронштадтский мятеж. Кронштадтский гарнизон выступил против советской власти. Мятеж был жестоко подавлен частями Красной Армии.

Появление Белой гвардии было, в сущности, самым мощным и самым грозным вооруженным выступлением военной оппозиции старой царской закваски против нового большевистского режима. История Гражданской войны в России хранит много страшных страниц лютого братоубийства.

Белые рубили красных «на котлеты» и раздирали их на части, привязывая к построкам разбегающихся в разные стороны лошадей. Красные отвечали тем же. Пьяные красные бойцы заставили городского попа венчать в клетке зоопарка пленного белого офицера и медведицу.

В 30-е годы прошла беспрецедентная по масштабам чистка в рядах командиров Красной Армии. В тюремных застенках по ложным доносам были уничтожены многие

представители командного состава армии, считавшиеся «врагами народа».

В смертельных жерновах сталинско-ежовских репрессий были перемолоты судьбы тысяч подозреваемых в нелояльности советских военачальников. Страх и безропотность сковывали души людские аж до хрущевской «оттепели». А когда стал процветать необузданный волюнтаризм в политике, в том числе и в военной, громкий ропот служивых стал их реакцией на крупные ошибки Никиты Сергеевича, наносящие вред государству и армии. Особенно тогда, когда началось авантюрное сокращение Вооруженных сил в начале 60-х годов на 1 млн 200 тыс. человек.

Военные по мелочам не ропщут. Ворчание их раздается лишь тогда, когда политика государства ведет к ослаблению армии и обороны государства. Не один раз за последние десятилетия случалось и так, что высшие генералы не находили общего языка не только с властью, но и между собою.

Вспоминается мне 1978 год. На Совете обороны СССР обсуждался вопрос о реформе Войск ПВО страны. Наиболее горячие споры вызвала идея изменить систему подчинения и управления ПВО, что вело к ее раздроблению. Высший генералитет тогда разделился на группировки.

Маршал Павел Батицкий доказывал абсурдность и неприемлемость такой системы. Его поддерживал член военного совета генерал-полковник С. Бобылев. Батицкий тогда написал записку в Политбюро ЦК КПСС, в которой категорически отказывался участвовать в эксперименте, подрывающем боевую мощь государства, и даже попросил освободить его от должности. Просьба была удовлетворена.

Но маршал и в отставке не прекращал борьбу. В конце 1982 года Батицкий, будучи уже тяжело больным, сумел добиться приема у Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова и доказал ему несостоятельность проведенной реорганизации ПВО. Андропов дал указание подготовить обстоятельный доклад для принятия решения на уровне ЦК. Смерть помешала ему довести начатое до конца.

Сменивший Батицкого на посту Главкома Войск ПВО Главный маршал авиации Александр Колдунов продолжал отстаивать идеи Батицкого, но не находил поддержки у министра обороны СССР маршала Сергея Соколова.

На научно-практической конференции высшего руководящего состава Вооруженных Сил СССР Колдунов высту-

пал с докладом и необычайно остро по тем временам ставил вопрос о недопустимости раздробления ПВО и отсутствия единого руководства.

Маршал Соколов усмотрел в этом узковедомственное стремление Колдунова подчинить себе всю ПВО и категорически утверждал, что с этим согласиться нельзя.

Споры длились много лет подряд, вплоть до знаменитого прорыва Руста в 1987 году на Красную площадь сквозь дыры в зонах ПВО. Руководство Минобороны и Войск ПВО было смещено.

То был период крайнего недовольства Кремля высшим генералитетом и большой кадровой чистки в военном ведомстве.

Но и у генералитета, и у всего офицерского корпуса армии было тогда немало претензий к Кремлю. Высокая волна недовольства поднялась в Вооруженных силах в горбачевскую пору, когда начал активно разрушаться социальный престиж армии в обществе. В ту пору некоторые военачальники отваживались на беспрецедентные поступки, прилюдно бросая в лицо Президента СССР жесткие упреки за его невнимание к армии.

Некоторые популистские военные инициативы Горбачева на международной арене (слишком поспешный вывод советских войск из Европы, явные уступки США при подписании Договора о сокращении ядерных и обычных вооружений, неоправданное уничтожение уникального оружия) породили мощный протест в рядах военной элиты.

Мало кто, наверное, знает, что в то время некоторые высшие генералы тайком обсуждали даже вопрос об аресте президента, откровенно проигнорировавшего мнение высшего военного руководства по целому ряду стратегически важных вопросов (особенно после «сдачи» американцам оперативно-тактической ракеты ОТР-23 — «Ока»).

И, думается, далеко не случайно в период августовского путча 1991 года среди высших генералов Советской Армии не нашлось ни одного, который бы доказал свою верность Верховному Главнокомандующему. Наоборот, почти вся военная верхушка приняла сторону ГКЧП. А то, что Главнокомандующий ВВС Е. Шапошников и командующий ВДВ П. Грачев скрытно игнорировали приказы ГКЧП и министра обороны, было вызвано скорее конъюнктурными расчетами, нежели верностью Присяге и Президенту СССР.

Военные «герои августовской революции» дружно ринулись под знамена победившей стороны, в объятия российского президента, казалось напрочь забыв, что они, согласно уставу, обязаны до конца сохранять верность действующему Верховному Главнокомандующему.

Агустовские события 1991 года привели к глубокому разлому в офицерском корпусе армии. Представители высшего военного руководства, войсковые и флотские командиры и начальники были поделены новой властью на «демократически настроенных» и «пособников ГКЧП».

Только в период чистки, которую провели в Вооруженных силах комиссия МО по лояльности кадров (председатель — генерал армии К.Кобец) и президентская комиссия по реформе воспитательных органов (председатель — генерал-полковник Д.Волкогонов) были уволены из армии или назначены с понижением свыше 60 генералов и адмиралов. А впереди еще был октябрь 93-го, когда тоже были пострадавшие из-за «нерешительности» или уличенные в связях с мятежниками.

А впереди была еще Чечня, когда известные в армии крупные военачальники, как, например, первый заместитель Главкома Сухопутных войск генерал-полковник Эдуард Воробьев, открыто отказывались выполнять приказы министра, выражая таким образом свое категорическое несогласие с силовыми способами урегулирования конфликта.

Следом за увольнением Воробьева последовала отставка сразу трех заместителей министра обороны — генерал-полковников Б.Громова, В.Миронова и Г.Кондратьева, — негативное отношение которых к чеченской военной кампании стало принимать опасные для Кремля и Грачева формы.

Потом наступил черед других высших военачальников Минобороны и Генштаба, которые открыто подвергали критике Верховного Главнокомандующего и Совет обороны за негодные методы руководства армией и ее реформой.

Так из года в год в России создавался огромный отряд военной оппозиции, состоящий из генералов, старших и младших офицеров, пострадавших от кадровой чехарды, а то и репрессий. К середине 1997 года в нем уже было немало «обиженных» начальников главных и центральных управлений МО и ГШ, Главкомов видов Вооруженных сил,

командующих родами войск, войсками военных округов и флотов.

В затылок им стояла колонна отставных командармов и комдивов, старших офицеров, большинство из которых тоже не испытывали симпатий к власти, после того как были вынуждены не по собственной воле расстаться с делом, которому были отданы лучшие годы жизни.

И уже нельзя было исключать, что в случае каких-либо крупных конфликтов между властью и народом уставшая от нищенского существования армия не сможет остаться в стороне и при этом не будет испытывать недостатка в командирах, знающих, как управлять ею в экстренных ситуациях.

Накапливался гигантский генеральско-офицерский отстойник, состоящий из людей, которым не дали реализовать свои профессиональные амбиции и просто человеческие надежды. Лишенные возможности заниматься делом, которому они отдали по нескольку десятков лет, потерявшие престижный социальный статус и вынужденные с трудом приспособиваться к новым и болезненным реалиям жизни, они испытывали далеко не лучшие чувства к власти, которая их «наказала».

Таков менталитет военных людей, таково их «кастовое сознание», что они, пожалуй, как ни одна социальная группа, стремятся к сплочению в периоды невзгод и потрясений. Этому объективно способствует сама их принадлежность к единой организации и корпоративность психологии. Вот как однажды сказал об этом генерал-полковник Борис Громов:

— Надеюсь, что военные, которые имеют здравый ум, по-настоящему озабочены строительством Вооруженных сил, а не разговорами о реформах, конечно же, объединятся.

И когда я встречаю этих людей на московских улицах и спрашиваю о дальнейших планах и житье-бытье, то часто замечаю вспышку недоброго света в глазах. Один из них с ядовитой ухмылкой сказал мне:

— Надо уходить на Дон...

КРЕМЛЬ — АРБАТ: СЛУГИ И РЫЦАРИ

Во время многих встреч с иностранными военными на Арбате и за рубежом меня часто поражала их глубокая осведомленность почти обо всем, что происходило в наших

политических и военных «верхах» в последние годы (верный признак отлично работающей разведки). Но зарубежные генералы не понимали, как такое могло случиться, что за время правления Ельцина в России оказался не у дел огромный отряд представителей высшей генеральской элиты, которым еще служить да служить.

Были и другие вопросы, от которых у меня порой создавалось впечатление, что иностранцы нашу военную историю знают гораздо лучше, чем мы собственную. Они хорошо знают, например, что почти за 300-летнюю историю существования русской армии у нас было 42 министра обороны и столько же начальников Генерального (Главного) штаба, знают и то, что некоторые из них находились в должностях по 20 и более лет. Но так, чтобы всего 10 месяцев, — это было за пределами их логики.

Иностранцы еще много чего не понимают в нашей военной жизни. Не понимают, допустим, как Верховный Главнокомандующий может назначить на должность заместителя министра обороны генерала, против которого почти в полном составе выступила президентская комиссия по высшим воинским званиям и должностям. И, наоборот, поддавшись минутному бзизу, самолично «содрать погоны» с уважаемого в армии генерала.

Не понимают они, как может командующий войсками военного округа или командарм публично поносить указ президента или директиву министра обороны, не соглашаться «идти на войну» или поддакивать очевидной глупости президентского решения, которое наносит вред обороне государства.

...Я закрываю глаза и вижу огромный строй наших высших генералов и адмиралов, на плечах которых после августовских событий 1991 года держалась армия. Разные лица, разные люди, разные судьбы.

Многие уже в гражданке — по разным причинам их вышвырнуло на обочину военной жизни. Один пострадал из-за строптивости, другой оказался жертвой политических интриг при «кремлевском дворе», третий попал в опалу из-за того, что не умел лобызать президентскую десницу, четвертый уже успел повалиться на лефортовских нарах, хотя и слыл верным слугой Верховного...

Те, которые не стали огрызаться после обидной отставки и крепко держат язык за зубами, получили с президентской подачи неприметные, но «хлебные» должности-сине-

куры и тихонько коротают годы, не расставаясь с иллюзиями, что Кремль еще востребует их.

Самые энергичные генералы-«погорельцы» ринулись в политику, пробились в парламент и там «воюют» за спасение армии, время от времени обстреливая тяжелыми снарядами критики позиции Верховного Главнокомандующего.

А те, которые усидели пока в высоких креслах, частенько ловчат, имитируя перед Верховным свою преданность и незаменимость, корчат на лицах верноподданическую улыбку, одновременно поскрипывая зубами.

Российским военным историкам еще предстоит основательно разобраться и понять, что происходило между Кремлем и военной верхушкой в годы правления Ельцина, в какие хитросплетения политических интриг попадал армейский генералитет, часто оказывающийся жертвой личных капризов Верховного или заговоров его придворной челяди.

Нет больше другой такой армии в мире, где бы за столь короткое время огромный отряд известных в стране и в мире генералов по воле своего Верховного Главнокомандующего, еще вчера назначившего их на высокие должности, сегодня вынуждены добавлять к их названиям слово «бывший».

Бывший

...министр обороны СССР (затем Главком Объединенных Вооруженных сил СНГ) маршал авиации Евгений Шапошников. Он был наиболее рьяным сторонником Ельцина в августе 1991 года. Стремительным и красивым был звездный взлет «героя демократической революции». Вчерашнему Главкому ВВС СССР, наверное, и самому не верилось в реальность столь головокружительного взлета. Помятуя о том, с чьей подачи он получил министерский жезл и маршальские погоны, Евгений Иванович старался не давать и малейшего повода, который бы мог уличить его в нелояльности к Президенту России.

Но уже в конце 1991 года, когда в результате беловежских решений, инициированных Ельциным, раздел единых Вооруженных сил на национальные армии стал неизбежен, маршал устроил обструкцию всем президентам СНГ, подав им рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности.

Этот «маршальский бунт» был смел, принципиален и благороден, но уже ничего не решал. И хотя эпатаж Шапошникова вызвал сильное недовольство Б.Н., он сумел уломать Главкома. Больше Шапошников таких резких движений не делал. Вскоре на Всеармейском офицерском собрании в январе 1992 года ему пришлось пережить еще один стресс, когда несколько тысяч офицеров, освистывая его и топая ногами, требовали отставки Главкома ОВС СНГ.

Со временем Ельцин стал охладевать к своему фавориту, сменив его на Грачева. Президент не проявил настойчивости, когда Шапошников был провален при обсуждении его кандидатуры на пост секретаря Совбеза. Маршал, который еще долгое время (с его-то авиационным опытом!) мог быть полезен Вооруженным силам, пошел «кочевать» по унижительным для военачальника его ранга должностям в «Росвооружении» и «Аэрофлоте». И даже назначение его на пост советника президента по авиационным и космическим вопросам было всего лишь данью вежливости президенту человеку, который не раз оказывался жертвой кадровых интриг Кремля...

Бывший

...министр обороны России генерал армии Павел Грачев тоже долгое время после своего назначения был всем доволен — щедро одаренный боярин никогда не ропщет на царя. Грачев в своих выступлениях на служебных совещаниях и в многочисленных интервью для прессы демонстрировал образцы преданности президенту: фразы типа «благодаря личному вниманию Бориса Николаевича» свидетельствовали о вышколенности генерала по части знания правил придворных игр.

Но с определенных пор можно было заметить, что бойкий оптимизм министра начинает потихоньку угасать, а некогда безымянные в его высказываниях главные виновники бед армии обретали конкретные имена.

Суровая правда жизни изгоняла эйфорию даже из головы генерала, считавшегося символом преданности Кремлю. В речах Грачева об отношении государства к армии с определенных пор все чаще стали проскальзывать критические нотки, особенно по мере того как государство урезало финансирование армии. Правда, бывали случаи, когда министр делал неосторожный перебор в критике влас-

тей и на следующий день ему приходилось доказывать, что журналисты «неправильно его поняли».

Однажды произошел случай, когда Грачев пошел на беспрецедентный шаг — метнул критические стрелы в самого Бориса Николаевича. Было это вскоре после октябрьских событий 1993 года, во время проводов выводимых из Москвы войск. Грачев неожиданно высказал упрек в адрес Ельцина, заявив, в частности, что «если бы президент дал команду на ввод войск в столицу раньше, то и жертв было бы меньше».

Это был первый столь серьезный выпад министра обороны в сторону главы государства. Такое ранее за Павлом Сергеевичем не водилось. И хотя у нас в МО и ГШ поговаривали, что таким образом Грачев высказывал обиду Ельцину за то, что «не дал Героя за Белый дом», это воспринималось как невиданная для министра дерзость.

Позже, в середине 1994 года, Грачев заявил, что будет настаивать на 1,9-миллионной численности армии и «за этот рубеж не отступит», хотя незадолго до этого Ельцин официально объявил, что Вооруженные силы РФ будут сокращены до 1,5 млн. человек.

Узнав о столь решительном отпоре министра обороны и недовольстве кардинальным сокращением ВС в высших военных кругах, президент на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий поспешил дать задний ход. Он несколько раз повторил под сводами Георгиевского зала:

— Армия будет сокращаться по-сте-пен-но. Подчеркиваю: по-сте-пен-но.

Во время инспекторской поездки в войска ДальВО Грачев объявил, что «Курилы были, есть и будут российскими!» и что никакого дальнейшего вывода войск с них он не допустит (хотя там-то и выводить уже было почти нечего). Это расходилось с планом Ельцина по демилитаризации островов. Более того, когда министр и во время второй поездки на ДВ повторил те же слова, в Японии поднялся мощный шум — Токио даже потребовал от нашего МИДа официальных разъяснений.

Наконец на заседании Совета безопасности РФ в конце ноября 1994 года Грачев первоначально не поддержал предложение Ельцина о немедленном вводе войск в Чечню, что вызвало гнев президента и некоторых других членов СБ. С их стороны раздавались даже предложения об освобождении министра от должности. В конце концов

Грачева уломали. Но Ельцин нерешительностью министра остался недоволен. Пока только единицы людей знают, что после провала начального этапа чеченской операции Грачев был «отлучен» Ельциным от управления войсками в регионе (эти функции временно возложили на «наместника» президента на Северном Кавказе Николая Егорова), и командующему войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковнику Алексею Митюхину пришлось предпринимать немалые усилия, чтобы устранить это двовластие.

В 1995 году министр обороны выступил с острой критикой идеи разделения функций Минобороны и Генштаба, исходящей из президентского окружения. Еще более негативно министр отреагировал на предложение придать главе военного ведомства гражданский статус. Грачев в весьма резких тонах заявил, что армия гражданского министра не примет и «может выйти из подчинения». Указ Ельцина № 794-с (01.08.95.), в соответствии с которым допускалось, что министр может быть гражданским лицом, тоже не вызвал поддержки со стороны Грачева.

Зимой 1996 года Грачев публично отважился на критику методов политического урегулирования положения в Чечне и сказал, что ему не нравится «многое из того, как все там делается». Это сразу же вызвало негодующий визг в поддерживающих высшую исполнительную власть СМИ. Они стали яростно трубить о том, что военный министр «ставит под сомнение президентский план урегулирования конфликта в Чечне». А некоторые наиболее рьяные сторонники Ельцина сделали вывод еще круче: «Министр обороны вышел из подчинения Верховному Главнокомандующему». Они стали требовать от президента немедленной отставки Грачева.

Но Ельцин упорно не сдавал фаворита до тех пор, пока ход политической игры не вынудил его пожертвовать Грачевым во имя своей победы на президентских выборах 1996 года. Истинное отношение Верховного Главнокомандующего к Грачеву проявилось в период, когда Ельцин в собственных интересах пошел в преддверии решающего тура выборов на политическую кооперацию с Лебедем и по его настоянию сместил военного министра (а через 130 дней та же участь постигла и самого Лебедея).

Больше года Грачев находился не у дел. Он ни разу публично не выказал обиды на Б.Н., и наградой ему стала

должность главного военного советника госкомпании «Росвооружение».

Размышляя о драматичной судьбе Грачева, думаешь и о том, что он тоже оказался одним из многих генералов, которых Ельцин сначала приближал и возвышал, а затем легко приносил в жертву во имя личных политических выгод и устойчивости собственного положения.

Бывший

...начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны России генерал армии Виктор Дубынин (последнее воинское звание получил незадолго до смерти, осенью 1992 г. — *В.Б.*). Он был одним из высших военачальников Российской армии, которые никогда не делали выбора между лояльностью руководству государства и офицерской честью.

Когда МИД России под визит Ельцина в Токио осенью 1992 года задумал отдать японцам несколько Курильских островов, Виктор Петрович поехал на Смоленскую площадь и там в дальневосточном департаменте устроил бучу — передача островов могла пробить серьезную брешь в наших военно-стратегических позициях в регионе.

Мидовские чиновники стали намекать Дубынину, что это, дескать, не его ума дело — «решение принято на уровне президента». Но и такой аргумент не остудил напора НГШ. Он несколько раз звонил в Кремль и напрашивался на аудиенцию к Ельцину. Но, видимо, президента предупредили, по какому вопросу рвется к нему Дубынин — начальника Генштаба к Б.Н. не допустили. Более того, дали понять, что он сильно рискует карьерой, открыто высказывая недовольство решением Верховного Главнокомандующего. Но и это не остановило Дубынина.

И даже тогда, когда пришло время выполнять распоряжение Ельцина — вытаскивать с Курил на материк огрызки оставшихся там частей, Дубынин продолжал сражение за острова. Он снова помчался в МИД и стал убеждать дипломатов, что просто так с Курил нам уходить нельзя, надо серьезно поторговаться с японцами, поставить им условие — в ответ на наш уход убрать 37-тысячную американскую группировку с Окинавы.

Но его доводы снова пропускали мимо ушей. Тогда НГШ настоял на том, чтобы Верховный Совет заслушал его доклад об ущербе, который может быть нанесен воен-

ной безопасности России в случае потери островов. Когда о содержании доклада узнали в Кремле, над карьерой Виктора Петровича стали сгущаться тучи.

От больших неприятностей Дубынина спасло то, что Ельцин, осознавший наконец, чем грозит ему поднявшаяся в стране волна протеста против «сдачи» Курил, отказался от визита в Японию.

Смелая и принципиальная позиция начальника Генштаба еще больше укрепила его авторитет в армии.

Бывший

...статс-секретарь — первый заместитель министра обороны РФ Андрей Кокошин. Он занимал откровенно лояльную позицию по отношению к властям. Слыл человеком весьма осторожным и в оценках военной политики, проводимой президентом, правительством и парламентом, был очень сдержанным.

Во время работы на Арбате Андрей Афанасьевич никогда не давал повода Кремлю усомниться в своей неблагонадежности. Он умел обходить опасные «риффы» даже тогда, когда казалось, что обойти их невозможно. Например, говоря о провалах в перевооружении армии из-за хронического дефицита финансов, он никогда не говорил, кто именно повинен в этом.

С 1992-го по 1996-й он отвечал в Минобороны РФ за военно-техническую политику и, пожалуй, намного лучше других арбатских начальников видел глубину развала оборонки и те тяжелейшие последствия, к которым привела ВПК бессистемная и губительная политика исполнительной власти. Но вместо адресной критики правительства и президента Андрей Афанасьевич чаще всего ссыался на некие «объективные причины».

Кокошин был очень ловким политическим игроком, и приходится только удивляться, как такой изошренный «мастер маневра», обладающий тонким дипломатическим нюхом и умеющий подыгрывать Кремлю (слишком смело и опрометчиво прозванный Ельциным «героем нашего времени»), осенью 1998 года вылетел с высокого кресла секретаря Совета безопасности. Говорят, из-за того, что вместе с Ястржембским раньше времени попытался делать ставки уже на новую «политическую лошадь». Наверное, то был единственный случай, когда Андрей Афанасьевич сделал слишком опрометчивое движение.

Кокошин, на мой взгляд, обладает уникальным умением извлекать выгоды из поражений и восстанавливать свое пошатнувшееся положение во власти. Когда мэр Москвы Юрий Лужков объявил в конце 1998 года о создании своего движения «Отечество», уже на первых совещаниях по правую руку от него сидел Кокошин.

Он делал уже новую ставку. И во время телепередач с вожделем говорил о Лужкове — точно так же, как он делал это, когда его «патроном» был Ельцин. Другими были и выводы, которые делал Кокошин, оценивая, например, военную политику властей. Выступая в телепрограмме «Подробности» (февраль 99-го), он сказал:

— То, что с нами происходит сейчас, это, конечно, сильный удар по состоянию Вооруженных сил.

Время меняет героев...

Бывший

...начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны генерал армии Михаил Колесников. Он, как и Кокошин, тоже был искусным политическим игроком, избегал критических оценок политики властей в военной области (о нем в Генштабе говорили, что «Михаил Петрович способен удерживаться на плаву при всех режимах»). Но иногда и его «прорывало». Самым острым, пожалуй, было его публичное высказывание о том, что «при таком отношении властей к комплектованию Вооруженных сил Россия вскоре может остаться без армии».

В апреле 1995 года, комментируя по телевидению принятые парламентом поправки к одному из военных законов о порядке призыва в армию, Колесников саркастически назвал его «Законом о всеобщей воинской отсрочке».

Продолжительное время наблюдая за Михаилом Петровичем, как говорится, с близкого расстояния, я замечал: жизнь порою заставляла его говорить и делать то, что противоречило логике личных убеждений. Пожалуй, главную роль играло здесь то, что НГШ был вынужден по некоторым ключевым военным вопросам занимать позицию с учетом политической конъюнктуры. У многих генералов и офицеров Генштаба вызывало недоумение, например, то, что Михаил Петрович явно подыгрывал политическим верхам, когда оттуда прозвучала команда проталкивать ратификацию Договора СНВ-2, хотя большинство спецов

ГШ считало, что этот документ несправедлив для России и требует серьезных коррективов.

В конце концов, он и стал жертвой такой «двухслойной» морали...

Когда после назначения Родионова министром обороны Колесников был внезапно смещен с поста, многие на Арбате и в войсках были поражены, зная о том, что Михаил Петрович устраивал и Кремль, и правительство. Но даже не вспыхнувший громкий скандал с «армян-гейтом» (в котором фигурировала и фамилия начальника Генштаба) сыграл, на мой взгляд, тут решающую роль. Родионов и Колесников были слишком разными людьми, чтобы срабатывать. Оппозиционные настроения Родионова были известны еще до его назначения. Колесников же долгое время, мне кажется, играл роль лояльного Кремлю человека (даже тогда, когда это перечило его профессиональным убеждениям). Новый министр знал это...

Бывший

...заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Борис Громов. Многим офицерам центрального аппарата МО и ГШ импонировали его смелость и здравомыслие. С момента назначения на пост замминистра в 1992 году Громов не скрывал своего негативного отношения к грубым просчетам власти и руководства МО в сфере военной политики. Борис Всеволодович — один из немногих высших генералов Российской армии, которые в этом отношении придерживались последовательной и принципиальной позиции. Он высказывал свое отрицательное отношение к подходам Кремля и МИДа к решению проблемы расширения НАТО, военной реформы.

Когда, например, в 1993 году прорабатывались военный раздел Конституции РФ и Основные положения новой военной доктрины, Громов на коллегии МО заявил, что он категорически против тезиса, разрешающего президенту использовать армию внутри страны.

Такая позиция человека, занимавшего в то время один из ключевых постов в Минобороны, вызывала негодование у тех идеологов Конституции и военной доктрины, которые явно стремились придать армии несвойственные ей жандармские функции. Зачем это делалось — показали октябрьские события 1993 года.

И тот же Громов не скрывал, что воспринимал их как

«национальный позор». О последовательности его позиции свидетельствовало и то, что в декабре 1994 года Громов открыто выступил против силового варианта решения спора Москвы с Грозным. Громова поддерживала большая группа сослуживцев. За свои оппозиционные взгляды Борис Всеволодович был смещен с должности. И уже вскоре решил искать свое место на ниве большой политики. Авторитет генерала в армии и стране помог ему одержать внушительную победу на парламентских выборах.

Многие генералы после афганской войны говорили о необходимости извлечь уроки из этой авантюры. Для кого-то это оказалось красивыми словами. Для Громова стало конкретным действием. Он предостерегал армию от безмозглого верноподданничества, когда ей приказывали развернуть штыки в сторону соотечественников.

Оппозиционность Громова не раз была причиной мести ему со стороны высшей исполнительной власти. Когда Борис Всеволодович стал военным советником МИДа, ему и группе его помощников длительное время не выплачивали денежное содержание.

Когда Громов намеревался провести в Белоруссии объединительный съезд созданной по его инициативе Международной организации ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство — без границ», Кремль сделал все, чтобы помешать этому мероприятию (оно состоялось в Севастополе). А в феврале 1999 года, в период празднования 10-летия вывода советских войск из Афганистана, дело дошло уже до откровенных издевательств Кремля над боевым генералом — главным действующим лицом торжества. Сначала его машину не пустили в Кремль. Затем несколько раз «гоняли» через электромагнитную скобу — раздавался звонок. Еле сдерживая себя, Борис Всеволодович сказал прапорщику-контролеру:

— Это же дает сигнал моя Звезда Героя! Может, вы прикажете мне ее снять?!

Место в Большом Кремлевском дворце для Громова оказалось занятым. Торжественное мероприятие прошло скромно, а верхом цинизма президентской администрации стало то, что Громову «забыли» даже предоставить слово.

А когда вскоре Громов объявил, что собирается баллотироваться на пост губернатора Московской области, в столице развернулась активная кампания по дискредитации генерала...

Бывший

...замминистра обороны генерал-полковник Валерий Миронов. Он по многим профессиональным и политическим взглядам был близок к Громову. В своих выступлениях в печати и на совещаниях в МО не однажды смело заявлял, что система воспитания воинов и кадровая политика не соответствуют требованиям времени. Как и Громов, критически отнесся к военной кампании в Чечне, вызвав недовольство Кремля. Был смещен с поста. Став главным военным советником премьера правительства, разрабатывал многие документы по реформированию армии, но его идеи не были востребованы, что вызывало у Валерия Ивановича сильное недовольство, вынудившее его подать рапорт об отставке...

Бывший

...замминистра обороны генерал-полковник Георгий Кондратьев тоже был одним из тех высших военачальников Российской армии, которые умели отстаивать свои принципы. Когда министр в январе 1995 года предложил ему возглавить группировку войск в Чечне, Кондратьев поставил ему свои условия по системе управления войсками. Не получив согласия, отказался от предложения и вскоре был смещен с должности.

В своих заявлениях для печати давал понять, что по ряду вопросов принципиально не согласен с решениями властей по военным вопросам.

В конце 1995 года пытался баллотироваться в Госдуму. В его предвыборной программе содержался сильно напугавший Кремль пункт о необходимости смены правительства «во имя спасения России»...

Бывший

...заместитель министра обороны — Главный военный инспектор генерал армии Константин Кобец. Он был особой фигурой в команде Грачева. Один из наиболее ярких сторонников президента и одновременно — одиозных военачальников Российской армии. Как Главный военный инспектор он был хорошо осведомлен о причинах и степени развала армии, но весьма слабо, на мой взгляд, проявлял себя как борец за ее спасение. Его служба после победы демократической власти в 1991 году не один раз сопровождалась слухами о причастности к некоторым неприг-

лядным делам. Парадокс этого человека состоял в том, что он, являясь одновременно «героем защиты и штурма Белого дома», преданнейшим сторонником демократической власти, вместе с тем тянул за собой шлейф «пикантных пересудов», связанных с темными комбинациями коммерческого характера. Видимо, Константин Иванович слишком увлекался решением своих меркантильных вопросов, что в конце концов и привело его на тюремные нарды...

Бывший

...заместитель министра обороны РФ (до сентября 1994 года — главком Западной группы войск) генерал-полковник Матвей Бурлаков. Он, как и Кобец, слыл человеком «безграничной преданности» высшей исполнительной власти. Его, как и Кобца, пресса не один раз уличала в причастности к коррупции. Матвей Прокопьевич яростно отбивался от этих «наветов», но, когда в газетах появились критические материалы со ссылками на копии документов, к которым Бурлаков имел отношение, президент был вынужден сместить генерала с должности, на которую сам же недавно его и назначил.

А мне вспоминалось, как на одном из совещаний высшего руксостава в МО светились восторгом глаза Ельцина, когда Бурлаков с трибуны патетически призывал его уверенно «двигать реформы дальше», рассчитывая на полную поддержку генералитета...

Чрезмерная демонстрация лояльности власти приятна для нее, но опасна для генералов. Ибо власть начинает закрывать глаза на их опасные «шалости» там, где они начинают извлекать собственные выгоды из занимаемого положения. А это всегда кончается плохо...

Бывший

...Главнокомандующий ВМФ РФ адмирал флота Феликс Громов. Давал крайне осторожные оценки военной политике властей, приведшей к развалу флота. О нем в Главном штабе ВМФ поговаривали, что «Феликс Николаевич чутко улавливает дуновения ветров со стороны Кремля». Объективности ради следует сказать, что Громов все же сделал несколько смелых заявлений о плачевном состоянии ВМФ РФ, но они имели явно «ритуальный» характер, поскольку виновники этого состояния по имени и отчеству не назывались...

БЫВШИЙ

...Главнокомандующий Военно-воздушными силами РФ генерал-полковник авиации Петр Дейнекин. Предпочитал уходить от острых вопросов к властям за провальную военную политику (особенно — в реформировании ВВС). Хотя он тоже в ряде заявлений для прессы открыто давал понять, что при таком положении вещей Россия может потерять свои «боевые крылья» (похоже, что мы сегодня близки к этому).

О непоследовательности отношения Верховного Главнокомандующего к этому военачальнику свидетельствует факт, который вызвал немало саркастических пересудов в МО и Генштабе. Уже вскоре после того, как Дейнекину было присвоено звание Героя Российской Федерации, он указом президента был освобожден от должности Главкома ВВС. Видимо, чтобы хоть как-то подсластить эту горькую для Главкома пилюлю, Ельцин вскоре назначил Дейнекина советником по вопросам казачества...

БЫВШИЙ

...Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-полковник Владимир Семенов. В своих выступлениях в печати и на совещаниях высшего руководящего состава, на коллегии МО давал острые и объективные оценки военной политики властей и действий руководства военного ведомства. Семенов не боялся громко заявлять о развале армии в результате ее слабого финансирования, недостаточного укомплектования и «дистрофичного» перевооружения. Высказывал резко негативные оценки неподготовленности военной операции в Чечне.

Был, пожалуй, единственным Главкомом, который мог публично перечить министру обороны. Был случай, связанный с организацией совместных российско-американских учений. Грачев в восхищенных тонах отозвался об учениях «Миротворец-95», проведенных на территории США. Семенов высказался совершенно в противоположном плане: «Маневры в Канзасе — бутафорские, и я ничего от них не ожидаю».

Суждения и оценки Семенова настолько противоречили словам министра обороны, что о Главкоме все чаще и чаще в армии, в прессе стали поговаривать как о генерале, представляющем так называемую «тихую оппозицию».

После смещения с поста Главкома в декабре 1996 года

Семенов долгое время находился в распоряжении министра обороны РФ. Весной 1999 года он выставил свою кандидатуру на выборах президента Карачаево-Черкессии. За месяц до выборов на Семенова была совершена попытка покушения, не приведшая к серьезным последствиям.

Семенов на выборах победил. Однако его главный соперник — мэр Черкесска Станислав Дерев — при поддержке своих сторонников поставил результаты выборов под сомнение. В республике был организован бессрочный митинг протеста (в противовес ему избиратели, поддержавшие Семенова, организовали гораздо более многочисленный).

Центр, изначально плохо контролировавший опасное развитие ситуации в республике, пошел на попятную, отказавшись признать победу Семенова. Это дало сильный козырь Дереву и его сторонникам. В Карачаево-Черкессии на некоторое время создалась ситуация вакуума власти. Затем Ельцин назначил своего представителя, Валентина Власова, временно исполняющим обязанности главы республики. Семенов неодобрительно отозвался об этом решении, что еще больше усугубило его отношения с Кремлем.

У меня было немало поводов для того, чтобы считать: Кремль и не был заинтересован в победе Семенова. Владимир Магомедович еще до своего внезапного смещения с поста Главкома Сухопутных войск никогда не выказывал симпатий Кремлю. А после снятия с должности объявил о том, что намерен подать в суд на президента, чтобы опротестовать его сомнительный указ. Естественно, при таком положении рассчитывать на поддержку Кремля ему не приходилось. А в защиту Семенова выступил другой генерал-президент — Руслан Аушев (у которого тоже начались конфликты с Центром). Такой политический тандем сулил новые головные боли Кремлю. Тем более, что и без того положение на Северном Кавказе сулило мрачные перспективы: чеченцы все активнее терзали Дагестан вооруженными провокациями, что и привело, в конце концов, к новой войне...

Бывший

...Главнокомандующий Войсками противовоздушной обороны страны генерал-полковник авиации Виктор Прудников. В выступлениях на коллегии МО, на служебных

совещаниях руководящего состава и в печати неоднократно высказывал острые критические оценки хода военного строительства. Признавал, что в результате невнимания властей к проблемам армии и грубых просчетов в военно-технической политике возглавляемый им вид ВС серьезно снизил свои боевые возможности. Думаю, что такая «строптивость» Виктора Алексеевича сыграла далеко не последнюю роль в том, что он был смещен с должности Главкома ПВО и назначен на пост начальника Штаба по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ...

Бывший

...командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник Евгений Подколзин. Один из военачальников, принадлежавший к профессионалам-прагматикам. Неоднократно в своих официальных заявлениях для прессы высказывал недовольство отношением властей к военной реформе, к финансированию, укомплектованию армии. В весьма резкой форме осудил в одном из телеинтервью действия властей по организации военной кампании в Чечне, назвав их «граничащими с преступлением». Пользовался большим авторитетом в войсках.

Бывший

...командующий Черноморским флотом адмирал Эдуард Балтин. Подвергал острой критике позицию российских властей в период дележа Черноморского флота между Россией и Украиной, особенно по вопросам раздела кораблей и мест их базирования, дислокации штаба флота, финансирования и материально-технического обеспечения. Когда из Москвы на флот однажды поступило очередное распоряжение Ельцина, ставящее ЧФ в еще более незавидное положение, Балтин заявил, что российские власти «бросили флот на произвол судьбы».

Давал резкие критические оценки деятельности руководства государства по реформированию экономики России и строительству Вооруженных сил. Считал, что допущенные просчеты «привели к утрате страной международных позиций». («Интерфакс» — 1.11.95.). В таком же духе осуждал М.Горбачева за развал СССР: «Ни Гитлер, ни Трумэн, ни Бжезинский, вместе взятые, при всем желании не смогли сделать то, что сделали Горбачев со товарищи».

Бывший

...командующий 14-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Александр Лебедь. Длительное время публично подвергал критике действия президента, министра обороны в сфере международной и внутренней политики, военного строительства. «Позволял себе» отказываться от выполнения приказов Грачева и открыто критиковать Верховного Главнокомандующего. О Ельцине: «Бывший секретарь Сверловского обкома КПСС исчерпал себя и больше ни на что не способен».

В результате долгих и скандальных препирательств с высшим государственным и военным руководством обрел имидж «неуправляемого» военачальника (в ГШ некоторые называли его «командармом без поводка»). Стал опасной для властей оппозиционной фигурой в армии (хотя по результатам закрытых социологических опросов в Вооруженных силах долгое время занимал второе место по уровню популярности, уступая лишь маршалу Г.Жукову). В 1995 году указом Президента РФ был выдворен из армии и занялся политикой.

Рейтинг Лебеда в армии резко упал, после того как в ходе президентских выборов 1996 года он согласился на коалицию с Ельциным. В данный период — губернатор Красноярского края. Выступил с рядом скандальных заявлений по военным вопросам. Самым шумным стало его предложение «взять на полное материальное обеспечение» части Ракетных войск стратегического назначения, дислоцирующиеся на территории края. В последний период стремится активно вмешиваться в дискуссию о проблемах реформирования армии, подвергая критике поспешные и несвоевременные действия президента и руководства Минобороны.

Бывший

...министр обороны России генерал армии Игорь Родионов. С первого дня пребывания в должности главы военного ведомства РФ активно «воевал» за кардинальное усиление внимания исполнительной власти к армии. Особенно по вопросам финансирования и материально-технического обеспечения. Его оценки истинного положения дел в войсках и на флотах вызывали острое недовольство некоторых правительственных и кремлевских чиновников.

Многokrатно обращался к президенту, председателю

правительства, руководителям обеих палат парламента лично, а также с письмами и докладами, в которых настаивал на экстренных мерах по выводу армии из кризиса. Значительно повысил роль коллегии Минобороны в борьбе за укрепление социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Был противником авантюрных методов проведения военной реформы и сокращения армии без достаточных финансовых гарантий со стороны государства.

Из-за своей бескомпромиссности в этих вопросах стал крайне неудобным человеком для Кремля. Явная и скрытая нелояльность министра к высшей исполнительной власти вызывала серьезные опасения в Кремле. Это и стало причиной того, что кадровые перестановки в МО и ГШ, задуманные Родионовым, продолжительное время открыто бойкотировались администрацией президента (в то время ее возглавлял А.Чубайс).

Когда Родионов отправил в Кремль представления на назначение десяти генералов, подобранных им на вакантные ключевые посты в МО и ГШ, документы «исчезли» на несколько месяцев. Министр был вынужден лично обратиться к Ельцину за разъяснениями и высказал ему свое возмущение. Только после этого документы были найдены и подписаны.

Игнорирование реформаторских инициатив Родионова наблюдалось и в Совете обороны РФ, секретарем которого был Юрий Батулин. Важнейшие документы с концептуальными выкладками МО и ГШ по перестройке обороны страны откладывались в долгий ящик или вообще не попадали к президенту.

Самым крамольным считалось в Кремле публичное высказывание Родионова: «Я — министр разваливающейся армии и умирающего флота». Самым шумным — заявление о серьезном разрушении космических систем управления Стратегическими ядерными силами.

За свою строптивную позицию Родионов был «покаран» Верховным Главнокомандующим: сначала — поспешным и юридически непроработанным переводом статуса из военного министра в гражданского, а затем — унижительным смещением с должности.

Как и другие известные военачальники, после увольнения Родионов пытался занять место в законодательных органах власти, чтобы, по его словам, «продолжать борьбу за спасение России и ее армии». В 1998 году он выдвинул

свою кандидатуру на выборах в Госдуму по одному из столичных избирательных округов, где ему противостоял еще один «погорелец в лампадах», бывший директор Федеральной пограничной службы генерал армии Андрей Николаев. Соперники подозревали, что мощную поддержку Николаеву оказывали московские власти. По этой причине Родионов вместе с другими кандидатами ставил под сомнение и ход выборов, и их итоги. Однако объективного расследования провести не удалось...

Вскоре после этого Родионов развернул активную работу по созданию профессионального союза военнослужащих России. И хотя высшие исполнительные власти страны и руководство Минобороны внешне поддерживали эту инициативу Родионова, негласно ей чинили всяческие препятствия. По согласованию с МО и ГШ, Родионову было разрешено провести учредительный съезд профсоюза в актовом зале Института военной истории. Однако в самый последний момент оказалось, что помещение «заражено ртутью».

Оданако сорвать съезд таким образом не удалось. Он был проведен в помещении соседнего здания и собрал представителей почти всех военных округов и флотов, республик, краев и областей РФ. Съезд единодушно избрал генерала Родионова председателем ПСВР.

Бывший

...начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны РФ генерал армии Виктор Самсонов (был снят с поста Ельциным в один день с Родионовым, 22 мая 1997 года). Как и Родионов, принадлежал к разряду прагматически мыслящих военачальников, не способных оценивать положение дел в армии с учетом удобной для властей политической конъюнктуры. Противник поспешных авантюрных реформ в Вооруженных силах.

Самую большую неприязнь вызвал в Кремле тогда, когда предложил подчинить секретаря Совета обороны РФ Юрия Батурина начальнику Генштаба. Местью Самсонову за такую «крамолу» стала информация Ельцину о том, что начальник ГШ якобы «спланировал под своим крылом оппозицию». А поводом для такого провокационного слуха послужило то, что для депутатов левых фракций Госдумы были организованы занятия в одной из подмосковных дивизий...

* * *

Число армейских генералов, оказавшихся жертвами кремлевских интриг или личной неприязни президента, огромно. А если учесть, что и в других силовых структурах страны (МВД, ФСБ, СВР, ФАПСИ, СБ, ФПГ) с ведома Верховного на протяжении восьми последних лет творилась та же непрерывная кадровая чехарда, то нетрудно себе представить, какой колоссальный урон безопасности государства был нанесен. В ФСБ, например, практически каждый год менялись руководители.

Постоянные кадровые перестановки в силовых ведомствах России не позволяли стабилизировать управление ими, что крайне негативно сказывалось на качестве решения проблем. Каждый новый руководитель, назначенный Ельциным, стремился сформировать свою команду, из-за чего часто слетали с должностей опытейшие кадры (министр обороны Сергеев щедро раздавал многие должности ракетчикам — от своих помощников до начальников производственных служб).

Самыми опасными тенденциями в кадровой политике Ельцина были его непредсказуемость и упор на лояльность генералов, из-за чего часто их профессионализм и порядочность оказывались критериями второстепенной важности. В последние годы из-за «возрастного фактора» и в результате серьезных осложнений со здоровьем Верховный Главнокомандующий, на мой взгляд, был сильно подвержен внушению членов своей кремлевской команды, которые порою побуждали его действовать в своих конъюнктурных интересах.

Пожалуй, за всю историю России ни один ее правитель не «наплодил» за годы своего пребывания на троне столь большого количества генералов, смещенных со своих высоких постов по личной, часто капризной прихоти «государя». И нетрудно понять, какие чувства испытывали к Ельцину и его режиму эти люди, судьба и карьера которых были сломаны...

· УЛЬТИМАТУМЫ

По мере ухудшения положения в армии, роста долгов государства перед военными во многих кабинетах Минобороны и Генштаба усиливалось роптание офицеров. После смещения Грачева и назначения Родионова финансиру-

ние Вооруженных сил к августу 1996 года упало чуть ли не до нулевой отметки, что привело в ярость даже умеющего крепко держать нервы в кулаке министра.

А когда из Совета безопасности Игорю Николаевичу поступил документ со сравнительными данными финансирования всех силовых ведомств России, его негодованию, казалось, не было предела. В этой связи я попросил у Родионова разрешения сделать официальное заявление пресс-службы Минобороны, которое в тот же день было разослано во все информационные агентства страны с заголовком «О финансовой дискриминации Вооруженных сил».

Тогда же Родионов распорядился готовить текст обращения коллегии МО к президенту, правительству и обеим палатам парламента. Когда проект обращения был готов, министр пригласил в свой кабинет начальника Генштаба генерала М. Колесникова, первого заместителя А. Кокошина, исполняющего обязанности начальника Главного оперативного управления Генштаба генерала Ю. Балуевского и меня.

Родионов читал текст, останавливался и спрашивал у всех нас:

— Ну как? Пойдет?

Кокошин и Колесников дружно замечали, что надо смягчить некоторые формулировки или же вообще убрать слишком резкие. На что Родионов говорил:

— Вот так уже и досмягчались, что скоро лапу сосать будем!

У меня создавалось впечатление, что для Колесникова и Кокошина ультимативная форма обращения коллегии, на которой настаивал Родионов, была неприемлема и неприятна. Им явно не хотелось портить отношения с властью. В Минобороны и Генштабе, кстати, было немало таких же военачальников, которые предпочитали «отсидеться в кустах», за спиной бунтующего министра.

Я тогда еще не догадывался, что «финансовая удавка», которую не без ведома администрации президента и Совета обороны Минфин накинуд на наше военное ведомство, была частью изощренной политической игры против Родионова. Он был единственным силовиком, назначенным против воли ближайшего ельцинского окружения, — после появления Лебеда на посту секретаря Совбеза. Многие в Кремле как огня боялись усиления связки Лебеда с Родионовым.

Но даже грозно-ультимативный тон обращения коллегии МО к властям ничего кардинально не изменил. Появившийся в Минобороны министр финансов А.Лившиц в экстренном порядке выделил полтора миллиарда рублей на погашение долгов армии, которые на фоне 30 миллиардов общего долга были каплей в море. Уже вскоре все возвратилось на круги своя, и снова по арбатским кабинетам поползло роптание.

А в сентябре 1996 года у нас на Арбате произошло событие, которое доставило немало головной боли военной контрразведке. По кабинетам Минобороны и Генштаба стал разгуливать документ, о содержании которого было доложено и в Кремль, — «Открытое письмо офицеров Генерального штаба министру обороны Российской Федерации».

Этот чрезмерно эмоциональный опус, состоящий из набора банальных лозунгов и злых угроз, какие чаще всего звучат на тусовках анпиловцев, вызывал у генералов и офицеров двойственные чувства. Он был похож на провокацию и в то же время свидетельствовал о том, что в Генштабе служат люди, имеющие серьезные претензии к властям и министру обороны.

«Открытое письмо» стоит того, чтобы процитировать его полностью:

Господин министр!

Вам хорошо известно о том, что офицеры Генерального штаба давно требуют встречи с руководством Минобороны, чтобы услышать оценку того, что происходит в стране и Вооруженных силах. Ваши сетования на то, что все решения принимаются «рыжеволосым» по указке заокеанских правителей Кремля, не освобождают Вас от ответственности перед народом России за состояние обороны и безопасности страны, до недавнего времени бывшей великой мировой ядерной державой. Мы понимаем, что «элитному» генералу недосуг выслушивать мнение рабочей челяди, но Вам все же придется ответить на ряд интересующих нас вопросов.

Зачем Вы приняли предложенную Вам должность министра обороны? Для безмолвного созерцания окончательного доразвала армии? Нам достаточно было Грачева и Кокошина, преуспевших в этом под руководством Козырева и Батурина, неукоснительно выполнявших долгие годы указания Клинтонa и А.Гора.

За последние годы начальником Генерального штаба (вероятно, имелся в виду генерал армии М.Колесников. — В.Б.) не принято ни одного решения по строительству и развитию Воору-

женных сил и, очевидно, по этой причине сохраняющего прочность своего положения при всех перипетиях в руководстве Минобороны.

Мы считаем, что при наличии достаточного количества способных руководить Вооруженными силами генералов, назначение Вас на эту должность имело целью окончательно уничтожить реальную силу, способную противостоять планам этих кремлевских деятелей. Для них самый важный фактор сейчас — время. Каждый день безмолвного созерцания их активности приближает их к тому, чего не удалось сделать еще никому, начиная со времен Чингис-хана.

Вы, в прошлом боевой генерал, за годы руководства академией Генерального штаба полностью утратили аналитические способности. Но Вы не можете не понимать, что сейчас наносится главный удар по высшему звену военного управления — Генеральному штабу.

Несколько месяцев офицеры Генерального штаба не получают денежного довольствия. Это не случайно, и вы это понимаете. Низведя до скотского состояния народ нашей огромной России усилиями заокеанских покровителей Кремля, нельзя оставить работоспособным мозговой центр Вооруженных сил. Сломать, нарушить систему военного управления сегодня означает, что завтра Чубайсы и прочая сволочь под предлогом обострения внутривнутриполитической ситуации призовут на помощь натовские войска под эгидой ООН, возьмут под контроль все пункты управления, все объекты военно-экономического потенциала страны. Мы не думаем, господин министр, что Вы этого хотите.

Мы не будем уговаривать Вас подать в отставку, не будем объявлять голодовки, хотя мы и наши семьи живем в самом дорогом городе и уже давно влачим нищенское, полуголодное существование.

Мы требуем передать этим господам за Кремлевской стеной: победу им не праздновать. Хотя в коллективе Генерального штаба и продолжают службу генералы и офицеры, которые в тиши кабинетов тайком от всего личного состава получили ордена за участие в руководстве расстрелом Белого дома, основная масса генералов и офицеров сохранила чувство ответственности за судьбу страны и ее Вооруженных сил. У нас достаточно сил и средств, чтобы заставить этих господ отказаться от их замыслов.

Устанавливаем им срок — до 25 октября полностью погасить задолженность по выплате денежного довольствия за август — октябрь. А если они что-либо попытаются объяснить вместо реального удовлетворения наших требований, им лучше до этого срока ретироваться в места, где проходят обучение их дети, внуки и прочие отпрыски. Но и это их не спасет...

Пишем Вам без дипломатии. Мы не учились в лондонских, кембриджских и прочих университетах, а нашим детям мы не смогли к началу этого учебного года купить даже элементарные необходимые книги и школьные принадлежности. Терять нам нечего.

А Вы, господин министр, найдите в себе силы и время предстать перед голодным коллективом Генерального штаба. Ваша должность к этому обязывает.

Коллектив офицеров Генерального штаба...

Хорошо зная министра обороны, я до сих пор нахожусь в твердом убеждении, что Родионов не заслуживал столь гневных и огульных упреков. Он не меньше анонимного «коллектива офицеров» переживал за судьбу страны и Вооруженных сил.

Если выбросить из письма экстремистские угрозы «кремлевским господам и их отпрыскам», то никаких откровений в этом опусе не содержалось. Хотя многие оценки и выводы достаточно точно передавали умонастроения, царящие в ту пору в Генштабе. Но в этом, наверное, и состояла главная опасность. Слишком высокой была «температура» негативных настроений генштабистов по отношению к высшей власти. А ведь в руках этих людей рычаги управления военной машиной, в том числе и ядерной.

Генерал Родионов, как мне показалось, отнесся к «коллективному письму» с чувством брезгливости. Он ненавидел анонимки. Но, судя по всему, «послание» все же задело его за живое, и он заметил, что, если бы его писали смелые и честные люди, они бы не скрывали своих имен.

Министр вскоре все же провел совещание с генералами и офицерами Генштаба. В конце его то ли в шутку, то ли всерьез попросил поднять руки тех, кто написал ему открытое письмо. В зале поднялся веселый шум.

Смелых не нашлось...

УДОБНЫЕ ЛЮДИ

Сменившие «бывших» стараются не повторять ошибок предшественников-погорельцев. Многие из них уже знают «волшебные правила», строгое следование которым позволяет уверенно сидеть в высоких начальственных креслах: демонстрация преданности Кремлю, умение угадывать желание «государя» и его свиты, имитация бурной деятельности и рапорты об успехах.

Ставший после Родионова министром обороны России генерал армии Игорь Сергеев (с 1998 года — маршал) с первого дня пребывания в должности демонстрировал филигранно осторожные позиции в отношениях с высшей властью. Еще в бытность свою Главкомом Ракетных войск стратегического назначения умел создать благоприятное впечатление о состоянии РВСН и систем управления Стратегическими ядерными силами, искусно сглаживая острые углы.

Сослуживцы, давно и хорошо знающие Игоря Дмитриевича, отзываются о нем как о человеке, обладающем необычайно тонким чутьем на политическую конъюнктуру. В то время, когда другие Главкомы видов Вооруженных сил били тревогу по поводу острейшей нехватки финансов (что вызывало у президента и секретаря Совета обороны Юрия Батурина сильное раздражение), Сергеев упорно призывал подчиненных «изыскивать внутренние резервы». В войсках стало популярным его высказывание о том, «что с деньгами и дурак проживет, а мы должны выжить без денег». Такая позиция импонировала Кремлю и особенно Батурину, что сыграло немаловажную роль при назначении Сергеева на главный пост в армии.

При Сергееве армия подверглась наиболее радикальным структурным изменениям: произошло объединение некоторых видов Вооруженных сил и родов войск. Такая решительность вызывала похвальные отклики Верховного Главнокомандующего.

Но исповедуемые маршалом Сергеевым форсированные методы реформирования и сокращения армии без их надлежащего финансового обеспечения вызывают скрытый протест среди многих арбатских и войсковых генералов и офицеров. В конце 1998 года некоторые из них начали говорить о «непоследовательности и авантюристности» реформ, называя некоторые решения «преждевременными и опасными», не вписывающимися в ранее принятую (и утвержденную президентом) концепцию реформирования армии.

Негативное отношение в армии к министру в решающей степени определялось его лояльностью Ельцину и тем, что Игорь Дмитриевич, как и Грачев, банальное сокращение войск — под видом оптимизации — пытался выдать за их реформирование. Военные отлично понимали и видели, что за годы правления Ельцина страна и армия доведены до упадка и разрухи, и такой результат вызывал в лю-

дах неприятие не только фигуры президента, но и всех, кто принадлежал к его команде. Сергеев был одним из них...

В историю Вооруженных сил России маршал войдет как военачальник, который был вынужден «подгонять» количественные и качественные параметры армии под убогие экономические возможности государства. Очень возможно, что с высоты будущих времен некоторые военные историки придут к выводу, что министр Сергеев в такой ситуации делал единственно возможное в его положении. Но то, что под видом реформы делается с армией сегодня, у многих военных профессионалов вызывает острое неприятие. «То, что сейчас выдается за реформу, на самом деле является масштабным организационно-штатным мероприятием», — сказал генерал-полковник Борис Громов.

Начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин сменил на этом посту генерала Виктора Самсонова в мае 1997 года. Один из участников разработки с треском провалившегося плана военной операции в Чечне (в качестве первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба). По предложению Грачева был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, в зону ответственности которого входила Чечня.

В ходе чеченской войны проявил себя как решительный военачальник, способный безоглядно и жестко реализовать установки Верховного Главнокомандующего, благодаря чему и заслужил его расположение. Несмотря на то, что в Генштабе весной 1997 года было немало генералов с более солидным послужным списком и опытом оперативного управления войсками, указом президента именно Квашнин был назначен начальником ГШ.

Из-за крайней осторожности в оценках положения дел в армии и глубинных причин ее развала считается на Арбате «стопроцентно лояльным» Верховному военачальником. Старается держаться в тени министра обороны и не «светиться» в прессе. Однако в последнее время в Генштабе все чаще поговаривают, что Анатолий Васильевич начинает занимать все более жесткую позицию по отношению к некоторым реформаторским решениям министра, например, к его попыткам создать Главное командование Стратегическими ядерными силами, что может поставить Генштаб в весьма щекотливое положение и запутать систему управления нашим самым грозным оружием.

Иногда Квашнина подводит излишняя доверчивость подчиненным дилетантам, подсовывающим на подпись сырые или вредные директивы (хотя это никоим образом не может служить оправданием для НГШ). Фамилия его фигурировала в скандальной истории, связанной с изданием директивы, которая противоречила Закону РФ о СМИ и вызвала яростный протест журналистов. Директива была отменена.

Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Владимир Яковлев. Назначен президентом на этот пост по представлению Сергеева. Считается «стопроцентным человеком министра». Подчеркнуто демонстрирует полное совпадение взглядов с главой военного ведомства («опора на собственные силы», «слияние РВСН, Военно-космических сил и войск Ракетно-космической обороны дает серьезный экономический эффект», «военная реформа в России должна проводиться под «ядерным зонтиком» и т.д.). Весьма вероятно, что в случае ухода маршала Сергеева в отставку после выборов нового Президента РФ генерал Яковлев окажется в числе первых «кандидатов на вылет».

Главнокомандующий войсками ВВС генерал-полковник Анатолий Корнуков. Сторонник реформаторских взглядов министра обороны. Крайне осторожно относится к оценкам, касающимся просчетов властей в финансировании подведомственных войск и армии в целом. Мне приходилось видеть секретные генштабовские документы, которые свидетельствовали об опасном реформаторском бардаке, творящемся в ВВС. Судя по визам Корнукова на них, он был в полном курсе дела. Больше всего меня поражало то, что безалаберные реформы вели фактически к уничтожению Московского округа ПВО — уже и без того «кастрированного» и ослабленного. И приходилось только удивляться, что Главком порой смиренно принимал к исполнению некоторые «сырые» директивы ГШ, которые еще больше усугубляли положение дел.

Когда летом 1999 года случился громкий «вертолетный скандал» с Лужковым (Юрию Михайловичу отказали в вылете) и началось разбирательство, всплыла и фамилия генерала Корнукова. И хотя по давно существующим правилам разрешение или запрет на вылет давались только Генштабом, нежданно-негаданно Главком ВВС взял всю вину на себя и даже пообещал извиниться перед Лужковым.

А на Арбате многие поговаривали, что «высокое генштабовское руководство», желая подыграть Кремлю в его войне с Лужковым, отдало приказ, запрещающий вылет вертолета мэра. Это было очень похоже на правду. Как было похоже на правду и то, что не по своей воле Корнуков «упал на амбразуру». Но у мэра Москвы отличная память. По этому поводу одна из столичных газет многозначительно пошутила: «Главком ВВС, приготовиться к вылету!»...

Главнокомандующий ВМФ России адмирал Владимир Куроедов. Один из высших военачальников российских Вооруженных сил, демонстрирующий умеренную лояльность высшей власти и способных с предельной критичностью оценивать положение дел в подчиненных войсках. В бытность свою командующим Тихоокеанским флотом сделал ряд острых заявлений для прессы, касающихся недопустимо быстрого сокращения надводных и подводных сил ТОФ: «При таком положении дел Тихоокеанский флот к началу следующего века может кардинально утратить свою боеспособность».

Каждый из них занимал свою позицию, сообразную собственным представлениям о профессиональной принципиальности и офицерской чести. Армия и флот прекрасно видели это. И хорошо понимали своих полководцев даже тогда, когда они выражали мысли эзоповым языком.

Безоглядно смелым чаще всего оказывался тот, на ком уже не было погон...

ОФИЦЕРСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Отряд военной оппозиции особенно активно формировался за пределами Вооруженных сил. Одним из наиболее многочисленных ее подразделений стал Союз офицеров (СО) во главе с подполковником Станиславом Тереховым.

Уже спустя несколько дней после подписания Беловежских соглашений по инициативе представителей военных академий и воинских частей Москвы, Московской области и Ленинграда был образован комитет, занявшийся созданием общественно-патриотической организации — Союза офицеров.

Члены оргкомитета одной из важнейших задач Союза в ту пору считали борьбу за сохранение единых Вооруженных сил и потому возлагали большие надежды на Всесармейское

Офицерское собрание, состоявшееся в Кремле в январе 1992 года (в нем участвовало около 5 тысяч человек). Но эти надежды не оправдались: «Всеармейское Офицерское собрание, — отмечалось в одном из документов СО, — послужило отправной точкой развала Вооруженных сил, растаскивания их по национальным квартирам» (как и во многих других политических декларациях СО, тут, на мой взгляд, существенная неточность: «отправной точкой» стали беловежские решения, давшие старт растаскиванию Советской Армии по республикам).

1 февраля 1992 года в актовом зале ЦК ДОСААФ состоялось учредительное собрание Союза офицеров, на котором была определена его главная цель — сплочение офицеров на государственно-патриотических идеях. Возрождение воинских традиций признавалось в качестве духовно-нравственной основы организации. Центральный лозунг — «Воссоздание Великой державы и ее Вооруженных сил».

10 февраля Минюст РФ официально зарегистрировал СО, выдав его организаторам удостоверение за № 673.

Первое «боевое крещение» Союз офицеров получил 23 февраля 1992 года в День Советской Армии и Военно-Морского Флота во время торжественного шествия праздничных колонн по улице Горького.

Путь демонстрантам преградили отряды ОМОНа. Началась потасовка, в ходе которой омоновцы избивали безоружных демонстрантов. Вмешательство членов Союза офицеров помогло избежать более драматичных последствий.

Многие члены СО участвовали в боевых действиях в Приднестровье и Абхазии. Там появились первые жертвы, погибли два офицера, подполковник А.Кудимов и майор Н. Недашковский, а прапорщик М.Камыгин был тяжело ранен и на всю жизнь остался инвалидом.

Руководство СО придавало серьезное значение работе в армии. По его инициативе в феврале 1993 года было проведено Всеармейское Офицерское собрание. Об этом событии газета «Союз офицеров» писала: «На собрании была раскрыта зловещая картина целенаправленного развала Армии и Флота, обозначены проблемы военного строительства и пути их решения, названы виновники снижения обороноспособности государства и потери боеспособности войск».

В дни работы Всеармейского Офицерского собрания состоялся общественный суд офицерской чести над министром обороны Грачевым. Суд квалифицировал его действия как государственную измену (ст. 64 УК РФ).

1 мая и 22 июня 1993 года члены Союза офицеров опять оказались в центре трагических коллизий: произошли яростные схватки между органами правопорядка и демонстрантами, приведшие к человеческим жертвам. В ходе расследования этих событий прокуратура Москвы пыталась обвинить офицеров в провоцировании беспорядков и переложить на них основную часть вины за трагедию.

Во время октябрьских событий 1993 года СО, как следует из его документов, «действовал в соответствии с военно-политической ситуацией». В период осады Белого дома члены Союза встали на защиту Верховного Совета. Они составили основу добровольческого полка и «были на самых трудных и опасных участках обороны». Об их действиях газета «Союз офицеров» писала: «Достойными преемниками боевой славы дедов и отцов при защите Советской власти стали полковники А.Кирюшин, А.Марков, В.Усов, А.Ладыгин, Н.Лавров, подполковник Е.Чернобрылко, капитан второго ранга А.Парахин, майоры А.Акопян, В.Ершов, А.Катунов, Е.Погорелов, старший лейтенант В.Арутюнян и многие другие члены Союза офицеров».

В те дни Союз потерял 9 человек убитыми и свыше 30 ранеными.

В период октябрьских событий СО подвергся репрессиям. Десятки его членов во главе с подполковником С.Тереховым были арестованы и посажены в «Матросскую тишину». Многие члены СО (кадровые офицеры) были уволены по дискредитирующим статьям из армии. Деятельность Союза была запрещена.

Российские власти предпринимали активные меры для дискредитации Союза и его развала, различными методами провоцировали раскол в организации. Эту задачу частично удалось решить в Москве и Твери. Сохранившееся ядро Союза во главе с подполковником Тереховым вело борьбу за спасение организации от раскола, укрепление региональных структур СО.

18 февраля 1995 года было принято решение преобразовать Всеармейское Офицерское собрание во Всероссийское постоянно действующее Офицерское собрание. Председа-

телем ВОС был избран бывший зам министра обороны СССР генерал-полковник В.Ачалов.

В 1995—1996 годах Союз офицеров принимал активное участие в парламентских и президентских выборах. СО так определял свои стратегические цели участия в этих политических кампаниях:

1. Сохранение целостности России, устранение внутренней и внешней угрозы ее национальной безопасности, обусловленной развалом оборонной мощи страны и ее Вооруженных сил, дальнейшей криминализацией общества.

2. Восстановление Советской власти как института подлинного народовластия.

3. Недопущение политиканства и непрофессионализма в решении вопросов войны и мира, приводящих, как правило, к бессмысленной гибели мирных жителей и товарищей по оружию: солдат и офицеров.

Мне кажется, люди, формулировавшие эти цели, явно не соизмеряли их масштабы со своими скромными возможностями. Вряд ли они могли своими силами добиться сохранения целостности России, восстановления Советской власти, и уж тем более — устранить внешние угрозы безопасности страны.

Чрезмерный оптимизм политических формул СО распирал и его манифест: «Мы убеждены, что в условиях смутного времени, большой экономической и политической неопределенности офицерский корпус в силу его профессиональной выучки как никто другой способен принимать выверенные решения и добиваться его реализации с целью вывода страны из кризиса».

В период парламентских и президентских выборов 95—96 гг. Союз офицеров «делал все необходимое для объединения рабочего движения, политических партий, общественных организаций России коммунистической и патриотической ориентации в единый фронт народно-патриотических сил для победы единого кандидата».

Союз офицеров считал целесообразным создание объединенного координационного общественного совета из руководителей офицерских и других военных общественных организаций, что позволило бы преодолеть разобщенность офицерского корпуса.

После победы коммунистов на парламентских выборах 1995 года, по мнению руководства Союза офицеров, лидеров КПРФ «не покидала эйфория мнимой победы» (это

уже пахивало завистливой склочностью). В СО считали, что «вопреки логике и здравому смыслу обособление от самых близких союзников мешало эффективно вести предвыборную президентскую кампанию». Терехов и сподвижники «неоднократно предупреждали Зюганова о недопустимости подобной тактики». В одном из документов СО говорилось:

«Такая позиция Союза офицеров была воспринята в штыки, рассматривалась руководством КПРФ чуть ли не оскорблением и посягательством на святая святых партноменклатуры — узкоклановых интересов ее верхушки».

Уже достаточно хорошо изучив лексику лидера СО Терехова, я узнавал его почерк. Явная переоценка политических масштабов своей фигуры и реального потенциала возглавляемой им организации часто мешала подполковнику быть объективным.

И яростные упреки руководства СО в адрес коммунистов вряд ли можно было считать состоятельными. Многие офицеры Минобороны и Генштаба, частей Московского гарнизона, часто встречавшиеся с представителями коммунистического штаба по организации президентских выборов 1996 года, не замечали со стороны активистов КПРФ недооценки работы в армии и, тем более, какого-то пренебрежения к офицерам, разделяющим левые взгляды.

Наоборот, перед президентскими выборами 1996 года было заметно повышенное внимание коммунистов к армии. Я сужу об этом хотя бы по тому, что представители ЦК КПРФ активно шли на контакты с генералами и офицерами центрального аппарата МО и ГШ, приглашали их на консультации во время разработки военной части предвыборной программы, просили подготовить аналитические документы, запрашивали сведения о настроениях в войсках.

У меня всегда было тяжело на душе, когда я сталкивался с разборками и взаимными обвинениями людей, в сущности принадлежащих к одному политическому направлению, но подходящих к решению задач различными методами. Взаимные претензии и обвинения, а тем более склоки — признак политического нездоровья любой организации.

Много раз мне приходилось бывать на собраниях Союза офицеров, слушать страстные речи Терехова и его сподвижников. Такие же речи в свое время звучали на собра-

ниях «державников» Руцкого, сторонников Лебеда, Рохлина, Зюганова.

Для всех «оккупационный режим» был ненавистным, все одинаково его проклинали. Многие лозунги и идеи партийной и военной оппозиций были похожи, как инкубаторские цыплята. Отличались они лишь тем, что декларировались с разных политических колоколен.

Создавалось впечатление, что в России существует несколько сортов патриотизма.

Представителей Союза офицеров во главе с их лидером до сих пор можно видеть почти на каждой политической тусовке в столице. Они по-прежнему яростно проклинали режим и призывают соотечественников к «возрождению Великой державы». Кто против? Кстати, этот лозунг начертан на знаменах всех политических партий и движений, вышедших на предвыборную парламентскую и президентскую дистанцию.

И абсолютно ясно, что и на сей раз Союзу офицеров (как и гайдаровской, кириенковской, черномырдинской, немцовско-хакамадинской “демхамсе”) не суждено сыграть выдающейся роли в расстановке политических сил. Он — один из «актеров второго плана» на российской политической сцене, где ведущие партии играют коммунисты, яблочники, жириновцы, аграрии. А на подходе — сеющее панику в их рядах своей громкой мощью «Отечество — Вся Россия». Союзу офицеров предстоит нелегкий выбор — с кем быть? Примыкать к стану народно-патриотических сил или бросать шпаги к ногам новых триумфаторов? (которые не менее народны и патриотичны.)

ПОДПОЛЬЩИКИ

По мере приближения парламентских или президентских выборов во многих арбатских кабинетах накапливались горы пропагандистской макулатуры. Брошюры и листовки, газеты и журналы частенько всовывали в руки генералов и офицеров разномастные пропагандисты и пикетчики прямо у входа в Генштаб. Таким образом и попал в ГШ весьма любопытный опус под названием «Армия должна спасти Россию».

Возможно, этой тощей книжице, как и десяткам ей подобных, суждено было пылиться на полках или сгореть в подвальной топке, если бы офицеры контрразведки не

проявили к ней горячий интерес. И брошюра мигом исчезла...

Это напомнило мне времена диссидентского самиздата, когда генштабисты хранили в своих тайниках и сейфах подпольные произведения. Закрыв на замок дверь своего кабинета, я жадно вчитывался в неказистую, отпечатанную почти на туалетной бумаге брошюрку. И становилось ясно, чем вызван интерес генштабовских сыщиков к бестселлеру.

Судя по тиражу, эта обстоятельная инструкция по военному перевороту должна была идейно и методически вооружить по меньшей мере 200 тысяч голов. Названия глав были конкретны: «Власть и армия: уроки августа и октября», «Какие командиры нам нужны?», «Организация параллельной армии», «Конспирация», «Связь», «Агитация в армии», «Региональная власть и войска», «Время “Ч” и первые задачи».

Все было предельно ясно: как военные должны организовываться, за кем идти, кого и как свергать в Судный день.

Воздействие этого «фолианта» на офицерские мозги было намного сильнее неимоверного количества огромных плакатов с портретом Черномырдина, держащего в руках огромного белого петуха с алым гребешком.

Этот плакат, отпечатанный на дорогой финской бумаге, оказался очень удобной вещью — он играл роль своеобразной скатерти-самобранки: на ней во время тайных генштабовских пирушек расставлялись бутылки и стаканы, банки с тушенкой и рыбными консервами из офицерского пайка. Скатерть была ослепительной белизны, и это придавало нашим застольям некий эстетизм на фоне разъявленных жестяных пастей банок с килькой в томате, редкозубых вилок и сигаретных бычков.

Одна из таких конспиративно-алкогольных посиделок втянула меня в любопытную историю...

Служил в соседнем генштабовском отделе полковник по кличке «Дед». Увольнение у него было, как говорится, на носу. Тихо высиживал кандидат в военные пенсионеры свои законные 22 оклада. Исправно готовил начальникам документы, «Правду» вперемежку с «Московским комсомольцем» почитывал, частенько Ельцина и Грачева поругивал.

Однажды на обмывке звездочки у нашего общего знако-

мого «Дед» и я оказались за столом рядом. Когда уже хорошенько приняли на грудь, закипела дискуссия о политике (верная примета, что прошли третий стакан: после первого у нас обычно говорят о службе, после второго — о женщинах). Хмельные политические диспуты в Генштабе имеют лишь одну особенность — в первую очередь «несут по кочкам» непосредственного начальника, президента и министра обороны.

А тут один из наших генштабовских паркетных шаркунчиков стал петь хвалебные песни Ельцину и Грачеву. Офицеришко этот вырос в здешних пенатах от капитана до полковника (до этого вкалывал на Севере Садового кольца) и два раза получал досрочные звания. Вероятно, за то, что исправно доставлял с продсклада генеральский паек начальнику. Короче, его у нас не любили. И вот он пошел супротив общего течения диспута. Мол, и Ельцин, и Грачев — нормальные мужики, просто дурная страна им досталась...

И все это было, надо понимать, не от собственных его искренних убеждений, а в расчете на «жучки», которые в наших кабинетах в больших количествах водятся. Вроде бы как прямое включение для отдела военной контрразведки. Мол, знайте, ребята, кто здесь контра, а кто свои.

По этому провокатору мы с «Дедом» проехали как танки по хворосту. Шаркунчик быстро ретировался. Появился повод для тоста «за победу над неверными». Выпили — опять о политике. Растудыт-твою демократов этих мать — загубили армию, разграбили Россию.

Когда остались вдвоем, «Дед» сказал:

— Трепаться мы все мастаки. Воевать языком — каждый Наполеон. Надо серьезным делом заниматься.

— Ты это о чем?

— Приглашаю тебя в наше Офицерское собрание. Завтра у нас очередная сходка. Если согласен, пойдем вместе.

— Это что, филиал тереховского Союза офицеров?

— Нет, гораздо серьезнее.

Это уже было любопытно. Решил — схожу.

На следующий день в назначенное время встретились с «Дедом» на Маросейке. Побрели. Темнота. Дождь. Слякоть. И все оглядываемся, нет ли «хвоста».

Перед тем как войти в особняк, полковник сказал мне:

— Запомни, ты в моей тройке. Я поручился за тебя. Еще раз напоминаю: держи язык за зубами. Проболтаешь-

ся — «группа товарищей» (так чаще всего подписываются некрологи в «Красной звезде»).

В большой полутемной комнате уже сидело человек двадцать. Все в гражданке. Лиц почти не видно. Мы припоздали, и мой «Дед» извинился перед кем-то. Из темноты звучал голос:

— Товарищи офицеры, мы уже установили контакты с некоторыми офицерами президентского полка. У нас много своих людей в Кантемировской и Таманской дивизиях, в бригаде из Теплового Стана. А сейчас есть предложение заслушать товарища с «Вулкана».

Меня это слово обожгло. «Вулкан» — позывной штаба Ленинградского военного округа.

Пошел доклад в том же духе. О работе в войсках, военных училищах и академиях.

Другие сообщения с мест щекотали нервы впечатляющими подробностями скотской жизни в российских гарнизонах. Люди дружно возмущались. Кто-то с плохой дикцией сказал, что пора кончать трепаться — надо браться за оружие.

— Пока рано. Но пить надо меньше! — ответили ему.

Я догадывался, что этот подпольный клуб вряд ли зарегистрирован в Минюсте, зато наверняка уже попал в досье Лубянки.

А «Дед» то и дело наклонялся к моему уху и страстно шептал:

— Ну как?

— Нормально, — отвечал я ему, — лет на пять усиленного режима тянет.

«Дед» недовольно хмыкал носом и с прилежностью первоклассницы вслушивался в речи очередных ораторов. Когда слово предоставили следующему из них, «Дед» восторженно шепнул мне:

— Генерал!

Генерал заговорил менторским, завывающим тоном, который сразу выдал в нем академического преподавателя.

— Товарищи офицеры! Я знаю, что многие из вас безбожно проклинают Никиту Хрущева, разглядывая на карте Аляску. В такие минуты мне часто приходят на ум слова из песни: «Не валяй дурака, Америка, — отдавай-ка Алясочку взад». Русские офицеры не могут простить ни Хрущеву, ни Горбачеву, ни Ельцину тех гигантских территорий, которые теперь потеряны для России. Хрущев отдал

хотел Крым, американцам — Аляску. Горбачев с Шеварднадзе уступили им же морской шельф, который по запасам нефти равняется нескольким Кувейтам. Ельцин хочет отдать японцам Курилы...

Больше на эту политподготовку с элементами поминок я не ходил. Много подобного уже навиделся и наслушался на собраниях, совещаниях, учредительных съездах. Много раз, идя на очередное сборище, возгорался я новой надеждою, что, может быть наконец сформируется тот единственный и мощный союз военных и гражданских, который изменит мрачное течение российской жизни, повернет ее в русло, где будет меньше грязи и крови, где смысл существования народа и армии обретет достоинство и осмысленность.

Когда сформировался «Конгресс русских общин», многие офицеры Минобороны и Генштаба ринулись ему на помощь, связывая с фигурой популярного тогда Лебеда новые надежды на то, что под его водительством в тандеме со Скоковым «КРОкодилы» победно ворвутся в парламент, а там — чем черт не шутит — и в Кремль. Рискаю попасть на нары, генштабисты тайком таскали в штаб КРО секретные материалы, чтобы помочь аналитикам Лебеда разработать такую военную программу движения, которая заставила бы всю армию пойти за ним на выборах.

Но нас постигло жестокое разочарование — КРО не смог преодолеть на парламентских выборах даже пятипроцентного барьера.

Потом военных снова звали в свои ряды лидеры новых карликовых политических кружков, кичащиеся мифическим наличием своих сподвижников «во всех субъектах Федерации». И уже вскоре наступало новое разочарование.

Шла банальная «война слов», слышались одинаковые воинственные кличи и слезные причитания о поруганной России. Разноцветные оппозиционные организации плодились как кролики, и каждая опять звала в свои ряды военных, каждая поднимала свое знамя. Помнится, как во время посещения сходки московских казаков кто-то в запале бросил слово «ряженные» и тут же, вскрикнув, выплевывал зуб в темном углу.

Целая дивизия кадровых и отставных офицеров уже который год прилежно ходит на оппозиционные митинги, где с огненными призывами на них набрасывались однообразно банальные трибуны.

Там не один раз я замечал в толпе знакомые лица кадровых и отставных министерских и генштабовских офицеров. Мелькали и «родные» лица сыщиков военной контрразведки.

Манежная площадь у гостиницы «Москва» долгое время была любимым местом митингов оппозиции. Видать, рев разъяренной толпы сильно нервировал Ельцина и его окружение, испуганно поглядывавших на людское бушующее море из-за толстых стен Кремля.

Мэр Москвы Юрий Лужков был большим искусником по части угадывания настроений высшей власти. Он нашел ловкий способ покончить с «революционным духом» Манежной площади. На ее месте был вырыт гигантский котлован и развернуто строительство надземно-подземного торгово-прогулочного комплекса, который у нас в Минобороны и Генштабе сначала называли «Противотанковым рвом имени мэра Москвы», а затем — «Художественным бомбоубежищем имени Лужкова — Церетели».

Но оппозиционеры нашли другие площади для своих митингов, среди участников которых продолжают и сегодня мелькать офицерские погоны...

ЛАМПАСЫ И ПАРТБИЛЕТЫ

Количество генералов и офицеров, принудительно уволенных по политическим мотивам или добровольно ушедших из армии по причине серьезных разногласий с высшим государственным и военным руководством, постоянно росло. Многие из этих людей пополняли ряды оппозиционных политических партий, блоков и общественно-политических движений, еще в период парламентских выборов 1993 года почти в каждом из них были военные.

Эта тенденция еще больше закрепилась в период очередных выборов в Госдуму в 1995 году. Причем, в большую политику устремились уже не только отставные, но и многие кадровые генералы и офицеры. Многие из них выступали в роли военных идеологов и экспертов политических объединений.

На первые роли в ту пору вышли начальник академии Генштаба генерал Игорь Родионов, командующий ВДВ генерал Евгений Подколзин и командующий ЧФ адмирал Эдуард Балтин. Они вошли в состав политических блоков («Конгресс русских общин» и «За Родину») и в ходе пред-

выборной борьбы делали все более острые выпады в адрес властей, подвергая сильной критике их провалы во внутренней и внешней военной политике.

Много ярких военных личностей было и в большом отряде отставных военных оппозиционеров, среди которых выделялись «погорельцы» 1991 и 1993 годов — генералы Александр Руцкой, Валентин Варенников, Владислав Ачалов, Альберт Макашов, Станислав Терехов, прошедшие застенки Лефортова, Бутырок и других неуютных заведений.

Так лихо жизнь закручивала человеческие судьбы, что демократ первой волны генерал Руцкой, принимавший участие в обороне Белого дома в августе 1991-го, в 1993-м оказался в рядах его вооруженных защитников, по одну сторону баррикад с генералом Варенниковым, который в 1991 году был причислен властью к участникам «заговора» ГКЧП.

Среди отставных военных оппозиционеров образовалась группа руководителей общественно-политических организаций: Руцкой стал лидером «Державы», Лебедь — движения «Честь и Родина», Рохлин — Движения в поддержку армии, Терехов — Союза офицеров, Ачалов — Всероссийского Офицерского собрания. В руководящих структурах КПРФ состоит генерал Михаил Сурков, в ЛДПР — генерал Виктор Филатов.

Летом 1998 года бывший директор Федеральной пограничной службы генерал армии Андрей Николаев создал движение «Союз народовластия и труда» и уже на учредительном собрании заявил, что его организация «находится в оппозиции существующей власти».

При всей кажущейся идейной пестроте военной оппозиции в России, тем не менее легко обнаружить одну общую платформу, на которой она развивается и действует — неприятие тактики и стратегии высшей исполнительной власти по кардинальным вопросам военной политики. Остановить дальнейший развал армии и обороны страны — центральный лозунг военной оппозиции.

По своим взглядам и оценкам военные оппоненты Кремля и правительства практически в полном составе примыкают к левым. И, казалось бы, это создает благоприятную почву для блока Народно-патриотических сил. Но не все так просто. В сущности, сегодня общественно-политические движения, во главе которых стоят известные

в армии личности, решают разные задачи. И прежде всего — политические.

Генерал Николаев ориентируется на Лужкова. Илюхин (возглавивший ДПА после таинственной смерти Рохлина) — на КПРФ. Лебедь, еще не расставшийся с президентскими амбициями, рассчитывал на поддержку своего движения «Честь и Родина», но оно в результате внутренних интриг, искусно посеянных спецслужбами, в конце 1998 года распалось. Генерал Руцкой отошел от «Державы», отдав ее в другие руки. Пока неясно, кому будет «продаваться» со своим Союзом офицеров эксцентричный и честолюбивый подполковник Терехов, разобидившийся на коммунистов летом 1996-го.

Пока иные военные лидеры громко кичились большим количеством своих сторонников (что часто не соответствует действительности) генерал-полковник Борис Громов сумел собрать под одно знамя ветеранов всех локальных войн и военных конфликтов и создать всероссийское движение «Боевое братство», которое, по самым скромным подсчетам, имеет в своих рядах больше одного миллиона «штыков» и реальные, а не бумажные региональные организации (основу их составляют ветераны-афганцы). Движение Громова — лакомый кусок для будущих кандидатов в президенты.

В последние годы мне довелось побывать во многих сухопутных и морских гарнизонах Российской армии. Там постоянно приходилось убеждаться, что оппозиционная идеология все глубже проникает в войска и формирует у людей негативное отношение к власти. Я часто встречал людей, которые показывали мне документы, удостоверяющие их принадлежность к различным политическим объединениям. Люди жили и служили за тысячи километров друг от друга, нередко исповедовали совершенно различные политические взгляды, но при всем при этом оставались едины в одном — они отвергали режим, который довел их до незавидной жизни.

Наверное, мало кто пока знает, что уже продолжительное время в Москве активно функционируют партийные организации бывших офицеров и генералов Министерства обороны и Генштаба. Люди, с добрым сарказмом называющие себя «одуванчиками», систематически собираются на свои собрания, чтобы обсудить положение дел в стране и в армии.

Старая гвардия продолжает вести «арьергардные бои», не теряя надежды на возрождение России и ее армии.

РОХЛИН

О генерале Льве Рохлине, командире Волгоградского корпуса, в России громко заговорили в начале чеченской войны — многие газеты писали о том, что благодаря умелым действиям комкора удалось предотвратить большие людские потери. К тому времени относится и эпизод в боевой биографии Рохлина, который вызвал немало противоречивых пересудов в Генштабе...

Корпусу Рохлина предписывалось войти в Чечню по маршруту, который определялся замыслом, разработанным в Главном оперативном управлении Генштаба и согласованным со штабом Северо-Кавказского военного округа. Другие корпуса и дивизии, рванувшиеся к чеченским границам во время «Ч», были встречены дудаевскими формированиями с хорошо подготовленных позиций и понесли потери.

Командующий СКВО генерал-полковник Алексей Митюхин, у которого были серьезные подозрения об утечке информации о маршрутах выдвижения войск еще накануне операции (переговоры командиров по незакрытой связи, исчезновение рабочей карты в штабе представителей МВД, присутствие журналистов на установочном совещании, где выступал министр), догадывался, что мощное огневое сопротивление чеченцев свидетельствует о хорошем знании противником маршрутов выдвижения наших колонн.

Встретившись с комкором Рохлиным, командующий предложил ему спутать карты чеченцам. Рохлин отлично понимал, что самостоятельное изменение маршрутов выдвижения колонн его корпуса грозит ему крупными неприятностями: такие экспромты в боевой обстановке во все времена пахли трибуналом.

И тем не менее Рохлин пошел на это.

Генералы и офицеры Генштаба, руководившие развертыванием операции с командного пункта Объединенной группировки, заподозрили неладное уже вскоре, когда попросили Рохлина уточнить по радио местонахождение колонн его корпуса. После этого комкор приказал связистам выключить радиостанции «в целях маскировки». А на КП уже раздавались гневные возгласы:

— Рохлин в тюрягу захотел!

Он вышел на связь с КП лишь тогда, когда его корпус ворвался на территорию Чечни с направления, где дудаевцы наших частей не ждали.

И все равно его хотели крепко наказать за вольность. Командующий СКВО генерал Митюхин защитил комкора: в то время, когда количество людских потерь в других соединениях уже исчислялось сотнями, Рохлин не потерял и десятка своих подчиненных.

В его жизни не один раз бывало так: когда светил орден — грозили снятием с должности, когда грозила опала — судьба оборачивалась милостью. Еще на войне прямой наводкой бабахнул он по тем, кто ее затеял. Грачев советовал ему быть потише и поаккуратнее в словах, но тем не менее, задумал представить комкора к Герою. Рохлин радости не выказал: более того, приползли в Генштаб слухи, что Лев Яковлевич по этому же поводу произнес колючие, но справедливые слова:

— Я не понимаю, как можно стать Героем на гражданской войне...

Молва о честном и смелом генерале все шире начинала расползаться по гарнизонам. Росла его популярность и в Москве. Этой популярностью и решили воспользоваться «мастера предвыборных технологий», когда развернулась подготовка к парламентским выборам 1995 года. Рохлину предложили идти в Госдуму под знаменем блока «Наш дом — Россия». Он согласился.

Это решение Льва Яковлевича сильно поколебало его авторитет и в Генштабе, и в войсках. Его образ и его настроения не вязались с «партией власти», руководители которой благословляли ту самую войну, которую генерал безбожно костерил.

Но выбор был сделан. Президентская и правительственная пресса не трогали Рохлина до тех пор, пока он соблюдал правила игры, предписанные в «Доме». Но как только Рохлин переставал оглядываться на них, ангажированные исполнительной властью СМИ все чаще стали «спускать собак» на него. О Рохлине в НДР стали говорить как о «предателе».

Мне довелось несколько раз встречаться с Рохлиным на Арбате, особенно в ту пору, когда министром обороны стал Родионов, к которому Лев Яковлевич испытывал искренние дружественные чувства. Рохлин часто навевывал-

ся к Игорю Николаевичу, чтобы вместе обсудить наболевшие проблемы армии (Лев Яковлевич возглавлял Комитет Госдумы по обороне).

Я не однажды был свидетелем их продолжительных бесед и все чаще замечал, что эти два человека с одинаковой болью переживают происходящее с Россией и армией. Они одинаково презирали коррупционеров и рвачей во власти, ненавидели холуев в политике и жулье в лампадах. Родионов уже вскоре после появления на Арбате вытурил из армии дюжину заворовавшихся «полководцев», и Рохлин раз за разом стал обнародовать сенсационные материалы о грязных махинациях с оружием, деньгами, недвижимостью, которые проворачивали генералы, пригревшиеся под крылом Кремля. Рохлин все чаще бил по его хозяину прямой наводкой критики и самыми крупными калибрами.

Осенью 1996 года полной неожиданностью для Минобороны и Генштаба стал и указ Ельцина о создании военной инспекции при Президенте РФ. В Кремле при этом сочли не обязательным посоветоваться не только с руководством МО и ГШ, но и с военными экспертами парламента.

Когда Рохлин присутствовал на совещании центрального аппарата Минобороны и Генштаба, я прилюдно спросил у него:

— Лев Яковлевич, проходил ли проект указа президента через ваш комитет?

— Нет, — ответил Рохлин.

В зале раздался гул недоумения.

Однажды в комнате отдыха министра мы долго говорили с Львом Яковлевичем «за жисть». Я давно хотел, но никак не осмеливался задать ему мучивший меня вопрос: что все-таки сподвигло его согласиться встать под знамя НДР — объединения, которое не принимают ни страна, ни армия. Тем более что вступление Рохлина в «Наш дом» сильно поколебало у военных веру в порядочность Льва Яковлевича. Его ответ поразил меня своей прямоотой:

— Ошибка.

И немного помолчав, он улыбнулся и добавил:

— Но я, кажется, с лихвой исправил ее...

А вот как вспоминает об этом председатель Комитета Госдумы по безопасности Виктор Илюхин:

— Не скрою, меня удивляло, почему такой порядочный и патриотически настроенный человек оказался в так на-

зываемой партии власти. Неужели он не видел, с кем оказался в одной компании? Этот вопрос я ему не задавал, но пришло время, и он сам мне все объяснил по-солдатски прямо:

— Знаешь, Виктор, я почему-то был уверен, что чем больше будет в этой фракции честных людей, настоящих государственников, тем больше мы сделаем, активнее сможем влиять на политику, — сказал он мне. — Но теперь понял: когда у власти и во главе ее стоят непорядочные, меркантильные люди или просто предатели интересов государства, честным они работать не дадут...

* * *

В конце июня 1997 года председатель думского Комитета по обороне генерал Лев Рохлин распространил свое обращение к войскам, в котором призвал военных объединяться и бороться за спасение армии. Рохлин персонально обвинил Ельцина в развале Вооруженных сил. Кремль громко заскрежетал зубами. С Арбата в войска тут же была направлена шифровка с приказом не реагировать на «провокационные» призывы Рохлина. Армейские и флотские спецслужбы получили строгое указание блокировать любые попытки Рохлина и его сподвижников вести агитационную работу в гарнизонах.

Я читал рохлинский манифест: в нем не было ни одной буквы лжи.

В те же дни офицеры одной из авиационных частей, презрев закон, объявили коллективную забастовку в связи с тем, что им долгое время не выдают денежного содержания.

В часть мигом нагрянули тележурналисты.

Жена одного из офицеров плакала перед телекамерой и говорила, что в семейном холодильнике остался «один мосол и десять картошин».

— Осталось лишь собрать детей на кухне и включить газ, — сказала она.

Армия плакала.

Армия скрежетала зубами.

...Ельцин на дерзкое обращение генерала Рохлинаотреагировал жестко. И даже пообещал, что формируемое им общественно-политическое движение в поддержку армии будет «сметено». Пропрезидентская пресса стала дружно травить Рохлина. В ответ на это генерал заявил:

— Я из тех, у кого будут снаряды рваться под ногами, но я не стану на колени перед президентом.

Рохлин совершил множество поездок в регионы, в ходе которых провел большую организаторскую работу накануне учредительного съезда своего движения. По каналам спецслужб на Лубянку систематически поступала информация, что с Рохлиным ищут контакты активисты партий и движений самой различной направленности — от коммунистических до экологических. О готовности поддержать ДПА заявили руководители свыше 30 офицерских и ветеранских организаций России, многие директора предприятий военно-промышленного комплекса, военные ученые, казаки.

20 сентября 1997 года в Парламентском центре на Цветном бульваре открылся учредительный съезд ДПА, на котором присутствовало свыше двух тысяч делегатов и гостей. Оглядывая зал, я узнавал многих отставных и действующих генералов и офицеров, одетых в гражданское. На задних рядах я узнал нескольких военных контрразведчиков. Свободных мест не было. Бросалось в глаза почти полное отсутствие молодежи (потом будет объявлено, что средний возраст участников съезда — 47 лет).

Рохлин объявил о начале работы съезда и спросил у зала, какие будут предложения.

— Есть предложения! — крикнули из зала.

На сцену вышел отставной полковник, а следом за ним старушка с мужчиной, которые держали в руках развернутый бархатный стяг времен СССР.

Полковник сказал:

— Есть предложение снять со сцены трехцветный флаг, а на его место поместить вот этот!

В зале наступила тишина. Кто-то попытался аплодировать, но тут же затих. Все смотрели на Рохлина. Мне показалось, что он пребывал в растерянности. Затем сказал:

— Я бы просил всех сдерживать эмоции. Мы лишь арендуем зал и не имеем права ничего менять в его оформлении.

Это были единственно правильные в той ситуации слова. Знаменщики удалились со сцены.

Затем был почти часовой доклад Рохлина. Самое сильное место: «Необходимо конституционными действиями поднять народ на мирные акции протеста и заставить Ельцина сложить с себя полномочия Президента Российской Федерации».

После этих слов — громкие аплодисменты.

Затем последовало перечисление целей, которых будет добиваться движение: разработка новых концепций безопасности страны, принятие политических решений по военной реформе, проведение инвентаризации предприятий ВПК, выполнение закона о бюджете, восстановление системы военно-патриотического воспитания...

Слушая генерала, я ловил себя на мысли, что очень похожее было во время съездов и конференций «Гражданского союза», «Державы», Союза офицеров, «Чести и Родины»... Было такое впечатление, что жизнь идет по кругу. Вот так же в зале звучала зубодробительная критика Ельцина и его команды, вот так же гордо перечислялись десятки поддерживающих организаций...

Наверное, не один я задавался в тот день вопросом: появление рохлинского движения — премьера серьезной политической силы, способной действительно повлиять на ход жизни в России и спасти армию, или же это очередной политический шар, который уже вскоре выпустит воздух?

Вероятно, об этом думали и представители лебедевского движения «Честь и Родина», которые, как мне показалось, с некоторой завистью оглядывали битком набитый зал. Я понимал их озабоченные и ревностные взгляды: генерал Рохлин явно переиграл генерала Лебеда на организационном этапе развертывания своего движения.

Я обратил внимание, что в президиуме съезда не было председателя Союза офицеров подполковника Станислава Терехова. Он сидел в зале в ранге обыкновенного гостя и, судя по нервному выражению его лица, был недоволен таким положением. В перерыве он не удержался, чтобы не бросить корреспонденту, липнущему к нему с диктофоном, колкую реплику: «На съезде — торжество номенклатуры. Интересы генералитета и офицерского корпуса не совпадают». Было похоже, что этого честолюбивого человека тоже мучила изжога ревности.

Прения мало чем отличались от основного доклада: выступающие дружно «плакались» по поводу развала армии, ВПК и военной науки. Исключением стала разве что пламенная речь генерала из Белоруссии, который сильно наступил на «ностальгическую мозоль» участников съезда, вспомнив о величии былой армии и державы, когда он летал на боевом самолете над бескрайними просторами Со-

юза от Балтики до Ташкента. Две тысячи людей дружно встали и наградили оратора бурными аплодисментами.

Кто-то подал Рохлину записку с просьбой к выступающим «не расчесывать раны, а предлагать конкретные действия». Когда записка была оглашена, зал встретил ее дружными возгласами одобрения.

Присутствие на съезде и выступления Г.Зюганова и В.Жириновского было явным признаком особого внимания КПРФ и ЛДПР к рохлинскому движению. Было ясно, что и коммунисты, и либерал-демократы будут стремиться брать ДПА «под свое крыло».

О «левой» ориентировке Рохлина красноречиво свидетельствовала его фраза:

— После отставки президента в кратчайшие сроки должно быть создано переходное коалиционное правительство народного доверия.

Такой концентрации лубянских сыщиков ФСБ и военной контрразведки, как в тот день, мне не приходилось видеть ни на одном другом подобном мероприятии...

...У Парламентского центра на Цветном бульваре атели красные знамена и опадали с деревьев желтые листья. Дворник нагреб большую кучу жухлой листвы и поджег ее. Голубой грустный дым потянулся вдоль аллеи, по которой неспешно, группами расходились делегаты рохлинского съезда. Я шел среди них и думал о том, смогут ли все эти люди что-то изменить в жизни России или нам так и суждено из месяца в месяц, из года в год собираться на новые политические тусовки, костерить режим, бросать пламенные кличи, записываться в новые движения и партии, а затем получать приглашения на учредительные съезды новых движений и новых партий...

* * *

С момента появления рохлинского движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» началось его шельмование многими средствами массовой информации. Были и угрозы со стороны официальных лиц. Рохлина называли «provокатором, подталкивающим армию к военному мятежу».

В одном из заявлений ДПА говорилось: «Мы хорошо понимаем причину устроенного вокруг Движения шабаша: это страх, который испытывает нынешний режим... Мы выступаем не против Конституции, не против Президента

как высшего должностного лица, а против президента Ельцина и его губительного курса, в результате которого разграбляется Отечество и обогащается ничтожно малая кучка людей... Горький исторический опыт показывает, что народ, которому не оставлено выбора, обречен на восстание...»

Рохлина пугали, травили, шантажировали. Он не унижался:

— Надо использовать все способы, вплоть до массовых акций протеста, с целью отстранения Б.Ельцина от власти. Только так можно избежать повторений трагедии. Мы готовы к подобным действиям.

Рохлин упорно призывал к сотрудничеству все оппозиционные силы. Он говорил, что сегодня уже «мало выражать недовольство властью временщиков и ужасаться мрачными перспективами нашей страны. Пришла пора осмысленных конституционных действий...»

На совещании местного отделения ДПА в Солнечногорске Рохлин сказал:

— Мы добьемся, что сбросим ярмо с шеи народа.

Эту фразу услужливые сексоты Кремля расценили как призыв к насильственному свержению конституционного строя. Рохлину пришлось объясняться с Главной военной прокуратурой.

Но генерал не сдавался. Наоборот — его атаки на высшую власть становились еще яростнее:

— Правящий режим рушит обороноспособность государства, последовательно уничтожает высокопрофессиональные военные кадры.

Рохлинское движение активно разоблачало те политические шаги высшей исполнительной власти, которые при всей своей внешней благопристойности по сути были блефом.

30 сентября 1997 года с подачи вице-премьера Бориса Немцова появился Указ президента № 1062 «О совершенствовании порядка обеспечения жильем военнослужащих и некоторых других категорий граждан».

В указе, в частности, говорилось: «Установить, что приоритетной формулой бюджетного финансирования расходов на обеспечение постоянным жильем военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, а также граждан, подлежащих переселению из закрытых и обособленных военных городков, является выпуск и погашение государственных жилищных сертификатов».

Военные с большой подозрительностью отнеслись к этой идее. Давно привыкнув к необязательности власти, армейские и флотские офицеры, прапорщики и мичманы в очередной раз пытались понять: указ сулит им действительный выход из положения или это блеф?

Активисты ДПА отвечали и на этот вопрос.

В некоторых гарнизонах появились листовки с комментариями Указа президента. В них, в частности, говорилось:

«...Данный указ — очередной обман Ельцина. В результате так называемых реформ в Вооруженных силах только в 1998 году будет уволено более 100 тысяч офицеров, прапорщиков и мичманов. В настоящее время около 100 тысяч семей военнослужащих и 150 тысяч семей граждан, уволенных с военной службы, не имеют жилья.

На строительство жилья для 100 тысяч военнослужащих требуется 25 триллионов рублей, для 250 тысяч (100 плюс 150) — 63 триллиона. В проекте бюджета на 1998 год предусматривается выделить на эти цели всего 2,1 триллиона. Судите сами, чем является Указ президента».

Эта листовка ходила по гарнизонам и была запеленгована спецслужбами. В Генпрокуратуре ломали голову над тем, является ли данный документ подстрекательской агитацией или нет? Пока выясняли этот вопрос, в Волгограде группа военнослужащих выступила с протестом против реорганизации армейского корпуса, которым когда-то командовал Рохлин. «Восставших» задержали. Неожиданно всплыли и листовки типа той, что приведена выше. Их порой сотрудники спецслужб подбрасывали сторонникам Рохлина так же, как пакеты с наркотиком, когда трудно было обнаружить улики для ареста подозреваемых.

Авторитет Рохлина в армии рос. Летом 1998 года в некоторых подмосковных гарнизонах офицеры, являвшиеся членами ДПА, во время гражданских акций протеста предлагали перекрывать дороги, ведущие к Москве. Поговаривали, что такие акции планировалось одновременно провести сразу в 30 местах.

Информация об этом, поступившая в Кремль и на Лубянку, была встречена там с большой настороженностью.

Через несколько дней после этого по России прокатилась черная весть — Льва Яковлевича не стало.

Мы никогда не узнаем, кто убил его.

Но нам хорошо известно, КОГО его смерть очень обрадовала.

Он прошел две войны и остался жив.

Хождение в российскую политику оказалось для него смертельным.

Убийство Рохлина произошло в тот период, когда страну и армию все сильнее вздыбливали волны массового недовольства властью — Россия готовилась ко всенародной акции протеста...

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ: ПРИВИДЕНИЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Уже который год на страницах нашей и зарубежной прессы муссируется вопрос о возможности военного путча в России. Выстраиваются различные предположения и версии, анализируются предпосылки. А что думают по этому поводу сами военные?

Генерал-полковник Борис Громов, бывший заместитель министра обороны РФ, депутат Госдумы:

— В масштабах Вооруженных сил и всей России это вряд ли возможно. Но вероятность каких-то выступлений, волнений в регионах, где терпение гражданских и военных людей доведено до точки кипения, исключать нельзя. И это может перекинуться на соседние районы страны и в гарнизоны... Выход вижу в смене руководства...

Генерал-лейтенант Лев Рохлин, бывший председатель Комитета Госдумы по обороне:

— К взрыву может привести только бездумное сокращение, когда людей просто выбросят на улицу. Если подойти к делу по-умному, я бы сказал, по-доброму, то никаких возмущений не будет. Но тогда уволенных офицеров надо обеспечить работой, квартирами, научить их гражданским специальностям...

Генерал-полковник Эдуард Воробьев, депутат Госдумы, бывший первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками ВС РФ:

— Положение в армии действительно критическое. Потому что нет сегодня такой структуры, в которую можно было бы постучаться с бедами Вооруженных сил и она бы откликнулась.

Сначала надо выдать денежное довольствие офицерскому составу и военнослужащим. Это уже в определенной

мере снимет напряжение. Но после заявления министра обороны и его встречи с президентом ничего не изменилось. Личному составу не выдали оклады даже перед 23 февраля. Это никуда уж не годится, и тут можно ожидать чего угодно. Вот начнутся какие-нибудь забастовки рабочих в том или ином регионе, и — я совершенно не исключаю — военнослужащие могут их поддержать...

Генерал-майор авиации Николай Безбородов, сопредседатель депутатской группы «Народовластие»:

— Нищета офицерского состава, контрактников и срочников доведена до такого уровня, когда в принципе их терпение может лопнуть. Люди служат, полагая, что власти наверху о них заботятся. Но когда два-три месяца нет зарплаты, а в верхах нет никакой реакции, то в принципе могут появиться неподчинение, выступления протеста. Когда везде ситуация настолько серьезна, то стоит волнениям только вспыхнуть в одном месте, и начнется цепная реакция. Власть постоянно должна помнить об этом...

Полковник Сергей Юшенков, бывший председатель Комитета Госдумы по обороне:

— Если наше бездарное правительство будет и дальше проводить политику топтания на месте, то ситуация в армии может действительно через некоторое время перерасти из кризисной в катастрофическую. Однако события августа 91-го и октября 93-го, думаю, не повторятся. Армия уже научена горьким опытом, когда она же оказывается виноватой. Я не исключаю каких-то форм проявления недовольства, но не с оружием в руках...

Генерал армии Валентин Варенников, бывший Главком Сухопутных войск, депутат Госдумы:

— Если мы хотим, чтобы наши Вооруженные силы были гарантом безопасности и суверенитета страны, то власть обязана выполнить, как минимум три условия. Первое: армия должна быть обеспечена всем необходимым. Важно создать условия для проведения боевой подготовки, инфраструктуру. И, конечно же, профинансировать. Второе: необходимо укомплектовать все части, не подлежащие сокращению, на сто процентов офицерами и солдатами. И третье: надо прекратить огульное охаивание Вооруженных сил. Если это будет исправлено, то положение стабилизируется. И в этом случае ни о каких волнениях в армии говорить не придется...

Маршал авиации Евгений Шапошников, бывший ми-

нистр обороны СССР, бывший Главком Объединенных Вооруженных сил СНГ:

— Армия при неблагоприятных обстоятельствах может стать самостоятельной политической силой и может быть использована реакционными силами, что приведет к свертыванию демократических преобразований в России...

РЫЧАЩИЕ ГАРНИЗОНЫ

Закономерность: почти каждая попытка руководства Минобороны и Генштаба реформировать устоявшуюся организационно-штатную структуру войск и флотов или изменить систему подчиненности частей вызывает у многих командиров несогласие. Оно выражается в различных формах — от яростной критики директив и приказов министра и НГШ до отказов выполнять приказ.

В конце 1996 года я сопровождал министра обороны Игоря Родионова во время его инспекционной поездки в войска ДальВО. В своем выступлении перед командирами частей и соединений Камчатского гарнизона министр поставил под сомнение необходимость содержать один из танковых полков корпуса на Чукотке, где покров снега зимой часто достигает двух метров.

Комкор генерал Мухамед Батыров в весьма резкой форме отреагировал на эту идею, и только сдержанность Игоря Николаевича позволила избежать прилюдного конфликта.

После прихода Сергеева на Арбат к вопросу о сокращении корпуса и изменении системы его подчиненности возвратились вновь. На этот раз Батыров пошел еще дальше: после поступления директивы из Москвы он собрал пресс-конференцию и высказал свое негативное мнение по поводу планов ГШ реформировать его соединение. И более того, публично высказал несогласие с директивой Генштаба о сокращении корпуса и подчинении его командованию Камчатской военной флотилии. Батыров не без гордости объявил, что командующий войсками ДальВО генерал-полковник Виктор Чечеватов дал ему команду прекратить передачу гарнизонов и техники военно-морскому начальству.

Дело приняло столь серьезный оборот, что лично вынужден был вмешаться начальник Генштаба Анатолий Квашнин. Только под его решительным нажимом реформаторская директива была принята к исполнению.

Явное или скрытое сопротивление командиров и начальников различных рангов линии руководства Минобороны и ГШ на полное или частичное сокращение частей все отчетливее начинало обретать облик системы. Не было почти ни одного гарнизона, где бы такие решения Москвы не принимались в штыки. Это было чрезвычайно опасное явление: расшатывалась центральная опора армии — беспрекословное подчинение военных людей приказам и директивам старших начальников.

В интервью газете «На страже Заполярья» с критикой проводимых преобразований в авиации выступил командир одного из ракетно-авиационных соединений генерал-майор Владимир Попов. То был опасный прецедент, поскольку газета являлась органом военного совета флота и предоставление этой трибуны генералу Попову могло означать, что высший коллегиальный орган флота разделяет позицию «бунтаря», которого, кстати, почти единодушно поддерживали в авиационных гарнизонах.

И подобных случаев в Российской армии становится все больше. Во многих «упраздняемых» гарнизонах дело подчас доходило до массовых митингов протеста, что вызывает большую обеспокоенность не только в Москве, но и у региональных властей. По этой причине, в частности, мэр Петрозаводска Сергей Катанандов (сейчас — глава Карелии) обратился к командующему войсками Ленинградского военного округа генерал-полковнику Валентину Бобрышеву с просьбой внимательно отнестись к намечающемуся сокращению частей и соединений на территории республики. Он мотивировал это «опасно растущей социальной напряженностью в гарнизонах...»

По той же причине руководство Карелии обратилось к начальнику Генштаба с просьбой не сокращать «бурлящий и негодующий» 159-й гвардейский авиационный полк, расквартированный под Петрозаводском. Вскоре летчики ликовали: командование объявило им, что полк трогать не будут.

После смещения Родионова с поста министра обороны РФ и назначения на эту должность Сергеева у меня иногда создавалось впечатление, что Минобороны и Генштаб подвергали сокращению некоторые части, руководствуясь не профессиональными, а конъюнктурными политическими соображениями. Порой под сокращение попадали «опасные» воинские формирования, где силь-

нее всего наблюдалась оппозиционность центральной власти.

Так было, например, с 21-й бригадой ВДВ, дислоцирующейся на Ставрополье. По каналам своих спецслужб Генштаб получил информацию, что офицеры-десантники «идейно связаны» с региональным отделением Русского национального единства. Здесь наблюдалась очень сильная оппозиционность личного состава режиму. Бригаду включили в план сокращения, мотивируя это некими стратегическими соображениями. Хотя в то же время по другим планам в регион планировалась переброска других частей.

Крайне негативно были настроены и офицеры 100-й бригады ВДВ, расположенной в Хакасии. Брат Александра Лебеда Алексей, став руководителем Хакасии, в спорах с теневым бизнесом пользовался поддержкой личного состава бригады. В Москве расценили это как «втягивание воинских подразделений в систему регионального криминала». Было принято решение Хакасскую бригаду расформировать. И снова конфликт — десантники взбунтовались.

В России есть немало гарнизонов, где реформаторский бардак в сочетании с тяготами и лишениями, вызванными безденежьем и бесквартирьем, все больше подводят военнослужащих и их семьи к пределу терпения. Особенно много таких гарнизонов на Севере и Камчатке, в Приморье и Забайкалье.

Мне приходилось видеть секретные карты с изображением наиболее взрывоопасных регионов России. Они заштрихованы густым красным цветом. В таких «горячих краях» страны отмечается и самый высокий уровень активности политических партий и движений оппозиционной направленности. Естественно, в сфере их влияния находятся и военные гарнизоны. Идет явный и скрытый процесс сплочения гражданских и военных людей, одинаково недовольных властью. Как говорил мой друг и духовный наставник отставной полковник Петрович: «Ничто так не превращает людей в единомышленников, как их пустые карманы и желудки».

РАЗГОВОР С АНГЛИЧАНКОЙ

Долгое время моя работа в пресс-службе Минобороны была связана с подготовкой ответов на вопросы российских и иностранных средств массовой информации. И ес-

ли российских журналистов интересовал очень широкий спектр военных вопросов, то зарубежных чаще и больше всего волновали две проблемы: могут ли произойти несанкционированный взрыв ядерного оружия и военный переворот. Эти две угрозы иностранные репортеры уже многие годы считают «равноценно опасными» не только для России.

В этом отношении корреспондентка английской газеты «Санди таймс» Керри Скот не была исключением. Много раз допекала она меня въедливыми расспросами. Ей было интересно «личное мнение высокопоставленного и хорошо информированного русского полковника», особенно после того как я стал пресс-секретарем министра обороны.

Как должностное лицо, без санкции начальства я не имел права излагать для иностранной газеты даже собственную точку зрения. Это требование давало мне возможность долгое время увиливать от откровенного разговора.

Однажды Керри сказала:

— Иногда законопослушность — отличный способ прикрытия трусости...

Тут она меня достала.

Я согласился ответить на все ее вопросы, но с условием, что в «Санди таймс» моя фамилия не будет названа.

— Возможен ли в России военный переворот?

— Да, если кризис в стране и армии будет углубляться, если в обществе и в войсках температура терпения людей поднимется до критической отметки.

— Что вы имеете в виду под температурой?

— Когда из-за безденежья и отсутствия продуктов питания военные и гражданские люди решатся на крайние меры, вплоть до отстранения органов власти и управления, захвата магазинов, продовольственных баз, банков, войсковых арсеналов.

— Но в таком случае власти будут вынуждены применять внутренние войска, милицию, ОМОН, спецслужбы для восстановления конституционного порядка.

— Естественно. Но у людей из органов правопорядка при этом будут очень серьезные проблемы. Достаточно одного выстрела в толпу, одного трупа — и они будут сметены. Конечно, можно без выстрелов, с помощью дубинок и водометов разогнать даже гигантскую толпу, но невозможно разогнать восставший город, район, область, край.

Если тысячи людей ринутся к войсковым арсеналам, их ничем нельзя будет остановить. Когда поднимается народ, армия идет либо за ним, либо впереди его. Тогда за побеждающим народом гуськом побегут и ОМОН, и милиция, и Внутренние войска. Опыт октября ясно показал: стоит хоть на час разгневанной толпе перехватить инициативу, и силы правопорядка парализованы. Силовые ведомства — вооруженные проститутки. Во время кризиса они часто переходят на сторону тех, кто сильнее. Но существует лишь два способа силового захвата власти — стихийный и заранее спланированный. И тот и другой обречены на провал, если не будут опираться на силу оружия.

— Возможен ли силовой захват власти одновременно по всей России?

— Нет. Это может поначалу произойти только в наиболее взрывоопасных регионах. Там, где положение гражданских и военных людей перешло все пределы терпения. Такая ситуация объективно подталкивает их к единству действий.

— А как при этом будут вести себя местные военные начальники — командующие военными округами, флотами, армиями, дивизиями?

— Сообразно ситуации и собственным представлениям о чести. Кто-то будет строго повиноваться приказам из Москвы и бросать войска на помощь подразделениям МВД, ФСБ... А кто-то, как только почувствует, что власть уходит к восставшему народу, будет пытаться возглавить победителей.

— А если некоторые командиры не подчинятся требованиям восставших, скажем, выдать им оружие?

— Такие командиры будут либо арестованы, либо смещены.

— Но такое развитие событий может привести к гражданской войне.

— Да, гражданские войны случались чаще всего тогда, когда общество и армия раскалывались: одни — на стороне старой власти, другие поддерживали новую. Сегодня невозможно представить себе, чтобы МВД, ФСБ, армия, другие силовые структуры в случае заварухи отважились поддерживать власть политически и физически слабейшего президента. Все они — пострадавшие от так называемых реформ и неизбежно займут сторону тех сил, с которыми связывают надежды на более достойную жизнь.

История свергнутых военными режимов свидетельствует, что «заткнуть рот» военным очередным повышением денежного содержания — еще не значит гарантировать их полную лояльность...

* * *

В октябре 1998 года проводилась Всероссийская акция протеста. Кремль больше всего боялся, чтобы в тот день армия не встала на дыбы. Контроль спецслужб за умонастроениями военных был многократно усилен. Некоторые войсковые части столичного и подмосковных гарнизонов были приведены в состояние повышенной боеготовности. Социологам удалось провести в них опросы личного состава. Один из вопросов гласил: «Будете ли вы применять оружие, если Верховный Главнокомандующий прикажет использовать войска для подавления массовых беспорядков?»

97 процентов опрошенных военных ответили: «Ни в коем случае».

В ноябре 1998 года на совещании высшего рукостава Вооруженных сил Игорь Сергеев вынужден был признать, что «в войсках усиливаются настроения недовольства в среде офицеров и прапорщиков».

Через две недели после этого в одной из частей Северо-Кавказского военного округа была объявлена забастовка...

Бунты в СКВО возникали неоднократно. Жены военнослужащих Буденновского и Кореновского гарнизонов намеревались перекрыть автотрассу Буденновск — Ставрополь и заблокировать аэродром авиационного полка. Еще более серьезный инцидент произошел на узле связи штаба СКВО: там служащие Российской армии отказались от исполнения служебных обязанностей из-за длительных невыплат денежного довольствия...

* * *

С начала 1999 года Кремль развернул плохо замаскированную войну против быстро набирающего популярность в стране и армии Евгения Примакова. Пресса безудержно муссировала слухи о скором падении кабинета. Ельцин, неадекватность которого становилась все более очевидной, вел странные игры против премьера: он на официальных мероприятиях то «забывал» подавать руку главе кабинета министров, то перебивал его в ходе докладов, бросая неуместные и обидные реплики.

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов в случае смещения Примакова грозил Ельцину вывести на улицы миллионы людей. В Госдуме продолжали активно готовить процедуру импичмента президента. Ельцин пригласил в Кремль председателя Верховного суда РФ Лебедева и объявил о своем решении продлить ему пребывание в должности на второй срок, что было равнозначно «моральной взятке» в преддверии импичмента.

А в армейских и флотских гарнизонах люди раздраженно говорили о «возне» в Москве и о том, что вместо восстановления экономики страны Ельцин погряз в политических интригах.

И как это было уже много раз в опасные для Кремля периоды, президент подписал указ о присвоении большой группе генералов и полковников очередных воинских званий. И похвалил министра обороны за реформирование армии. Министр в ответ поблагодарил президента за «большое внимание к Вооруженным силам». И заверил Верховного, что армия поддерживает его. Точно такие же многозначительные клятвы давали президенту шеф ФСБ и СБ Владимир Путин и Сергей Степашин, который в тот период тоже совмещал два поста — вице-преьера и главы МВД. Такое сидение этих силовиков сразу на двух стульях явно указывало на то, что Кремль наращивает защиту...

Признаки новой политической заварухи вновь витали над Россией. И мне снова вспомнилось: «Будете ли вы применять оружие, если Верховный Главнокомандующий прикажет использовать войска для подавления массовых беспорядков?»

«Ни в коем случае», — так ответили когда-то 97 процентов опрошенных военных.

Сейчас мне казалось, что все 100...

Глава 3 КРИМИНАЛ ЦВЕТА ХАКИ

ЗОЛОТАЯ ДИСКЕТА

...Вчера у наших контрразведчиков был праздник — повязали старшего офицера штаба Оренбургской ракетной армии. Майор Игорь Дудник возмечтал основательно поправить свое убогое финансовое положение: он за 500 тысяч долларов намеревался загнать американскому агенту дискету с совершенно секретной информацией.

Дудник был банальным «инициативником». Он сам придумал план своего сказочного обогащения, а выполняя его, пребывал в справедливом убеждении, что уж на такое «изделие» всегда найдется покупатель с очень толстым кошельком, особенно американским. В Центральном разведуправлении США особенно дорого ценится наша конфиденциальная стратегическая информация. И потому в ЦРУ не скупятся, когда можно ее купить. У американца даже брови не шевельнулись, когда Дудник запросил с него полмиллиона долларов.

Предательство — единственный вид «товара», за который на всех континентах просят очень много. Но и дают по максимуму. Случалось, что тому, кто старательно выбалтывал иностранцам за щедрую плату тайны наших ядерных кодов или ракетных шахт, по злой иронии судьбы приходилось заканчивать жизнь в шахте урановой...

Некоторых счастливиц, на некоторое время сумевших ускользнуть от такого печального исхода, потом все равно постигала трагическая участь: они погибали в автомобильных катастрофах, выпадали из окон, совершали самоубийства при невыясненных обстоятельствах, загадочно тонули на мелководье в море или гибли от куска бетонного карниза, «случайно» упавшего на темячко...

Майор Дудник отлично знал, чем рисковал. И все равно он с кропотливостью пчелки сцедил в дискету такую

кучу сведений, имевших гриф самой высокой степени секретности, что и дюжина агентов ЦРУ, окопайся они хоть в самом Оренбурге, не добыла бы их и за десятки лет.

По должности Дудник имел доступ ко многим ядерным секретам. Разматывая уголовное дело, следователи пришли к выводу, что майор успешно «использовал все изъятые режимных мер в подразделениях штаба ракетной армии, собрал документы о ее боевом составе, способах подготовки, средствах управления, планах боевого применения, обороны и многое другое...»

Полковник ФСБ Сергей Горленко, посвященный во многие детали следствия по этому делу, говорил:

— В случае передачи собранных Дудником сведений в любую из западных разведок Россия надолго утратила бы возможность эффективно использовать боевую мощь одной из самых крупных стратегических ракетных группировок.

У полковника такое положение: он слишком много знает, но слишком мало может сказать. Однако и того, что он сказал, многим генштабистам было достаточно, чтобы понять: если бы дудниковская дискета попала в руки американцам, то в случае войны многие объекты Ракетных войск стратегического назначения стали бы легкой добычей противника.

Я не говорю уже о гигантских затратах, которые понесли бы на перестройку всей системы управления Стратегическими ядерными силами России.

Тут дело пахло появлением на свет достойного продолжателя «дела» Пеньковского, из-за предательства которого в свое время Генштаб был вынужден кардинально перекраивать всю систему функционирования ракетных войск. Мы вбухали тогда в это дело такую гору народных денег, размеры которой до сих пор держатся в секрете. Национальный позор иногда тоже бывает государственной тайной...

Но на каждого Дудника есть Лубянка.

Правда, на Арбате у нас поговаривали, что кандидата в предатели контрразведчики стали плотно пасти только после того, как им просигналили коллеги из «ближнего забугорья», туда Дудник наведывался в отпуск к родственникам, где по пьянке и сболтнул, что вскоре ему привалит сказочное наследство от бабушки из Канады. Земляки майора по части бдительности (или зависти) были старой советской закваски (бабушки-то не было!), мигом просту-

чали «компетентным товарищам» в Киеве, а те — московским коллегам.

К тому времени майор уже почти год набивал на дискету ракетно-ядерную информацию.

Но как бы там ни было, а начальник Управления военной контрразведки ФСБ генерал-полковник Алексей Алексеевич Моляков (в январе 1998-го его сменил генерал-лейтенант Владимир Петрищев) распорядился готовить приказ о поощрении отличившихся. За такие успехи положены ордена. Но когда я спросил об этом своего друга-контрразведчика, он лишь кисло ухмыльнулся и сказал:

— Если бы за каждый такой «улов» давали ордена, то у многих из наших их было бы больше, чем у Брежнева, — по самую мошонку...

Однажды подполковник признался, что для разведчиков сегодня денежная премия куда приятней, чем орден. Был же такой чудик, который на полном серьезе попросил у начальства вместо знатной награды выдать ему «денежный эквивалент».

Контрразведчик, просивший конвертировать орден в рубли, давно мог быть миллиардером.

А бывшему майору Дуднику дали восемь лет. Хотя поначалу суд замахивался аж на двенадцать. Говорят, что оренбургский экс-офицер чистосердечным раскаянием скостерил себе четыре года. Его американский «коллега» Бул, который долгое время по дешевке (всего за 60 тысяч долларов) поставлял нашей агентуре сведения о нацеливании американских ракет, получил двадцать лет.

Где есть секреты, там всегда есть и предатели. Но военных секретов, особенно ракетно-ядерных, в России становится все меньше, и потому две категории людей особенно обеспокоены тем, что их выгодный «бизнес» начинает хиреть, — американские разведчики и российские мерзавцы.

Многие десятилетия Центральное разведывательное управление США по крупницам выводило, например, информацию о наших ядерных арсеналах, находящихся в ведении 12-го Главного управления Минобороны. В добывание нужных сведений о количестве и состоянии наших ядерных боеприпасов американская разведка вбухала миллиарды долларов.

Теперь же эти сведения российские генералы преподносят американским военным специалистам по ядерной бе-

зопасности на блюдечке с голубой каемочкой. Уже нет в России такого хранилища ядерных боеприпасов, куда бы не ступала нога американского разведчика. Нет и такого хранилища, где бы не было американской контрольной аппаратуры (есть даже оборудование «по определению надежности персонала» — что-то вроде суперсовременного детектора лжи). Вот как об этом говорится в одном из документов Минобороны России:

«...Практически все оборудование прошло процедуру ревизии (американцами. — В.Б.). При этом американские инспектора просматривают все учетные и отчетные документы, а также визуальным осмотром контролируют и фотографируют состояние оборудования».

Такая лафа штатовским разведчикам еще лет восемь назад не могла бы и присниться. Но это — реальность. Реальностью становится и то, что наши Ракетные войска стратегического назначения с помощью американских новейших компьютерных систем берутся под плотный колпак.

И весьма возможно, что осужденный ракетчик Дудник уже в скором времени с полным основанием сможет подать апелляцию в Верховный суд России с просьбой пересмотреть приговор: ведь те данные, которые он собирался продать ЦРУ, уже вряд ли являются секретными...

ЧУМА

В последние годы наша контрразведка пашет по-черному. Желających продать военные секреты становится все больше. Даже очевидная возможность схлопотать немалый срок не останавливала тех, кто мечтал за свою подлость получить толстую пачку валюты.

Некоторые пойманные контрразведкой за задницу и сильно перетрухавшие войсковые или флотские спекулянты военными тайнами с поросычьим визгом пытались доказывать следователям, что они действовали, руководствуясь «общечеловеческими принципами морали»: банальное приторговывание Родиной рядилось в тогу трогательной борьбы за ее экологическую или ядерную безопасность...

Все чаще у нас примитивные мздоимцы в погонах и без играют роль борцов за чистые идеалы человечества.

Живет в Екатеринбурге подполковник-отставник, некогда служивший в секретной военной лаборатории, занимавшейся биологическими проблемами. В свое время он не поладил с начальством, из-за чего и вынужден был уйти в запас. Сняв погоны, решил сполна отомстить обидчикам: стал посылать страждущим сенсаций журналистам «сигнальчики» о том, чем занималось и продолжает заниматься его родное предприятие.

Российские и иностранные журналисты валом повалили к нему на Урал. И в зависимости от размеров гонорара получали от запасного офицера дозу конфиденциальной информации. Когда же спецслужбы проявили интерес к «бизнесу» отставника, тот вдохновенно заявил, что является страстным борцом за выполнение Россией Международной конвенции о запрещении биологического и химического оружия.

Было ясно, что отставник заблаговременно приготовил себе красивую «крышу», под которой спецслужбам очень непросто было отделить ловкого спекулянта военно-биологическими тайнами от бесстрашного радетеля за выполнение Россией своих международных обязательств.

Не так давно бывший полковник ФСБ из Брянска прислал мне письмо, в котором предлагал на выбор несколько сенсационных тем, в том числе и о центрах разработки биологического оружия в России. Расценки у него неслабые — 1000 долларов за «освещение» одного вопроса. То ли предатели мельчают, то ли Отечество дешевет...

Еще тогда, когда в Генштаб из Западной группы войск пришла весть о сбежавшем в ФРГ вместе с секретным снарядами командире полка, мой друг и духовный наставник Петрович сказал замечательные слова: «Предательство — высшая форма человеческой низости».

«Интересно, — думаю я, — за сколько тысяч немецких марок панфиловцы согласились бы пропустить фрицев через Дубосеково к Москве или Гастелло загнал бы им свой самолет?»

Чем хуже живет армия, тем чаще у военных людей «горят» моральные предохранители. Чем беднее становится армия, тем азартнее она грабит саму себя.

Не так давно попал мне в руки один минобороновский документ — акт ревизии в Управлении комплектования оборудованием и автоматикой Ракетных войск стратегического назначения. На 40 страницах — бурная летопись раз-

грабления баз и складов РВСН. Тысячи километров кабеля, сотни двигателей и другого технического оборудования ушли «налево». А ведь РВСН в условиях развала армии — последний оплот военной безопасности России.

Главная военная прокуратура (ГВП) завалена уголовными делами. Уже, наверное, нет в Вооруженных силах такой должности, которая бы не упоминалась в них — от министра обороны до рядового солдата...

Криминальная чума захлестнула армию.

По данным ГВП, уже каждый третий военнослужащий, попавший в поле зрения правоохранительных органов, замешан в хищениях. Причем, если среди солдат и сержантов этот показатель за последние пять лет повысился на 8-10%, то среди офицеров — аж на 35. Тут уже есть свои «рекордсмены», достойные занесения в Книгу рекордов Гиннеса. Командир одной из частей ВДВ похитил 10 тыс. мин.

Когда листаешь материалы уголовных дел, испытываешь любопытство и отвращение. Вот лишь жалкая толика хроники нашего позора.

...В Зейском районе, Амурской области, при проведении операции сотрудниками милиции и военной контрразведки на территории старательской артели «Заря» были обнаружены 3201 осколочно-заградительная мина, 475 кг тротила, 1065 метров бикфордова шнура и 123 капсюльных детонатора. Все это старатели получили от командира близлежащей воинской части подполковника Хощенкова за взятку в 600 тыс. рублей и автомашину «Тойота».

При попытке продажи крупной партии оружия и боеприпасов чеченцам в Туле были задержаны военнослужащие местной воздушно-десантной дивизии.

В Таджикистане было замечено появление «русского» оружия у оппозиции. Следственные органы выявили источники. Один из них находился в нашей воинской части. Военный прокурор возбудил уголовное дело в отношении начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения подполковника Лазбенева. Было установлено, что офицер неоднократно совершал хищения оружия с целью продажи бандитам.

Уже который год подряд громкие уголовные дела, связанные с воровством материальных и денежных средств в особо крупных размерах, сотрясают и Северный флот. В 1995 году под суд пошли сразу 9 высокопоставленных

должностных лиц Кольской военной флотилии, которые похитили около 2000 тонн нефтепродуктов. Все получили большие сроки — в пределах 10 лет.

Судя по всему, такое же наказание ожидает и еще одну преступную офицерскую группу. Как установило следствие, в течение длительного времени начальник отдела службы ГСМ тыла СФ полковник Виктор Деев, сотрудники этой же службы подполковник Юрий Прошкин и майор Николай Леванкевич, а также начальник службы ГСМ тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» старший лейтенант Сергей Герасев систематически воровали топливо и продавали его коммерсантам. Они похитили почти 260 тонн на общую сумму свыше 500 тыс. рублей. При этом корабли Северного флота испытывали острейший дефицит горючего и простаивали на базах из-за его отсутствия...

Личный «пример» подчиненным в умении ловко распорядиться флотской казной и казенным жильем к собственной выгоде показывал сам командующий Северным флотом адмирал Олег Ерофеев. Ущерб от его преступной деятельности составил 65 759 288 рублей. Но уголовное дело, по которому проходил хапливый флотоводец, не стало для него трагедией — он нашел средства, чтобы возместить ущерб и не попасть на нары. Адмирал Ерофеев, как и еще 16 осужденных крупных военачальников армии и флота, был освобожден от уголовной ответственности в связи с амнистией...

Военный суд Североморска принял к рассмотрению уголовное дело по обвинению семи офицеров Северного флота в хищении стратегического сырья с оборонных объектов. По данным следствия, в 1993—1994 годах обвиняемые воровали со складов воинских частей Северного флота радиодетали, содержащие золото, серебро и платину. После переплавки драгметаллы через Калининград транспортировались в Каунас на адрес зарегистрированной там частной фирмы «Бартус».

Только за июль — август 1994 года офицеры переправили в Литву ценностей на сумму в 5 млн долларов. Затем владелец «Бартуса» сообщил морякам, что его интересуют фильтрующие палладиевые кассеты, предназначенные для регенерации воздуха в отсеках подводных лодок. Содержащийся в них палладий — редкоземельный металл платиновой группы — имеет особое стратегическое значение.

В отношении его установлены специальные правила перемещения через границы России. Каждая кассета содержит около 125 граммов палладия. Стоимость 1 грамма на черном рынке составляет около 250 долларов. Общее количество палладия, за год переправленного офицерами в Прибалтику, составляло несколько килограммов.

А еще раньше там же, на Севере, наша контрразведка взяла за задницу другую группу офицеров, которые похитили со склада несколько ТВЭЛов (тепловыделяющих элементов), содержащих ядерные материалы, которые используются на атомных подлодках.

Бывший начальник Калининградского гарнизона обвинялся в уголовном преступлении в связи с незаконной продажей в одну из стран Балтии двух полностью оснащенных кораблей класса «корвет». Затем полетела с должностей вся верхушка военной прокуратуры Балтфлота.

Армия превращается в гигантскую криминальную зону.

Как-то на очередном совещании этому позорному явлению в армии один из выступающих пытался придать яркую образность, назвав его «эпидемией морального сифилиса» в офицерских рядах. Кто-то вспомнил и Достоевского: «Народ весь загноился».

От офицеров не отстают военнослужащие срочной службы. Рост преступности среди них командиры дружно списывают на недостатки воспитания в семье и школе, на тлетворное влияние Запада.

И эти в общем-то банальные доводы было бы несправедливо сбрасывать со счетов. Их муссировали и в советские времена. Но даже тогда, когда армия была почти четырехмиллионной, уровень преступности в ней не был таким высоким, как в нынешней, меньшей по численности уже почти в три с половиной раза.

Областные и краевые, районные и городские военные комиссары бьют в колокола: качество призывного контингента резко ухудшается. Министр обороны Игорь Сергеев добавил к этой картине не менее мрачные краски: 10 лет назад всего 8% солдат шли служить, не получив среднего образования. Сегодня — более 40%. 10 лет назад лишь 0,5% были наркоманами и правонарушителями, сегодня — свыше 10%. Всего лишь 6% российских призывников могут назвать несколько имен русских писателей. И только 3% смогли вспомнить хоть какие-то имена классиков отечественной музыкальной культуры.

У наших военных социологов есть и другие данные. Почти половина из десяти рекрутов имеют приводы в милицию. На счету многих поножовщина, воровство, разбой, жульничество или вымогательство. Они прошли через суды и кутузки, кололись, курили «косячок» или нюхали «дурь», были «пехотой» в рэкетирских отрядах...

Вот такой человеческий материал два раза в год пополняет армейский строй. И легко себе представить, какие «компашки» собираются под крышами войсковых казарм и в корабельных кубриках, где даже физически и нравственно здоровые ребята, желающие добросовестно служить, не искаленные бандитско-наркоманскими повадками, уже вскоре начинают усваивать иную мораль с помощью «дедовских» кулаков, унижений и мата...

Не так давно знакомый офицер в районном отделении милиции рассказал мне о таком случае. В суд на только что пришедшего из армии дембеля подала заявление... мать. Парень служил во Владикавказе, там пристрастился к гашишу. А дома с «дурью» возникли проблемы — не было средств приобрести ее (в Крылатском «косячок» можно купить в ста метрах от президентского дома — на Осеннем бульваре). И тогда вместе с дружкой страждущий кайфа сержант запаса почистил родное гнездо, пустив на продажу и родительские обручальные кольца, и даже подарок покойного отца — магнитофон...

Давно известен уже порядком замусоленный, но от этого не переставший быть истиной тезис: армия — сколок общества. Это особенно заметно сейчас, когда Россия живет во власти всеобщего экономического мародерства, когда уже который год в стране все глубже утверждается мораль наживы за счет государства, сильных — за счет обмана или унижения слабых, когда очень часто единственным способом выживания и сносного существования многих людей, в том числе и носящих погоны, становится нарушение Закона.

Иногда мне кажется, что все самое мерзкое и самое жуткое, что выработано историей человечества, ныне проходит «испытание» на российской почве.

Армия наша существует не на Луне, у нее с государством единая «кровеносная система», в которой кишит тот самый моральный сифилис, о котором в свое время говорил генерал из Главного управления воспитательной работы. Красиво говорил. Возмутился, метал громы и мол-

нии. А вскоре выяснилось, что и он проходит по уголовному делу: используя подлог, ухитрился незаконно получить в златоглавой две квартиры...

Вот так и живем: снизу — полукриминальная солдатско-сержантская масса, сверху — офицеры и генералы с двойной моралью. Какой уклад жизни в государстве — такая и армия...

Из секретного доклада американской разведки о моральном состоянии командного состава Российской армии (раздел 1, стр. 26, год 1996-й):

«...Сейчас существенно ослабили моральные ограничения, которые в прошлом сдерживали офицера от таких занятий, к которым он испытывал отвращение. Например, от бизнеса или преступной деятельности. Офицеры, подобно большей части мужского населения, готовы заниматься чем угодно, лишь бы прокормить свои семьи».

В России все это уже давно не секрет. Мы давно перестали удивляться тому, что офицеры тайком подрабатывают не только швейцарами в ресторанах, но и разбоем в бандах. У каждого явления — свои причины.

С начала 90-х годов наши офицеры стали быстро скатываться к подножию так называемой социальной пирамиды. Еще семь лет назад трое из четырех офицеров имели хоть какие-то суммы на сберкнижках. В 1996-м только один из четырех мог себе позволить это. Сегодня, в 99-м, — один из тридцати. В 1992 году офицер Российской армии по уровню месячного денежного содержания занимал 14-е место среди офицеров всех других армий мира. Сегодня его место — в начале второй сотни (если он, конечно, не сливает иностранной разведке ядерные секреты).

А когда-то в русской армии офицерские оклады были самыми большими в мире. Прослышав об этом, на службу русскому царю валом валили иноземные офицеры. В 1661 году наш полковник в коннице получал в месяц 40 рублей, в пехоте — 30, подполковник — 18, майор — 16, капитан (ротмистр) — 13, поручик — 8, прапорщик — 7.

А в те времена на 3 рубля можно было купить недорогую лошадь или пару коров...

Сегодня положение таково, что нужда заставляет некоторых офицеров не брезговать и предательством Родины. А ведь офицерский корпус армии издревле считался со-

словием, наиболее неприступным для такой моральной за-
разы.

Иные времена — иные нравы...

Прослужив в Вооруженных силах более 30 лет, я всегда был свято убежден, что самое чистое подразделение Генштаба — это Главное разведывательное управление. Там, в «Аквариуме» на Полежаевке, было и остается у меня много стародавних сослуживцев и друзей, сделавших для России столько, что уже при одном упоминании их имен мне иногда хочется встать.

Но я был ошарашен, когда выведенный из доходной долларовой игры коммерсант-банкир однажды почти пред всей страной чистосердечно признался, что среди членов мафиозной группировки, уже длительное время занимающейся грязным оружейным бизнесом, есть офицеры ГРУ. И назвал фамилии. Сознание отказывалось верить в это, и потому, зная кое-что больше, чем имею право сказать, я некоторое время пытался успокоить себя надеждою, что это, наверное, опасно «засвеченная» часть тайной игры, — наши люди должны быть везде и должны знать все.

Но я ошибался...

Не хочется выглядеть в чих-то глазах наивной целочкой-курсисткой: не только мне известно, что попадалось в рядах ГРУ в разное время отребье типа Полякова или Резуна — в семье не без уroda. И с этим, хотя и с огромным трудом, но душа уже свыклаась.

Но когда ты узнаешь, что сегодня уже в самом святилище российской военной разведки орудуют торгаши секретами, — невольно думаешь, что армия докатилась до крайнего предела...

ГРУ И ДРУГИЕ...

...13 декабря 1995 года сыщики ФСБ задержали с личным на станции метро «Белорусская» отставного полковника ГРУ, он пытался передать сотруднику израильской разведки «Моссад» Рувену Динелю очередную партию секретных слайдов с изображением территории некоторых ближневосточных стран (эти слайды полковник получил из рук офицеров, продолжавших служить в «Аквариуме»).

Спустя всего пару дней после этого инцидента Динеля выдворили из России. Как объяснил сотрудник МИДа, «во избежание нежелательных трений между Москвой и

Тель-Авивом», точно так же, как в случае с задержанием американского гражданина Бликса в 1997 году под Ростовом, где он собирал конфиденциальную информацию, имеющую отношение к безопасности России. Его великодушно и при весьма мутных обстоятельствах отпустили на Рождество в США, откуда шпион слезно обещал вскоре вернуться для дальнейшей дачи показаний. Но затем, как и следовало ожидать, откровенно показал фигу нашим спецслужбам.

Уроженец Литвы с израильским гражданством Динель давно был приметной фигурой для Лубянки, более того, имел там аккредитацию, пользуясь «крышей» советника посольства. В Москву он прибыл в начале 90-х годов и уже вскоре со сказочной быстротой вышел на начальника одного из отделов Центра космической разведки ГРУ полковника Александра Волкова. С того времени и началось «плодотворное сотрудничество» — израильский шпион получал нужные ему космические снимки, за которые отваливал десятки тысяч баксов.

Когда начался суд над кадровыми и отставными офицерами ГРУ, проходящими по этому делу, у меня сложилось впечатление, что некоторых «фигурантов» неведомые силы спасают от крутых статей Уголовного кодекса РФ.

В этой загадочной истории было много мутного и смешного одновременно. Например, то, что сотрудник ГРУ Волков (еще в бытность свою кадровым офицером) после знакомства с Динелем якобы совершенно официально доставал для него слайды и аккуратно сдавал вырученные деньги в кассу своего Центра (но если все было официально, то почему тогда Волков был задержан агентами ФСБ, а потом фигурировал в уголовном деле?).

Очень сомнительным выглядело утверждение, что «в зависимости от качества изображения снимки делились на секретные и несекретные», а не на плохие и хорошие (но какой дурак будет платить за дерьмовые снимки?).

Если придирааться к таким накладкам, то спотыкаться можно на каждом шагу.

Совершенно невероятным выглядело утверждение, что разрешение на продажу снимков могли дать глава кабинета министров или министр обороны России (хотя даю руку на отсечение, что без соответствующих экспертных оценок ГРУ ни Гайдар, ни Грачев таких разрешений никогда бы не дали). А разве не наивными выглядели утверждения

подсудимых, что они «ничего не знали о степени секретности снимков»?

Полковник Волков в 1993 году уволился из подразделения космической разведки ГРУ и стал заместителем генерального директора межотраслевой ассоциации «Совинформспутник» (той самой, если судить по сведениям источников в США, которая в свое время прорабатывала вместе с Минобороны РФ контракт о продаже американской фирме «Эриал эмиджис» снимков поверхности Земли, сделанных нашими разведывательными военными спутниками. Хотя, кстати, еще не до конца расследовано уголовное дело, связанное с пропажей огромного количества наших космических снимков, выявленных позже в США).

Судя по документам следственных органов, только в 1993—95 годах «Моссад» получил от предприимчивых грушников 186 слайдов. И даже после того как Волков ушел из ГРУ, в дальнейшем развитии бизнеса на снимках ему помогли два его бывших сослуживца по Центру космической разведки ГРУ — подполковники Геннадий Спорышев и Владимир Ткаченко...

За свои услуги коммерсанты-разведчики получили от израильских коллег много — за сотню тысяч «зеленых» (например, Ткаченко только в двух эпизодах получил 12 и 20 тыс. долларов). И при всем при этом вину не всех членов этой слаженной бизнес-компашки суд смог доказать. Отчасти потому, что двое из трех грушников работали на высоком профессиональном уровне, присущем сотрудникам ГРУ, надежно страхуясь, подготавливая запасные позиции, правдоподобные легенды и алиби. И когда их повязали, все это сработало со сказочной эффективностью.

Например, вину некоторых фигурантов суд не смог доказать потому, что грифов «секретно» на слайдах якобы не было. А на глазах прокурора и судей выступали слезы восторженного умиления, когда они слышали, что проходящий по уголовному делу Волков старательно переводил валюту, полученную за проданные израильской разведке снимки, в благотворительный фонд.

При этом как-то осталось за кадром, сколько израильских денег попадало в фонд, а сколько прилипало к рукам продавцов космических военных секретов...

Короче, Волков остался чист и проходил на суде лишь в качестве свидетеля. А в Интернет просочились данные,

что во время обыска у него на квартире следователи якобы обнаружили 345 тыс. долларов, которые по странному настоянию следствия были оперативно внесены на счет центра переподготовки офицеров.

Спорышев был приговорен к двум годам лишения свободы. Условно. А отдуваться всерьез пришлось лишь Ткаченко — он получил три года...

* * *

Развитие рыночной психологии в России с самого начала вызвало к жизни в нищающей армии одну из наиболее доходных форм бизнеса — торговлю секретными директивами, приказами, картами, фотоснимками, киноматериалами, схемами, боеприпасами, вооружениями...

Еще в период существования Западной Группы войск несколько старших офицеров обосновали компанию по продаже военного имущества и приобретению товаров и топлива якобы для своих частей. На самом деле все это распродавалось частным немецким потребителям. «Офицерская фирма» торговала даже ценными бумагами Европейского экономического сообщества и продовольственными посылками с гуманитарной помощью. Там же, в ЗГВ, бесследно исчезло несколько тысяч генштабовских карт, которые, как потом выяснилось, были приобретены агентами ЦРУ, проводившими операцию «Жираф»...

В марте 1995 года на таможенном переходе «Куничина гора» (Псковская область) в «Икарусе», следующем из России в Эстонию, было обнаружено около 30 тыс. секретных топографических карт российского Генерального штаба.

Задержанные, эстонец Антс Кеск и «лицо без гражданства» Борис Никонов, признались, что карты они должны были доставить в Таллинн руководителю Оборонных сил Эстонии гражданину США Александру Лейсманту.

В ходе следствия специалисты установили, что совсекретные карты были похищены из топографической службы войсковой части № 52159, расположенной в Подмосквой Балашихе.

Аналогичных случаев было немало. Гражданин Латвии Петерис Аускас был задержан на пункте пропуска «Шумилкино» (российско-латвийская граница) с 48 топографическими картами Генерального штаба, на которых были обозначены места дислокации наших частей ПВО. Карты

имели грифы «Секретно», «Для служебного пользования». «Картографический бизнес» для наших людей был очень доходным — с ними за предательство Родины прибалты, как и американцы, всегда рассчитывались очень щедро...

Иногда мне кажется, что скоро на Арбате запросто можно будет купить ядерную боеголовку или пластиковую карточку с кодами от «ядерного чемоданчика» министра обороны.

ГОЛОВА РЫБЫ

...Я перебираю в памяти лишь наиболее громкие армейские уголовные дела последних лет.

Министр обороны Грачев еле выпутался из уголовного дела по «Мерседесам». Две иномарки были куплены в Германии на деньги, которые Ельцин своим указом строго предписывал тратить исключительно на строительство жилья для бездомных офицеров.

Был арестован и посажен в тюрьму заместитель министра обороны России генерал армии Константин Кобец (его у нас на Арбате в шутку называли «замом министра по коррупции»). Ему инкриминировали получение взятки в полтора миллиарда рублей от коммерческой фирмы и незаконное хранение оружия.

Попался в сети Главной военной прокуратуры и бывший начальник Главного управления торговли МО генерал Виктор Царьков с двумя подчиненными. Следователи обнаружили криминал в схеме использования крупных кредитов и переводе под проценты нескольких десятков миллионов немецких марок в один из коммерческих банков.

Тихонько спровадили в отставку начальника Главного управления международного военного сотрудничества Генштаба генерал-полковника Франца Марковского. Не без ведома шефа этого департамента группа ловких генштабовских дельцов крутила военно-бюджетные деньги в коммерческой фирме и приобретала квартиры.

На незаконном приобретении нескольких квартир попался начальник Главного штаба ВМФ адмирал Игорь Хмельнов... По той же причине разразился скандал и вокруг зама командующего Сухопутными войсками генерал-полковника Антона Терентьева...

И это только малая часть того, что происходит в нашей военной «верхушке». Армия, как и рыба, гниет с головы.

Еще в конце 1996 года Главная военная прокуратура объявила, что почти на три десятка генералов заведены уголовные дела. К середине 1998 года 14 из них были осуждены, но ни один не попал на нары. Госдума приняла закон об амнистии, в соответствии с которым военно-служащие, «имеющие заслуги перед государством», получали лишь условные сроки.

А в Российской армии нет ни одного проворовавшегося генерала, который не имел бы ордена. В эту «законную» лазейку, как шуки из прорванной сети, и выскользнули из рук Фемиды пойманные ею. Во время встречи с министром юстиции Павлом Крашенинниковым в августе 1998 года я не удержался, чтобы внаглую не спросить у него:

— У меня есть орден. На какую сумму я могу спокойно наворовать чего-нибудь, чтобы получить срок и тут же попасть под амнистию?

Министр лишь грустно улыбнулся в ответ и сказал что-то невнятное о парадоксах нашего законотворчества.

Пожалуй, лишь после того, как в 1996 году Главную военную прокуратуру возглавил генерал Юрий Демин, многих китов армейской коррупции стали всерьез щипать за усы. Но когда, например, генерал К.Кобец был арестован, уже вскоре пошло бродить по высоким президентским и правительственным инстанциям слезное коллективное письмо его друзей с просьбой к властям учесть «огромные заслуги Константина Ивановича перед демократией».

По этой логике получалось, что имеющий заслуги перед демократией может спокойно использовать служебное положение в корыстных целях, брать взятки и незаконно хранить оружие.

— К великому сожалению, демократия несправедлива, — с трагическим придыханием говорил радиорепортеру один из адвокатов Кобца, — она пожирает своих детей...

Почти три десятка генеральских уголовных дел, о которых объявила Главная военная прокуратура, — это уже от невозможности замалчивать степень растрепанности офицерской чести высших командных кадров.

А чем ниже скользишь взглядом по армейской иерархической лестнице, тем больше открываются устрашающие картины тотального разложения военного люда. И уже кажется, что самый гениальный фантаст не способен до-

думаться до таких потрясающих воображение криминальных ухищрений человека в погонах, какие разоблачают контрразведчики и следователи.

Страшный парадокс: люди, призванные охранять Отечество, переквалифицировались в его грабителей.

Вот стал известен и еще один пикантный случай: офицеры соединения Ракетных войск стратегического назначения (г. Владимир) тайком распродавали коммерсантам горючее из неприкосновенных запасов.

Если бы наши спецслужбы своевременно не схватили за руки ворюг, то итог вполне мог быть таким: по сигналу тревоги ракетные тягачи встали бы на прикол из-за пустых баков, а командный пункт не смог бы мгновенно перейти на режим автономного обеспечения, поскольку дизельные электростанции нечем заправить.

...Вдребезги бухой полковник-ракетчик поочередно выворачивал свои карманы, из которых высыпался сигаретный табак, и, глядя на меня оловянными глазами, рычал:

— Вот это все мои деньги! Я, сука, куда хочешь теперь готов ракеты пускать. Хоть по Вашингтону, хоть по Москве. Лишь бы платили.

И у меня мороз пробежал по коже при мысли, что этот человек, пусть даже многократно страхуемый Москвой у кнопки «Пуск!», держит в сознании это свое чудовищное намерение...

Я уже жалел, что затеял с ним этот разговор о житействе в обшарпанном номере гостиницы ЦДРА, по стенам которого неспешно разгуливали жирные тараканы.

Полковник служил где-то под Пермью в дивизии Ракетных войск стратегического назначения и приехал в Москву, чтобы в очередной раз выколлотить долги родному личному составу. Офицеры и их жены грозили забастовкой.

Жуткая ностальгия по недавним временам, когда РВСН были элитным видом войск и ни в чем не знали отказа, возвращала полковника к одной и той же мысли: «Где взять деньги?»

Этот вопрос не мучил командира батальона материально-технического обеспечения дивизии Ракетных войск стратегического назначения (г. Кострома) подполковника Кузнецова. В его «хозяйстве» десятки тысяч тонн топлива продавались налево по бросовой цене. Костромские ракетчики «нагрели» родную армию примерно на 2 млрд рублей.

...В генеральских головах созрела идея заслать на ремзавод боевой самолет, там списать его как непригодный к эксплуатации, разобрать, вывезти на свалку по частям, а оттуда продать иностранному коллекционеру российских истребителей. Но военная контрразведка Ленинградского военного округа не ела хлеб зря: махинаторов в лампадах взяли именно в тот момент, когда у них «от вождельня уже кружилась голова»...

Воровство в армии требует творчества, поскольку в ней еще сохранились остатки регламентированной жизни и порядка. Времена, когда темной ночью прапорщик перекидывал через забор ящики с тушенкой, канули в Лету. Не потому, что этой тушенки нет на складе. Изменился менталитет военного вора: ему все больше становится свойственно чувство утонченной фантазии. Иначе не перехитрить других воров.

В одной из частей стали подозревать, что бензин со склада ГСМ воруют представители внеземной цивилизации. Залили емкости под горловину и стали учитывать расход горючего буквально по литру. Контролеры целый месяц дневали и ночевали у цистерны. И что же? Десять тонн испарилось. И только тогда, когда емкость полностью освободили, чтобы проверить, нет ли трещины, открылся очам сыщиков тайный трубоотвод, который вел под землей напрямиком к частной автозаправке, хозяином которой и был, естественно, начальник склада...

В начале ноября 1995 года в армии случилось чрезвычайное происшествие, эхо которого громко прокатилось по кабинетам Генерального штаба: предчувствуя скорый арест, в Липецке застрелился областной военный комиссар генерал Николай Иванов. Главное организационно-мобилизационное управление ГШ курировало российские военкоматы, и потому то был хотя и косвенный, но все же очень неприятный удар по имиджу департамента. Генерал Иванов, как выяснилось в ходе следствия, за различные взятки «отмазал» от службы в Вооруженных силах почти 200 призывников. Не менее впечатляющих «успехов» на том же поприще добился его коллега, районный военком Грязинского района полковник Виктор Чесноков. О том, что некоторые военные комиссары России берут взятки от призывников и их родителей, у нас в Генштабе говорили давно. Но поскольку шумных арестов долго не было, все разговоры сводились к слухам.

Теперь я беру калькулятор и подсчитываю: если в стране у нас примерно 1400 военных комиссариатов и если каждый комиссар отмазал за один призыв только по одному человеку, то получается полноценный полк.

А наш Генштаб плакался, что в Законе о воинской обязанности и военной службе так много отсрочек, что уже некого призывать в армию.

Кто как мог превращал занимаемую должность в доходное место.

В Кодексе офицерской чести старой русской армии говорилось: «Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию...» В сегодняшней нашей военной жизни заповеди эти выглядят чуждо и неуместно.

...Министр обороны за счет сомнительных финансовых средств построил загородный дворец.

Замминистра обороны разрешал прокрутку десятков миллионов долларов в коммерческом банке и получал за это баснословные «чаевые».

Командующий войсками военного округа содействовал тайной продаже вооружений соседней республике. И тоже имел «на лапу».

Военком брал взятки за то, что уводил призывника от армии. Командир полка сплавлял динамит бандформированию.

Начальник продсклада мешками продавал коммерсантам сахар и крупу. Сержант продал уворованный штык-нож.

Солдат продал горстку уворованных патронов.

Все шло на продажу: оружие, имущество, честь, Родина...

СУВОРОВЧОНОК

...Мой давний сослуживец и друг преподает в Военном университете Минобороны — в одном из элитных московских учебных заведений, «приватизированном» столичной гражданской и военной знатью еще со времен его создания. Сюда еще в советскую пору редко попадали неблатные простолюдины. Однажды, году так в 90-м, мне довелось видеть список курсантов переводческого факультета.

Он почти сплошняком был соткан из громких фамилий, фигурировавших в телефонных справочниках ЦК КПСС, союзного и московского правительств, Минобороны, Генштаба, отряда космонавтов...

Когда сложилось так, что у некоторых маршалов и генералов армии дочки и внучки косяками стали проваливаться на экзаменах при поступлении на факультеты иныа в престижные столичные вузы, дедушки и папы дружно сошлись на том, что пора «взять эту проблему в надежные руки». Так в университете (тогда он назывался институтом) появились девочки. Многие из них приезжали на занятия на собственных авто, или их привозили на служебных машинах родственников. Учеба была для них увлекательной прогулкой, диплом — легкой добычей.

Политический режим в стране изменился — порядок поступления в университет остался. Блат, как и несправедливость в России, неистребимы при любой власти.

Вчера у моего друга на приемных экзаменах были большие неприятности. Начальник кафедры дал ему список абитуриентов с уже проставленными оценками. Такая технология рассчитана на то, чтобы протащить в университет нужных абитуриентов: кого — по звонку «большого дяди», кого — за солидный валютный куш.

Экзамены — золотая пора для университетских мздоимцев (они остроумно прозвали эту пору «зеленым сенокосом»). Моему другу попался суворовчонок из Екатеринбурга. Шпарил по-английски так, словно родился в Лондоне. Была бы оценка «шесть», можно было смело ставить.

А надо было ставить «три». У моего друга не хватило совести, чтобы откровенно валить суворовчонка. Тогда за дело взялся его напарник-ассистент: надо было выполнять негласный приказ начальника. Майор стал выворачивать мальчишку наизнанку. Пацан дрался насмерть. Тогда майор для пущей убедительности стал гонять его по таким грамматическим дебрям, в которых и красnodипломный выпускник института пугался.

У моего друга не выдержали нервы. Он поставил суворовчонку высший балл. Майор потерял дар речи и сбежал с экзамена докладывать начальнику кафедры о «грубом нарушении приказа».

После экзамена полковника вызвал начальник кафедры и стал немилосердно песочить. Полковник сказал, что суворовец рожден переводчиком.

— Суворовец без экзаменов поступит в любой другой вуз, — сказал начкаф. — Армия его не потеряет.

— Армия потеряет прирожденного переводчика, — талдычил мой друг.

Закончилось тем, что полковник получил выговор за пререкания. А на следующем экзамене суворовца все же завалили, и он не набрал нужного количества баллов...

Друг сказал мне, что у него до сих пор стоит перед глазами потное, конопатое, страдальческое лицо суворовчонка с умными глазами, на которого коршуном пикирует майор.

За суворовчонка никто не заплатил: отца не было, мать — вахтерша.

— Слушай, — сказал я полковнику. — Ты не корчи из себя целомудренную невесту. Уже десять лет принимаешь экзамены в своей блатной бурсе и знаешь, как все делается.

— Знаю, — ответил он, — я в эти игры никогда не играл. У меня из домашних тапочек пальцы торчат.

И на куче навоза растут цветы...

ШАПКИ С НОГАМИ

...Из штабов военных округов и флотов часто поступают в Генштаб шифр-телеграммы, перед которыми порою бледно выглядят сюжеты даже самых крутых американских боевиков. Групповые расстрелы людей в караулах, постоянные хищения взрывчатых и даже ядерных материалов, оружия и боевой техники, пропажи многомиллионных сумм в финорганах частей, самоубийства, дезертирство, изнасилования, употребление наркотиков (в том числе и на боевом дежурстве), кровавые мордобои в казармах и корабельных кубриках, множась число тяжелых увечий, навсегда оставляющие людей инвалидами...

Моральное разложение армии ширилось и процветало.

Из документов Главной военной прокуратуры РФ

Декабрь 1995 года

«...В 1995 году, по сравнению с прошедшим годом, количество преступлений в силовых ведомствах Российской Федерации возросло более чем на 30%... Рост тяжких преступлений превысил 80%. Увеличилось число корыстных преступлений, хищений оружия и боеприпасов, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств...»

В Ракетных войсках стратегического назначения весной 1996 года расследовалось уголовное дело в связи с хищениями нефтепродуктов группой офицеров воинской части, обслуживающей космодром Плесецк. Было установлено, что в 1990—1995 годах начальником службы ракетных топлив и горюче-смазочных материалов подполковником С.Пахмутовым, его заместителем майором В.Косыло, еще несколькими офицерами и директором ТОО «Ресурс» А.Павловым систематически перепродавались налево нефтепродукты, предназначенные для Вооруженных сил. Министерству обороны был нанесен ущерб в 7 млрд рублей.

В Сызрани военные сыщики раскрутили уголовное дело из той же серии: командир воинской части полковник В.Смородинов продал коммерсантам два вертолетных двигателя по 500 млн рублей за штуку.

Офицер воинской части в городе Свободном (Амурская область) похитил из полковой кассы 5 млрд рублей и скрылся в неизвестном направлении.

Воровство и преступный бизнес все упорнее распространялись уже не только в казармах, но и в больших штабах.

Самая красивая кража произошла в штабе Приволжского военного округа. В День защитников Отечества, 23 февраля 1996 года, командующий войсками округа генерал-полковник Анатолий Сергеев пригласил в штаб ветеранов войны. Были званы туда губернатор Самарской области Константин Титов и вице-губернатор Владимир Мокрый.

Высокие гости прибыли в штаб военного округа, совершенно не ведая о том, что праздничный визит обойдется им слишком дорого: после торжества выяснилось, что из приемной командующего исчезла соболья шапка губернатора, подаренная ему «от имени Президента России». Лишился такой же шапки и вице-губернатор.

Командующий войсками округа готов был сквозь землю провалиться. Предложенные им пострадавшим каракулевые шапки были, конечно, заменой далеко не адекватной.

В 1992 году во время командировки на Балтфлот я сам стал свидетелем таинственного исчезновения собольей шапки фотокорреспондента «Правды» Майи Скурихиной, оставленной ею в приемной начальника штаба БФ.

Начштаба отмазался от позора с чисто флотской честью: он вызвал находившихся в штабе офицеров и мичма-

нов, положил на стол свою флотскую фуражку и первым бросил в нее две тысячи рублей.

Уже через час денег хватило на две собольих шапки.

А к утру скорняки одного из местных зверосовхозов положили на стол начальника штаба флота новенькую соболью шапку, которая была гораздо лучше пропавшей. Тронутая таким поступком моряков Майя очень дорожила новым головным убором и до Москвы добиралась в черной матросской ушанке.

Но не было в штабах таких денег, чтобы подобным образом командиры могли расплачиваться за все, что воровали их подчиненные. Не было в мире таких денег, чтобы можно было компенсировать дефицит морали в войсках и на флотах.

В начале 1996 года преступность в Вооруженных силах России достигла таких угрожающих размеров, что уже не выдержал министр внутренних дел Анатолий Куликов. На закрытом заседании правительства он заявил: «Армия разлагается, как в феврале 1917 года...»

В войсковых и флотских частях уже, казалось, не было дня, когда правоохранительные органы не выявляли бы новые финансовые и имущественные преступления, совершаемые всеми подряд категориями военнослужащих. Только за первое полугодие 1995 года Главной военной прокуратурой было зарегистрировано 11444 преступления. Около половины этих преступлений составляли уклонения от военной службы (5300). Более 4000 тысяч преступлений составляли так называемые имущественно-финансовые. Уже к концу 1995 года их число возросло почти на 25%. По-прежнему процветала «дедовщина»: судимость за нее в Сухопутных войсках возросла на 17—19%, в военно-строительных частях центрального подчинения и войсках ПВО — почти на 30%, а в ВВС — на 45%.

На расширенном заседании коллегии ГВП отмечалось, что в 1995 году, по сравнению с прошедшим годом, количество преступлений по всем министерствам, имеющим воинские формирования, возросло более чем на 30%. Причем рост тяжких преступлений превысил 80%.

Увеличилось число корыстных преступлений, хищений оружия и боеприпасов, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Следственным аппаратом ГВП в 1995 году было раскрыто свы-

ше 450 преступлений. Разыскано более 180 единиц похищенного оружия, 51 единица боевой техники.

В 1995 году, по свидетельству заместителя министра юстиции РФ, начальника управления военных судов генерал-полковника юстиции Анатолия Муранова, коэффициент судимости (число осужденных на 100 тыс. человек) в Вооруженных силах РФ возрос с 500 до 560 единиц. Половина виновных предстала перед судом за общеуголовные преступления.

ПАЛКИ

...Руководство Минобороны и Генштаба главную причину роста криминала в армии видело в падении воинской дисциплины. Одна за другой уходили с Арбата в войска грозные директивы, которые никакого влияния на решение проблемы не оказывали.

Многие командиры по-прежнему занимались укрывательством происшествий и преступлений, нередко «переквалифицируя» их в несчастные случаи. Тяжелые ЧП прозвали «палками» — один конец бил по правонарушителям, а другой — по командирам. В прямую зависимость от числа «палок» ставился дальнейший служебный рост командира. Такой подход лишал многих из них возможности продвигаться по службе, получать очередные воинские звания, поступить в военные академии.

Единственным спасением было очковтирательство.

«Палочная система» сломала не одну офицерскую судьбу. В 1992 году в Ленинградском военном округе в должности командира мотострелкового батальона служил капитан Владимир Вьюнов. Когда ему второй раз отказали в праве поступать в Академию имени Фрунзе «из-за низкого состояния дисциплины в подчиненном подразделении», капитан прислал жалобу министру обороны.

Капитан находился в отпуске, когда двое его подчиненных учинили поножовщину. Оба попали в госпиталь, а на офицера повесили ЧП. Еще одно принес обкурившийся солдат, который угнал грузовую автомашину и сбил женщину. Прямой вины комбата во всем этом не было, но старшие командиры дружно твердили ему: «Командир отвечает за все». На следующий год Вьюнов с академией вновь пролетел по аналогичной причине. Еще через некоторое время он из армии ушел.

А качество призывного контингента продолжало ухудшаться: в казармах и на кораблях росло число молодых людей, прошедших «закалку» в криминальном мире. Для некоторых повестка в армию становилась индульгенцией от тюрьмы. В войсках и на флотах ползла вверх кривая наркомании. «Дурь» требовала денег. Деньги все чаще добывались за счет воровства и продажи оружия и имущества. В 1994 году в одном из конфиденциальных документов МО РФ отмечалось, что «за последние три года в 7 раз выросло число призывников, страдающих алкоголизмом и наркоманией, в 2,5 раза увеличилось количество состоявших на учете в милиции...»

На Арбате генералы вели горячие дискуссии о том, кто же должен отслеживать все эти процессы в войсках и выработать профилактические меры. Проблему «спихнули» на помощников командиров по работе с личным составом. Но так как служебно-правовой статус бывших замполитов резко понизили после августовских событий 1991 года, серьезный спрос к ним предъявлять было трудно.

Чтобы хоть как-то выправить такое положение, воспитательному Комитету МО придали статус Главного управления, а помощники командиров стали называться заместителями. Но на ситуацию с дисциплиной это не повлияло. В ходе растянувшегося почти на два года эксперимента многие опытные кадры разбежались. Затем был сделан новый реформаторский шаг: в 1994 году министр обороны издал директиву, в соответствии с которой вопросами дисциплины в армии было приказано заниматься Управлению службы войск и воинской дисциплины Генштаба.

По роду службы я имел возможность знакомиться с документами этого подразделения Генштаба, в них отражалось состояние уставного порядка в войсках и на флотах. Эти документы часто напоминали мне не сводки о происшествиях в Вооруженных силах, а какой-то бесконечный уголовный сериал.

Помню чрезвычайное происшествие, связанное с хищением крупной партии стрелкового оружия на одном из окружных складов. Главари местного бандформирования вступили в сговор с группой военнослужащих и заставили их оформить документы на получение оружия в арсенале. Все было сделано без сучка и задоринки. Затем переоде-

тые в военную форму бандиты подогнали грузовик к хранилищу, где им выдали все, что полагалось по документам.

Начальник управления режима и службы войск Генштаба генерал Владимир Кулаков в целях наведения уставного порядка в войсках активно пропагандировал идею создания военной полиции. Но поскольку эта идея была очень дорогой, она требовала создания новых структур в армии, специальной подготовки людей, интереса к ее развитию у руководства Минобороны и Генштаба не было.

Пока в воздухе витали благие генеральские идеи о том, как обуздать безудержную криминализацию армии, жизнь в ней шла по прежнему руслу. Преступность в Вооруженных силах охватила все этажи военной структуры: высший руксостав МО и ГШ, старшие войсковые и флотские командиры — многие из них стремились использовать служебное положение в корыстных целях. В затылок им стоял обнищавший, безденежный и теряющий надежду на скорую военную реформу младший офицерский состав, активно срастающийся с криминально-коммерческим миром. Подпирала всю эту пирамиду «казарма», где все больше утверждались «дедовщина», наркомания, пьянство и воровство...

И хотя Вооруженные силы РФ с 1992 по 1997 год сократились более чем на 1 млн 200 тыс. человек, количество преступлений на 1000 военнослужащих продолжало расти. Уже в 1993 году их число на 15% было выше, чем в последнем году существования Советской Армии. А по графе «хищения войскового имущества» число преступлений только за один 1996 год, по данным Главной военной прокуратуры, резко рвануло вверх, аж на 30%.

И этот показатель продолжал расти...

Росло и число тяжких преступлений, убийств, разбойных нападений, грабежей и хищений. Если еще зимой 1992 года в приказах министра говорилось о единичных фактах хищений в особо крупных размерах, то только в первом полугодии 1994 года их было учтено уже 127. Среди обвиняемых на 20% увеличилось число офицеров, уличенных в расхищении материальных средств, оружия и боеприпасов. Только приказами министра обороны за допущенные нарушения в 1994 году было привлечено к ответственности около 40 генералов и старших офицеров.

ФОКУСЫ

...Долгое время руководство страны не знало всей правды об истинном состоянии дисциплины в армии. Наше арбатское начальство нередко прибегало к различного рода «фокусам». Один из них заключался в том, что данные о преступлениях и правонарушениях в Вооруженных силах долгое время подавались «наверх» без указания сокращенной численности личного состава. Когда армия сократилась на 1 млн человек, то, естественно, и количество преступлений на 1 тыс. человек было уже меньше. На этом и строился фокус.

Однажды мне попались в руки материалы коллегии МО РФ, состоявшейся в конце сентября 1994 года. Из него следовало, что количество преступлений и происшествий за 8 месяцев 1994 года по сравнению с 1993 годом уменьшилось почти на 30%...

Такие показатели преподносились как следствие более эффективной работы военного руководства, а не как объективный фактор. И все это на государственном «верху» долгое время принималось за чистую монету.

С помощью таких ухищрений создавалась видимость того, что требования Верховного Главнокомандующего «навести в армии элементарный порядок» успешно претворяются в жизнь.

15 апреля 1995 года в интервью газете «Красная звезда» заместитель начальника Генштаба генерал-полковник Анатолий Богданов утверждал, что «тенденция снижения количества преступлений и происшествий в Вооруженных силах за последние два года становится устойчивой. Общее число правонарушений в 1994 году сократилось на 27%...»

Но генерал умолчал о том, что такой же устойчивой была и тенденция сокращения личного состава. А по данным Главной военной прокуратуры, наметился рост правонарушений на 18—20%.

И, вероятно, поняв, что он переборщил с «позитивными» цифрами, Богданов заключил: «Хотя, чего кривить душой, общий уровень правопорядка далек еще от соответствия задачам, поставленным перед Вооруженными силами Президентом РФ».

И это уже была правда.

СВОИ ЛЮДИ

...Руководство МО и ГШ приукрашивало информацию об истинном состоянии правопорядка в армии. Я имел доступ к конфиденциальным документам, идущим «наверх», и располагал достаточными сведениями для такого вывода. Чем чаще я сталкивался с искаженной информацией, тем больше мне хотелось понять, ради чего это делается.

Во мне все больше крепло убеждение, что Грачеву очень хотелось, чтобы у Ельцина создалось впечатление о правильном его выборе первого лица в армии, о том, что министр обороны твердо держит в руках рычаги управления армией. Павел Сергеевич частенько повторял: «Армия боеготова и управляема».

Грачев не мог не видеть, что на Ельцина и без того давит гигантский пресс политических, экономических проблем, а «нагружать» его еще и мрачными сведениями о растущей криминализации Вооруженных сил, о расцветающей в генеральских и офицерских рядах уголовщине было бы слишком рискованно для карьеры.

И тем более рискованно было информировать главу государства о том, что даже среди заместителей министра обороны появились люди, уличаемые в финансовых махинациях, в причастности к аферным коммерческим структурам, незаконной продаже оружия, военной техники, использовании казенных материальных средств и «рабсилы» для увеличения собственного движимого и недвижимого имущества. В мае 1997-го Ельцин вынужден был публично признать, что «генералы разжирили и понастроили дворцов».

Когда в 1996 году (уже при Ю.Скуратове) Генеральная прокуратура РФ объявила о том, что в работе находятся почти три десятка уголовных дел, в которых фигурируют высокопоставленные чиновники Минобороны, выяснилось, что сведениями об этих преступлениях правоохранные органы обладали давно. Я убедился в этом еще больше, когда стал пресс-секретарем министра и по служебным делам побывал в Главной военной прокуратуре. Меня поразила осведомленность следователей ГВП буквально обо всем, что касалось действий нашего высшего руководства, выходящих за рамки закона. Они знали, кто из генералов и с какой коммерческой фирмой или банком

крутит грязные аферы, у кого и что «пристало к рукам», кто, где и как строит дачи за счет армейской казны, как идет спекуляция земельными участками и квартирами и даже в каких именно банках некоторые наши арбатские мафиози открыли свои счета.

Не бездействовали и офицеры контрразведки. Их начальники получали регулярные и обстоятельные доклады. Но порой случалось так, что, когда некоторые контрразведчики предлагали своим начальникам припереть фактами преступников к стенке, им нередко советовали «заниматься своим непосредственным делом». Все порою и ограничивалось лишь отдельными сигналами в Генеральную или Главную военную прокуратуры.

Но до прихода генерала Ю.Демина на пост шефа ГВП эти сигналы нередко уходили, как вода в песок.

Думаю, не случайно арест генерала армии К.Кобеца произошел уже вскоре после того, как был смещен с поста Главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Валентин Паничев. Как только ушел Паничев, сразу несколько десятков уголовных дел по крупным китам военной верхушки были выведены из состояния вялотекущего «доследования»: начались допросы, появились подписки о невыезде и даже ордера на аресты...

ДУШЕВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вокруг фигуры Паничева в Минобороны и Генштабе было много пересудов еще с того дня, когда он неожиданно возглавил Главную военную прокуратуру. Это назначение многие в военном ведомстве сразу назвали «политическим». Ибо мало для кого было секретом, что кандидатуру Паничева протезировал и.о. Генпрокурора А.Ильюшенко, личность, мягко говоря, «туманная» и часто подыгрывающая Кремлю с неуклюжим подобострастием (чего стоит только скандал с попыткой прикрыть «Куклы» на НТВ).

В то время в прессе поднялась очередная волна разоблачений коррупции среди военной верхушки, но руководство Генпрокуратуры часто «не находило» состава преступлений. Было совершенно очевидно, что, подбирая кандидатуру на должность шефа Главной военной прокуратуры (который одновременно являлся и замом Генпрокурора), Ильюшенко делал ставку на «своего» послушного челове-

ка. Едва продвинув его на высокий пост, Генпрокурор облагодетельствовал Паничева генеральским званием, хотя тот был сугубо гражданским прокурором. Это сразу же вызвало скандальный шум в прессе. «Общая газета» писала:

«...Скандал вспыхнул после того, как исполняющий обязанности Генпрокурора Алексей Ильюшенко в нарушение законной процедуры выбил для своего заместителя, Главного военного прокурора Валентина Паничева, звание генерал-лейтенанта юстиции...»

Другая московская газета провела о том, что гражданский трудовой стаж Главного военного прокурора зачли в выслугу лет — это противоречило существующему российскому законодательству.

Сам Паничев комментировал в прессе этот факт в своем «фирменном» стиле — с лукавым простодушием:

— Если говорить о звании, то заявление с просьбой об этом я не писал... Президент подписал представление — воинское звание присвоено.

Главный военный прокурор ловко умолчал о самом важном: кто писал представление? Представление к воинскому званию на таких должностных лиц обычно писал министр обороны, а визировал Генпрокурор. Естественно, такой момент не мог не обязывать к лояльности министру главного военного законника.

А если учесть еще и то, что Грачев находился в очень теплых отношениях и с Генпрокурором, то теперь легко понять, почему нередко успешно «заглушались» уголовные дела, в которых фигурировали высшие армейские генералы. «Комсомольская правда» точно подметила: «Ильюшенко в компании с главным военным прокурором приезжают в Министерство обороны будто по вызову».

Данные факты во многом объясняют ту странную мягкотелость, которую продолжительное время проявляло руководство ГВП по отношению к высшим генералам, погрязшим в преступных махинациях.

О том, что на него поддавливают «сверху», Паничев однажды признался и сам:

— Например, спрашивают: нельзя ли посмотреть уголовное дело?.. Он вам говорит, мол, посмотрите это дело повнимательнее. И все. Почему человек не может сказать «посмотрите повнимательнее»?

Однажды известный московский журналист Дмитрий Холодов, много писавший о коррупции в армии (убит в октябре 1994-го), спросил у Паничева:

— Валентин Николаевич, а трудно возбуждать уголовное дело на высокопоставленного чиновника? Скажем, на генерала?

Паничев ответил:

— Вообще-то я категорический противник генеральской темы. Нам не надо так вот третировать наших генералов. Потому что в трудную минуту мы все равно обратимся к этим генералам.

Прокурору, который исповедует такие взгляды, невозможно быть объективным. Зная о них, я больше не поражаюсь откровенно лукавой позиции Паничева там, где был очевиден состав преступлений, творимых некоторыми нашими генералами.

Начальник Тыла Дальней авиации генерал-лейтенант Сиваков обвинялся в нанесении государству ущерба на 20 млн рублей. Он в обход закона получил на 3362-й Центральной базе материально-технического снабжения Министерства обороны импортную сантехнику. Когда следователи основательно проверили эту базу, им открылась неприглядная картина: оказалось, что почти вся верхушка военного правосудия тоже «прикармливалась» там. Главный военный прокурор Паничев за один комплект сантехники уплатил всего 150 тыс. рублей при реальной стоимости чуть меньше трех миллионов. Военный прокурор Московского гарнизона генерал-майор Леонид Объектов на той же базе получил материалов на 20 млн рублей. А заплатил чуть больше одного миллиона.

Паничев и Объектов были вынуждены возместить положенные суммы. А генерал Сиваков оказался за решеткой. Но ненадолго. Его вскоре отпустили под подписку о невыезде: ведь получалось, что те, кто предъявлял ему обвинение, недалеко ушли.

Помнится, в одной из телепередач было показано, как группа солдат вкалывает на тяжелых цементных работах, возводя загородный дворец одному из высоких минобороновских чиновников. «Рабы» прямо в телекамеру признались, что пашут уже не первую неделю с утра до вечера.

Корреспондент попросил Паничева прокомментировать этот факт. Генерал стал утверждать, что в общем-то пока не видит во всем этом правонарушений, поскольку солда-

ты, возможно, вкалывают... по собственной инициативе и во внеслужбное время.

Когда началось очередное шумное наступление прессы на растущие, как грибы после дождя, в ближнем Подмоскowie генеральские хоромы, среди которых отдельные немного уступали в стоимости какому-нибудь дворцу короля Брунея, Главный военный прокурор и на сей раз вряд ли был искренен, говоря, что-де такие строения могли быть возвыгнуты за счет «личных сбережений хозяев или кредитов, взятых в банках...».

Даже самым наивным людям была очевидна несостоятельность этих аргументов. Такая мягкая позиция главного армейского законника, думается, во многом предопределялась тем, что ГВП зависима от Минобороны, находясь у него на финансовом, вещевом и многих других видах довольствия. Хитрое устройство этого сложного механизма еще в начале 90-х годов разоблачил Евгений Шапошников:

— Действовала такая система: военные прокуроры подчинялись Главному военному прокурору, а тот, в свою очередь, — Генеральному прокурору... Но фактически вся военная юстиция была зависима от Министерства обороны, в компетенции которого было присвоение воинских званий, выделение служебных помещений, средств связи, автотранспорта, все виды обеспечения, начиная от жилья и кончая торговлей. Учет происшествий и преступлений, их квалификация были делом военных юристов. Но так как выводы о состоянии воинской дисциплины, организованности и порядка в войсках делались, как правило, по количественным показателям и от этого во многом зависела служебная карьера соответствующего командира, то возникала почва для альянса: ты мне — социально-бытовые условия, я тебе — «улучшенные» показатели...

В бытность свою министром Шапошников пытался сломать этот механизм, но не успел — его назначили на другую должность. Система сохранилась.

Но генерал Паничев доказывал обратное:

— Вот многие говорят: военная прокуратура зависит от Министерства обороны... Финансирование идет через МО. Конечно, кажется, кто платит, тот и заказывает музыку.

Так никому не казалось.

Так было на самом деле.

«Схваченная» военная Фемида была послушна приказам с Арбата. Этот фактор сыграл далеко не последнюю роль в углублении моральной деградации военачальников.

Долгое время тайной за семью печатями оставалось то, что среди всех силовых структур именно в Вооруженных силах уровень преступности возрастал наиболее динамично, а раскрываемость уже который год топталась на месте (в 1994 году — 18%, в 1995-м — 21).

Самая опасная тенденция заключалась в том, что рос уровень преступности среди офицеров и генералов. И хотя это касалось и центрального аппарата МО и ГШ, военных округов и флотов, такие данные часто не придавались огласке.

По-прежнему министр обороны лично решал, отдавать ли избобленного преступника (генерала или старшего офицера) под суд. Дело доходило до того, что даже уличенные в грубейших преступлениях закона минобороновские махинаторы (в частности, незаконные операции с валютными средствами в особо крупных размерах) чудодейственным образом избегали уголовной ответственности...

ИНСТИНКТЫ

...Поглядывая на лихо мчащиеся мимо покосившихся заборов воинских частей «Мерседесы» и «Вольво», многие генералы, офицеры, прапорщики и солдаты хорошо понимали, что мимо них проходит другая, таинственная и престижная жизнь. А им ведь тоже хотелось хорошо жить. Но это требовало денег. А их было мало, да и платили с большими задержками. И потому часто избирался сам собою напрашивающийся выход из незавидного положения — превратить в товар то, что есть под рукой.

На продажу шли самолеты и танки, списанные подводные лодки и ворованные ядерные материалы, государственные секреты и портянки, автоматы и гвозди, гранаты и дома, автомашины и земельные участки. В ход шли порой и драгоценные металлы: военнослужащие стали растаскивать отдельные узлы боевых машин, содержащие золото и серебро. На одной из авиабаз Войск ПВО на Урале, например, было таким образом разукомплектовано более 70 истребителей МиГ-23 и МиГ-25.

Преступники в погонах в течение трех месяцев снимали с боевых машин важнейшие блоки и передавали их в руки

«золотой мафии». 8 килограммов золота, 60 килограммов серебра, 900 граммов платины и 300 граммов палладия — таковы результаты трехмесячного труда преступников-старателей в военной форме.

Все самое уродливое и самое низменное, что только могло быть присуще человеческой психологии, растеклось по малым и большим гарнизонам, по казармам, корабельным кубрикам и общежитиям.

Все это подкашивало боеготовность и морально-психологическое состояние войск. Стремление к алчной наживе любым способом, массовая воровская эпидемия в армии и на гражданке все чаще заставляли меня вспоминать: «Воруют, батюшка, воруют» — и думать о том, что такое положение дел на дрожжах дикого рынка возвращает Россию к «традиционным» низменным истокам...

— У ворующей власти, — говаривал мой друг и духовный наставник Петрович, — не может быть неворующей армии.

Летом 1993 года по служебным делам мне довелось побывать в подмосковном гарнизоне Кубинка. Вечером на полустанке ко мне раз пять подходили молодые люди в спортивной одежде и с характерной военной стрижкой. Осторожно спрашивали, не интересуюсь ли я «средствами самозащиты». Ради любопытства я попросил показать «товар». Набор был приличный. Он состоял из автомата Калашникова, десятка гранат Ф-1 и пары пистолетов Макарова. Цены были ниже европейских. Когда я пообещал подумать, меня предупредили, чтобы я хорошенько подумал на этом, а не на том свете.

Вскоре я узнал о крупном хищении оружия в гарнизоне.

...Уже год велось следствие и на Балтфлоте: там продали за границу крейсер, и до сих пор командование БФ не может получить вырученные деньги. Бесследно исчезли на флоте и почти 600 тыс. тонн угля вместе с авторами «топливной сделки».

И в далеких гарнизонах, и в столице под носом у властей военные все больше осваивали премудрости торговли материальными ценностями и оружием: некоторые слушатели Бронетанковой академии и курсанты Военного университета попробовали свои силы на ниве воровства и сбыта автоматов и пистолетов. Правда, никого из них не осудили: пойманного с поличным майора Сергея Сурови-

кина по звонку «сверху» приказано было освободить из-под стражи под подписку о невыезде. Гарнизонная военная прокуратура лишь смиренно развела руками — майор был родственником какой-то крупной шишки.

При странных обстоятельствах ушли от наказания и несостоявшиеся военные переводчики, арестованные вскоре после того, как они похитили несколько десятков «Калашниковых» в родном вузе. Даже следователи Московской военной прокуратуры не могли сказать мне, где находятся курсанты, на которых были возбуждены уголовные дела. Влиятельные отцы-генералы, в том числе и служащие на высоких министерских постах, основательно упрятали своих чад от кары Фемиды.

ЗЕРКАЛО

...Армия, которая по изначальному своему предназначению обязана была являть обществу образец организованности, высокой нравственности и даже некоего рыцарства, все больше превращалась в криминально-воровскую малину, где властвовали законы наживы и обмана.

Природа армии в посткоммунистическое время во многом была зеркальным отражением физиономии политического строя, утверждавшегося в России. Тут тоже, как и в высших государственных кругах, было свое, почти сплошь коррумпированное руководство, многие представители которого алчно стремились пользоваться моментом в целях обогащения.

Тут же была и своя каста «новых русских генералов», купающихся в роскоши и бдительно стерегущих устоявшийся порядок вещей. Тут была и гигантская колония старших офицеров, все больше промышляющая в тайном бизнесе. Левые приработки становились для многих из них естественной частью службы и возможностью дотянуть до определенного контрактом срока, чтобы уйти из армии.

Была тут и армада безденежных, бесквартирных войсковых и флотских офицеров-трудяг, измотанных острым дефицитом солдат, матросов, запчастей, стройматериалов, содержащих полуголодные семьи и все больше теряющих смысл службы.

И была еще масса людей: плохо накормленные, плохо обмундированные и плохо воспитанные, они исповедовали идеалы жизни «братков» на гражданке и брали себе в при-

мер героев крутых боевиков в телевизорах, которые день и ночь выплескивали в казармы и матросские кубрики тонны человеческой крови и оглушали восхищенных пацанов в погонах отменной стрельбой по живым мишеням.

Я часто думал об этом, когда читал очередные сообщения о групповых расстрелах в караулах и побегах солдат из частей с оружием.

Уже семь лет армию кормят обещаниями военной реформы.

Уже семь лет армию держат на голодном финансовом пайке.

Уже семь лет армию приучают к мысли, что России ничто не угрожает и что такого сборища военных людей ей не нужно: слишком накладно для дышащей на ладан экономики.

Армия, которую собственные политики убеждают в отсутствии вероятных противников, неминуемо начинает загнывать и разлагаться. Она теряет смысл своего существования. Она становится похожей на женщину, которая испытывает равнодушие к собственным морщинам, к дыркам на чулках, к выпавшим зубам...

Тотальный развал порождает в войсках пессимизм и уныние.

Нет для человека военного ничего страшнее осознания своей ненужности государству. Этот военный человек хорошо видел, что происходит откровенное разворывание страны.

Этот военный человек, давясь черными пайковыми макаронами с килькой в томатном соусе, очень хотел понять, ради какой идеи он обречен на служебную каторгу. Высокие слова о долге, о России на голодный желудок усваиваются плохо. Еще хуже они усваиваются, когда военный человек видит несправедливое устройство государства, которое он призван защищать.

Такие невеселые мысли роились не только в моей голове. Часто хотелось знать, что думают обо всем этом наши действующие и отставные военачальники. И в этом своем желании я был не одинок — многие жаркие дискуссии арбатских офицеров свидетельствовали о том же.

Мы очень хотели понять, что с нами происходит, что происходит с Россией. И потому внимательно вслушивались в слова тех, кто больше нашего послужил и больше нашего видел. Однажды командующий Воздушно-десант-

ными войсками генерал-полковник Евгений Николаевич Подколзин сказал жестокие и замечательные слова:

— Всегда для армии идеологией был и будет патриотизм, верность долгу, присяге и дисциплине. Но дело в том, что сегодня в людях размыта вера в истинность и ценность этих идеалов. И в обществе, и в армии. Что сегодня Родина для солдата? Его деревня где-нибудь под Тулой или Смоленском, где по полгода не видят зарплаты, где закрылся давно магазин, стоят без солярки трактора, не работают медпункты. Или Родина — это фешенебельные московские рестораны, казино, «Мерседесы» банкиров и полуголые девочки из рекламы? Что для них Родина? И за что воевать и умирать? На эти вопросы каждый человек в погонах ищет ответ сам. Офицер в Чечне за свой миллион каждый час рискует жизнью. Его семья в это время мыкается без квартиры, где-нибудь в снятой комнатухе, а то и в углу казармы, отгороженная щитами, а напротив казармы достраиваются шикарные особняки для «новых русских». Социальное неравенство, пропасть между «новыми русскими» и народом — это очень серьезная болезнь. И она собирает свой «урожай». До 50% выпускников военных училищ бросают военную карьеру и уходят в коммерцию, в бандиты, куда угодно, но только не в армию, которая сегодня не может дать никаких социальных гарантий. Ни квартиры, ни достойного жалованья, ни социального статуса, ни даже гарантий на будущее — вдруг очередное сокращение?..

Вторил Подколзину бывший Главком Военно-морского флота адмирал флота Владимир Чернавин:

— Чем отличался русский солдат, матрос, который в сложнейших условиях, иной раз с худшей, чем у врага, техникой, все же выходил в бою победителем? Тем, что был стойким, преданным Родине, был в моральном и физическом отношении сильнее противника. Теперь этого нет. Мораль растлили. Да и кого защищать? Тех, кто тебя недавно плевал? Защищать банки и «новых русских», которые за границей удивляют всех способностью сорить своими несметными долларами? Получается, что со старой идеологией покончили, а новая никому не понятна...

Председатель Совета военно-научного общества «Безопасность Отечества» полковник запаса Юрий Дерюгин высказывался еще резче:

— Российские Вооруженные силы находятся в состоя-

нии, близком к внутренней социальной деградации, и в полной мере превращаются из средства обеспечения безопасности в интегрированную угрозу для личности, государства, общества...

Вслушиваясь в эти слова, я часто думал о великой несправедливости, все глубже охватывающей Россию и ее армию: все мы хорошо видели причины упадка и развала, страстно возмущались этим, но изменить такое положение дел пока не могли. Ибо были в стране другие люди, другие силы, которых устраивал такой порядок вещей, дающий им возможность счастливо жить, властвовать и процветать.

И меня оберегала от полного отчаяния лишь мысль о том, что так не может быть бесконечно, что сам этот несправедливый уклад российской гражданской и военной жизни, бдительно охраняемый Кремлем и теми, для кого наступила «золотая эра», будет накапливать в народных толщах недовольство, которое неминуемо и со страшной, присущей лишь бунтующей русской душе силою, когда-то взорвет этот негодный строй «мнимого народовластья» (И.А. Бунин).

И тогда уж никакая директива, никакой приказ, даже под угрозой расстрела, не заставят армию обратить штыки против тех, кто будет устанавливать подлинную, а не бандитско-воровскую демократию...

ПОРУХА

...Еще никогда, как в последние восемь лет, я не испытывал такого ощущения, что и страна, и армия стали жить в каком-то зомбированном мире. В людях рушилось самое святое: честность, доброта, уважение к труду, вера в то, что твоя работа нужна Отечеству.

На смену всему этому упорно вползали в души человеческие ложь, маниакальное стремление к воровству, почти звериная агрессивность, эгоизм, желание иметь много денег, не зарабатывая их честным трудом. А исконно сидевшее в русском характере священное чувство ответственности за защиту Отечества стало превращаться во что-то второстепенное, никому не нужное, лишнее. И даже — опасное.

Когда я был на выпускном вечере в одной из московских средних школ в Крылатском, многие родители говорили: «Самое страшное, если ребята попадут в армию».

Эти ребята еще сидели на школьной скамье, а их родители собирали в чулки рубли и доллары, чтобы откупить своих чад от службы в Вооруженных силах.

Толстая тетка в метро размахивала брошюрой с названием: «1000 способов освобождения от службы в армии». Кто не находил способов отмазаться от армии, пополнял армейский строй, где его встречала суровая действительность: кулаки «дедов», полускотское существование в казарме, бесконечные хозяйственные работы в части или на командирской даче, сигарета, набитая «травкой», и вечно матюкающийся сержант...

А поутру вместо стрельб, учений, полетов — вновь почти лагерная жизнь сотен тысяч молодых людей в военной форме, хорошо видевших, сколь отвратительно все это и для их офицеров-командиров, потерявших смысл своего предназначения, мечтавших о сокращении или ждущих его и часто топивших этот «комплекс» в безудержном, кабацком пьянстве.

Есть у нас в Минобороны Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований. В свое время, когда его возглавлял полковник В.Андреев, Центр давал нашему арбатскому руководству богатую пищу для размышлений: в его аналитических материалах содержалось много ценной информации о том, чем «дышит армия».

В частности, Центр изучал психологические и нравственные установки военнослужащих различных категорий. Однажды мне удалось раздобыть конфиденциальный документ об отношении военнослужащих к выполнению своих служебных обязанностей. Материал показывал мрачную картину: очень многие люди в погонах не видели смысла усердствовать при выполнении воинского долга и признавались, что делают это недобросовестно. Более 50% солдат и сержантов признавались в своем нежелании служить. Каждый третий офицер мечтал уволиться...

Я хорошо запомнил, какие страшные слова сказал однажды в телекамеру офицер после штурма Грозного 1 января 1995 года:

— Я не знаю, кто именно и зачем послал меня и моих сослуживцев на эту войну. Но когда я возвращусь домой, я буду мстить всем, кто довел нас до такой жизни.

А у десантников слово железное...

ТОЧКА ОПОРЫ

...Между арбатскими генералами и офицерами снова идут горячие споры о том, почему гниют нравственные устои армии. «Старый идеологический волк», мой друг и духовный наставник запасной полковник Владимир Петрович Дроздов, сказал однажды:

— Армия осталась без идеи.

Наша генштабовская молодежь закудахтала: а как же тогда «главная идея — защита России»? Полковник Владимир Уватенко съязвил:

— Лично мой священный долг — полтора миллиона. Соседу.

Я слушал эти и серьезные, и юморные дискуссии и думал о том, что в последние годы армия утратила какую-то очень важную точку опоры. Армия напоминала мне собаку, которую еще недавно хозяин холил, а сейчас обрек на полуголодное существование. Но служебная обязанность и «главная идея» для этой собаки остались прежними — охранять хозяина.

Разница лишь в том, что раньше хозяином был народ, а сейчас...

Раньше...

В поисках истины я возвращаюсь в это «раньше», чтобы сравнить его с «теперь» и понять, что же с нами произошло.

В той армии, что была раньше, я прослужил более 25 лет и хорошо знаю, что у нее всегда были совесть и идея.

Мощный идеологический аппарат брался за мозги солдата с первой минуты, как он ступал на территорию части. Это ложь, что было тупое и тотальное оболванивание коммунистической пропагандой. Чувство долга перед Родиной произрастало из музейной тишины, из ветеранских рассказов, из потрепанной киноленты в солдатском клубе, из строгих командирских приказов и теплых родительских наказов.

Сегодня даже самые ярые демократы признают, что бывшие политорганы, парткомы, партийные и комсомольские организации, суды офицерской чести, комитеты партийного и народного контроля, офицерские собрания, идеологические совещания и активы служили тем мощным духовным обручем, который сдерживал, скреплял военный

организм от разрушительных процессов. Да, было много формализма, начетничества, показухи, но и при всем при этом военный люд ясно понимал, зачем надо крепко держать в руках оружие.

Весь этот механизм после 91-го с варварским невежеством был разрушен, а новое военное руководство оказалось не способным создать новый, отвечающий духовным целям армии демократического государства. Да новую идею для армии и нельзя было искусственно создать по президентскому указу или по директиве министра обороны. Идея, произрастающая из лозунгов, а не из жизни, похожа на картонное дерево.

Армию, как и собаку, нельзя накормить пластмассовой костью.

Еще летом 1992 года нетрудно было заметить, что наше высшее армейское руководство видело свой главный идеал в преданности не государству, а «государю» (чего стоила, например, идея заставить офицерский состав Российской армии, принимавший с свое время советскую Присягу, «переприсягнуть» Президенту — Верховному Главнокомандующему — хорошо, что от нее вовремя отказались). Была в то время у нас на Арбате группа высших генералов во главе с Грачевым, которая редко упускала случай лишний раз продемонстрировать президенту избыток верно-подданничества.

Но для сотен армейских и флотских гарнизонов были чужды придворные игры в политическую конъюнктуру. И тем не менее офицерам, прапорщикам и солдатам нужны были четкие идеологические ориентиры. А для этого нужны были профессионалы, нужна была хорошо отлаженная система. Но ее не было.

Новые идеологические генералы, занявшие место «упраздненных» политработников, уныло бродили по развалинам бывших политорганов и парткомов, смутно представляя, как же можно вывести армию из всей этой порухи. Они лишь в угоду новым властям то и дело бросали ярые упреки в адрес старой системы воспитания, обвиняя ее в тоталитаризме и раздутости. В советские времена в наших почти четырехмиллионных Вооруженных силах было 80 тыс. политработников. К 1992 году их число уже составляло чуть более 36 тыс. Наши новые военные идеологи страсть как любили кивать на западные армии и брать их за эталон.

Для справки.

В США на 2,5 млн военных приходится 8 тыс. капелланов и 62 тыс. офицеров службы информации (считай, те же политработники).

После массовой чистки нашей армии от политработников и понижения их должностного статуса мы получили резкое падение уровня морально-психологической готовности личного состава добросовестно выполнять обязанности; значительное падение качества боевой подготовки; бурный рост числа грубых нарушений воинской дисциплины.

Люди в казармах и матросских кубриках все чаще оставались лицом к лицу с духовной грязью, бескультурьем, жестокостью «дедов», телевизионными идолами Запада и письмами «братков» с гражданки, которые расписывали прелести свободной и богатой жизни...

ПОД РАЗВАЛИНАМИ ГЛАВПУРА

...Группа офицеров-генштабистов возвратилась из командировки в Сибирь. Все в один голос твердят: в войсках моральное разложение — и все чаще начинают вспоминать ГлавПУр.

В Советской Армии за политико-моральное состояние («польморсос») военнослужащих головой отвечало Главное политическое управление, опиравшееся в своей работе на мощную систему политических органов, большой отряд политработников частей и подразделений, партийных и комсомольских организаций (в СА было свыше 1 млн коммунистов и почти 2 млн комсомольцев).

Даже самые рьяные противники тоталитаризма признают сегодня, что в советскую пору в Вооруженных силах партийно-политические органы оказывали серьезное влияние на моральную атмосферу и на уровень дисциплины в войсках и на флотах.

Тот, кто непредвзято способен судить об этой проблеме, не может не признать, что даже солдат с восьмью классами образования за годы службы был неплохо натаскан в политграмоте: два раза в неделю только ядерная война могла сорвать политзанятия. Знал солдат, зачем его призвали в армию, кого он охраняет, кто у него вероятный противник, а кто союзник, кто геройски воевал в его полку в годы войны и кто совершил подвиг в мирное время.

Политически подкованным был солдат. А уж офицеру и подавно было предписано «сечь в политике», иначе стыдно будет перед подчиненными. Для офицеров существовала так называемая марксистско-ленинская подготовка, в ходе которой вопросы иногда рассматривались не хуже, чем сегодня в каком-нибудь университете (хотя и тут было нередко немало начетничества по части конспектирования «первоисточников»)..

Была своя «политика» и у прапорщиков, и у мичманов. Замполиты и пропагандисты как на преступников смотрели на начальников, иногда стремившихся подменить политзанятия разгрузкой вагонов или покраской заборов.

А нарушил дисциплину солдат — отдубасил однополчанина, напился, заснул в карауле, проворовался, нагрубил начальнику — тут тебя продерут на служебном, партийном или комсомольском собрании. Вызовут в партийный или комсомольский комитеты, в политотдел или на парткомиссию, а уж сколько раз по душам поговорят командир с замполитом — считать было бесполезно.

Была неплохая управа на командиров-самодуров и протекционистов — офицерское собрание.

Были тысячи солдатских и гарнизонных клубов, Домов офицеров, библиотек с миллиардными книжными фондами, кинофильмы два-три раза в неделю, тысячи шефских концертов, встреч с писателями, артистами, учеными, ветеранами войн... Все это с той или иной мерой эффективности «работало» на мораль военных.

В 1991 году отлаженная индустрия воспитательной работы в Вооруженных силах рухнула. Пришедшие к власти демократы обозвали ГлавПУр «осиным гнездом КПСС в армии» и стали разгонять опытейшие воспитательные кадры.

Генерал-полковник Дмитрий Волкогонов, бывший главный идеолог КПСС в армии, долгие годы упорно вдалбливавший в головы военнослужащих необходимость свято блюсти верность идеям партии, возглавил комиссию по разгрому «осинового гнезда» и при этом нещадно поносил КПСС и те идеи, в которые еще недавно яростно призывал подчиненных свято верить.

Несколько лет спустя даже генерал Сергей Здориков, начальник Главного управления воспитательной работы Минобороны, которого никак нельзя заподозрить в нело-

яльности к новому режиму, и тот вынужден был сделать беспрецедентное по откровенности признание:

— Когда после августовского путча политорганы волевым решением ликвидировали, в армии многие вещи обесценились. В результате в воинских коллективах началось то брожение, которое привело к окончательной потере политических ориентиров...

А вот что говорил об этой же проблеме Евгений Шапошников:

— Вместо упраздненных военно-политических органов мы стали создавать в Вооруженных силах систему органов по работе с личным составом. Их возглавили помощники командиров, командующих, те, кто полностью ответствен за воспитание людей, но лишен властно-распорядительных полномочий.

Разгром идеологических структур в армии привел к тому, что военнослужащие лишились последней надежды на то, что их кто-то может защитить от произвола некоторых самодуров-командиров и беспредела «дедов». Они уже ни на кого не оглядывались. Ставший в августе 91-го министром обороны СССР маршал авиации Шапошников, давно был известен в войсках своей «утонченной нелюбовью» к политработникам. Когда партийно-политические органы в армии и на флоте упразднили, Евгений Иванович считал, что таким образом устранен и разрыв между обучением и воспитанием личного состава.

Результаты такой новации министр очень скоро почувствовал, как говорится, на собственной шкуре. Однажды его пригласили на съезд движения солдатских матерей. Евгений Иванович с большим желанием откликнулся и приехал. А там его до того «забомбили» вопросами, жалобами, просьбами, что расчувствовавшийся маршал решил на следующий день провести личный прием желающих.

Шапошников сдержал слово и, работая почти 18 часов, принял около 200 посетителей. После этого он признался:

— В этот день я окончательно понял, какой это страшный, живучий, многообразный враг — формализм, бездушие, пренебрежение к человеку...

Вскоре министр направил в войска и на флоты директиву, в которой строго требовал от командиров и начальников «решительно и твердо искоренять» черствость, грубость, бездушие. Тогда же его осенила идея создать при Минобороны специальный Комитет по правовой и соци-

альной защите военнослужащих. Но это его предложение не вызвало интереса в Кремле, там посоветовали «не изобретать велосипед» и более эффективно строить работу органов по работе с личным составом, созданных вместо партийно-политических.

Реализация этой задачи началась с того, что ее исполнители, испытывающие острый дефицит собственных созидательных идей, стали воровать их у американцев. У них они слямзили и новое название ГлавПУра — Комитет по работе с личным составом. Во главе его был поставлен генерал Николай Столяров, преподаватель одной из авиационных московских академий, который в августе 1991 года мелькал в рядах защитников Белого дома.

Он умел красиво говорить и демонстрировал активность в работе, но испытывал, на мой взгляд, недостаток организаторского таланта. Мне показалось, что Столяров не упускал возможности «засветиться» в эпицентре какой-нибудь акции, которая проводилась под прицелами телекамер. Так было, когда глава Комитета в сопровождении группы тележурналистов вылетал в Армению для поиска пропавшего солдата, так было и тогда, когда с участием генерала Столярова была организована пресс-конференция по случаю прибытия в Москву сильно избитых в одной из республик ближнего зарубежья российских офицеров.

Во времена Столярова в Комитете по работе с личным составом происходило то же, что и в других управлениях Минобороны и Генштаба — каждый новый начальник стягивал под свои знамена «нужных» людей. Хотя некоторых больше привлекали не души солдат, а возможность занять широкие красные лампасы.

Кадровая чехарда, начавшаяся после августа 1991 года, происходила у нас на Арбате безостановочно, и это тоже отрицательно сказывалось на том, что устойчивая система влияния на духовную сферу армии так и не была создана. Все это не могло не сказываться и на уровне дисциплины в войсках и на флотах.

Чем сильнее раскручивалась кадровая карусель, тем чаще в высоких креслах оказывались случайные люди и, наоборот, «выпадали» из них настоящие профессионалы. В то время многие арбатские генералы и полковники были поражены тем, что оказался «непригодным» один из авторитетнейших профессионалов воспитательной работы в армии, бывший замначальника ГлавПУра генерал Г.Сте-

фановский. Ему приклеили ярлык «пособника ГКЧП», хотя Геннадий Александрович в период августовских событий был в отпуске и находился далеко от Москвы.

С той поры в бывшем ГлавПУре стали редеть ряды профессиональных военных воспитателей, их место занимали случайные люди — временщики и откровенные карьеристы. Некоторые, чтобы доказать верность новой власти и получить кресло повыше, напоминали новым хозяевам о том, что когда-то имели выговоры по партийной линии.

Все это должно было свидетельствовать о «глубокой демократической приверженности» новых армейских воспитателей. Припрятанные партбилеты совести при этом не мешали.

Пока в Комитете по работе с личным составом шла дележка кресел и чертились заумные схемы новых концепций воспитательной работы в войсках, она тихо давала дуба. Бывшие политические занятия откровенно похерились командирами как необязательная «трепаловка». Новой форме политзанятий долгое время никак не могли даже придумать название. Ранг заместителей командиров по воспитательной работе снизили до статуса помощников, наделив их функциями «старшего куда пошлют».

Бывшие политработники стадами уходили на командные, технические, тыловые должности и на гражданку, не перенеся унижений и издевательств некоторых самодурствующих командиров. Такому отношению к бывшим политработчим в немалой степени способствовал, мне кажется, Павел Грачев, собственноручно подписавший несколько директив в отношении бывших партийно-политических офицеров и генералов. Это тоже была одна из форм демонстрации верности новым демократическим властям.

Бывшую Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, кузницу профессиональных воспитателей, с подачи генерала Волкогонова на западный манер переименовали в Гуманитарную. Грачев, рассказывали, и тут не упустил случая поиздеваться над «комиссарским вузом», сказав однажды: «Такой академии я не знаю». И этого было достаточно, чтобы через некоторое время академию слили с Военной академией финансов и права, обозвав Военным университетом.

Реформаторский бардак продолжался.

И опять не везло бывшему ГлавПУру: недолго просуше-

ствовал созданный на его месте Комитет по работе с личным составом. Его начальника Грачев сместил. Возможно, из-за того, что генерал Столяров имел в советское время отношение к идеологическим структурам, был преподавателем-гуманитарием.

Видимо, чтобы раз и навсегда изгнать комиссарский дух из стен бывшего «осинового гнезда КПСС в армии», Грачев решил назначить главным воспитателем в армии строевого командира, командующего армией генерала Константина Богданова, порядочного человека, но имеющего свое, командирское представление о тонкостях профессии «инженера человеческих душ».

Но и на этом реформаторский бардак не закончился. Вскоре Комитет в том же, американском духе переименовали в Главное управление по работе с личным составом. Было заметно, что профессиональный командир Богданов мучился в кресле начальника. Он так же, как и Столяров, продолжал тасовать кадры, подбирая своих людей. И пока вся эта чехарда продолжалась, воспитательная работа в войсках продолжала хиреть...

В такой обстановке, разумеется, руководство главного идеологического подразделения Минобороны не способно было эффективно контролировать политико-моральное состояние войск, активно влиять на него. Ведь даже такой стратегический участок работы, как укрепление воинской дисциплины, у него отобрали и передали Управлению службы войск Генштаба, которое лишь фиксировало количество и типы нарушений уставного порядка в войсках и готовило соответствующие директивные документы.

У бывших замполитов отобрали их родной хлеб. И хотя был он черным и горьким, все же благодаря именно им сотни тысяч матерей и отцов дождались из армии сыновей живыми, миллионы носов и черепов оказались непроломанными. Теперь же дисциплина часто укреплялась не живым словом профессионального воспитателя, а мертвым и безликим «требую», приходящим к солдату из Москвы в виде приказа, директив или шифрограммы (вскоре, когда стала понятна бесполезность такого подхода, проблемы дисциплины вновь возвратили воспитателям).

В армии сами по себе нарождались новые идеология и психология, круто менялась политическая ориентировка людей. Мало кто в МО и ГШ не понимал, что новой армии нужны были соответствующие новым условиям про-

паганда и агитация, но хиреющий воспитательный механизм еле-еле проворачивал свои ржавые шестерни, выбрасывая в унылые солдатские массы лишь мертвые лозунги и плакаты.

А эксперименты продолжались. Статус Главного управления по работе с личным составом снова был понижен. Оно стало называться просто управлением воспитательной работы. Игра слов имитировала реформу и «серьезные выводы». Штаты управления были сокращены почти наполовину. Это еще больше ударило по воспитательным структурам в армии, еще сильнее отразилось на ее моральной деградации.

Арбат услужливо докладывал Кремлю, что армия «ориентируется в правильном направлении».

Очередная «кастрация» наследника ГлавПУра и развал воспитательной работы в армии приняли до того опасные масштабы, что Госдума решила заслушать министра обороны по этому вопросу. Грачева депутаты попинали. Министр отреагировал немедленно, вновь возвратив воспитательному управлению статус Главного и даже задумал нарастить его штаты. Был сделан и еще один «реформаторский» прорыв: помощников командиров по воспитательной работе... вновь превратили в заместителей.

И, казалось, никому не было дела до души солдата. Да и как могло быть по-иному, если воспитательные органы то и дело перекраивались, если то и дело менялись и корректировались их функции и задачи, если воспитатели чувствовали себя униженными и бесполезными?

И все же справедливости ради следует сказать, что были и в воспитательном управлении, и в руководстве Минобороны люди, которые не мирились с таким положением и били в колокола. Одним из них был бывший заместитель министра обороны генерал-полковник Валерий Миронов, курировавший в то время воспитательные органы. Многие члены коллегии МО до сих пор помнят его глубокий аналитический доклад в конце 1992 года. Тогда замминистра с беспрецедентной для его положения смелостью вскрыл причины нравственного кризиса армии и четко обозначил пути выхода из него.

Но вместо поддержки своей программы Миронов услышал в ответ лишь плохо скрываемый зубонный скрежет со стороны тех, кто постоянно вдалбливал руководству страны мысль о здоровом политико-моральном состоянии

войск. А тем временем кадровые перетасовки входили в новый вираж.

Ушел генерал Богданов в академию Генштаба. Серьезно напуганное моральным загниванием армии, руководство МО дало задний ход и доверило руль бывшего ГлавПУра профессиональному политработнику генералу Ивану Микулину.

Ему досталось сильно разрушенное хозяйство, и он был вынужден вновь собирать под свои знамена тех людей, которые были способны вдохнуть жизнь в «полугруп» воспитательной работы. Судя по всему, не лежала только у него душа к заместителю начальника управления полковнику Сергею Здорикову, еще в 1992 году «выписанному» Грачевым аж с Сахалина, где он служил в должности помощника командира корпуса. Микулина явно не устраивал скромный профессиональный потенциал Здорикова, и он добился, чтобы обязанности зама исполнял генерал Анатолий Чумаков, уважаемый в управлении человек.

Чувство затаенной обиды Здорикова на Микулина ни для кого не было секретом. И по растущему раздражению Грачева в оценках работы Микулина нетрудно было догадаться, откуда дует этот злой ветер. Было ясно, что близится развязка. Она наступила раньше, чем ожидалось...

Когда на концерте в Доме Российской армии Иосиф Кобзон призвал генералов и офицеров «к борьбе с кликой Грачева, унижающей генерала Бориса Громова», Микулин демонстративно покинул зал. Но Грачеву было доложено, что Микулин якобы в нетрезвом состоянии учинил разборку с собственной женой на ступеньках ЦДРА, вместо того чтобы выступить в защиту «доброго имени» министра обороны.

Дальнейшая судьба генерала Микулина была предreshена. Начальником управления воспитательной работы стал Здориков.

ПЕСТАЛОЦЦИ С САХАЛИНА

Когда полковник Здориков впервые появился в центральном аппарате военного ведомства на должности замначуправления, многие с большим любопытством поглядывали на него: если офицера взяли в министерство аж с Сахалина, значит, или очень талантливый работник, или очень блатной.

Тогда еще немногие на Арбате знали, что в Москве у Здорикова была сильная «рука». И принадлежала она самому Павлу Сергеевичу. Министр хорошо помнил бывшего сокурсника по академии Генштаба, секретаря парторганизации курса.

Все получилось именно так, как уже много раз бывало при Грачеве: на высокую должность назначался человек не потому, что он был самым лучшим из десятков кандидатов на престижный пост. Тут был иной критерий — новый назначенец считался «своим». Именно так в центральном аппарате военного ведомства появлялись люди, которых у нас на Арбате в шутку называли «парашютистами» — они будто с неба внезапно сваливались в высокие кресла...

Так расширялся и креп клан «особо приближенных» начальников, которые быстро росли в должностях и званиях. Они легко двигались по служебной лестнице там, где честные пахари шли от ступеньки к ступеньке долгими годами. Некоторые выдвинутцы министра, получив высокие посты и большую служебную власть, часто мучили подчиненных неумением профессионально наладить работу. Они своим дилетантством дискредитировали покровителя, что еще сильнее подчеркивало, на кого именно опирается министр.

Начиная с 1991 года, в бывшем ГлавПУре повторяется одна и та же картина: каждый новый начальник стягивает под свое крыло знакомых сослуживцев, бывших однополчан или даже родственников. При этом профессиональные качества учитываются не в первую очередь. Из-за этого страдало дело. Такие циклы многократно повторялись, и Здориков не стал здесь исключением. Следом за ним вскоре появился еще один дальневосточник — с Камчатки перевели начальника штаба корпуса генерал-майора Сергея Нужина. О нем на арбатских этажах поговаривали, что он умел хорошо строить войсковые колонны и караульные помещения, оборудовать опорные пункты и узлы связи, но имел, мягко говоря, слишком общее представление о тонкостях работы с человеческой душой. Про Нужина офицеры-дальневосточники рассказывали, что отличался он своеобразным пониманием манеры обращения с солдатами, за что и был якобы прозван «Лютым».

Так начинался на Арбате очередной этап реформирования системы воспитательной работы.

Надо вытащить из дальневосточной «рыбно-икровой» дали своего хлебосольного человечка — вытащили. А пахари и умницы оставались в тени. Не сумел почему-то Здориков из сотни своих полковников и подполковников найти стоящего начальника группы. Словно все бездари. И вот уже назначается приказом министра новый подполковник. И тоже — аж с Дальнего Востока. Еще на одного человека увеличилась более чем семитысячная очередь бесквартирных офицеров в Москве...

Нередко на ключевых должностях в управлении воспитательной работы появлялись люди, которых у нас никто не знал. Начальство подбирало их по собственным критериям — старый знакомый, хороший пробивала, полезный человек, преданный оруженосец...

При весьма странных обстоятельствах в кресле начальника одного из отделов оказался специалист по следственной работе подполковник Мамонтов.

Появление в рядах воспитателей профессиональных военных сыщиков придавало воспитательному департаменту генерала Здорикова неповторимый колорит.

Кто такой начальник Главного управления воспитательной работы? Это самый главный в армии воспитатель. Это, если хотите, военный Макаренко, Песталоцци или Сухомлинский. Умный и тактичный политик, психолог, интеллигентный, тонкий педагог.

В начальнике ГУВРа, как мне казалось, все было наоборот. Мысли частенько излагал так, что и с бутылкой не разберешь, а речь порою производила впечатление набора бессвязных фраз — Черномырдин с его легендарным косноязычием выглядел бы Цицероном.

Невозможно было понять, что хотел сказать шеф армейской воспитательной работы российским и иностранным журналистам на пресс-конференции в Минобороны после поездки в Чечню. Его речь местами казалась мне непере译имой. Посудите сами — цитирую стенограмму дословно:

«...Я вам скажу, 31 декабря (1994 года. — В.Б.), где-то примерно около двух часов, в час ночи первого числа, правильно сказать, линия командира второго батальона 81-го полка, когда на командном пункте все эти линии, они передают все...»

Побывавший на войне Здориков переполнен впечатлениями. Люди, затаив дыхание, ждут от него интересных

деталей, глубокого видения происходящих событий. Ведь с ними говорил не зеленый, перепуганный войной лейтенант, а главный военный идеолог армии. И вот что они услышали:

«...Вот буквально недавно летел один генерал-лейтенант, который пробыл в Грозном две недели, прошел афганскую войну очень, практически по боевым точкам, и летели иностранные корреспонденты в этом самолете. Я, честно говоря, я, например, отключился, я спал так, что, а гляжу, открываю, а он угощает ее, женщину-корреспондента, соком с консервного завода. И такое впечатление, что она говорит: «Ой, какой вкусный сок». Значит, он потом рассказывает, что он с консервного завода, там, кстати, много, правда, старая продукция. И он рассказывает ей о том, что, впечатлениями делится о том, что это не афганский вариант, это пострашнее. У меня есть вещественные доказательства, которые говорят о том, что... есть Коран, есть амулеты на пушту, дари языках, что люди там, конечно, профессионалы».

Был задан Здорикову вопрос о потерях сторон. И вот — ответ:

— Знаете, я вам так скажу. Вот когда 31-го я был в Грозном, то создавалось такое впечатление, что море огня и море пожаров, и масса людей, которые бегут на перехват БТРов, БМП, и притом бегут очень профессионально. Почему? Потому, что когда увидел, когда побежала группа, то я сказал: огонь. Бегали некрасиво... по антеннам.

Еще один вопрос, что называется — под дых:

— Сергей Михайлович, что вы говорите своим солдатам и офицерам перед тем, как посылаете их на второй, на третий штурм, когда выясняется, что армия не подготовлена? Как вы считаете, это провал планов Генерального штаба и Министерства обороны?

В ответ — «фирменный» пассаж:

— Прежде всего так никто не ставит вопрос: иди вперед и так далее. Ставятся задачи, и людям оказывается помощь для того, чтобы, во-первых, он вместе и рядом, этот воспитатель идет. Много не надо слов, нужно сказать, 80% офицеров выведены из строя...

Наконец, любопытные припирают Здорикова острейшим вопросом непосредственно по его департаменту — о качестве информационного обеспечения войск в Чечне.

Ответ:

— Я вам скажу, что, понимаете, вот как ни парадоксально, самая любимая газета, которую сегодня хают, это «Красная звезда»... Я вам скажу, они нуждаются в хорошей информации. Она есть. Телевизора на передовой нет. Там стрельба. Приемники есть, и нужно, чтобы больше о них говорили...

Однажды в прессе появилось одиозное коллективное письмо военнослужащих из Чечни. Оно было адресовано высшим властям государства. Авторы письма просили их защитить армию, которую «с фронта и тыла бьют свои же СМИ».

Но такого письма вообще-то не было. Его изготовили в недрах ГУВРа. Эта липа называлась «борьбой за армию». Хотя ее, по строгому счету, надо было защищать от Верховного Главнокомандующего и Совета безопасности РФ, «по ошибке» затолкавших наши части в кровавый чеченский котел.

Где наиболее серьезно проверяется эффективность работы войсковых воспитательных структур? В боевой обстановке. А что мы видели в Чечне? О качестве работы воспитательных органов лучше всего дают представление откровенные высказывания солдат и офицеров. Как же армейские воспитатели сумели донести до сознания военнослужащих пламенное обращение Верховного Главнокомандующего? Что думали они обо всей этой заварухе? Вот что рассказал мне о своих впечатлениях Олег Блоцкий, бывший в ту пору военным обозревателем «Литературной газеты» (он находился непосредственно в боевых порядках наступающих на Грозный российских войск):

— Многие из моих собеседников были свято уверены, что они оказались в Чечне исключительно из-за мафиозных «разборок» в Москве, из-за того, что еврейская и чеченская мафии в интересах не сошлись. «А подыхать нам», — заключали офицеры и крыли Кремль такими матюками, что там в этот момент определенно икалось всем, вплоть до последней уборщицы... Другой офицер добавил не менее красочно: «Сидим здесь, как идиоты, и непонятно, война это или не война. Кажется, что наверху и сами еще не разобрались, что это».

Вот таким был морально-политический настрой личного состава российской военной группировки, за что головой отвечал департамент генерала Здорикова. Но возвратившись в Москву, Сергей Михайлович рассказывал жур-

налистам совсем о другом: «Что меня потрясло? Я вам скажу, величайший дух россиянина, которому, наверное, больше всего понятны интересы государства и за что он воюет, выполняет задачи»...

В дни боев за Грозный генерал Здориков, видимо, как и министр обороны, свято верил, что для полной «замочки» чеченской столицы потребуется немного времени. Справедливости ради стоит сказать, что в первые дни приступа он находился в боевых порядках войск. Там замы командиров по воспитательной работе достойно показали себя. И хотя у них язык не поворачивался толкать лицемерные лозунги в солдатские массы, они находили самый эффективный способ доказать свое право на уважение сослуживцев: дрались против чеченцев с оружием в руках, спали вместе с солдатами в наполненных водой окопах, вместе с ними ходили в разведку и выручали раненых на поле боя. Были среди замполитов и те, кто возвратился домой в цинковом гробу...

Многие политики и журналисты очень любят поизголяться над тем, как в советские времена обеспечивалось «горячее единодушие» личного состава армии на выборах в органы высшей государственной власти. Да, было тогда немало бутафории. Но и при нынешнем режиме грязи и мерзких фальсификаций не меньше.

Я был в составе генштабовской комиссии по организации парламентских (1995) и президентских (1996) выборов. В Центризбирком с подачи некоторых подчиненных генерала Здорикова гналась откровенная «деза» о 60—80% голосов военного электората за «Наш дом — Россия», за Ельцина. Более того: при попустительстве руководства МО и Генштаба грубейшим образом нарушался Закон о выборах — во многих частях шла открытая агитация за Б.Н. При этом любая агитация за других кандидатов блокировалась.

Баллотировавшийся в президенты России Александр Лебедь, узнав о потрясающе высоких показателях голосования в некоторых частях за Ельцина, назвал их «продуктом бурного воображения генерала Здорикова». А став секретарем Совета безопасности РФ, Лебедь уже вскоре пообещал «разобраться со стилем работы» начальника Главного управления воспитательной работы.

Лебедь «имел зуб» на Здорикова еще и за то, что тот подыгрывал в свое время Юрию Батурину, приезжавшему

вместе с ним осенью 1995 года в бывшую 14-ю армию, и с «повышенным любопытством» фиксировал информацию о бывшем командаре, имеющую компроматный оттенок.

Уже вскоре после обоснования Лебеда в Кремле многие на Арбате стали поговаривать, что дни Здорикова сочтены.

Генерал Сергей Здориков проходил по туманному «делу ГКЧП-3» и был смещен по инициативе Лебеда (правда, причины смещения с должностей большой группы «заговорщиков» так и остались неизвестны).

На место Здорикова был временно назначен его зам — генерал Сергей Нужин. Вскоре и его «подвинули» — пошла молва, что на него заведено уголовное дело в связи с незаконным получением второй квартиры в Москве.

ГРЕЗЫ О ЖАНДАРМАХ

На должность руководителя ГУВРа опять был назначен генерал, никогда политработником не являвшийся, Владимир Кулаков (тот самый, который уже давно проталкивал идею создания военной полиции). Службу проходил исключительно на командных должностях — от командира взвода до командира корпуса. С 1994 года — в Генштабе. Предпоследняя должность — начальник Управления службы войск и безопасности воинской службы.

Уже вскоре после назначения (в октябре 1997 года) в одном из своих интервью генерал Кулаков говорил о текущих и перспективных задачах своего департамента: «Создаем идеологическую и материальную базу, разрабатываем концепцию воспитательной работы в Вооруженных силах».

И это — на шестом году существования новой Российской армии, на шестом году ее реформирования. У меня создавалось впечатление, что все это время начальники главного воспитательного органа армии только и делали, что разгоняли старую и собирали новую команды.

Генерал Кулаков не стал исключением. И при нем все пошло по старой схеме: опять новая структура ГУВРа, опять новые задачи, слияния, разъединения...

Кто-то многозначительно сказал об этом: «Надо спасать армию от таких реформ».

Генерал Кулаков, судя по всему, хорошо усвоил, что властям и начальству надо говорить приятные вещи. Особенно о положении дел на том участке, за который отвечаешь.

Пусть будут на его совести вот эти слова: «Наметилась устойчивая тенденция к улучшению морально-психологического климата в войсках».

Пусть будут на его совести слова о том, что 90% военнослужащих поддерживают концепцию реформирования Вооруженных сил. Маленькая деталь: даже через полтора года после начала «действительной» военной реформы при Сергееве не то что в войсках, даже на Арбате многие до сих пор не имеют представления о той самой концепции, которую они горячо поддерживают.

Один за другим менялись генералы в главном кабинете ГУВРа. Но все они почему-то были на одно лицо, имели одни и те же привычки, говорили одни и те же слова.

Когда-то генерал Здориков перед парламентскими выборами 1995 года в унисон Грачеву с воодушевлением говорил о Черномырдине, который распорядился в ближайшее время возратить долги армии, это преподносилось как проявление подлинной заботы о военнослужащих...

Но долги не вернули.

Ложь бывает эффективной пропагандой. Самое страшное лишь в том, что она безнравственна.

Вскоре после своего назначения генерал Кулаков сказал: «Выполнение в установленные сроки обязательств о погашении задолженности по денежному довольствию кадровые военнослужащие воспринимают как перелом в отношении Правительства РФ к Вооруженным силам».

Этого «перелома» военнослужащие так и не почувствовали вплоть до отставки Черномырдина вместе со всем его кабинетом весной 1998 года. Не чувствуют они его до сих пор — долги не уменьшаются, а растут...

Генерал Кулаков хорошо усвоил волшебные слова:

«Министр подчеркивал...»

«Министр держит под личным контролем...»

«Участие министра в мероприятиях по боевой подготовке вызвало положительный эмоциональный настрой...»

«Министр обороны лично держит под контролем...»

Все оставалось по-прежнему.

Армия и Арбат жили разной жизнью...

«ПОКАЖИТЕ КАЗАРМЕ ГОМИКОВ!»

В ноябре 1997 года в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава Российской армии, на ко-

тором обсуждались и проблемы духовного кризиса Вооруженных сил. В дискуссии приняли участие известные люди в стране — писатели, артисты, режиссеры, юристы...

Выступал и Марк Захаров, худрук «Ленкома». Он призвал генералов больше внимания уделять армейскому дизайну и досугу военнослужащих. И предложил оборудовать казармы телевизорами «от 72 см», видео и компьютерами «с выходом в Интернет».

Не менее оригинальными были и предложения Ролана Быкова: снять серию фильмов о гомосексуализме, наркомании и токсикомании, чтобы командиры могли эффективнее со всем этим бороться.

Веселый гул в зале стих лишь тогда, когда Никита Михалков сказал, что без возвращения в Российскую армию института полковых священников говорить об укреплении ее морали и нравственности бессмысленно. И призвал министра обороны обратить внимание на «корневую систему страны — православие».

— До 1917 года, — говорил он, — русские воины знали, что проливают кровь за веру, царя и Отечество. Теперь же в голове солдата ни веры, ни царя, да и с Отечеством весьма туманно.

— Никита, теперь вместо Отечества — «малина»! — крикнул кто-то из зала.

Уже на следующий день Россия в очередной раз была потрясена известием о расстреле караула.

* * *

Однажды журналист спросил у генерал-полковника Громова:

— Борис Всеволодович, какая из деформаций, разрушающих Вооруженные силы, представляется вам наиболее серьезной?

— Нравственная, — ответил Громов. — Она сделала несчастными честных, достойных офицеров. И осчастливила тех, кто лишен чести. Нравы общества — армейские нравы. Вывод не новый, но единственно верный.

Убогая армейская и флотская житуха все чаще ставила офицеров перед жестоким выбором между честью и бесчестьем. Из-за задержек денежного содержания и невозможности прокормить семьи многие российские офицеры все чаще начинали приставлять ствол к виску... Не желая мараить погоны, они сводили счеты с жизнью. Только за

один год добровольную смерть этой жизни предпочли почти 500 офицеров...

Оставшиеся терпеть и здравствовать тянули ляжку со злым зубовным скрипом — одни все еще верили в лучшие времена, другие считали дни до дембеля или до срока окончания контракта, чтобы снять погоны и поискать лучшей доли на гражданке.

Но среди оставшихся росла и ширилась особая категория людей, которые умудрялись находить свое счастье на развалинах армии, — мошенники и воры, аферисты и прохиндеи, которых в войсках прозвали «новыми русскими офицерами». Они стремились нажиться везде, где только было можно. Военные прокуроры констатировали: две трети экономических и финансовых преступлений в армии совершают офицеры.

...Эта история началась несколько лет назад в подмосковном гарнизоне Малино, где дислоцировался авиационный полк (в/ч 26267) и приданный ему отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения (в/ч 64687). Они обслуживали высшее командование ВВС.

Оперативник УФСБ по Дальней и фронтовой авиации старший лейтенант Азамат Хакуй обратил внимание на странное перемещение вокруг гарнизона автомобилей с запчастями для авиатехники. В ходе проверки было выявлено, что исчезли два вертолетных редуктора и один двигатель для Ми-4. Общий ущерб составил 2 млрд рублей.

Было установлено, что начальник авиационно-технической службы части майор Виктор Исайкин, его предшественник на этой должности подполковник Игорь Путилин и заведующая складом прапорщик Татьяна Кривякова путем хитроумных комбинаций пропустили через склад сотни авиазапчастей. Из них, по словам следователей, «можно было собрать еще один полк». В карманах аферистов осела не одна тысяча долларов.

После возбуждения уголовного дела майор Исайкин не стал дожидаться момента, когда ему объявят срок, и покончил с собой. В предсмертной записке он написал: «Я не человек, а скотина». Для облегчения работы сыщиков и очистки совести майор поименно назвал командиров, которые втянули его в грязное дело.

В последние годы Подольский гарнизон стал, пожалуй, рекордсменом по части «авиационного криминала».

...В ходе следствия по уголовному делу прокуратура установила, что его масштабы гораздо больше, чем это раньше представлялось. Только на одном складе неприметной фирмы «Инсап» следственная группа обнаружила более двух десятков авиадвигателей от штурмовиков Су и истребителей МиГ, огромное количество запчастей к вертолетам и даже ракеты класса «земля-воздух».

Следы от «Инсапа» вели к фирме «Юрген», а затем в Белоруссию — в коммерческое предприятие «Фактория» (город Кобрин). Еще в 1995 году белорусские спецслужбы запеленговали поступившие туда из России под прикрытием вооруженной охраны одной из частных московских служб безопасности 10 двигателей МиГ-29. Но остановить эту сделку и арестовать виновных офицерам белорусского КГБ запретили «сверху». Двигатели вскоре были проданы в Йемен по цене 200 тыс. долларов за каждый.

Там же, в Белоруссии, следователи главной военной прокуратуры республики только в одном месте — на коммерческом складе в Уручье, обнаружили шесть двигателей от истребителей МиГ-29 и четыре — от вертолетов Ми-8. Суммарная стоимость этой техники, поступившей из России, тянула более чем на 3 млн долларов. Ее преступники в погонах и без планировали продать в Алжир и Северную Корею. Но это, по признаниям зама военного прокурора Белоруссии Александра Пилявского, лишь мизерная часть похищенного в России при участии сотрудников главного штаба ВВС РФ. Белорусские контрразведчики, которые в свое время занимались «глубоким бурением» аферы, уверены, что всего авиадвигателей, оружия, запчастей было продано на многие миллиарды долларов...

Авиаторы старательно обворовывали свои части не только в Подмоскowie, но и на Волге.

На аэродроме «Приволжский» (Астрахань) старший инженер в/ч 28025 майор А.Виноградов по предварительномуговору с временно исполняющим обязанности командира авиационно-технического отряда капитаном А.Пашко и начальниками расчетов подготовки самолетов капитанами Н.Вяхиревым и О.Валавиным совершили хищение четырех исправных блоков с боевых истребителей МиГ-29 общей стоимостью 175600 рублей, после чего сбыли их неустановленным гражданам за 2 тыс. долларов. На допросе в прокуратуре офицеры признались, что совершили хищение авиационного оборудования в связи с отсутствием у них

средств к существованию из-за длительных невыплат денежного довольствия...

Был лишен воинского звания и приговорен к пяти годам лишения свободы с содержанием в исправительной колонии общего режима бывший первый заместитель начальника 9-го Центрального управления Министерства обороны России полковник Владимир Капустин.

В ходе расследования уголовного дела было установлено, что преступная группа, в которую входили Капустин и еще три офицера, путем мошенничества и подлога документов, связанных с оборудованием спецобъекта Ракетных войск стратегического назначения, сумела незаконным образом присвоить 51,4 млн рублей. Кроме того, Капустин и его подельники обвинялись в хищениях техники на сумму 150 млн рублей.

Однажды я спросил у следователя прокуратуры Ракетных войск стратегического назначения подполковника Сергея Клименко, какие чувства испытывает он, разматывая такие и подобные им уголовные дела.

— У меня такое ощущение, что я действую в сказке, — с угрюмой улыбкой сказал он. — Одну голову гидре рубишь, а три тут же появляются на ее месте. Противно и бессмысленно...

Клименко и его коллеги-сыщики еще только заканчивали разматывать уголовное дело по гигантским хищениям техники и специмущества на базах и складах РВСН, а военную прокуратуру уже ориентировали на раскапывание нового криминала: заместитель командующего Военно-космическими силами по вооружению генерал-лейтенант В.Власюк и начальник управления эксплуатации космических средств полковник А.Гончар заключили с рядом коммерческих страховых организаций договоры и стали бурно поправлять свое материальное положение за счет завышенных расценок страхования и перестрахования одного и того же имущества, выплаты премий и т.п. Я видел документы и схемы, подтверждающие хитроумные комбинации дельцов от военного космоса. Длинная цепочка афер вела следователей в самые высокие арбатские кабинеты...

Однажды старший офицер Военно-космических сил полковник А.Крылов обнаружил в штабном туалете забытую кем-то толстую сумку. В ней оказалось 130 млн «бесхозных» рублей. Полковник сдал ее в финчасть. Приятную сенсацию под хиханьки-хаханьки начальство спустило

на тормозах. Деньги оприходовали как положено, но все-ррез так и не разобрались — откуда же появилась такая гора «капусты»?

Когда уголовное дело по махинациям со «страхованием» космических запусков будет закончено, следователи, вероятно, найдут ответ и на этот вопрос...

* * *

Уже нет такого дня, когда газеты не сообщали бы о преступлениях в армии. Вот и сегодня:

«Сибирский военный округ. Здесь объявлено о возбуждении уголовного дела по хищению одной из самых крупных за последние годы партий боеприпасов — 140 тыс. патронов. Установлено, что начальник службы вооружения подполковник Герман Пуйсан, помощник начальника службы вооружения капитан Сергей Потупин и начальник отдела хранения капитан Игорь Самойлов, вступив в преступный сговор, с целью перепродажи за 140 тыс. рублей получили на одной из баз хранения 100 ящиков патронов...»

По данным Главной военной прокуратуры РФ: «В 1998 году в Вооруженных силах выявлено 17 414 нарушений закона, возбуждено 870 уголовных дел. Совершено 10,5 тысяч преступлений...»

Наверное, это аксиома: масштабы криминала в армии есть показатель истинной сути того строя, которому она служит...

Глава 4 ОРУЖЕЙНАЯ МАФИЯ

КОРОЛЕВСКИЙ ПОДАРОК

Когда в конце 1992 года знакомый офицер Главного разведуправления Генштаба по секрету сообщил мне, что в Англии неведомо как оказался наш танк Т-80У, я этому не поверил. Ибо такого, чтобы в натовском государстве (да еще в единичном экземпляре) появилась одна из самых сильных по тем временам российских боевых машин, даже теоретически не допускалось. К тому же танк — не пистолет, его незаметно из страны не вывезешь. И потому подумал, что меня в очередной раз проверяют по «методу полковника Шукина».

В фильме «Адъютант Его Превосходительства» начальник контрразведки армии полковник Шукин этим методом устанавливал источники утечки секретной информации из штаба. Он в слегка измененных вариантах вводил одну и ту же «дезу» сразу нескольким офицерам, а затем по только ему известным оттенкам филигранно изготовленной липы и по характеру контрмер противника устанавливал, кто именно из своих работает на врага.

Помня об этом, я после разговора с разведчиком крепко держал язык за зубами. Тем более что несколько моих сослуживцев из-за «недержания» конфиденциальной генштабовской информации уже имели серьезные неприятности.

Однако скоро пришлось убедиться, что разведчик в профилактические игры со мной не играл — в очередном дайджесте радиоперехвата наиболее важных сообщений иностранных радиостанций значилось: российский танк Т-80У действительно таинственным образом оказался по ту сторону Ла-Манша.

В те же дни это сообщение подтвердила и наша зарубежная военная разведка — я наткнулся на него в доку-

ментах, которые регулярно и под роспись выдавались для ознакомления генералам и офицерам центрального аппарата Минобороны и Генштаба. Более того, судя по тем же документам, нашей агентуре уже было известно и другое: одновременно с танком в Англию (и тоже в единичном экземпляре) была продана самоходная зенитная ракетная артиллерийская система ПВО «Тунгуска», плюс — большая партия разного военного специмущества, включая новейшие боеприпасы.

Мои арбатские начальники и сослуживцы негодовали. И не только потому, что было грубо попрано священное правило торговли оружием — штучная продажа новых образцов категорически запрещается. Это было чрезвычайное происшествие, похожее на предательство. С давних времен передача новейших экземпляров военной техники противнику (пусть даже маловероятному) квалифицировалась как самое злостное государственное преступление. Исключение делалось лишь тогда, когда владелец оружия был убит или пленен тяжело раненым на поле боя.

Еще с весны 1992-го многие у нас на Арбате стали замечать, что в поиске новых источников валютных доходов некоторые чиновники Министерства внешних экономических связей РФ все чаще обращали страстные взоры на имевшиеся в распоряжении Минобороны огромные запасы так называемых избыточных (по-другому — сверхштатных) вооружений. Было ясно, что в условиях сокращения армии МВЭС видит во всем этом весьма прибыльный валютный товар.

Там рассуждали так: зачем ждать, пока законсервированное лишнее оружие превратится в ржавое, никому не нужное железо, если можно с большой выгодой толкнуть его за границу? Такая постановка вопроса звучала убедительно. И она была поддержана в правительстве (с тех пор я и стал замечать: если дело пахло большими баксами, наше высокопоставленное жулье проявляло чудеса изобретательности и даже самые грязные аферы преподносило как трогательное радение о «государственных интересах»).

А когда первые продажи избыточного оружия в некоторые страны Европы, Азии и Персидского залива прошли успешно, аппетит у чиновников Главного управления международного военно-технического сотрудничества МВЭС разгорелся, и в оружейное «меню» стали иногда включать уже не только законсервированное оружие последних по-

колений, но и еще полностью не рассекреченные образцы новой военной техники.

Было очевидно, что проворные люди из МВЭС и правительства имели намерение всерьез попотрошить армейские арсеналы и «золотой запас» нашего военно-промышленного комплекса. Чем хуже обстояли дела в экономике, тем чаще это делалось под благородным лозунгом борьбы за пополнение госказны доходами от «внутренних резервов».

Меня поражала позиция некоторых первых лиц в гайдаровском кабинете министров: они страстно доказывали, что наша промышленность «чудовищно замилитаризована» и нуждается в конверсии, но при этом не гнушались тайком продавливать контракты на поставки наших лучших вооружений за рубеж. И вместо того чтобы толково и в допустимых пределах обращать гигантский потенциал нашей оборонки на развитие гражданской экономики, они спешили толкнуть за кордон старую и новую продукцию ВПК.

Уже тогда по Генштабу стали ходить разговоры, что это приносит огромные валютные доходы не только в государственный, но и в личный бюджет ловких правительственных реформаторов. В ГШ многие слухи на поверку оказываются правдой. Случай с танком Т-80У был тому подтверждением.

Позиция многих начальников в Минобороны и Генштабе, имевших непосредственное отношение к боевой технике, сводилась к тому, что самое новое и самое сильное наше оружие (и тем более — поштучно) нельзя продавать за границу. Такой же подход был и к новейшим военным технологиям, за которыми иностранные разведчики под видом коммерсантов давно вели охоту. И небезуспешно. Они пронюхали даже то, где находится единственное в России (да и в мире) предприятие, на котором применялась керамическая отделка камер сгорания ракетных двигателей. И повели интенсивные и успешные переговоры о покупке этой технологии.

Наши спецслужбы еще в период создания танка Т-80У располагали сведениями, что и за его секретами упорно охотилась целая свора иностранных военно-промышленных шпионов, по крохам собирая информацию о двигателе, ходовой части, вооружении, качестве брони. Федеральная служба безопасности РФ неоднократно пресекала попытки

зарубежных агентов подкупить сотрудников наших конструкторских бюро, заводских инженеров и техников и с их помощью выведать секреты устройства танка.

Заимев наш танк целиком, англичане (а к ним тут же нагрянули немецкие и французские технические спецы) получили возможность разобрать его до винтика и составить полное представление о сильных и слабых сторонах нашей боевой машины. Одни из самых важных секретов любого нового танка — распределение толщины брони по корпусу (нижняя, верхняя, боковая) и углы ее наклона. Но если углы спецы легко могут вычислить даже по фотоснимку, то о толщине брони таким же образом узнать нельзя. Для этого необходимо делать специальные замеры непосредственно на боевой машине (в то время английские, французские и немецкие конструкторы на совместном объединении EMDG начали разработку противотанковой управляемой ракеты «Tridat» и ее модификаций, а наличие реального «объекта поражения» было отличным подспорьем).

Российская разведка в Великобритании была хорошо осведомлена и о том, что английские военные конструкторы намерены с помощью своего нового танка «Чэлленджер-2» составить серьезную конкуренцию русским на мировом рынке оружия. «Чэлленджер» уже был на финальной стадии доводки, и в Москве знали, что англичане многое бы отдали за то, чтобы раскусить некоторые секреты ходовой части, брони, устройства пушки, противоснарядной системы и двигателя нашего Т-80. И вот — королевский подарок, заветный «товар» сам попал им в руки...

Англия — страна туманная. В том числе и в политике. Это было заметно и тогда, когда в британскую прессу просочилась сенсационная весть о таинственном прибытии русского танка на берега Темзы.

Официальный Лондон молчал. А отсутствие или недостаток информации всегда порождает слухи в прессе. Но мало-помалу кре-что начинало проясняться. Английский журналист Генри Феофановф писал: «Британский военный истеблишмент переполнен слухами о российском чудо-танке, якобы подаренном правительству Ее Величества Борисом Ельциным. Некоторые эксперты, однако, высказывают предположения, что танк мог быть получен и какими-то другими путями».

И хотя версия о подарке российского президента анг-

лийской королеве выглядела неправдоподобно, к ней у нас на Арбате многие отнеслись серьезно. Скорее всего потому, что у генералов и офицеров еще был на памяти случай, когда в ходе запланированного на осень 1992 года визита Ельцина в Токио Кремль и МИД РФ намеревались передать Японии несколько Курильских островов. Такой подарок должен был обеспечить прорыв в давно зашедших в тупик российско-японских отношениях из-за спора о так называемых «северных территориях» и открыть путь к подписанию мирного договора между нашими странами. И только прокатившаяся по России волна массовых протестов остудила это намерение Ельцина, который вынужден был отменить свой визит.

В тот период Кремль и козыревский МИД изо всех сил старались создать на Востоке и на Западе новый имидж внешней политики России, и потому нельзя было исключать, что танк, странным образом оказавшийся в Англии, вписывался в эту концепцию.

Корреспондент английской газеты «Санди тайм» в Москве Кэрри Скотт обратилась в пресс-службу Минобороны России с просьбой прояснить окутанную тайной историю появления лучшего российского танка в Великобритании. Мне было поручено подготовить ответ на вопрос журналистки. Несколько моих попыток получить внятные комментарии от начальника Генштаба генерала Михаила Колесникова, первого заместителя министра обороны Андрея Кокошина, начальника Главного управления международного военного сотрудничества ГШ генерала Франца Марковского успеха не имели.

Когда же я обратился за разъяснениями к руководству компании «Воентех», работавшей в то время под «опекой» Минобороны и Генштаба и занимавшейся поставками оружия и запчастей на экспорт, мне и вообще было рекомендовано «не совать нос куда не положено».

К тому времени в журнале «Милитари технолоджи» уже появилось сообщение двух русских специалистов (не пожелавших назвать свои фамилии), что танк был якобы представлен британскому министерству обороны именно российским «Воентехом» незадолго до визита Ельцина в Лондон.

Один из сотрудников этой фирмы, мой бывший сослуживец по Генштабу, сообщил мне, что танк англичанам якобы был продан через госкомпанию «Спецвнештехни-

ка». Однако возникало подозрение, что и давно знакомый офицер в целях защиты репутации своей фирмы уводит меня на ложную тропу. И все же на всякий случай я решил проверить его информацию. Но, когда обратился за разъяснениями к руководству госкомпании «Спецвнештехника», это вызвало такое раздражение, которое было похоже на угрозу.

Категорически отказывались подтвердить или опровергнуть факт своей причастности к продаже нашего танка в Англию и сотрудники Главного управления военно-технического сотрудничества МВЭС.

Время шло. Англичанка продолжала звонить в нашу пресс-службу. Но внятного ответа дать ей мы не могли. Тогда, чтобы отфутболить слишком любопытную журналистку, был использован старый и хорошо проверенный бюрократический прием — мы рекомендовали ей обратиться в правительственную или президентскую пресс-службу.

А чтобы не выдать собственной беспомощности, я, как и учили меня начальники, мотивировал такую переориентировку тем, что, дескать, продажа оружия за рубеж не входит в обязанности Минобороны и Генштаба, — мы даем лишь экспертные заключения тем, кто этим делом занимается. Уже вскоре мне стало известно, что ни в Кремле, ни в правительстве Кэрри Скотт ответов на свои вопросы не получила.

По генштабовским каналам на Арбат стали поступать сообщения, что некоторые английские газеты и журналы (особенно — оппозиционные правительству) начали проводить собственные расследования истории с русским танком Т-80. Но в Минобороны и МИДе Великобритании по-прежнему категорически отказывались комментировать этот факт, ссылаясь на «неосведомленность».

Собственными расследованиями по этому делу занялись и некоторые российские журналисты. Один из них, военный обозреватель «Комсомольской правды» Игорь Черняк, в начале 1993 года обратился к начальнику Генштаба Колесникову с просьбой прояснить ситуацию. Наша пресс-служба, уже предупрежденная руководством МО и ГШ о том, что необходимо всех интересующихся этой историей отсылать в Кремль и в правительство, попыталась таким образом отшить журналиста.

В ответ на это Черняк заявил, что напишет об отказе военного ведомства комментировать факт исчезновения

танка, хотя уж кто-кто, а начальник Генштаба, в подчинении которого находится Главное разведывательное управление, обязан быть в курсе дела. Такой поворот дела мог вызвать недовольство в Кремле и нагоняй от министра обороны Павла Грачева, который и без того часто упрекал нас в неумении работать с прессой.

Пришлось убеждать генерала Колесникова, что ему необходимо все же пойти на контакт с Черняком и хотя бы кратко прокомментировать таинственное исчезновение танка. В своем ответе корреспонденту «Комсомолки» Колесников факт переправки Т-80 в Великобританию признал и даже высказал версию, что боевая машина была приобретена англичанами через подставную фирму третьей страны.

А в интервью газете «Сегодня», комментируя случай с танком, начальник Генштаба заявил, что он «против подобной практики». Это выглядело странно, потому что именно в одном из управлений ГШ систематически готовились экспертные заключения специалистов, в соответствии с которыми нашим компаниям разрешалось или не рекомендовалось продавать те или иные виды боевого оружия и военной техники. Возникло подозрение, что московские оружейные бизнесмены воспользовались чьей-то «сильной рукой» и провернули сделку в обход Генштаба.

Вскоре на Арбат поступила новая информация: корреспондент Пресс Ассосиэйшн Чарлз Миллер сумел все же пронюхать, что в своем ответе на запрос еженедельника «Джейн дефенс уикли» британское Агентство по оборонным исследованиям признало, что русский танк действительно находится в его распоряжении. Однако, отмечал ответственный сотрудник агентства, «мы не готовы комментировать то, каким образом был получен русский танк Т-80У».

История принимала все более запутанный и детективный характер.

Как ни бились российские и иностранные журналисты, но им так и не удавалось узнать, кто же был идеологом и исполнителем этой аферы.

В Генштабе уже через месяц после случившегося всюду говорили об организации, провернувшей эту сделку, ссылались на конкретных лиц. А Генеральная и Главная военная прокуратуры и через год после случившегося сообщали, что «факты проверяются» и потому в интересах следствия желательно не разглашать имеющиеся сведения раньше времени.

А сведения были прелюбопытные — к этому времени я уже располагал документами, приоткрывающими завесу секретности над сделкой. Из них следовало, что 21 августа 1992 года в Минобороны РФ обратилась фирма «A. Binder and Co Inc» (Австрия) с просьбой о поставке Королевству Марокко одного танка Т-80У, одной самоходной зенитной ракетной артиллерийской системы «Тунгуска» с боеприпасами общей стоимостью 10,7 млн долларов США. Получить такую сумму нашему Минобороны было очень выгодно. Но прежде надо было согласовать вопрос с правительством. Там ревниво отнеслись к запросу рвущихся в бизнес военачальников и отказали по причине «расхождений с действующим порядком экспорта оружия». А заодно напомнили, что такие вопросы относятся к компетенции МВЭС, а не МО.

Пока чиновники двух министерств и правительства выясняли между собой юридические тонкости сделки и определяли, кто же может быть главным продавцом оружия, уже через 8 дней, после того как Москва получила письменную просьбу из Австрии, 29 августа того же года, некая «Российская военно-промышленная ассоциация при Комитете по социальному обеспечению военнослужащих» (правительственного или парламентского — это до сих пор остается тайной. — *В.Б.*) заключила с «A. Binder and Co Inc» контракт № 92/11356 на поставку в Марокко военного имущества.

Но в Марокко были хорошо ученые покупатели, которых российские дельцы из фирм с непонятным статусом уже не раз «кидали». У марокканцев возник ряд принципиальных вопросов: а имела ли Ассоциация право заключать с ними контракт? Почему в стороне от этой сделки оказались государственные организации, наделенные официальным правом заниматься оружейным бизнесом?

Не получив внятных ответов на эти вопросы, марокканцы поставили в известность российского торгпреда в своей стране: мол, их сторона «не планирует закупки специмущества через посреднические фирмы». Таким образом, контракт № 92/11356 повис в воздухе. Но возможность получить заветные 10,7 млн долларов оставалась реальной. Однако для достижения цели нашим оружейным бизнесменам необходимо было решить сложнейшую задачу — получить разрешения президента и правительства РФ.

В «бой» бросаются ударные силы МВЭС, Минобороны и госкомпании «Спецвнештехника», которые подключают к делу Госкомимущество и МИД России. В результате после двухмесячного пробивания вопроса на свет появляются распоряжения Президента РФ № 571-рпс и правительства РФ № 1846-рс. Причем все они датированы одним и тем же числом (12.10.92), что свидетельствует о потрясающей скорости проталкивания контракта заинтересованными в его реализации лицами (причем распоряжение президента № 571 поступает в соответствующие инстанции почему-то без личной подписи Ельцина — на нем стоит лишь номер и печать президентской канцелярии).

Путь к сделке был открыт.

На основании президентского и правительственного решений МВЭС и «Спецвнештехника» уже через четыре дня заключают новый, «законный» контракт с «A. Binder and Co Inc» № 84/28261203 (от 16.10.92).

В президентском распоряжении № 571 от 12 октября 1992 года указывалось: «Дать принципиальное согласие на поставку в Великобританию в 1992 году из наличия Минобороны России вооружения и военной техники, разрешенных к поставке в зарубежные страны...»

Один из таинственных парадоксов заключался в том, что в природе не существовало официального обращения правительства Англии к российским властям с просьбой продать партию оружия — просьба исходила от посредников (мы к этому моменту еще вернемся). Хотя некоторые хорошо сведущие в оружейном бизнесе люди на Арбате поговаривали, что в своем стремлении закрепить международный имидж новой власти Кремль, правительство и МИД готовы были и не к таким «королевским подаркам», даже тогда, когда это могло нанести серьезный ущерб национальным интересам России.

Если строго следовать букве закона, то документ, разрешающий или запрещающий продажу тех или иных типов российских вооружений за границу, могла предоставить президенту только Государственная комиссия РФ по экспортному контролю (этого документа никто ни в Кремле, ни в правительстве, ни в Минобороны обнаружить не смог). Тем более что речь шла о продаже за рубеж единичных образцов тяжелого оружия.

Еще одна любопытная и принципиально важная деталь. Еще 5 мая 1990 года появилось на свет распоряже-

ние Совета министров СССР № 711-рс, в соответствии с которым определялось, что могут быть начаты (но только не единичные!) поставки танка Т-80У за рубеж уже в четвертом квартале того же года, а «Тунгуска» и вообще планировалась аж на 1994 год (и по существующим правилам только партиями и только с соблюдением некоторых экспортных секретов, о которых люди, дорожающие интересами Родины, открыто не говорят).

Своим Указом № 1621с от 24.12.92 Президент РФ внес в эти планы существенные коррективы, определив планируемый срок поставки Т-80У за рубеж — 1993 годом. И это профессионалам было хорошо понятно: к тому времени начинались конструкторские работы по новой модификации танка Т-80У. Но возникало недоумение: почему был нарушен президентский указ? Ведь Т-80 ушел за границу не в 93-м, а уже в октябре 1992 года.

В сертификате фирмы «A. Binder and Co Inc», подписанном директором главного управления компании «British Aerospace» Хью Дж.М. Дикинсоном, с поразительной откровенностью указывалось, что закупка вышеназванных российских вооружений (в том числе, разумеется, и единичных образцов Т-80 и «Тунгуски») осуществляется — цитирую: «с целью их изучения и определения возможностей дальнейшей поставки в страны НАТО».

При этом пояснялось, что сертификат Королевства Марокко использовался «из-за невозможности получения прямого обращения правительственных органов Великобритании о закупке образцов оружия российского производства». Беспрецедентный случай в истории оружейного бизнеса.

Тут даже дилетанта не мог не насторожить ряд подозрительных аспектов. Почему иностранная фирма с такой материнской заботой печется о продвижении российского оружия на международный рынок, если у нас есть свои, специально созданные для этого государственные организации? Только очень глупый человек мог поверить, что страны НАТО могут позволить нам вооружать их армии русским оружием, сворачивая при этом производство аналогичных образцов своего. И последнее: почему вдруг правительственные органы Англии проявили совершенно непонятную стеснительность и не решились напрямую обратиться к соответствующим органам России?

Поздней осенью 1992 года наше оружие было погружено на Урале в самолет Ан-124 № 39579/93/23, принадлежащий совместному российско-швейцарскому предприятию «Э.Р.Тройка», и charterным рейсом направилось за пределы России — до польского аэродрома Гдыня.

Словно предчувствуя что-то неладное, Ан-124 постоянно тормозили в наших военных и гражданских аэропортах: сначала самолет был задержан по указанию командующего войсками Уральского военного округа, затем Ульяновским управлением экономической безопасности, таможенниками Чкаловской авиабазы.

Эти задержки вызвали недовольство вице-преьера правительства РФ Георгия Хижи. Он потребовал у подчиненных объяснений. И уже вскоре первый заместитель министра МВЭС В. Шibaев с армейской четкостью рапортовал ему, что (цитирую документ) «общая задержка с вылетом самолета составила 67 часов 11 минут» (у нас с такой скрупулезностью даже полеты премьера не хронометрируют). Шibaев предложил Хиже «рассмотреть вопрос о компенсации убытков, понесенных предприятием «Э.Р.Тройка», за счет Министерства обороны РФ».

Забавненько получалось: продавая собственное оружие, Минобороны обязано было вырученной валютой расплачиваться за... бдительность спецслужб, почти на три дня притормозивших аферу.

Вскоре директор главного управления компании «British Aerospace» Хью Дж.М.Дикинсон прислал на имя Георгия Хижи факс, в котором «с благодарностью подтверждал» получение имущества.

Через некоторое время между руководством Минобороны, чиновниками МВЭС и Госкомимущества возникнет скандал: от тех 10,7 млн долларов, которые наше военное ведомство должно было получить за проданное в Англию оружие, оно не получило и трети. Документы по этой сделке вскоре вообще куда-то испарятся, когда комиссия Государственно-правового управления Президента РФ начнет интересоваться, куда ушла вырученная валюта. Никто до истины так и не докопался.

А ведь Ельцин в своем распоряжении четко приказывал: «Правительству Российской Федерации принять соответствующее решение по этому вопросу и вырученные валютные средства направить на финансирование жилищного строительства, закупку продовольствия, медикаментов и

медицинского оборудования в интересах Минобороны России».

Это распоряжение Президента РФ было выполнено лишь частично: через некоторое время выяснится, что на вырученные валютные средства вместо жилья для бездомных офицеров несколько генералов купили себе и своим чадам элитные квартиры в златоглавой.

Правительственная комиссия, присланная на Арбат Виктором Черномырдиным, копнула так глубоко, что Павлу Грачеву пришлось в срочном порядке тут же уволить двух генералов.

Министр издал грозный приказ и пожурил подчиненных.

На том все и закончилось...

Судя по некоторым документам, немалые по тем временам деньги — 26 млн рублей — были отвалены уже упоминавшейся Российской военно-промышленной Ассоциации «за поиск клиента» — так было сказано в финансовом отчете «Спецвнештехники». Однако выяснилось, что Ассоциация прав на коммерческую деятельность не имела.

Полная информация обо всем этом находилась и в Главном контрольном управлении Президента РФ, которое и проводило расследование еще до того, как делом занялись Генеральная и Главная военная прокуратуры. Вот выдержка из итогового документа расследования ГКУ:

«...В последние годы торговля оружием и военной техникой по существу была пущена на самотек, осуществлялась неорганизованно и бесконтрольно, чем наносился значительный политический и экономический ущерб государственным интересам России...»

В докладе назывался Георгий Хижа, который в то время курировал экспортный контроль в качестве вице-преьера правительства РФ. Утверждалось, что его аппарат оказывал поддержку сделке между «Спецвнештехникой» и зарубежной фирмой.

Уже вскоре после того, как Т-80 таинственным образом появился в Англии, ревнивые американские и французские конкуренты сделали запросы в ООН с просьбой подтвердить, внесла ли Россия свой проданный танк в соответствующий Регистр. Танк появился у англичан поздней осенью 1992 года, но аж до июня 1993 года он в Регистре не значился. Во избежание международного скандала его

занесли туда задним числом. И проданная таким же образом ЗРС ПВО «Тунгуска» в Регистре тоже не значилась.

В тот период, когда торговля российским оружием не была централизована и жестко регламентирована и еще не было «Росвооружения», которому вменялось в обязанность стать монополистом военно-технического бизнеса, был использован хорошо проверенный международной оружейной мафией прием под названием «Золушка»: одна из «дочерних» фирм выступает в качестве прикрытия основной и в случае успеха получает свой куш. Этим, скорее всего, и была вызвана слишком большая разница в данных о сумме сделки: в одном случае была названа реальная сумма, а в другом — та, которую отстегнули «Золушке», роль которой, скорее всего, и была отведена Российской военно-промышленной Ассоциации, а она была явно повязана коммерческим интересом со «Спецвнештехникой».

Как видели у нас в Генштабе раскрутку аферы? Просто: Главное контрольное управление при президенте передает выводы по проверке в Генпрокуратуру, та заводит уголовное дело, следует арест виновных, суд и точка.

А как получилось в жизни? Скандал с продажей танка в Англию быстро замяли. Георгия Хижу вскоре тихо убрали с высокой должности и пересадили на менее заметную. И все чин-чинарем.

Каково же было мое удивление, когда через определенное время некоторые правительственные чиновники стали активно собирать компромат на директора «Росвооружения» генерала Александра Котелкина, а на его место прочить... Хижу.

Много раз я обращался к нашим генштабовским специалистам с просьбой оценить ущерб, нанесенный России продажей единственного Т-80 в Великобританию. Их мнения сводились к тому, что лучшего презента нашим конкурентам на мировом рынке вооружений трудно было и придумать. У них появилась возможность не только разгадать русские технические тайны, но и на их основе пойти еще дальше в развитии своего танкостроения и противотанкового оружия.

«Узкие места» конкуренты чаще всего используют не только для поиска наиболее эффективных средств поражения нашей боевой техники, но и для ее дискредитации на международном оружейном рынке, умышленно преувеличивая недостатки и уменьшая достоинства. Результат —

недоверие покупателей к товару, снижение спроса, потеря престижа конструкторов и страны-продавца. И такой вывод — не теория. Вот что произошло в реальной жизни...

Вскоре после того, как наш танк попал в Англию, его пропихнули в список отечественных боевых машин, которые уже можно было продавать официально (разумеется, опять-таки не штучно, и к тому же такой подход уже снимал криминал по британской сделке). Близнец Т-80 был привезен из России на выставку в Абу-Даби. Он потряс зрителей тем, что во время испытаний сумел прыгнуть почти на 13 метров, за что и был прозван шейхами «летающей крепостью». Его главный конкурент американский «Абрамс» чуть не перевернулся, пытаясь повторить маневр. А французский «Леклерк» на такой цирковой номер вообще не решился.

И хотя «прыгучесть» была далеко не единственным достоинством Т-80, нашим конкурентам о нем стало известно все, хотя многие секреты технического устройства этой боевой машины долгое время оставались для них загадкой. Тогда в Абу-Даби англичане, американцы и французы сумели сказать потенциальным покупателям российского танка не одно «волшебное слово».

Еще вчера у шейхов горели глаза, они аплодировали русскому чудо-танку и просили дать им контрактные листы, а сегодня равнодушно проходили мимо российской боевой машины.

Танк никто не купил.

Летом 1996 года, став пресс-секретарем министра обороны РФ, я позвонил по «кремлевке» в аппарат Бориса Кузика — помощника Президента РФ по военно-техническому сотрудничеству с зарубежными странами — и попытался получить ответ на давно мучивший меня вопрос, знает ли Ельцин хоть что-нибудь об этой истории? Один из кремлевских чиновников ответил мне, что президент непосредственного отношения к этому делу не имеет.

— А как же тогда понимать Указ № 1621с, — спросил я, — ведь Ельцин его подписывал.

В трубке — молчание. А затем уже хорошо мне известный ответ: «Указы Ельцина мы не комментируем. Обращайтесь в президентскую пресс-службу».

Я обратился. Мне сказали: «Обратитесь в правительство».

Я обратился. Мне сказали: «Обратитесь в МИД».

Я обратился. Мне сказали: «Обратитесь в «Росвооружение».

Я обратился. Мне сказали: «Указ Ельцина № 1621с был издан до создания нашей госкомпании. Вопрос не по адресу».

Точнее — вопрос был, адреса не было...

В конце 1997 года в биографии Т-80У появились новые драматичные страницы: его стали охаивать в прессе уже и российские конкурирующие фирмы, щедро проплачивая заказные статьи. В критике недостатков танка завистливые конструкторы умело использовали ложь и правду: в одном из материалов утверждалось, что танк якобы настолько прожорлив, что во время многокилометровых маршей должен таскать за собой цистерну с горючим.

В январе 1998 года английский журналист Ник Стерди рассказывал мне, что у себя на родине видел в журнале объявление: «Фирма продает русский танк Т-80У».

Я нашел в библиотеке старый журнал «Джейн дефенс уикли» с фотографией нашего красавца.

Там же была помещена реклама ботинок, электробритв и стиральных машин.

В тексте были слова: «Танк продан». А мне показалось — «Танк предан».

За многие годы службы на Арбате мне часто приходилось наткаться на документы сомнительных оружейных сделок, следы которых из Минобороны вели в правительственные и президентские структуры, в организации, занимающиеся экспортом вооружений и техники, на военно-промышленные предприятия и ЦКБ, в офисы коммерческих банков и фирм. Все это, естественно, было покрыто густой завесой секретности и оберегалось от посторонних глаз нередко гораздо лучше, чем государственные тайны.

И чем шире открывался мне этот потаенный мир, тем яснее становилось, что в России нарождается и крепнет большой клан людей, для которых государственные должности, имеющие прямое или косвенное отношение к армейскому оружию или военно-промышленному комплексу, все чаще превращались в доходные места.

Нравственные принципы многих из этих государственных мужей ничем не отличались от морали коммерческого жулья, банальных рэкetersов и сутенеров, процветающих за счет чужого труда. Много раз я пытался понять, почему

так быстро, легко и тесно снюхались и «породнились» эти люди — государственные чиновники и матерые воры.

Эти люди в арбатских кабинетах и в потрясающих роскошью офисах коммерческих фирм часто называли меня «наивным совком», когда я задавал им слишком прямые вопросы. Они говорили мне, что «пришло время экономической свободы и новой рыночной морали».

Я так до сих пор и не понял такую свободу и такую мораль. Их и нельзя понять, если не видишь зачастую разницы между оружейным бизнесом и примитивным грабежом государства.

Зато я хорошо уяснил другое: рыночная мораль и экономическая свобода по-русски — это когда ничего не производящие люди наваривают баксы за счет того, что принадлежит государству. Такая торговля Родиной величественно называется «бизнесом». Вся страна — от заоблачных высей до глубинных недр превращалась в товар. Одним из самых доходных было оружие. А его в стране, которая еще недавно могла вооружить и 7-миллионную армию, было предостаточно. Многие пристойные с виду госчиновники и некоторые шустрые многозвездные генералы быстро сообразили, что может сулить им этот товар.

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ТАЙНА

В начале 90-х годов, пожалуй, одной из самых загадочных стала сделка, связанная с продажей крупной партии российского оружия Литве. Она особенно запомнилась мне по той причине, что спецслужбы, правоохранительные органы и самые пронырливые журналисты очень близко подбирались к тайне криминальной сенсации, но каждый раз ее творцы оставляли слишком любопытных с носом, искусно маскируя свою аферу под благородное дело.

В соответствии с контрактом между Минобороны РФ и литовской фирмой «Сельма», обязавшейся построить жилой городок для военных в Калининграде, предоплата с российской стороны частично осуществлялась стрелковым оружием и боевой техникой.

В одном из конфиденциальных документов, имеющих отношение к этому вопросу, говорилось:

«...На основании распоряжения правительства России от 9 июля 1992 года № 1243-рп и 19 апреля 1993 года № РХ-П7-2646с в Литву производится поставка... стрелкового оружия и

боеприпасов к нему (5,45 мм и 7,62 мм автоматы, подствольные гранатометы к ним, ручные пулеметы РПК-74 и карабины СКС) на сумму 12,1 млн долларов США... В период с 20 по 22 апреля с.г. (1993 года. — В.Б.) в Москве были проведены новые переговоры с представителями Литвы по реализации вооружения, боеприпасов и военно-технического имущества литовской стороне. Стороны договорились о возможности частичного удовлетворения потребностей Литвы за счет передачи вооружения, техники и боеприпасов СЗГВ (Северо-Западной группы войск. — В.Б.), а также с территории России. Рассматриваются возможности по поставкам (передаче) таких видов оружия, как танки Т-72, боевые машины пехоты БМП-2, вертолеты Ми-8Т, РСЗО "Град-1", гаубицы Д-30, ЗРК "Тунгуска" и "Игла", ПТРК "Фагот" и др., а также партий боеприпасов к ним...»

А в конце 1992 года в соответствии с распоряжением правительства России (№ 2326-рс от 14.12) Литовской Республике из состава Балтийского флота были переданы два малых противолодочных корабля проекта 1124 и два торпедных катера проекта 206М в счет того же строительства литовской стороной жилья для российских военнослужащих в Калининграде.

Объемы поставляемых Литве вооружений были огромны. А контроль за системой взаиморасчетов сторон — мизерный. Его осуществляли фактически те же госчиновники, которые участвовали в сделке. Так образовалась прорва, которую представители российской и литовской сторон постарались использовать к собственной выгоде.

О том, что происходит что-то нечистое, можно было судить по многим признакам. Почему, например, столь благородная акция оформлялась в документах с грифом «Секретно»? Мы почему-то не побоялись объявить миру, что за 18 МиГ-29 для Малайзии намереемся получить почти 600 млн долларов, что наша помощь Ирану в строительстве атомной электростанции тянет почти на 1 млрд долларов, а партия зенитных ракетных систем, проданных Китаю, — на 500 млн. А то, что именно и на какую сумму передавалось Литве за строительство домов, покрыли плотной завесой секретности.

Жилой городок в Калининграде был рассчитан на 6 тысяч квартир. Его планировали сдать под ключ в 1997 году. Строительство началось в 1992 году, а к середине 1995 года было построено около 60 процентов жилья. За это время в России и Литве многократно возросла инфляция. Это

заставляло стороны постоянно вносить коррективы в контракт «оружие—дома» и проводить индексацию.

Таким образом, поставки оружия в Литву стали удобным каналом для оружейных дельцов. У них было хорошее прикрытие: российская и литовская стороны радели за крышу над головой для тысяч бездомных офицеров, прапорщиков, мичманов и их семей.

Но даже не слишком сведущие в деталях сделки люди в Калининграде стали задаваться вопросом: зачем столько оружия прибалтам, которого хватало уже на три-четыре литовские армии? Литовцы это оружие не собирались солить. Они его тихонько продавали, что еще в начале 1993 года подтвердило сенсационное сообщение о задержании польскими морскими пограничниками литовского судна, набитого русским оружием.

Из всего этого польские спецслужбы сделали близкий к истине вывод: под прикрытием контракта «оружие—дома» орудует международная коммерческая структура, в которой литовская сторона выступает одновременно в двух ипостасях — покупателя и сбытчика российского оружия.

Позже выяснилось, что контракт прорабатывался не без ведома Владимира Шумейко (в ту пору он был членом правительства). Следовательно, сделка имела правительственный патронаж. Официальную причастность правительственного (а затем — парламентского) чиновника к сделке с прибалтами в июле 1995 года (15.07) подтвердила «Российская газета». Она, в частности, писала: «Почти на триста семей уменьшилась жилищная очередь на Балтийском флоте: строители литовской фирмы «Сельма» передали новоселам ключи от новых квартир. Куратором программы возведения жилых домов для выведенных из стран Балтии моряков является депутат от Калининградской области, председатель Совета Федерации Владимир Шумейко, поддержка которого не раз спасала новостройку...»

Все это так.

Но в бочке меда была большая ложка дегтя: стоимость «бартерного товара», как установили, в частности, литовские следственные органы, была сильно занижена, что, по их мнению, давало возможность обеим заинтересованным сторонам получать серьезный левый навар.

Такие же выводы можно было сделать и из документов, всплывших в России. Сенсационные копии некоторых из них были опубликованы в газете «Завтра». Располагая сво-

ими доказательствами причастности к сделке бывшего спикера верхней палаты парламента Шумейко, газета обратилась к нему с просьбой дать ответы на несколько вопросов.

В июле 1995 года (№ 29) «Завтра» спрашивала у Владимира Филипповича:

«Вы так и не дали пояснения относительно своего участия в махинациях подставной литовской фирмы “Сельма”, которой по вашему указанию была продана по демпинговым ценам партия российских автоматов, произошло разбазаривание российских арсеналов и вооружение антирусского режима Литвы. Документ за вашей подписью, составленный в нарушение всех процедур и норм делопроизводства, известен, и остается только гадать, почему вы, столь чуткий к общественному мнению, до сих пор храните молчание»...

Несколько попыток российских правоохранительных органов разобраться с темной сделкой оказались безуспешными. Зато следственные органы Литвы взялись за дело всерьез и провели глубокую проверку деятельности «Сельмы». Вскоре президент фирмы Владас Лауринавичус и некоторые другие члены ее правления были арестованы.

В рядах российских кураторов сделки началось что-то похожее на панику. В Калининград срочно прибыл Шумейко. Там же объявился заместитель министра обороны генерал армии Константин Кобец. Оба не скрывали своей глубокой озабоченности ходом строительства домов и реализации контракта в целом.

Заволновался и министр обороны РФ. В те дни я в составе большой группы офицеров МО и Генштаба находился в Ленинградском военном округе. Мы готовили войска к инспекторскому приезду Грачева. Инспекция неожиданно была отменена. Поступил приказ свернуть подготовку и возвращаться в Москву. Министр, находившийся в то время в Западной группе войск, вместо Ленинграда срочно вылетел в Калининград. Затем посетил столицу Литвы, где неоднократно делал странные заявления в поддержку президента «Сельмы».

Агентство «Интерфакс»:

19.03.94

Находящийся с рабочим визитом в Калининграде министр обороны России Павел Грачев не сможет встретиться в субботу с президентом литовской строительной фирмы “Сельма” Владасом Лауринавичусом, который был арестован 17 марта.

Грачев в беседе с журналистами предположил, что арест В.Лауринавичуса был произведен “должностными лицами не самого высокого ранга” именно для того, чтобы не допустить его встречи с российским министром.

Министерство обороны РФ более года назад заключило договор с “Сельмой” о строительстве в Калининградской области жилого массива для военнослужащих на 6 тыс. квартир. “До сих пор к этой фирме у нас нет никаких вопросов по графикам строительства”, — отметил министр.

П.Грачев сообщил, что на встречу с президентом литовской фирмы он привез распоряжение премьера Виктора Черномырдина об условиях оплаты за строительство. По его словам, Россия предполагает расплатиться с этой фирмой поставками нефти. Литовская газета “Летувос ритас” (Lietuvos rytas) сообщила, что В.Лауринавичус задержан в связи с расследуемым Генеральной прокуратурой республики делом о злоупотреблениях сотрудников охраны края. По данным газеты, президент “Сельмы” подозревается в соучастии в махинациях с покупкой российского стрелкового оружия, военных судов и вертолетов.

Это сообщение «Интерфакса» вызвало у многих генштабистов немало резонных вопросов:

1. По какой причине российский министр обороны вдруг стал вмешиваться во внутренние дела иностранного государства, давая критические оценки действиям его правоохранительных органов?

2. Как могло Минобороны РФ заключить договор с «Сельмой», изначально не договорившись о всех условиях оплаты за строительство домов?

3. Как мог Грачев «привезти распоряжение Черномырдина» об условиях оплаты строительства домов нефтью, если этот вопрос (о форме оплаты) был согласован в правительстве РФ еще год назад и речь шла о расчетах оружием? Да и почему это распоряжение Черномырдина в Литву Грачеву надо было везти через Германию?

Вопросов было очень много. Ответов — мало...

Литовцы действительно получили гарантии Черномырдина, что за возведение домов им поставят нефть. Вроде бы все встало на свои места: после гор оружия «Сельме» теперь шло еще и горючее, обещанное самим премьером. Черная дыра какая-то...

Но вот проходит не так много времени, и выясняется, что «Сельма», за строительство домов получившая оружие и получающая нефть, будет получать еще и... русские деньги.

«Красная звезда» — 29 ноября 1995 года:

“Лукойл” собрался финансировать строительство жилья для военнослужащих. Российская нефтяная компания “Лукойл” примет участие в финансировании строительства квартир для российских военнослужащих в городке, возводит который литовская ассоциация “Сельма”. Об этом заявил вице-президент компании “Лукойл” Леонид Федун...»

Наверное, если бы кто-то скрупулезно подсчитал, на какую сумму литовцы получили от России оружия, нефти и денег, то непременно обнаружил бы, что всего этого с лихвой хватало на два военных городка.

Я давно верил в «народную примету»: если в эпицентре шумных событий появлялся Кобец, значит у Константина Ивановича есть к ним свой «козырный» интерес...

О приятельских отношениях Кобеца и Шумейко на Арбате знали многие. Генерал в свое время был повязан дружественными узами и с советником Шумейко Дмитрием Якубовским. Этой одиозной личности, за которой давно тянулся шлейф нелицеприятных слухов, тем не менее оказали высокую честь быть представленной в книге Ельцина «Записки президента» (с. 414):

«Якубовский Дмитрий Олегович. Родился в 1963 году в г. Москве. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт. 1988—1990 гг. — ответственный секретарь правления Союза адвокатов СССР. 1992 г. — специалист-эксперт Комитета по подготовке и проведению военной реформы. 1992 г. — внештатный советник по юридическим вопросам при Правительстве Российской Федерации. 1992 г. — полномочный представитель правоохранительных органов, специальных и информационных служб в Правительстве Российской Федерации; заместитель начальника Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации (ФАПСИ). С 1992 г. живет в Канаде».

Было время, когда Якубовского называли человеком, проходящим сквозь стены. В течение одного только 1992 года Якубовский успел побывать на трех крупных государственных постах, из которых любого профессионала паразит его должность заместителя начальника Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ): быть в звании старшего лейтенанта-юриста в запасе и одновременно — заместителем генерал-полковника, состоящего на должности, равной федеральному министру, — не слабо. Но и не случайно, конечно...

Но еще больше поражала универсальность Димы, который одинаково успешно работал в адвокатуре, в правительстве, в ФАПСИ и даже в качестве советника по вопросам проведения военной реформы. Именно в Комитете по военной реформе судьба и свела его с генералом Кобецом, дружба с которым станет для Димы во многих отношениях «плодотворной».

Еще в 1992 году при этом Комитете, главной задачей которого было проведение военной реформы, совместно с внешнеэкономическим объединением при администрации Московской области и частной фирмой «Инвестра ЛТД» было создано так называемое «Информационное агентство», которому, как утверждал в докладе на имя Президента РФ руководитель Специальной комиссии — первый зам. Генпрокурора РФ Н.И.Макаров, по распоряжению В.Ф.Шумейко предоставлялись необоснованные льготы...

В конфиденциальной записке Макарова на имя Ельцина говорится:

«...Оперативная разработка фактов, связанных с упомянутым нами “Информационным агентством”, где речь шла о “деятельности” Якубовского Д.О. и Шумейко В.Ф., проводилась с сентября 1992 года, но так и не была реализована МВД РФ до вмешательства прокуратуры...»

Таким образом, сомнительные методы работы «Информационного агентства» под патронажем Шумейко не были секретом для правоохранительных органов. Как не было тайной и то, что Якубовский дружил с первыми лицами в правительстве и в Минобороны, что открывало ему широкие перспективы для проворачивания некоторых дел, вызывавших настороженность правоохранительных органов...

Еще в период оформления сделки «оружие—дома» деятельность «Информационного агентства» вызвала горячее любопытство у наших спецслужб. Вскоре Якубовский срочно убыл в Канаду. Без него агентство стало чахнуть...

Кобец, якобы по признаниям самого же Якубовского, советовал ему вернуться «к активной деятельности» в Москве. Только позже станет известно, что Якубовский играл роль своеобразного «связующего» между некоторыми правительственными и военными чиновниками. Одним из тех, кто высоко ценил его «плодотворную деятельность» и полезность, был Шумейко. Ведь неспроста же еще

17 июля 1992 года первый заместитель председателя правительства В. Шумейко подписал распоряжение, в котором говорилось:

«...3. Назначить Якубовского Дмитрия Олеговича полномочным представителем Правительства Российской Федерации по взаимодействию с правительственными органами и специальными информационными службами, советником по информационно-правовым вопросам Правительства Российской Федерации...»

К этим словам Шумейко собственноручно добавил: «с оставлением на действительной военной службе».

А днем раньше министр обороны России Павел Грачев с грубым нарушением элементарных требований Закона подписал приказ № 25 о присвоении звания майора юстиции... лейтенанту юстиции запаса Якубовскому (прыжок через два звания).

А еще через пять дней уже Генеральный директор Федерального агентства правительственной связи и информации генерал А. Старовойтов издал приказ № 201-ЛС, которым произвел свежеиспеченного майора юстиции Якубовского сразу... в полковники.

Создавалось впечатление, что силовики конкурировали между собой в том, кто быстрее и выше поднимет Якубовского в воинских чинах. Министр обороны намеревался даже присвоить Диме звание генерала, но, после того как этой аферой заинтересовалась Генпрокуратура, Грачев отменил представление. Нельзя было без отвращения наблюдать за этим авантюрно-кадровым произволом. Люди, наделенные огромной властью, обращали ее в откровенные коррупционные игры, нередко идя на поводу у наглых и напористых махинаторов, вовлекавших именитых государственных чиновников в свои грязные аферы с криминальным запахом...

Ну а чем же завершилась история, к которой были причастны одиозные персоны? Тем, что она тихо канула в российскую криминальную Лету. Как и многие другие, в которых фигурировали фавориты высшей власти. Власть эта с каждым годом все глубже окуналась в пучину коррупции и циничного пренебрежения ею же утвержденными законами.

Это становилось естественной формой ее существования.

Летом 1999 года, просматривая некоторые документы Главной военной прокуратуры РФ, я обнаружил еще одни следы сделки «оружие—дома»: прокуратура Балтийского флота предъявила иск в арбитражный суд Калининградской области, по которому было «принято решение о взыскании с министерства охраны края Литовской Республики 810 тысяч долларов США в качестве задолженности за переданные по договорам вооружение и другое военно-техническое имущество».

Решение было более чем странным — с момента передачи оружия и техники прошло уже почти 7 лет. И было бы очень наивно думать, что наши генералы и ответственные чиновники, причастные к этой сделке, безо всякой корысти передали литовцам оружие почти на 1 млн долларов всего лишь под обещание, что деньги эти прибалты когда-то отдадут. К тому же мне уже было известно, что литовцев решение прокуратуры Балтфлота страшно удивило, — они утверждали, что расчеты с русскими были произведены своевременно и в полном объеме. И намекнули, что сотни тысяч недостающих долларов надо искать не в Литве, а в России. Но решение этой проблемы было таким же бесперспективным, как поиск иголки в космическом пространстве...

ПОТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ

Однажды заместитель начальника пресс-службы Минобороны полковник Николай Медведев поручил мне проверить достоверность фактов, изложенных в статье «Комсомолки», — речь шла о тайной продаже авиационных двигателей боевых самолетов, хранившихся на одном из складов части ВВС, дислоцировавшейся в Прибалтике. В материале утверждалось, что продажа осуществляется через коммерческую фирму, а вырученные деньги переводятся на счета банка в Швейцарии.

Чтобы выполнить поручение начальника, я прежде всего попытался установить местонахождение и реквизиты коммерческой фирмы. Месяца два я ошивался по различным московским юридическим инстанциям и везде меня вежливо отшивали. Отказ мотивировали тем, что сведения о фирме и ее деятельности относятся к разряду коммерческих тайн и могут быть представлены только правоохранительным органам. Тогда я обратился за помощью в Глав-

ную военную прокуратуру. Там мне порекомендовали «пока не мешать следствию».

Но даже и через год никаких внятных объяснений я не получил. Задание так и осталось невыполненным...

Не один раз сталкиваясь в то время с подобными фактами, я замечал, что наша Главная военная прокуратура частенько не горела желанием докапываться до истины. Особенно тогда, когда в делах с криминальным душком начинали всплывать фамилии высоких арбатских военачальников.

И только благодаря наиболее проницательным журналистам в последние годы некоторые военно-технические аферы все же стали, как говорят, достоянием гласности. И хотя открытых и «замороженных» уголовных дел — пруд пруди, но будет достаточно пальцев одной руки, чтобы перечислить случаи, когда в 1992—1996 годах криминальные деяния некоторых государственных чиновников или высших военачальников были расследованы до конца, а виновные — наказаны.

Ничего не было известно и о том, какие меры по обузданию вооруженческой мафии были приняты Борисом Ельциным, после того как начальник Службы безопасности Президента РФ генерал Александр Коржаков в свое время направил ему секретный доклад со многими убийственными фактами по теневому оружейному бизнесу, к которому были причастны крупные госчиновники (интересно, что о содержании доклада в Минобороны и Генштабе многие узнали лишь тогда, когда документ этот всплыл в зарубежной прессе).

«Коллекция» уголовных дел, связанных с грязным военно-техническим бизнесом, огромна.

Так пока и не расследовано до конца очень темное дело с попытками продажи списанных авианосцев Тихоокеанского флота за рубеж. Та же участь постигла и весьма загадочный контракт России с американской фирмой «Эриал эмиджис», по заказам которой наши военные разведывательные спутники должны были делать съемки земной поверхности. Повисли в воздухе расследования, связанные с продажей зенитной ракетной системы С-300В и уникального российского ракетного двигателя в США. Тайной за семью печатями до сих пор являются материалы уголовного дела, заведенного после того, как в Новороссийске был арестован эшелон с боевой техникой, предназ-

наченной к вывозу за рубеж. Вспыхнул и быстро погас скандал, связанный с «нестандартным» методом финансирования продажи крупной партии наших боевых самолетов в Индию (только в 1998 году стало известно, что на этом деле наши проворные дельцы увели «налево» свыше 350 млн долларов, но опять-таки до сих пор результаты расследования уголовного дела держатся в тайне).

В 1998 году всплыла скандальная история с 7 боевыми вертолетами, которые командование ВВС Дальневосточного военного округа намеревалось тайком продать в Северную Корею. Следы несостоявшейся сделки вели из Хабаровска в Минобороны и Генштаб. Но и эта детективная история до сих пор не распутана...

Черета таких фактов бесконечна. Все они свидетельствуют о том, что в России существует широко разветвленная сеть теневой оружейной коммерции, сросшейся с государственными органами. За многие годы службы на Арбате я получил достаточное представление о многих тайнах и аферах преступного оружейного бизнеса. Мимо государственной казны уже многие годы течет широкий поток денег, вырученных на торговле оружием. И если бы государство осуществляло строгий контроль за этой весьма прибыльной отраслью, у него хватало бы средств и на выплаты долгов предприятиям военно-промышленного комплекса, и на реформирование армии...

Теневой оружейный бизнес — гигантская империя, опутавшая многие институты власти, оборонный комплекс страны и коммерческие структуры — от президентского аппарата и правительства до какой-нибудь безвестной карликовой фирмы. Тут своя идеология, свои устойчивые связи, свои «командиры» и свои «бойцы», своя финансовая система и своя методика распределения «премиальных» между крупными китами и челядью.

Вооруженческая мафия мертвой хваткой вцепилась в тело отечественной оборонки. Крестные отцы этой мафии часто на всех углах кричат о том, что интересы Отечества для них превыше всего, но при этом не забывают исправно класть в собственный карман десятки, а то и сотни тысяч долларов за удачно проданный государственный товар.

А в это время десятки тысяч рабочих и инженеров, руками которых этот самый товар создавался, выходят на забастовки, потому что им не на что жить. Они говорят:

«Раньше такого не было». Это правда. Раньше зарплату оборонщикам платили исправно. Но приворовывали у нас всегда. Однако отношение к этому злу раньше действительно было совершенно иным...

В 1990 году мне довелось быть представителем Минобороны в комиссии ЦК КПСС, которая занималась проверкой письма рабочего с оборонного завода в Удмуртии. Он сообщал, что директор и главный инженер ведут тайные переговоры с одной иностранной фирмой о продаже ей нескольких сот килограммов патронной меди. Факт подтвердился. Директор завода и главный инженер были исключены из партии и полетели с должностей. После этого их не приняли на завод даже в качестве чернорабочих. Даже суд не помог им восстановиться.

Я часто вспоминаю об этом случае, когда слышу об очередной афере в оборонке страны. Сейчас можно не то что сто килограммов патронной меди иностранцам продать, а целую ракету. В худшем случае после этого преступников пересадят из кресла в кресло.

В России образовался гигантский клан людей, которые, как ненасытные волки возле овчарен, постоянно пасутся возле военных заводов и конструкторских бюро, превращая их в свою «золотую жилу». Иногда этих хищников хватают за лапы или гонят прочь. Но потом они снова и снова продираются туда же...

История современного оружейного бизнеса в России — это бесконечная череда скандальных разоблачений и фактов обворовывания государства. Иногда даже крупнейшие банковские аферы в России с участием государственных чиновников меркнут перед тем, что происходит в области оружейного бизнеса.

Во многих странах генерал или гражданский специалист, уличенный в воровстве, навсегда лишается права заниматься продажей оружия. В России существует «отряд бессмертников», которые лишь совершенствуют методику воровства, по мере того как их выгоняют с одного места и принимают на другое.

Наверное, сегодня надо свалиться с Луны, чтобы всерьез рассуждать о нравственности отечественного оружейного бизнеса или о его строгой политической стратегии. И нравственность, и политическая стратегия чаще всего лишь демагогическая ширма, скроенная из выцветших лоскутьев в виде высокопарных слов о престиже России.

За этой ширмой очень часто — элементарный чистоган проворных дельцов, которые с многозначительным видом государственных мужей ненасытно куют свои «бабки». Государственный оружейный бизнес нередко становится для таких людей собственным доходным делом, а жажда получить навар умерщвляет элементарные моральные принципы.

Многое, часто с совершенно неожиданной стороны, виделось мне во время службы в «Арбатском военном округе»...

«ВОЕНТЕХ»

В начале 90-х годов большим счастливым считался генштабист, которому удавалось устроиться на работу в минобороновскую структуру с загадочным названием «Воентех». Желающие стремились туда, словно пчелы на мед. Считалось, что там, в отличие от нашего «дурдома», работа намного спокойнее и интереснее, да и материальное положение можно серьезно поправить.

Я заметил, что наши люди, уходившие в «Воентех», на вопросы о характере работы и размерах денежных окладов отвечали крайне неохотно и расплывчато. Зато их благосостояние по части движимого и недвижимого имущества росло как на дрожжах. И было ясно, что не только за счет скудных загранкомандировочных. У меня было немало оснований для такого вывода.

20 июля 1995 года наш «специсточник» в Шри-Ланке передал в Москву, казалось, совершенно банальную информацию:

«...Военно-воздушные силы Шри-Ланки получили 3 военно-транспортных самолета Ан-72 для ведения борьбы с ТОТИ (организация «Тигры освобождения Тамил Илама», добивающаяся образования в северной части острова отдельного государства. — В.Б.). Самолеты будут выполнять задачи по доставке топлива, оружия, боеприпасов, взрывчатки на военные базы на северо-востоке страны. Из источников в министерстве обороны Шри-Ланки стало известно, что данные самолеты заменят два Ан-72, сбитых боевиками ТОТИ в апреле 1995 года на севере... Циркулируют сведения, что военно-транспортные самолеты получены из России...»

Показавший мне это сообщение сослуживец из Главного управления международного военного сотрудничества

Генштаба (в 96-м году оно будет переподчинено МО. — В.Б.) высказал сожаление по поводу сбитых партизанами наших самолетов, но вместе с тем многозначительно заметил, что «мы начинаем исправляться...»

Его последняя фраза заинтриговала меня. Что она значила? Оказалось, что в трех загадочных словах скрыта детективная история, которая проливает яркий свет на то, как оружейный чистоган может напрочь вытеснить из сознания людей моральные соображения.

Было это в 1992 году. Представители «Воентеха» успешно осуществили сделку, связанную с продажей в Шри-Ланку устаревших видов вооружений, скопившихся на российских военных складах в Удмуртии. Сотрудники «Воентеха» при содействии украинских посредников поставили покупателям бронетранспортеры и стрелковое оружие. Но все это было предназначено не для нужд правительственных войск Шри-Ланки, а для... экстремистов ТОТИ.

В состав большой партии вооружений входили переносные зенитно-ракетные комплексы, которые и были в апреле 1995 года использованы «тиграми» для атаки на военно-транспортные самолеты ланкийских ВВС в районе военной базы в Палали (среди которых были и наши Ан-72, ранее поставленные из России на остров).

Узнавшая об этом президент Шри-Ланки Чандрика Кумаратунге, едва вступив на свой пост, сразу же заморозила все военно-торговые отношения своей страны с Россией и назначила расследование.

Забавненько получилось: одна и та же государственная фирма, можно сказать, из одних и тех же складов поставляла оружие двум противоборствующим сторонам одного и того же государства. Русские военно-транспортные самолеты сбивались русскими же зенитно-ракетными комплексами...

Участие украинцев в качестве посредников объяснялось просто: это была отличная «крыша», которая давала возможность хорошо подзаработать нашим министерским оружейным бизнесменам, не выдавая себя. А ведь мы по демпинговым ценам продавали оружие враждующим братьям... Поставки «Воентеха» ТОТИ, по сути, были направлены против законного политического режима Шри-Ланки.

«Воентех» находился под патронажем Министерства обороны России. Это была государственная организация,

имевшая тогда право самостоятельного выхода на международный рынок оружия и несшая всю полноту ответственности за политические последствия своих сделок. После проколов, подобных шри-ланкийскому, правительство приняло решение, в соответствии с которым «Воентеху» разрешалось торговать лишь запчастями.

СЧАСТЛИВЧИК

...Мой давний знакомый Николай был полковником, служил на неприметной должности в Генштабе, а в «Воентех» попал еще в ту золотую пору, когда фирма процветала.

Долгое время что-либо рассказывать о своей работе Николай категорически отказывался. Я несколько лет пытался расколоть его — безуспешно. И лишь не так давно, когда в его кармане появилось пенсионное удостоверение, он начал потихоньку откровенничать. Меня интересовал вполне совковый вопрос: как можно было рядовому сотруднику компании так быстро разбогатеть?

Новый «Мерседес», евроремонт в квартире, заставленной дорогой импортной мебелью, огромная двухэтажная дача со всеми мыслимыми и немыслимыми прибабасами — все это указывало на то, что полковник на свои законные полтора офицерских «лимона» при неработающей жене и двух детях приобрести не мог. Тем более что сам некогда жаловался на отсутствие папы-министра и бабушки-миллионерши в Америке или Израиле.

Было время, когда мы с ним довольствовались тем, что брали в ларьке у кинотеатра «Художественный» по паре бутылок «Жигулевского», шли в ближайший сквер, где шныряли огромные крысы, и там под бдительным оком вечно караулящего пустые бутылки бомжа беседовали о насущном, чередуя глотание пива с раскуриванием сигарет «LM», очень популярных среди москвичей со средними заработками.

Потом настало время, когда «Жигулевское» для моего кореша стало «ослиной мочой», сигареты «LM» он считал уже «куревом люмпенов» и по этой причине, наверное, присвоил мне кличку «Мидл». А однажды в ответ на мое предложение по старой схеме поторчать в сквере у «Художественного» скорчил брезгливую мину и каким-то надменно-барским тоном сказал:

— «Мидл», а не отобедать ли нам в «Панде»?

Идея посещения китайского рестораника на Суворовском бульваре не вдохновляла меня по той причине, что была равна смертному приговору моему месячному бюджету. Николай — человек догадливый и потому объявил, что все финансовые расходы берет на себя. По большому счету это было унижение одного полковника другим. Но бывают случаи, когда ради интересного общения можно разжаловать гордыню в рядовые и побыть в роли сына полка.

Когда пропустили рюмки по три рисовой водки и съели по салату из капусты, которая выжигала рот похлеще серной кислоты, молодой китаец принес пылающий примус со сковородкой, на которой шкворчали огромные куски мяса.

— Вгрызайся, «Мидл», — сказал процветающий коммерсант. — Вот когда я был в Китае...

— Ты мне зубы не заговаривай, а колись, — ответил я ему.

Мне было интересно узнать о секретах фокусов, которые мой собеседник пуще зеницы ока оберегал в последние годы нашего знакомства.

— Ладно, — согласился наконец щедрый наливальщик рисовой водки, — я кое-что расскажу тебе...

И он стал рассказывать.

...Надо было продать подводную дизельную лодку типа «Кило». Исходная установка: начать торг с покупателем с максимально высокой цены. Допустим... 550 млн долларов. Самый выгодный покупатель известен — страна, где много нефти. Много нефти — много денег. Но и мы никогда не ездили на такие переговоры с пустыми руками. У каждой сделки почти всегда есть посредники, которые часто берут крутые проценты за услуги. В советские времена эти услуги стоили 5—7 процентов. Сейчас случается, что посредники требуют 15, а то и 20 процентов. И надо считаться, иначе товар не продать.

Летим втроем. Покупатели встречают нашу делегацию не хуже чем президентскую. Поначалу никаких разговоров о товаре. Пятизвездочный отель, кондиционеры, бассейн, бар, море, экзотические прогулки и так далее... Вечером возвращаюсь в номер, а там штук пять коробок видеоаппаратуры. Я, хотя и под хорошим газом, но сообразил, что это взятки. Вызвал консьержку и стал орать, чтобы все убрали. У той — глаза на лоб: или не понимает, или при-

кидывается. Тут на шум и шеф вваливается. Вижу — готов мной закусить. Извинился он перед консьержкой — и на меня:

— Ты что шумишь, сделку хочешь сорвать?

— Так взятка же! — говорю.

— Не взятка, а презент!

В общем, вышло так: одну коробку надо было оставить себе, вторую отдать боссу, третью — его заместителю, а четвертую — начальнику своего отдела (иначе командировок за бугор больше не видать). Так я и сделал. Кстати, каждому члену нашей делегации по стольку же коробок досталось. На другой день — переговоры.

Мой шеф за лодку заломил условленную стартовую цену. Покупатели — ни в какую. Посредник подает сигналы — «начинайте сдавать». Стали мы сдавать потихоньку — сами же понимаем, что смешно делаем. Но так полагается. Сошлись на 480 «лимонах». Ударили по рукам. Но 480 — это цена, так сказать, официальная. И покупатель, и продавец, и посредник всегда заинтересованы в том, чтобы и для себя что-то откусить. Для этого у покупателя и продавца всегда есть деньги, которые ни в каких контрактах не оговариваются.

Формула проста, как пареная репа: чем больше мы отваливаем так называемому посреднику, тем больше получаем от него «премиальных». Международная практика.

Наварчик у нас получился серьезный. Шеф разбросал его согласно установленной таксе: кому пятьдесят штук, а кому и сто пятнадцать. Кроме нас троих надо было отвалить немало и московскому боссу, и еще какому-то посреднику из соответствующего министерства, и еще одному посреднику из соответствующего управления.

Вот и вся арифметика...

В 1994 году в материалах комиссии Контрольно-правового управления при Президенте РФ, которая проверяла «Росвооружение», по поводу «комиссионных» было записано:

«...Как правило, выплаты комиссионного вознаграждения проводятся посредникам только тех стран, которые вооружены российским оружием: Египет, ОАЭ, Индия, Сирия... В то же время между Россией и этими государствами подписаны межправительственные соглашения о военно-техническом сотрудничестве, определены объемы, сроки и номенклатура поставляемой им военной продукции. Тем не менее ежегодные размеры таких выплат

(те самые «комиссионные» или «премиальные». — В.Б.) посредникам указанных стран составляют около 30—35 миллионов долларов, причем они проводятся не за счет прибыли ГК «Росвооружение», а за счет валютной выручки предприятий, поставляющих экспортную военную продукцию.

В том же, 1994 году стало известно, что только за одну сделку — продажу в Кувейт партии боевых машин пехоты (БМП-3) и реактивных установок «Смерч» на 700 млн долларов — посредник получил 160 млн «комиссионных»...

ПУЛИ ДЛЯ МАРШАЛА

С каждым годом в России ужесточается борьба за право «пасти» торговлю оружием и военной техникой. Ни для кого не секрет, что в посткоммунистической России есть три сферы, которые приносят наиболее мощные доходы как в госказну, так и на счета наиболее сильных коммерческих структур и «отдельных лиц», сколачивающих свои капиталы: это продажа государственной собственности, природных ресурсов и оружия.

«Государственное радение» людей, причастных к оружейному бизнесу, тесно сопрягалось с их личными выгодами. Из-за этого высшую исполнительную власть постоянно подталкивали к смене правил игры. В этом легко убедиться, просмотрев документы, в соответствии с которыми почти каждый год (начиная с 1992-го) президент вносил коррективы в порядок торговли оружием — последние объявлены летом 1999-го...

В свое время Егор Гайдар назвал продажу оружия «грязным наследием коммунизма». Это «грязное наследие» продолжают яростно делить до сих пор. В начале 90-х годов торговля оружием почти целиком находилась в ведении Министерства внешних экономических связей. Затем Владимир Шумейко в бытность свою членом правительства «взвалил» на себя кураторство над обороной вместе с Олегом Сосковцом. Как будет сказано в одном из документов, «у них возникло желание создать четкую структуру оружейного экспорта».

Это желание и дало толчок созданию монопольной государственной компании «Росвооружение», которую возглавил хорошо известный Шумейко генерал Виктор Самойлов (у нас в ГШ многие тогда поговаривали, что они

находились в приятельских отношениях). Судя по всему, это и сыграло решающую роль при новом назначении. Мне запомнилось и другое: Самойлов за удивительно короткое время из полковника превратился в генерал-лейтенанта.

Самойлов до своего звездного взлета был сотрудником Главного управления кадров Минобороны. Потом его стали замечать в компании генералов и офицеров, которых в Кремле называли «демократически настроенными» (среди них был, в частности, и еще один малоприметный чиновник ГУКа МО Юрий Родионов, тоже быстро росший в воинских званиях).

В то время в Москве служило особенно много полковников и генералов, которые были похожи в одном: смену власти в стране они с максимальной выгодой использовали для устройства собственной карьеры и с одинаковым рвением были готовы возглавить любой участок — от завхозов Генштаба до советников Президента России по военному космосу — лишь бы продвинуться повыше и получить доступ к государственной кормушке.

Но для этого карьеристам широкого профиля надо было войти в круг «особо приближенных», таких, например, как Шумейко, генералы Волкогонов или Кобец.

Самойлов вошел: демократично настроенный кадровик стал вроде начальника штаба в Комитете РФ по военной реформе. Там он и сотрудничал с Кобецом, игравшим одну из первых скрипок в Комитете, намного успешнее, по-моему, занимавшемся коммерческой деятельностью, нежели реформой. В связи с этим некоторые стороны работы Комитета уже вскоре после его создания стали вызывать немало вопросов у спецслужб и правоохранительных органов.

Еще на зловещей заре российской демократии можно было легко заметить одну любопытную особенность: многие военные, находившиеся на короткой ноге с представителями высшей исполнительной власти, не только по протекции своих патронов занимали престижные должности в госструктурах, но и каким-то «роковым» образом становились фигурантами темных делишек, попадавших в поле зрения Генеральной и Главной военной прокуратур, контрольных кремлевских органов.

Нечто подобное произошло и с генералом Самойловым после того, как он с благословения Шумейко возглавил

госкомпанию «Росвооружение». Она была создана Указом Президента РФ № 1932-с и получила монопольное право на экспортную торговлю оружием и боевой техникой. Президентский указ наделял ее многими функциями, которые ранее имели занимавшиеся торговлей оружием и запчастями «Воентех», «Оборонэкспорт», «Спецвнештехника», Министерство внешних экономических связей.

По поводу этой реорганизации системы оружейного бизнеса существовало много противоречивых мнений. Назначенный представителем президента при госкомпании Евгений Шапошников, считал, например, что она была создана «в виде некой бюрократической надстройки над существовавшими прежде структурами».

Создание «РВ» и начальный период ее деятельности под кураторством Шумейко не только показали, каким огромным потенциалом для пополнения госказны валютой владеет компания, но и дало повод для небеспочвенных слухов о различного рода злоупотреблениях.

В Кремле очень ревностно отнеслись к такому повороту дела и решили взять под свое крыло «курицу, несущую золотые яйца». Возможно, этого и не случилось бы, если бы в Кремль не стали поступать доклады спецслужб и правоохранительных органов о махинациях руководства Госкомпании с контрактами и валютой.

Эта информация вызывала негодование и у начальника Службы безопасности президента Александра Коржакова. И на то были особые причины. В том же президентском Указе № 1932-с оговаривалось, что контроль за соблюдением государственных интересов госкомпанией «РВ» возлагается на Службу безопасности президента. Получив таким образом соответствующие полномочия, шеф СБП по согласованию с президентом инициировал проверку «РВ» комиссией во главе с Е. Шапошниковым.

Весть об этом в арбатских коридорах была воспринята примерно так же, как если бы нам сообщили, что по инициативе Коржакова решено провести обыск в семье Ельциных. Мало кто не знал, что «Росвооружение» в то время пользовалось патронажем со стороны многих «сильных» людей в правительстве. Полагать, что компанию могут всерьез тряхнуть, было слишком наивно.

И все же это случилось...

Вот что рассказывал Евгений Шапошников о проверке «РВ»:

— Там и до объединения было создано немало посреднических фирм, через которые перекачивались огромные валютные средства. Когда я вместе с Контрольным управлением при президенте стал проверять «Росвооружение», выяснилась масса нарушений. Доходило до смешного: к нам пришел вице-президент коммерческого банка и пожаловался: в его банк поступило от «Росвооружения» 1,67 млрд рублей, о которых он, вице-президент, ничего не знает. Мы проверили, оказалось так: «Росвооружение» пыталось спрятать деньги от нашей проверки...

Уже с первых дней работы комиссии, проверяющей «Росвооружение», на Шапошникова началось сильнейшее давление. Однажды Евгений Иванович признался:

— Были анонимные звонки мне, в Контрольное управление. Предупреждали через друзей: мол, передай своему маршалу, что и на него найдем управу. А когда мы уже почти подготовили доклад президенту, поступила информация, что на меня и одного сотрудника Контрольного управления уже отлиты пули, и некие финансовые структуры подыскивают киллеров. Пришлось обратиться в одну из спецслужб, потом мне сказали, что «вопрос улажен», правда, не знаю как. Но теперь во главе «Росвооружения» стоит другой человек, профессионал. Будем надеяться, что все наладится...

Еще в начале проверки Шапошников, уже многое знавший о злоупотреблениях руководства компании, спросил у гендиректора «РВ» генерала Виктора Самойлова, чувствует ли он за собой вину? Тот, по словам Евгения Ивановича, клялся и божился, что к его рукам ничего не прилипло. Но, когда проверка началась, пришел к маршалу и сказал, что такие-сякие нехорошие подчиненные без его ведома начислили своему начальнику аж 30 тыс. долларов.

Позже в некоторых российских газетах появились утверждения, что «на обескураженного Самойлова навесили какие-то несусветные злоупотребления и выставили вон».

Комиссия, проверявшая «Росвооружение», установила, что «за 1992—1993 годы на счета 11 иностранных совместных предприятий и различных компаний было переведено 23,2 млн долларов. «Оборонэкспорт» и его правопреемник «Росвооружение» незаконно использовали около 30 млн бюджетных средств. В 1993 году госкомпания «Спецвнештехника» (вошла в состав «РВ» в том же году. — В.Б.) поставила в Турцию 110 бронетранспортеров по цене ниже

150 тыс. долларов за экземпляр». Специалисты оценивали потери от этой сделки в 5,5 млн долларов. Вынужденные или умышленные — вот в чем вопрос...

Вспомнился рассказ Николая о продаже подлодки и его слова: «Формула проста, как пареная репа: чем больше уступаешь покупателю, тем больше получаешь от него «премиальных». Международная практика».

В ходе проверки «РВ» в 1994 году (и это опять-таки зафиксировано в официальных документах шапошниковской комиссии, хранящихся в архивах Контрольно-правового управления Президента РФ) были выявлены и факты укрывательства от государства прибыли в размере 137 млрд рублей и совершения сделки в иностранной валюте без лицензии Центрального банка РФ. Руководители компании пытались доказать, что дело в «неправильной системе учета».

Но этот аргумент был несостоятелен: в актах проверки черным по белому значилось, что только основная задолженность ГК по налогам за 1993 год составила несколько десятков миллионов долларов. С начала 1994 года на эту сумму задолженности стали накручиваться штрафные санкции, и к осени она почти утроилась.

Когда Виктора Самойлова в те дни спросили, кто, по его мнению, так сильно копнул под него, генерал ответил: — Проверку затеяли люди Коржакова. Вопросы еще есть?

В ноябре 1994 года по решению Президента России материалы проверки «РВ» были переданы в Генеральную прокуратуру.

Россия ждала сенсационных разоблачений, тем более что в прессе промелькнули сообщения об укрытых от налогов десятках миллионов долларов.

Но никого не посадили и не штрафанули.

Генерал Самойлов был освобожден от должности, а через некоторое время возглавил фирму «Автопромимпорт». Она тоже торговала техникой и запчастями...

КОТЕЛКИН

После смещения генерала Самойлова Коржакову не пришлось долго подыскивать подходящую кандидатуру на должность гендиректора «РВ». Выбор пал на Александра Котелкина, занимавшего в то время высокий пост в Министерстве внешних экономических связей. До этого Ко-

телкин некоторое время служил в непосредственном подчинении Коржакова, состоя в должности начальника отдела Службы безопасности президента. В МВЭС Котелкин получил немалый опыт торговли оружием.

Был и еще один фактор, который помог Александру Васильевичу убедить Ельцина продвинуть на «РВ» этого человека: Котелкин в свое время состоял в кадрах ГРУ, длительное время служил за рубежом, хорошо ориентировался в военно-технической проблематике, а это вселяло надежду, что он сумеет свой опыт и связи по этой части обернуть на пользу государству...

В то время Коржаков пользовался огромным доверием у президента и почти ни одно назначение на высокие генеральские посты не проходило мимо Александра Васильевича (хорошо знавшие об этом генштабисты между собой поговаривали, что «Коржаков водит рукой Ельцина»).

Справка

Котелкин Александр Иванович.

Генерал-майор.

Родился 19 ноября 1954 года в Киеве. Окончил Киевское высшее военное инженерное училище и Военно-дипломатическую академию. Владеет английским и испанским языками.

После окончания училища проходил службу в авиационных частях. Последняя должность — главный инженер инженерно-авиационной службы воздушной армии.

После окончания Военно-дипломатической академии служил в Главном разведывательном управлении Генерального штаба.

С 1987 года был переведен в систему МИД СССР, а потом — в состав Постоянного представительства СССР при ООН в Нью-Йорке.

В 1993 году был назначен советником министра внешних экономических связей РФ, а позже стал начальником Главного управления военно-технического сотрудничества МВЭС РФ.

...В ноябре 1994 года у Коржакова состоялась долгая беседа с Котелкиным. Александр Иванович детально рассказал шефу СБП о том, что и как надо делать в оружейном бизнесе, чтобы навести в нем порядок и совершить прорыв России на мировой рынок. Его концепция была грандиозной и убедительной.

Через несколько дней Ельцин подписал указ о назначении Котелкина гендиректором «Росвооружения».

Несколько лет подряд я внимательно наблюдал за Котелкиным, слушал о нем пикантные рассказы бывших ген-

штабистов, которые работали в «РВ» (некоторые были моими бывшими подчиненными). Не один раз и сам бывал в конторе на Гоголевском бульваре. И каждый раз убеждался, что в рассказах и газетных публикациях об этом человеке почти невозможно отделить правду от лжи, объективность от предвзятости.

Когда он возглавил «РВ», о нем уже вскоре появились в прессе взаимоисключающие точки зрения. С одной стороны, раздавались сомнения: «Сможет ли представитель старого, воспитанного в духе сталинизма поколения вести и дальше успешным курсом эту ключевую для России отрасль?». С другой — утверждалось, что генерал Котелкин «не имеет ничего общего со стилем времен коммунистической диктатуры».

Одни газеты с восхищением писали: «При Котелкине Россия совершила головокружительный прорыв на мировой рынок оружия и из задних рядов выскочила в лидеры». Другие желчно ворчали: «Но если бы кто-то всерьез поинтересовался, по каким таким чудесным методикам делались расчеты, он сразу же обнаружил бы блеф...»

Да, случалось, что шеф «РВ» любил прихвастнуть. Как-то в интервью он заявил, что феноменальный прорыв на мировой рынок вооружений, осуществленный под его водительством, иностранцы именуют уже специальным термином «kotelkins».

Котелкин не чурался саморекламы: «Мы профессионалы. И даже если возьмемся продавать песок в пустыню, думаю, справимся». Он перед телекамерой мог рассказать байку о каком-то престарелом американском торговце оружием, который приехал в «Росвооружение» только за тем, чтобы посмотреть на этих людей, которые, оказывается, ошарашили США потрясающим прорывом на мировой рынок оружия.

И все же факт оставался фактом: при Котелкине позиции России на мировом рынке оружия значительно улучшились. Те же американцы, извечные, бескомпромиссные и коварные наши конкуренты, были вынуждены признать: «Российский прорыв на рынки вооружений без преувеличения можно назвать феноменальным». После того как Россия ушла с первых позиций в конец первого десятка, она за сравнительно короткое время возвратилась в лидирующую группу и вновь стала наступать на пятки США, Германии, Франции.

Котелкин — личность незаурядная: в нем уживались таланты разведчика и коммерсанта, дипломата и артиста. Он отлично знал многие секреты оружейного бизнеса, умел обходить силки, расставленные зарубежными конкурентами, не раз «умывал» их сам, сочетая трезвый расчет с тонким авантюризмом.

Как и каждый нормальный человек, был он в меру противоречивым, имел человеческие слабости, которые давали недругам повод для многих спекуляций. А они следили за ним бдительно: с первого и до последнего дня пребывания в должности шефа «РВ» Котелкин находился в центре внимания многочисленных тайных врагов, не жалевших денег на заказные статьи, компрометирующие его.

Завистники старательно выискивали старый и новый компромат и подбрасывали его всеядным столичным журналистам. С их подачи и пошла гулять по Москве информация, что-де еще в ту пору, когда Котелкин возглавлял Главное управление военно-технического сотрудничества МВЭС, на свет появилась инструкция, в соответствии с которой подводилась определенная база под «поощрения» деятельности ГУ МВС. Его руководство якобы за выдачу лицензий, участие в переговорах получало через «Оборон-экспорт» по 10—15 тыс. премиальных долларов в месяц.

Многие грехи, которые инкриминировались Котелкину на старой и новой должностях, он опровергал. Но со временем стали появляться факты, опровергнуть которые было уже трудно. Всплыли документы, подтверждающие, что Александр Иванович и его коллеги только за один раз получили солидные премии: Александр Котелкин — 58 тыс. долларов, Борис Кузык — 37 тыс. долларов, Сергей Свешников — 20 тыс. долларов. За что? За хорошую работу? Так за это государство должностные оклады и «тринадцатую зарплату» платит. За вредность? Так ведь «РВ» не урановая шахта. За искусство заключения выгодных контрактов и яркую рекламу? Так ведь это прямая служебная обязанность каждого торговца оружием. Но Котелкин утверждал, что он и его коллеги получали премии «за интенсивный и сверхурочный труд и только в случае подписания многомиллионного контракта». А в «РВ» многие контракты — многомиллионные.

По строгому счету, все эти премии должны были доставаться конструкторам, испытателям, сборщикам и техникам ВПК.

«Росвооружение» себя не обижало. Ему регулярно и немало перепадало в виде процентов от сделок с покупателями. Валюта шла в казну и там не раз превращалась в «собственные фонды потребления». Фирма на Гоголевском бульваре, являющаяся посредником между производителями и покупателями, не бедствовала. Но там, где крутятся большие деньги, рано или поздно появляются недовольные. Тот, кого руководство «РВ» обделяло в «премиальных», исправно закладывал его Генеральной прокуратуре.

В архивах Генпрокуратуры и Главного контрольного управления при Президенте России хранятся документы, из которых следует, что в свое время и только по одному выявленному факту руководство «РВ» отвалило себе более 100 тыс. долларов в виде «премиальных».

Следователи пытались квалифицировать это как серьезное правонарушение, за которое виновные должны быть наказаны. Когда дело запахло жареным, «премиальные» возвратили в бухгалтерию.

После этого исчез состав преступления. Именно так аргументировали прекращение расследования дела сотрудники Главной военной прокуратуры в то время, когда ею руководил Валентин Паничев. А немного позже стало известно, что на сомнительное премирование чиновников «РВ» и других госструктур в 1993—1994 годах были затрачены сотни тысяч долларов. И не все эти деньги были возвращены государству.

Однажды у Котелкина спросили, на сколько тянет его премия. Он ответил:

— Генеральный директор «Росвооружения», отвечающий практически за весь экспорт вооружений, получает премию в случае подписания контракта в два раза меньше, чем составляет месячная зарплата военного атташе России в Вашингтоне.

Насколько мне известно, зарплата военного атташе РФ в США равняется примерно 3 тыс. долларов. Приблизительно полторы тысячи долларов за каждый подписанный контракт — сумма немаленькая...

Котелкин умел не только делать деньги, но и красиво тратить их. За его знаменитый портрет в белом кителе и с полуобнаженным клинком на обложке журнала «Деловые люди» госкомпания выложила 50 тыс. «зеленых». Противники генерала раздували вокруг его фигуры слухи, которые часто были смесью лжи и правды: «Котелкин ездит на

«Мерседесе-600», у него персональный самолет иностранного производства, которым управляют иностранные летчики... Котелкин заказал в Германии бронированный джип... Котелкин содержит на Ленинских горах представительский особняк компании, аренда которого тянет в месяц на 600 тысяч долларов...»

В то время когда Котелкин вместе с подчиненными разрабатывал и осуществлял новые планы укрепления позиций России на мировом рынке оружия, все его малые и большие просчеты тщательно фиксировались «коллекционерами компромата» и исправно докладывались в Кремль и правительство. Кресло генерала и его чрезвычайно доходная фирма не давали покоя людям, мечтающим прибрать к рукам «золотую жилу».

Летом 1996 года была назначена новая проверка госкомпании. По результатам ее Генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов рапортовал Борису Ельцину: «...Являясь монополистом в своей сфере, «Росвооружение» незаконно увеличивает собственные фонды потребления, тогда как задолженность компании российским предприятиям оборонных отраслей промышленности к настоящему времени составляет 200 миллионов долларов».

В ответ на это Котелкин утверждал: «Практически все зарабатываемые нами деньги работают на укрепление потенциала военно-промышленного комплекса». Его противники желчно замечали: «Практически все» — то же самое, что «реально не все».

Приближались президентские выборы 96-го. Тайная война между Коржаковым и Чубайсом за влияние на Ельцина и за контроль над финансовыми потоками принимала все более ожесточенный характер.

Люди Коржакова возле Дома правительства поймали за руки хитроглазых бизнесменов Лисовского и Евстафьева с коробкой из-под ксерокса, в которой было 500 тыс. долларов. За коробкой угадывалась рыжеватая тень Чубайса, который тут же бросился в самое пекло скандала и стал яростно гасить его. Затем на пресс-конференции начал уводить следы подальше от тайных владельцев полумиллиона баксов.

Россия с разинутым ртом пыталась разгадать магические пасы этого «кремлевского Копперфилда», которому больше всего хотелось создать у людей иллюзию, что нет никакой связи между выборами Ельцина и коробкой с валютой.

Но очевидность этой связи понимали даже самые тупые простофили. Месть Коржакову за то, что он обнажил ее, последовала незамедлительно и была явно рассчитана на то, чтобы «засветить» его финансовые каналы...

Генпрокуратура РФ открывает уголовное дело № 580/96 о злоупотреблениях в системе «оружие—финансы». Один из главных фигурантов — госкомпания «Росвооружение», которую курировал Коржаков...

Следователи Генпрокуратуры обнаруживают махинации между «РВ» и одним из коммерческих банков. Проходящий по уголовному делу в качестве главного свидетеля обвинения бывший первый зам. председателя коммерческого банка «ИнтерФинИнвест» Игорь Ильичев дал показания, из которых следовало, что в «Росвооружении» процветали коррупция и взяточничество в особо крупных размерах.

Уголовное дело о коробке из-под ксерокса уже вскоре очень ловко прикрыли, пойдя даже на изменения в Уголовном кодексе РФ...

Уголовное дело № 580/96 расследовалось основательно и неспешно. Начался вал проверок. Их было полтора десятка. Копали рьяно — знали, что «покушение» Коржакова на ксероксный коробок в Кремле расценили чуть ли не как попытку сорвать замыслы президентской команды...

Генпрокуратура обнаружила сокрытие компанией доходов от налогообложения и незаконные сделки с валютой (правда, многие из этих махинаций были еще до Котелкина).

В ходе проверки были выявлены также факты продажи оружия и боевой техники по заниженным ценам, перечисления финансовых оборотных средств госкомпания на счета коммерческих структур, незаконной выдачи в валюте крупных сумм «премиальных» сотрудникам ГК, завышенные «комиссионные» с производителей оружия и т.д.

Мне самому приходилось видеть документы, в которых руководители ВПК жаловались в правительство на то, что «комиссионные» слишком высокие. Информация об этом просочилась в прессу: «Пользуясь своим монопольным положением и практически полной бесконтрольностью, госкомпания берет совершенно грабительские «комиссионные» — до 10 процентов от суммы контракта, а то и больше».

Однако руководство «РВ» доказывало, что компания взывает «комиссионные» по общемировым стандартам —

3—5 процентов от стоимости контракта. А поскольку контрактов было немало, брать «комиссионные» было с чего...

Генпрокурор РФ Юрий Скуратов направил президенту письмо «О нарушениях в производстве денежных выплат в ГК «Росвооружение». На этом письме Ельцин 21 июня 1996 года наложил гневную резолюцию, адресованную В. Черномырдину: «Прошу немедленно навести порядок в вопросах, связанных с правовой неурегулированностью деятельности компании и бесконтрольным расходованием государственных средств».

Эта резолюция была странной: торговлю оружием курировал лично президент, в этом ему помогал Комитет по военно-техническому сотрудничеству. Плюс ко всему у Ельцина было свое Главное контрольное управление. И тем не менее проблема была взвалена на плечи главы кабинета министров. Судя по всему, Ельцин уже не верил, что подчиненный ему аппарат способен объективно разобраться в проблеме...

Слишком много было грязи.

А предвзятость некоторых проверок была очевидной. Котелкин категорически не соглашался со многими претензиями, тем более что в существующих законах было много прорех. Его поддерживали и некоторые руководители оборонных предприятий, особенно те, которым он создавал режим наибольшего благоприятствования. Они написали Ельцину письмо с объяснениями, что криминал происходил не от злого умысла, а от того, что нет «необходимой законодательной базы». Президент внял. Вскоре и Генпрокурор свои письма Ельцину отозвал.

Котелкин побывал на приеме у Черномырдина и сумел убедить его, что политические игрища вокруг компании могут сильно ударить по доходам в госказну. Премьер на прощание сказал: «Продолжайте спокойно работать».

Но так не получалось.

Ибо тот, кто сидит в России на больших деньгах, не может работать спокойно: он обречен на то, что его рано или поздно втянут в свои комбинации финансовые гладяторы. А не желающего играть в их игры неминуемо ждет крах. Впрочем, и желающего — тоже...

Котелкин прекрасно понимал это.

Но черный день для него наступил неожиданно.

19 августа 1997 года на авиасалоне в Жуковском Борис Ельцин щедро осыпал комплиментами деятельность «Рос-

вооружения» и его руководителя. Вдохновленный этим, генерал Котелкин с гордостью рапортовал о сенсационных успехах возглавляемого им коллектива, о том, что к концу года Россия обойдет США и выдвинется на первое место в мире по объемам экспорта оружия, а сумма выручки по контрактам подскочит аж до 10 млрд долларов.

А на следующий день президент снял Котелкина с должности...

В тот роковой день Ельцина посетил Черномырдин и настоял на смещении гендиректора «РВ». Премьер якобы показал Ельцину документ, согласно которому Котелкин разрешил одному крупному коммерческому банку (по слухам — ОНЭКСИМу) воспользоваться одним миллиардом долларов госкомпании, которых не хватало для победы в конкурсе по «Связьинвесту». В правительственных кабинетах поговаривали, что документ якобы был передан Черномырдину вице-премьером, курировавшим ВПК и торговлю оружием (в то время основные обязанности по этим вопросам были возложены на министра экономики Якова Уринсона).

Фактически Котелкина изгнали, хотя формально он шел как бы на повышение — назначался первым заместителем министра внешнеэкономических связей. Там его, судя по всему, уже вскоре решили добить: в конце 1997 года вице-премьер предложил Котелкину добровольно оставить свой пост и отправиться торгпредом в любую страну по его выбору. Котелкин отказался.

Тогда его противники выкатили на прямую наводку запасные орудия компромата. Неожиданно всплыли новые документы: своим приказом № 191 от 13 октября 1995 года в недрах транспортного отдела «РВ» Котелкин создал закрытое акционерное общество «Грузовая транспортная компания» («Карготранс»), которая намеревалась стать монополистом перевозок экспортируемого российского оружия. Тем же приказом в уставный капитал ЗАО были выделены огромные суммы в валюте.

О «Карготрансе» пресса заговорила в декабре 1997 года, когда рухнул на Иркутск Ан-124 («Руслан»), перевозивший разобранные Су-27 для Вьетнама. В прессе всплыло: разбившийся самолет был зафрахтован «Карготрансом». Фирма стала костью в горле тех, кто еще недавно наваривал бешеные доходы на доставках оружия за границу. Лишившись такой возможности, конкуренты, безусловно, имели большой зуб на «Карго».

Российские специалисты, расследовавшие причины катастрофы, пришли к выводу, что главная вина ложится на изготовителей двигателей «Руслана» — Запорожский моторостроительный завод, допустивший брак.

Выводы заводских экспертов о причинах катастрофы были совершенно иными: топливо «Руслана» оказалось сильно разбавленным водой, в результате чего ледяная крошка перекрыла доступ горючего к двигателям.

Следователи до сих пор ломают голову — по халатности заправщиков или по чьему-то злому умыслу случилась катастрофа? Торговля оружием — дело очень прибыльное, а конкуренция — вещь страшно жесткая. Точнее — жестокая...

В январе 1998 года Котелкин был уведомлен о ликвидации его должности в МВЭС «по сокращению штатов».

Когда-то генерал с гордостью признавался, что в работе получает большую поддержку «лично от президента».

Теперь этой поддержки не было.

Как и многие другие бывшие фавориты Кремля, попавшие в опалу, Котелкин вскоре оказался в стане мэра Москвы Юрия Лужкова, под знаменами которого собирались люди, имевшие далеко идущие стратегические планы, связанные с предстоящими парламентскими и президентскими выборами...

СПРУТЫ

Иногда «Росвооружение» начинало казаться мне роковым куском золота, который в результате постоянных интриг и борьбы между стремящимися владеть им то и дело переходит из рук в руки, устилая историю своего существования «труппами» тех, кто был его хозяином.

Менялись руководители компании, их кремлевские и правительственные покровители, но не утихали страсти и жестокие схватки вокруг «доходного места».

Развернулась «битва банков» за право контролировать денежные потоки, связанные с экспортом оружия. В прессе была инспирирована щедро проплаченная ее идеологами кампания с требованием кардинально реформировать «Росвооружение».

Чтобы придать этому видимость государственного подхода к проблеме, в кампанию были втянуты некоторые руководители ВПК. Они страстно ратовали за то, что при

финансовой немощи государства без вливания частного капитала в оборонку оружейный экспорт погибнет. Так олигархи стремились получить доступ к необычайно прибыльной сфере.

По этому поводу Борис Кузык, помощник Президента РФ по военно-техническому сотрудничеству с зарубежными странами, говорил:

— Такой факт действительно имел место. Но инициировали его отнюдь не оборонные предприятия, как кое-кто хотел это представить, а структуры, которые, не имея никакого отношения к разработке и производству вооружения и военной техники, стремились работать на поле военно-технического сотрудничества. Они подписывали соглашения, пытались выходить через третьи страны на какие-то поставки техники, но при этом денег предприятия или вообще не получали, или получали какую-то мизерную долю. Когда их деятельность была пресечена, в том числе и усилиями госкомпании «Росвооружение», они, естественно, превратились в жестких оппозиционеров. Определенное противодействие исходит от финансовых институтов, которые настойчиво предлагают свои услуги спецэкспортерам.

Противодействие «финансовых институтов» закончилось тем, что они добились от власти желанных результатов: было издано специальное постановление правительства, в соответствии с которым группе коммерческих банков предоставлялось право быть «уполномоченными для обслуживания крупных оружейных контрактов».

Еще в бытность свою гендиректором «РВ» Котелкин признавался:

— Вы не представляете, на каком самом высоком уровне на меня давили, чтобы помочь стать уполномоченным банком по сделке с Индией (истребители МиГ-29. — В.Б.) одному совсем не подходящему для этого и далеко не крупному банку. Эта сфера притягивает к себе многие банковские структуры. Их лоббирование бывает потрясающим по уровню включаемых сил и изощренности давления...

Котелкин — человек не трусливого десятка. Но в данном случае и он умолчал о том, какой именно банк проталкивали в «уполномоченные».

В конце 1994 года к девяти уполномоченным банкам (Внешторгбанку, «Менатепу», Инкомбанку, «ОНЭКСИМ-

банку» и другим, в основном из первой российской десятки) решением правительства прибавился еще один — Национальный резервный банк.

Государственная система управления финансовыми потоками «Росвооружения» все больше размывалась. Опасность такого положения в свое время хорошо осознал Коржаков. Видя почти полную беспомощность властей в наведении порядка в сфере оружейного бизнеса и особенно — в контроле за финансовыми операциями, он добивался, чтобы в Центробанке РФ был открыт специальный счет, на который должны были поступать все бюджетные средства, предназначенные «Росвооружению».

Коржаков стремился навести порядок в запутанной и многоступенчатой финансовой системе оружейного бизнеса, имея на то право, закрепленное в президентском указе. Иное дело — насколько разумно все это вписывалось в служебные обязанности А.В. (да и кривотолков о том, куда идут деньги, тоже было немало).

Однако, судя по некоторым решениям Коржакова, он пытался делать то, до чего не доходили руки у Ельцина и Черномырдина. Конечно, если начальник Службы безопасности президента брал на себя функции главного государственного контролера в одной из самых доходных валютных сфер, — это нонсенс, пусть даже и «освященный» президентским указом. Но ведь можно рассуждать и по-другому: какая разница, кто пытается схватить за руку махинаторов — президентский телохранитель, ассенизатор или продавец мороженого? Главное, чтобы схватил, чтобы меньше стало воровства. Власть же за это только спасибо должна сказать.

Помню, как еще во времена и.о. Генпрокурора А.Илющенко по сигналу спецслужб о финансовых нарушениях в «РВ» и причастных к ней финансово-промышленных структур была начата проверка. Уже вскоре в прессу просочилась информация, что эти структуры незаконно присваивают себе часть доходов, которые должны доставаться оборонщикам.

Но не успели следователи как следует копнуть дела в компании, как тут же их одернули. И уже вскоре после начала проверки Генеральная прокуратура выступила с официальным заявлением, в котором была выражена большая обеспокоенность «в связи с появлением в некоторых отечественных и зарубежных средствах массовой информа-

ции сообщений и комментариев по поводу злоупотреблений и нарушений в деятельности организаций РФ, осуществляющих военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами».

А о самом «Росвооружении» Генпрокуратура говорила с материнской теплотой: «В компании сохраняются условия для ее нормальной работы по обеспечению выполнения принятых обязательств перед отечественными и иностранными партнерами».

По этому поводу некоторые известные московские правоведаы в один голос твердили, что с юридической точки зрения подобные заявления ГП недопустимы. Ибо они априори предрасполагают к положительному исходу проверки. А ведь она только-только начиналась.

Так что же за этим странным маневром стояло?

Некоторые эксперты-юристы и специалисты-вооруженцы, много знающие о тайнах «РВ», считали, что Генпрокуратура тогда побоялась копнуть слишком глубоко. Поток информации в СМИ о злоупотреблениях в сфере оружейного бизнеса не поддавался полному контролю, и потому нельзя было исключать попадания в прессу «неудобных» для фаворитов Кремля фактов, по которым Генпрокуратура была бы вынуждена проводить проверку.

Был тут и еще один очень важный момент. Нельзя исключить, что глубокое расследование злоупотреблений с финансами «РВ» могло выявить использование огромных сумм валюты на предвыборную кампанию. А это неминуемо поставило бы под вопрос легитимность выборов и их победителя. И было очень похоже, что на и.о. Генпрокурора просто надавили сверху, чтобы он «не переусердствовал».

А между тем следователи обратили внимание, что примерно с февраля — марта 1996 года в «Росвооружении» начали очень сильно тормозиться платежи предприятиям по оружейным контрактам. То был явный признак, что деньги уходят «налево». Оставалось лишь разобраться — куда?..

Самое омерзительное состояло в том, что не единожды Генпрокуратура, призванная бороться с правонарушениями, сама становилась частью механизма, предохраняющего коррупционеров от наказания (первая же попытка Генпрокурора РФ Юрия Скуратова положить конец этой мерзкой «традиции» и схватить за руку сильно заворовавшуюся

кремлевскую камарилью закончилась тем, что он был бессовестно обгажен и вышвырнут с поста...).

Имея возможность регулярно получать конфиденциальную информацию о положении дел в нашей оборонке и оружейном бизнесе, я зверел, когда на мой стол попадала очередная порция документов, разоблачающих грязные махинации с валютой и экспортом нашей боевой техники.

Меня часто приводила в ужас одна только мысль, что эта власть приучает страну и армию забывать об элементарных понятиях морали.

Непотопляемые и неутомимые ворюги во власти становились обязательным «национальным элементом» российской жизни...

* * *

В Генеральной и Главной военной прокуратурах давно собрался немалый архив следственных дел по злоупотреблениям в сфере оружейного бизнеса, которые не раскрыты не потому, что они слишком сложны. Их не дают раскрывать. Даже если бы следователь по особо важным делам был Героем России, он вряд ли бы рискнул прийти к Ельцину и сказать:

— Борис Николаевич, у нас в уголовном деле № 580/96 фигурирует фамилия вашего помощника по военно-технической политике Бориса Кузыка. Это бросает тень на президентский аппарат. Желательно хотя бы до окончания следствия отказаться от услуг Кузыка.

Но мне смешно от этих фантазий. Уголовное дело № 580/96 было заведено еще летом 1996 года. С тех пор прошло много времени. И что? А ничего. Уже третий год российский обыватель читает на страницах газет детектив о помощнике президента. Было в нем и вот такое — цитирую: «...По свидетельству участников махинаций, сам Кузык был своеобразным «политическим идеологом» уникальной системы отмыва и обналичивания бюджетных средств, приходивших на счета «ИнтерФинИнвеста» (крупнейшим пайщиком является «ОНЭКСИМ-банк», владеющий «ИнтерФинИнвестом» через дочерние компании-учредители)... В результате за два с лишним года (1994—1996. — В.Б.) работы по этим двум «финансовым потокам» размер только известных на сегодняшний день (по показаниям двух бывших руководителей «ИнтерФинИнвест-банка», вышедших из игры из-за опасения за свою безопасность)

взяток различным госчиновникам и директорам более чем двух десятков оборонных предприятий превысил 1,5 млн долларов, 400 тыс. из них в семь приемов были переданы, как утверждают Игорь Ильичев (бывший первый зампред правления «ИнтерФинИнвеста») и Владимир Касаткин (бывший и.о. председателя правления этого банка), непосредственно руководству «Росвооружения»...

Были и такие газетные комментарии на эту же тему:

«Созданный “ОНЭКСИМом” при посредничестве Бориса Кузыка механизм взяточничества в «оборонке» так и не был раскрыт...»

«Сдав» одного из ближайших друзей — бывшего гендиректора «Росвооружения» Александра Котелкина, Кузык каким-то чудом смог не только сохранить место помощника главы государства по вопросам ВТС, но и, кажется, вообще остаться «чистым» в глазах президента...»

В Генеральной прокуратуре до сих пор хранятся документы об аферах, проводившихся в 1994—1996 годах через банк «ИнтерФинИнвест» группой высокопоставленных лиц. Если судить по некоторым показаниям тех же свидетелей, Кузык стоял у истоков превращения «ИнтерФинИнвеста» в «черный банк». Одна из московских газет писала: «Ильичев и Касаткин готовы документально доказать более 200 случаев передачи взяток членами совета пайщиков «ИнтерФинИнвеста» директорам оборонных предприятий, а также чиновникам в погонах в Главном финансовом управлении Минобороны» (правильно — Главном управлении военного бюджета и финансирования МО. — *В.Б.*).

Те же источники утверждали, что в 1994 году неприметным банком заинтересовались два офицера Главного разведывательного управления Генерального штаба, прикомандированных к аппарату Кузыка, подполковник Рустам Чуряков и майор Сергей Мищенко. Они вошли и в число учредителей банка.

Когда эта сенсационная информация перестала для многих быть тайной, пресс-службу Минобороны начали яростно «бомбить» вопросами российские и иностранные журналисты. Дежурные офицеры внятных ответов дать не могли, тем более что некоторые вопросы касались выше-названных сотрудников ГРУ. Я поручил одному из своих подчиненных связаться с полковником Николаем Бойко (он отвечал в ГРУ за связь с прессой) и проработать вариант ответов журналистам по Чурякову и Мищенко.

У меня была даже надежда, что таких офицеров вообще нет в природе, и я уже предвкушал, с каким вкусом развенчаю «гнусную ложь» газет «Сегодня», «Совершенно секретно» и «Новой ежедневной», опубликовавших разоблачительные материалы об оружейно-финансовой мафии, в которых фигурировали фамилии разведчиков.

В тот же день моему подчиненному человек из «Аквариума» любезно порекомендовал «не искать приключений на собственную задницу»...

АНАНЬЕВ

После смещения Котелкина с поста гендиректора «Росвооружения» многие на Гоголевском бульваре были в шоке. А в Минобороны и Генштабе к этому отнеслись как к само собой разумеющемуся. Некоторые даже удивлялись, что Котелкин после выдворения Коржакова из Кремля летом 1996 года еще сумел так долго продержаться (год и два месяца). В Генштабе, да и по всей Москве, уже давно ходили слухи, что под Котелкина «роют яму».

Судя по некоторым откровенным высказываниям Котелкина в беседах с нашими генштабистами, он хорошо знал об этом. И, судя по всему, предпринимал некоторые упреждающие меры, например, стал проявлять повышенную любезность в отношении финансовых просьб «ОНЭК-СИМ-банка», где заправлял Потанин, один из приятелей Чубайса. Возможно, таким образом глава «РВ» рассчитывал заручиться поддержкой влиятельного тандема (хотя было немало слухов, что Котелкин даже входил в состав совета директоров «ОНЭКСИМа»).

Однако положение Котелкина стало еще более шатким, после того как в прессе появилась серия компрометирующих публикаций о тайной деятельности одного из друзей генерала — помощника Президента РФ по военно-технической политике Бориса Кузыка. Эти публикации вызвали негодование у Ельцина, и уже мало кто в Кремле не понимал, что дни Кузыка на его высоком посту сочтены. Естественно, это не могло не отразиться и на позициях Котелкина.

О том, что в Кремле после скандальных публикаций стали пересматривать отношение к Кузыку и системе торговли оружием в целом, свидетельствовал тот факт, что

президент своим новым решением определил премьера правительства главным куратором оружейного бизнеса.

Таким образом, в очередной раз менялись правила игры — Кремль возвращал кабинету министров рычаги управления механизмами оружейного бизнеса. В правительстве за этот участок отвечал теперь вице-премьер Яков Уринсон.

С его подачи новым главой «Росвооружения» после смещения Котелкина был назначен председатель правления «МАПО-банка» Евгений Ананьев.

Справка

Ананьев Евгений Николаевич.

Воинское звание — подполковник.

Родился 24 сентября 1948 года в Москве.

Окончил Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева и Финансовую академию при правительстве РФ.

Владеет французским и английским языками.

Вскоре после окончания института начал службу в КГБ СССР.

В 1991 году уволен из КГБ.

В 1987—1991 годах работал в журнале «Мегаполис» и одноименной фирме.

В 1991—1992 годах — заместитель, а затем генеральный директор Внешнеэкономической ассоциации «ВЭАМ».

В 1992—1993 годах — советник по экономическим вопросам генерального директора Московского авиационного производственного объединения «МАПО».

В 1993—1997 годах — председатель правления акционерного коммерческого банка «МАПО-банк».

С августа 1997-го — генеральный директор государственной компании «Росвооружение».

«МАПО-банк» не входил даже в десятку самых сильных в России, и это еще больше подчеркивало загадочность такого назначения. Более того, весьма заурядный по своим возможностям банк был тоже включен в состав тех, которым правительство доверяло быть уполномоченными по обслуживанию сделок «Росвооружения».

Еще в мае 97-го Ананьев направил Черномырдину письмо с просьбой об этом, и она была удовлетворена. Уже вскоре среди московских банкиров, вольготно чувствовавших себя при Котелкине, поползли слухи о «фаворитизме» бывшей вотчины Ананьева у правительства. Мне уже была хорошо известна эта закономерность: как только

от доходного валютного корыта оттеснялись одни банки или фирмы, а их место тут же предоставлялось другим, в прессе разворачивалось яростное наступление на обидчиков. Начиналась очередная публичная «стирка» грязного белья, открывался новый этап демонстрации компромата.

В прессе стали всплывать сведения о том, что в «МАПО» размещаются для прокрутки так называемые свободные средства «Росвооружения». Недруги «мочили» Ананьева, как говорится, со знанием дела и по всем правилам информационной войны. У обывателей создавалось мнение, что любовь нового руководства «РВ» к «МАПО-банку» была безграничной.

«Надежные источники» информировали соотечественников через прессу, что уже через несколько месяцев после того, как Ананьев уселся в кресло гендиректора «РВ», на счетах «МАПО-банка» были размещены средства в виде так называемых «золотых векселей». Причем с огромной выгодой для «М-Б». Например, пять векселей на сумму 5 млн долларов каждый и один — на 6 млн долларов (всего — 31) были зачислены под 5,5 процента годовых. Хотя обычная ставка по валютным депозитам в то время равнялась в Москве 12—14 процентам.

Всплывали и другие любопытные сведения: на счетах того же «МАПО-банка» были размещены еще два рублевых векселя (№ 2181997 на 70 млн рублей и № 000019 на 120 млн рублей под 15 процентов годовых).

В это нельзя было верить.

Но и не верить тоже.

Тем более что я уже знал: у редакции журнала, располагающей этими сведениями и подготовившей на их основе материал, стали возникать серьезные проблемы с выходом издания и его распространением. Это был верный признак того, что компромат бьет в точку. Был и еще один весомый аргумент: люди, рискнувшие обнародовать столь серьезную информацию, вряд ли не понимали, что в случае ошибки их затаскают по судам и разорят.

Однако наступление продолжалось. Представитель одного из авиационных предприятий ВПК утверждал, что Ананьев якобы имеет «козырный интерес» и в фирме «Русская авионика», которая создала комплект оборудования для нового проекта «МАПО» — МиГ-29СМТ. И по этой же причине глава госкомпании стремится продвигать этот проект по всему миру, игнорируя интересы других ОКБ и

фирм. Едва став шефом «РВ», Ананьев прервал переговоры с Эквадором о продаже штурмовиков Су-27 и предложил заказчикам истребители МиГ-29. Но эквадорцы отказались от такого предложения, и Москва потеряла 560 млн долларов вполне реального дохода.

Были и другие пикантные сведения, всплывшие в СМИ. Например, при Котелкине на личную охрану гендиректора «РВ» госкомпания якобы тратила 45 тыс. долларов в месяц (охранная фирма «Гамбит»), а личная безопасность Ананьева стала обходиться государству почти в два раза дороже — 85 тыс. долларов. Как сказал один мой знакомый, «нынче за такую сумму отгоняют мух от шефа сотрудники частного охранного предприятия «Булгак».

Говорили, что однажды Ананьев, посмотрев на вычурную лепнину в столовой своей фирмы, отремонтированной еще при Котелкине, сказал с возмущением: «Как я покажу все это директору оборонного предприятия, который полгода не может выплатить своим рабочим зарплату?»

А уже вскоре якобы истратил почти 500 тыс. долларов на ремонт директорского спецблока помещений.

Из-за толстых дверей особняка на Гоголевском бульваре стали выпархивать в прессу пикантные сообщения: в качестве сувениров в «РВ» будто бы даже используются золотые слитки пробы «9999» в пластиковой упаковке и ювелирные изделия фирмы «Виктория» (которая, по свидетельству «компетентных» людей, принадлежала семье Ананьевых). Утверждалось, что такие подарки, в частности, получили посол Катара и руководитель делегации Саудовской Аравии.

Но, судя по всему, столь завидную житуху «Росвооружения» руководство компании обеспечивало не только за счет плодотворного сотрудничества с «МАПО-банком». Еще одним фаворитом «РВ» стал банк «Стратегия», учрежденный одноименным фондом Геннадия Бурбулиса, бывшего госсоветника российского президента.

Произошла и еще одна странная смена ориентиров.

С 1950 года страхованием сделок с оружием занималась многоопытная и известная отечественная фирма «Ингосстрах». Вскоре после прихода Ананьева в «РВ» уполномоченной стала малоизвестная компания «Жива» с участием иностранного капитала, внесенного неким Робертом Соломоном (этой загадочной фирмой в свое время решили вплотную заняться наши спецслужбы, но по чьему-то та-

индивидуальному повелению «сверху» копать вдруг резко пере- стали).

Если верить заслуживающим доверия источникам, страховая компания «Жива» была образована в 1992 году. Уставный капитал — 156 тыс. рублей. Это семейная компания. 67 процентов акций принадлежат супругам Валерию и Марии Хайкиным. А 1,21 процента акций — иностранной компании «Robert W. Solomon Holding Company». Около двух процентов — лично директору Роберту Солomonу. Еще одна немалая часть принадлежит банку «Стратегия» под управлением Александра Моисеевича Уринсона (его родной брат был вице-премьером и куратором военно-промышленного комплекса). Компания «Жива» владела 10 процентами акций банка «Стратегия».

Любопытно, что офис «Живы» расположен в том же здании, что и офис банка «Стратегия».

Если бы такая информация о семейственности появилась в другой стране, то очень вероятно, что карьера вице-преьера и гендиректора госпредприятия могла бы быстро закончиться.

Наш оружейный бизнес, с таким трудом возвратившийся при безгрешном генерале Котелкине на передовые позиции в мире и динамично наращивающий доходы в госказну, стал сдавать позиции. Все было так, как уже бесчисленное количество раз бывало в России при нынешней власти: если в какой-то сфере экономики намечался серьезный успех, во главе ее появлялся новый руководитель, который вместо развития успеха начинал разрушительные реформы.

Судя по всему, что-то подобное случилось и с Яковом Моисеевичем Уринсоном. С его ведома была разработана новая концепция реорганизации системы. В соответствии с указом Президента РФ за экспорт оружия отвечала не одна, а три организации: «РВ» — продажа оружия, «Пром-экспорт» — продажа запчастей, «Российские технологии» — продажа ноу-хау.

По новым правилам каждая сделка должна была быть одобрена во всех трех структурах. Увеличение бюрократических инстанций замедляло темпы торговли, запутывало покупателей. Не понимая этого бардака, даже Вьетнам принял решение о замораживании военно-технического сотрудничества с Россией, а Индия и Китай на несколько месяцев отложили подписание практически уже готовых

контрактов и обсуждение новых крупных проектов. Подобные решения приняли Саудовская Аравия, Катар, Греция, чем незамедлительно воспользовались конкуренты.

Вскоре на одной из пресс-конференций Яков Уринсон отказался отвечать на вопрос журналистов о том, как идут дела с продажей вооружений по новой системе. Вопрос задавался неспроста: газетчики уже знали, что в результате поспешной и плохо продуманной реформы Россия может потерять 1 млрд долларов потенциального дохода.

Обеспокоенный таким положением, Генеральный директор объединения «Оборонительные системы» Юрий Родин-Сова говорил:

— «Росвооружение» имеет уникальный шанс объединить вокруг себя ВПК, так как единственное, что поддерживает предприятия на плаву при полном отсутствии госзаказа и закупок для армии, — это экспорт оружия. Если система поставки оружия на внешний рынок рухнет, то через 3—4 года на месте оборонных предприятий будут кладбища...

Аналогичную точку зрения высказывал и глава МВЭС РФ Олег Давыдов:

— Экспорт российского оружия и военной техники надо сосредоточить в руках одной государственной компании — «Росвооружения»...

Но эти здравые голоса, казалось, никто не слышал.

В середине 1998 года Ананьев встречался с Ельциным в Кремле. После этого президент заявил, что доволен работой гендиректора «РВ». Вскоре из-за кремлевских стен просочилась информация, что Ананьев с гордостью докладывал Ельцину о росте показателей своей фирмы (в сравнении с тем периодом, когда ее возглавлял генерал Котелкин).

После знаменитого вояжа Ананьева в Кремль не прошло и полгода. И вот в ноябре вице-премьер правительства Юрий Маслюков (курирующий ВПК и торговлю оружием) публично объявил о том, что правительство недовольно работой «РВ», которое едва сумело на 40 процентов выполнить план 10 месяцев 1998 года. И заявил, что «руководство госкомпании нуждается в укреплении...»

Уже вскоре из штаб-квартиры «Росвооружения» позвонили в редакцию телепрограммы «Служу России!» и сообщили, что гендиректор «РВ» готов дать интересное интервью. Передачу подготовили быстро. В ней Ананьев пы-

тался противопоставить Маслюкову свои спасительные доводы, делая акценты на том, что провалы в оружейном бизнесе случились по объективным обстоятельствам. При этом «заказной» журналист в унисон ему говорил: «Сегодня об эффективности работы госкомпании надо судить не по имеющимся доходам, а по толщине портфеля заказов».

Все это выглядело неубедительно. Ибо живые деньги в казне государства — вещь реальная. А доходы от реализации возможных заказов еще надо получить.

Было ясно, что дни Ананьева на посту руководителя «РВ» сочтены.

РАПОТА

27 ноября 1998 года указом Президента РФ генеральным директором госкомпании «Росвооружение» был назначен генерал-лейтенант Григорий Рапота.

Справка

Рапота Григорий Алексеевич.

Родился 5 февраля 1944 года в Москве.

Закончил Московское высшее техническое училище им. Баумана.

После окончания МВТУ работал в системе органов исполнительной и государственной власти, трижды выезжал в длительные зарубежные командировки.

Занимал должности заместителя директора Службы внешней разведки Российской Федерации, заместителя секретаря Совета безопасности РФ.

Владеет английским языком.

Женат, трое детей.

Рапота был кадровым разведчиком и давно знал Е.Примакова (особенно плотно они контактировали, когда Евгений Максимович возглавлял Службу внешней разведки России). Это и сыграло решающую роль при назначении. Хотя в столичную прессу в связи с этим выплеснулись слухи, что вице-премьер Юрий Маслюков хотел назначить на «РВ» другого человека — директора крупного оборонного завода. Такие пересуды были явной отрыжкой информационной войны, которую активно вели против «покрасневшего правительства» силы, стремящиеся вбить клин между Примаковым и Маслюковым.

Была и любопытная закономерность: «РВ» после «грушника» Котелкина и «кагэбэшника» Ананьева возглавил «эс-

вээрочник» Рапота — таким образом, госкомпания по очередности доставалась представителям наших спецслужб.

Как и его предшественники, Рапота с первых дней работы в новой должности сразу же стал излюбленным объектом многих столичных журналистов, пишущих о торговле оружием. Все повторялось: недостаток сведений о главе «РВ» нередко возмещался буйными фантазиями, а некоторые оценки его деятельности делались явно с подачи тех «специалистов», которые были либо обижены смещением с постов в «Росвооружении», либо их положение при Рапоте стало менее престижным, чем при Ананьеве.

И тут правда и домыслы переплетались настолько тесно, что порой невозможно было отличить их. Уже вскоре после назначения Рапота на новую должность в газетах стали всплывать пикантные сведения: шеф «РВ» в первый же день работы уволил личную охрану предшественника, перевел автомобили «Росвооружения» из гаража «МАПО-банка» (где каждое место обходилось до 1 тыс. долларов в месяц) в государственные гаражи. Расстались со своими должностями и некоторые чиновники из ближайшего окружения Ананьева.

И все же наиболее пристальное внимание не только газеты, но и прежде всего Кремль, правительство, руководители оборонных предприятий и военно-промышленных компаний, Минобороны и Генштаб обращали на тактику и стратегию Рапота. А тут появилось несколько принципиальных новшеств. Например, при Котелкине и Ананьеве некоторые директора ВПК часто жаловались на то, что «РВ» стремится вязать их по рукам и ногам, отбирая право самостоятельного выхода на мировой рынок. Рапота стал добиваться, чтобы такая практика была сломана. Его дружно поддержали оборонщики. Это существенно укрепило авторитет гендиректора «РВ».

В 1997 году был подписан контракт о поставке на Кипр российских зенитных ракетных систем С-300ПМУ-1. Американцы, как могли, оказывали сопротивление этой сделке. Она оказалась даже под угрозой срыва. При Рапоте «РВ» сумело все-таки довести ее до конца, хотя американцы все же сумели вставить нам палки в колеса: российские ЗРС вместо Кипра попали на Крит. Кроме того, американцы засекли, что российская сторона существенно сократила первоначальную стоимость контракта (почти на

60 млн долларов) и обозвала эту сделку «политическим демпингом».

И, надо признать, резон в таком заключении был: тот невероятный прессинг, который США оказывали на Грецию, отговаривая ее купить у России зенитно-ракетные системы еще при Котелкине, вынуждал Москву изменить тактику ради продвижения ЗРС на перспективном южном рынке не только ради получения финансовых, но и политических «доходов». Греческий прорыв «Росвооружения» значил для России гораздо больше, чем сознательно упущенная возможность получить в казну еще несколько десятков миллионов долларов.

Уже в первый период своей работы на посту гендиректора «РВ» Рапота сделал еще один тактический маневр, который встретил дружное одобрение наших оборонщиков. Они долгое время плакались на то, что устали от диктата «Росвооружения», — так называемые посреднические услуги при Котелкине и Ананьеве обходились им зачастую до 10 процентов от стоимости контрактов. При Рапоте, к великой радости оборонщиков, этот показатель был снижен до 5 процентов, что резко повышало заинтересованность производителей оружия в конечных результатах своего труда и давало возможность иметь больше средств для совершенствования продукции и разработки новых технологий и образцов.

Тем более что мировой рынок оружия с каждым годом сужается (с \$54 млрд в 1990-м году до \$40 млрд в 1998-м). А конкуренция ужесточается. Россия стремится возратить утраченные позиции на мировом рынке, пока существенно уступая основным конкурентам в суммарной стоимости проданного оружия. Итоги 1998 года: США — 19 млрд, Великобритания — 8,8 млрд, Франция — 5,6 млрд, Россия — 2,3 млрд долларов.

Рапота проработал на посту гендиректора «РВ» всего лишь шесть месяцев, а над его головой уже стали сгущаться тучи. Первым плохим признаком стал запущенный в прессу слух, что сразу же после увольнения Примакова Рапота сам подал в отставку, а на его место уже подбирается новая кандидатура. И хотя пресс-служба «Росвооружения» тут же опровергла эту «дезу», многие на Гоголевском бульваре заметили, что их обычно выдержанный и интеллигентный шеф стал нервничать.

Из Белого дома начали распространяться сведения, что

новый премьер собирается коренным образом реформировать военно-промышленный комплекс и систему торговли оружием (такая реформа была 11-й за последние 13 лет и 10-й — за время правления Ельцина).

Степашин предложил Ельцину назначить на должность заместителя председателя правительства по ВПК генерального директора производственного объединения «Севмаш» (атомные подводные лодки) Давида Пашаева. Но эта кандидатура была отвергнута. И хотя в Генштабе по этому поводу пошучивали, что «Пашаева не утвердил Березовский», в такой шутке была немалая доля истины.

Российская пресса с откровенным цинизмом писала и рассказывала о том, что формированием правительства и установлением своего контроля над военно-промышленным комплексом и его финансами теперь занимается «семья» (чего стоил только один заголовок в газете «Коммерсант»: «Семья берется за оружие»). Для этого ей нужен был и «свой» человек. На его роль еще при действующем Рапоте стали примерять замсекретаря Совбеза Алексея Огарева — давнего знакомого Татьяны Дьяченко (он в свое время учился в институте с мужем дочери президента).

В начале июня 1999 года агентство «Интерфакс» сообщило: «Замсекретаря Совета безопасности РФ Алексей Огарев, долгое время работавший в Кремле заместителем главы президентской администрации, в ближайшие дни, очевидно, возглавит госкомпанию «Росвооружение»».

И никто — ни в Кремле, ни в правительстве, ни в Минобороны и Генштабе, ни в Совбезе и «Росвооружении», где работали мои бывшие коллеги, не мог дать мне ясных и четких ответов на вопросы: «А что случилось? Чем провинился Рапота? Какими стратегическими соображениями вызвана необходимость смещения человека, который еще не успел, как говорится, нагреть под собой кресло?»

Более того, даже за эти несколько месяцев работы Рапота сумел создать внушительный задел экспортных контрактов, которые сулили серьезные доходы в тощую госказну.

Мне почему-то вспомнилось, как в последний день своего пребывания в должности министра обороны Грачев щедро раздавал подарки из своего наградного фонда наиболее преданным членам команды. Что-то подобное происходило и сейчас: предчувствующая конец своего влады-

чества «семья» спешно раздавала напоследок самым преданным «кормушки» за верную службу ей.

А то, что при этом ломались судьбы людей и цинично игнорировались государственные интересы, казалось, было уже недоступно ни логике, ни элементарным понятиям о нравственности.

В те дни Россия с особой остротой поняла и ощутила, что Кремль с его политически и физически хиреющим хозяином и неистощимой на интриги хищной свитой окончательно потерял совесть.

Страна продолжала разваливаться и задыхаться в петле долгов, а «семья» с остервенелым азартом подсчитывала оставшиеся куски экономики и доходы, которые можно еще получить до ухода Ельцина, и расставляла над ними своих надсмотрщиков, умеющих быть «благодарными»...

Как и предсказывали «Интерфакс» и «Коммерсант», в августе Рапота был снят, а на его место назначен Огарев.

Справка

Огарев Алексей Викторович.

Родился в 1957 году в Москве.

Закончил Московский авиационный институт.

Был постоянным представителем РФ при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С июня 1997-го — заместитель главы администрации Президента РФ.

С февраля 1999-го — заместитель секретаря Совбеза РФ.

Уже в первый день работы в «РВ» Огарев обратился к прессе с просьбой не считать свое назначение политическим. Это было смешно — пол-Москвы говорило о нем как о человеке «семьи». Как нельзя было понять, за что сняли Рапота, так неведомо было, за какие заслуги назначили Огарева (немотивированность и импульсивность кадровых решений Ельцина к концу его срока становились опасной волюнтаристской системой, что еще больше подчеркивало агонию Кремля).

Уже на четвертый день работы Огарева в «Росвооружении» произошло событие, которое указывало на то, что «традиции» туманных валютных сделок будут достойно поддерживаться новым руководством. Выскочивший как черт из табакерки представитель малоизвестного банка «Моснарбанк Лимитед» (Москва), входящего в группу росзагранбанка «Moscow Narodny Bank» (Лондон) заявил, что его фирма

предоставила «Росвооружению» кредит в 3 млн долларов. И добавил, что банк намерен продолжать кредитование «РВ», но будет согласовывать его с головным банком в Лондоне. Я позвонил в госкомпанию и спросил, почему кредитная политика «Росвооружения» будет зависеть от какого-то «британского» банка? Внятного ответа я не получил.

Интервью, которые давал Огарев журналистам после назначения, не содержали ничего нового — набор банальных фраз типа «увеличение объема поступлений от продаж оружия» и «улучшение работы с предприятиями оборонной промышленности». Та же банальщина содержалась и в заявлениях вице-преьера Ильи Клебанова, курировавшего в правительстве военно-промышленный комплекс. Он говорил: «Перед российским ВПК стоит основная задача — провести быструю и эффективную реструктуризацию, поскольку мы уже сильно отстали в этом вопросе, и через год эту работу можно будет уже не делать». Клебанов сказал также, что основу российского ВПК должны составить «технологически интегрированные консорциумы».

Слушая его, я думал о том, что за последние восемь лет уже добрая дюжина таких же пышущих энтузиазмом бодреньких Наполеончиков появлялась у развалин ВПК и бросала пламенные реформаторские кличи. Но в итоге получалось, что реформы этих временщиков лишь усугубляли положение дел. Зато разительные успехи каждого из них были очевидны: они значительно улучшали свое материальное благополучие...

ПОКУШЕНИЕ НА «РУССКОГО ГЛАДИАТОРА»

На мировом рынке оружия любой мало-мальски заметный успех России вызывал ревностную реакцию со стороны «грандов», которые стремились любыми способами ослабить соперника.

Помимо ставшей уже традиционной грязной компроматации нашей техники и активного военно-промышленного шпионажа за российскими технологиями, в ход часто пускаются слухи. В западных СМИ появлялись и вот такие сообщения: «Иногда русские предлагают покупателям образцы оружия или технологии, с которых не снят гриф секретности».

В российском оружейном бизнесе не раз случалось, что возможность получить крупные валютные доходы затмевала

разум некоторым нашим оборонщикам и конструкторам, и тогда на продажу действительно шло оружие, устройство которого было тайной для конкурентов. Я знал немало таких случаев. Один из них врезался в мою память особенно глубоко...

...Когда российский премьер Евгений Примаков и сопровождающие его лица в начале апреля 1999 года прилетели в Югославию, в аэропорту их с бешеным ликованием встретила огромная толпа сербов. Они яростно скандировали:

— Россия, дай С-300 — небо будет чисто!

Русские дружно улыбались.

На переговорах президент Югославии Слободан Милошевич пожаловался Примакову, что натовские ракеты и самолеты истязают сербов, и осторожно изложил тот же лозунг об С-300.

Этот щекотливый момент наши предвидели.

В зале наступила тишина...

Примаков остался один на один с Милошевичем.

Высшие российские военачальники — министр обороны маршал Игорь Сергеев, начальник Главного разведуправления Генштаба генерал Валентин Корабельников и директор Службы внешней разведки генерал Владимир Трубников перешли в отдельный зал, где их ждали югославские коллеги. На стенах висели карты с обозначениями натовских военных баз и районов дислокации сербских армий.

Югославский генерал Драголюб Ойданич кратко доложил оперативную обстановку и вывод:

— Командование НАТО с помощью средств воздушно-го нападения на наши важнейшие военные и промышленные объекты стремится предопределить исход военного конфликта еще до начала наземной операции. Но характер войны был бы принципиально иным, если бы...

Он не договорил.

На суровом лице генерала внезапно растеклась мальчишеская улыбка.

Потом он продолжил:

— У натовских летчиков дрожат коленки при одном упоминании о ваших С-300. Если бы мы имели это оружие до войны, командование НАТО вряд ли решилось бы ее начать.

— Но мы вам ведь предлагали это оружие еще в начале 90-х, — сказал кто-то из русских военных.

— Теперь локти кусаем, — ответил югославский генерал.

На длинном столе лежали документы Генштаба югославской армии. В одном из них жирным шрифтом было выделено:

«Оснащение нашей армии даже одним дивизионом зенитных ракетных комплексов С-300ПМУ-1 позволило бы отодвинуть дальнюю границу зоны перехвата самолетов и ракет НАТО за пределы Югославии на глубину до 150 км...»

Российская делегация уезжала из Белграда, не дав югославам никаких конкретных обещаний. Сербские генералы не скрывали уныния.

В аэропорту уже не было радостного ликования. Журналистов оказалось больше, чем провожающих.

На следующий день в Белграде появилась националистическая листовка с желчной репликой: «Русские спекулянты продали американским убийцам С-300, но боятся вооружить им гибнущих братьев-сербов».

Тот, кто писал эти строки, наверняка знал историю, связанную с судьбой нашей С-300, действительно оказавшейся по ту сторону океана. Там нашей зенитной ракетной системе была присвоена кличка «Русский Гладиатор».

ПОЧЕМУ НЕРВНИЧАЛ ПЕНТАГОН?

В начале 90-х годов, сразу после войны в Персидском заливе, наша контрразведка стала пеленговать интенсивные попытки американских агентов в России различными способами получить информацию об устройстве зенитно-ракетной системы С-300.

В то время мне и самому довелось держать в руках копию конфиденциального документа Пентагона, в котором штатовские генералы признавали, что наша система остается непревзойденной по целому ряду параметров. В другом экспертном материале наших конкурентов подчеркивалось: «С-300 — единственная в мире система, обеспечивающая эффективную тактическую противоракетную оборону от всех видов баллистических угроз».

И потому объяснить, почему после «Бури в пустыне» разведка США устроила тотальную охоту за нашей ЗРС, было несложно: американским конструкторам и программистам надо было ее детально изучить. А затем, разумеет-

ся, внести коррективы в устройство своей аналогичной системы «Пэтриот», имеющей, как показала война с Ираком, целый ряд серьезных недоработок.

Генеральный конструктор концерна «Антей» Вениамин Ефремов публично подтвердил:

— Американцы были вынуждены заниматься совершенствованием своей системы «Пэтриот» уже по окончании войны в заливе.

Генеральный конструктор КБ «Факел» Владимир Светлов высказался в том же духе:

— Несмотря на мощную рекламную шумиху вокруг «Пэтриота», первый опыт реальной борьбы с баллистическими ракетами показал невысокую эффективность их поражения осколками боевых частей зенитных ракет. Эта стратегическая брешь подхлестнула работы по ряду противоракетных программ США...

Для уничтожения иракских ракет «Скад» своими ЗРК командование многонациональных сил было вынуждено использовать гору информационных средств: наземные радиотехнические сети оповещения и управления, американские системы предупреждения о ракетном нападении, а также самолеты дальнего радиолокационного обнаружения E-3A АВАКС. А у С-300 была собственная автономная и очень эффективная система радиолокационной разведки. Наше «изделие» по количеству боевых средств в батарее более чем на 50% меньше «Пэтриота».

«Пэтриот» уступала нашей системе и по ряду других важнейших показателей. Например, по мощи боевых частей ракет наша С-300 превосходила «американку» в 7 раз, а по площади обороняемой территории — в 3 раза.

Так что для наших специалистов не было тайной, что именно больше всего интересует американцев: им нужно было разгадать некоторые технические секреты в системе обнаружения цели, в программном обеспечении наведения и подрыва ракеты. С-300 способна снайперски (с показателем 0,95) поражать заданный объект: то есть на одну цель тратится фактически одна ракета.

А во время войны в заливе американцы поражали цель лишь четвертой — шестой ракетой. Наш ЗРК уничтожает саму боеголовку, а «Пэтриот» — чаще всего лишь повреждает корпус цели. Из-за этого американцам удавалось подбивать «Скад» лишь у самой земли. Случалось, что она так и падала непораженной.

Сначала на киноплёнке, запечатлевшей снайперскую работу С-300 на выставке вооружений в Абу-Даби, а затем на полигоне Капустин Яр, мне посчастливилось видеть эту систему в деле, и душа моя лопалась от гордости, что золотые головы и руки наших обнищавших оборонщиков способны делать лучшее в мире оружие.

Пролетала ли с бешеной скоростью где-то в заоблачной выси невидимая ракета «противника», пытались ли проскочить мимо нашего наблюдательного пункта на разных скоростях и высотах самолет или беспилотная мишень — молниеносно вырывалась из ствола пусковой установки атакующая ракета, затем далеко или близко раздавался мощный взрыв, и на землю падали обломки и осколки уничтоженного «объекта».

Министр обороны несколько раз так «издевательски» закручивал новые вводные для подразделения С-300, что, казалось, даже в фантастическом бою не может возникнуть столь сложной ситуации. И снова, будто зрячая, с бешеным ревом взвивалась в небо ракета, цепко находила цель и подрывала ее вместе с собой.

Казалось, что наша ЗРС доведена до совершенства. Но я был поражен, когда на разборе испытательных пусков системы с новой ракетой, показавшей блистательный результат, Главный конструктор вдруг заявил, что у его С-300 есть еще «огромные резервы совершенствования». После этих слов министр обороны мгновенно попросил покинуть полигонную палатку всех, кто не имел отношения к работе над зенитной ракетной системой.

Москва уже в 91-м знала, что в одном из секретных американских КБ затевают «родить» более совершенного наследника «Пэтриота» с кодовым названием «ПАК-3». Самолюбивые американцы поставили перед собой задачу-максимум — сделать такую ЗРС, которая была бы самой сильной в мире. А значит — лучше русской. Американцы прощают себе многие слабости. Но они не любят быть вторыми. Особенно — после русских...

Был и еще один повод, который сильно терзал самолюбие наших конкурентов: они не хотели смириться с тем, что Россия, военно-промышленный комплекс которой «стоит на коленях», вынуждает великую и процветающую Америку «смотреть себе в затылок».

В начале 92-го года российский Генштаб уже имел сведения, что ЦРУ и разведывательное управление министер-

ства обороны (РУМО) США разработали секретную операцию для решения «проблемы С-300».

Есть в военно-технической сфере один старый неписанный закон: если тайну устройства оружия противника нельзя разгадать, его воруют или покупают. Сами американцы признавались, что на разгадку С-300 им придется потратить не менее 10 лет. А это — гигантские расходы, почти 1 млрд долларов. Нужно было найти гораздо более экономное решение задачи. И оно было найдено...

Американцы намеревались идти к цели двумя путями: первый — занять ЗРС целиком в самой России, второй — добыть ее полностью или по частям в армиях некоторых республик бывшего СССР, где было несколько систем С-300 или их компонентов. Операция разрабатывалась и осуществлялась под личным кураторством бывшего министра обороны США Фрэнка Карлуччи и госсекретаря США Джеймса Бейкера. При этом РУМО выступало в роли непосредственного покупателя системы.

Для решения подобных задач американские спецслужбы часто используют реально существующие или подставные коммерческие фирмы и компании. И операция «С-300» не стала исключением. А чтобы стимулировать рвение коммерсантов в борьбе за добывание С-300, Пентагон даже установил среди них что-то наподобие конкурса: больше денег на покупку мог получить тот, кто добьется наиболее значительного результата.

Возможность заработать солидный куш привлекла к операции матерых специалистов. К ней, по данным наших спецслужб, проявил горячий интерес и участник аферы «Иран-контрас» торговец оружием из Канады Эммануэль Уайнбергсгер. А в роли одного из посредников выступала компания «Би-Ди-Эм» (собственник — «Карлайд групп»).

ПОКУПАТЕЛИ

Приобрести С-300 непосредственно в России американцам долгое время не удавалось. А им принципиально важно было занять С-300 именно у нас, целиком и именно ту, что состоит на вооружении Российской армии (ЗРС имеет несколько модификаций, которые отличаются не только аббревиатурой названий — С-300В, С-300ПМУ, С-300ПМУ-1, но и разными типами тягачей — гусенич-

ным или колесным, — а также некоторыми другими принципиально важными элементами).

Американские «покупатели» стали совершать визиты в Москву и вести нерекламируемые переговоры с чиновниками из правительства, Минобороны, военно-промышленного комплекса о возможности покупки С-300. В ЦКБ «Алмаз» (генеральный конструктор А.Лиманский), разработавшем системы типа С-300ПМУ, им, как говорится, с порога было отказано. На то было несколько причин: система еще шла в наши войска, хватало других серийных иностранных заказов, да и к тому же позиция Главкома Войск ПВО генерала Виктора Прудникова была категоричной: «Не нужно с американцами этим заниматься».

Получив отказ на «Алмазе», американцы на переговорах с руководством другого ЦКБ — «Антей» (разработавшего С-300В) сменили тактику. Они стали давить на самую больную мозоль русских: мол, ваш ВПК задыхается от безденежья, растут долги государства перед бюджетниками и потому большой грех отказываться от получения почти 300 млн долларов. У некоторых сотрудников «Антея» при названии этой цифры загорались глаза. Получить такой куш, когда людям вовремя не выдают зарплату, было крайне соблазнительно...

В то время «Антей» (генеральный конструктор Вениамин Ефремов) находился в тяжелом экономическом положении. К тому же был уже на выходе проект модернизации системы — С-300ВМ, что и побудило антеевцев пойти на переговоры.

Таким образом, покупатели из США сумели найти тех «генералов российского ВПК», которые стали затем активными лоббистами продажи С-300В. Они в письмах президенту и на совещаниях в правительстве стали говорить, что неразумно «солить» оружие в условиях значительного потепления международного климата и жестокого финансового кризиса в стране и в оборонке. Они утверждали, что из-за своего «глупого упорства» мы теряем возможность получить огромные деньги на модернизацию С-300 и развитие новых военных технологий и вооружений. Так российские власти двигались к выбору между «большой американской валютой» и оборонной безопасностью государства...

Мне много раз в последние годы приходилось сталкиваться со странным феноменом. Некоторые директора во-

енных заводов и конструкторы костями ложились, когда возникала опасность, что их любимые детища могут попасть в руки иностранцев даже за баснословные деньги. А потом вдруг все резко менялось: вчерашний яростный поборник военной мощи России, бдительный страж наших лучших вооружений и технологий бегал по правительственным или кремлевским кабинетам и до хрипоты доказывал, что если мы не будем продавать за рубеж тот или иной тип оружия или военной техники, то сами же останемся без штанов.

Что-то подобное произошло и с С-300В.

РУССКИЙ СЛЕД

Долгое время продажу ЗРС в США «тормозили» в российском правительстве, в Минобороны, в парламенте. Вплоть до лета 1994 года шли яростные схватки и дискуссии. И среди некоторых политиков, военных, конструкторов все громче раздавался голос тех, кто с пеной у рта доказывал, что в продаже американцам С-300В «нет ничего страшного». Мол, были бы деньги, а мы оружие еще более совершенное придумаем и создадим. А без валюты — загнемся. Эти люди, движимые таким (и только таким ли?) стимулом, стали активно проталкивать в высоких государственных кабинетах необходимые для продажи С-300 разрешения и визы.

Генконструктор «Антея» Ефремов все больше склонялся к тому, что руководство Минобороны должно дать согласие на продажу С-300В. Его аргументы были такими:

— Вот, скажем, та же система С-300, которая до сих пор за рубежом не превзойдена. Сегодня заводы, способные производить эту продукцию, стоят. Если ее экспортировать, можно пустить заводы и отчислить деньги на новые разработки. Не продадим — погибнет и эта технология, с которой связаны сотни заводов. Воспроизвести ее будет невозможно. Очевидно, что надо больше доверять генеральным конструкторам — творцам сложнейшей техники. Кому лучше знать, что можно продавать, а что — нельзя. Я полтора года убеждал, что С-300 надо продать. Трижды проходил Кокошина (бывший первый заместитель министра обороны РФ, курировавший военно-технические вопросы, затем секретарь Совета безопасности России. — В.Б.). Разрешил только президент...

Запомним эту фразу.

У других руководителей КБ и военных предприятий была противоположная точка зрения: даже в условиях разваливающихся экономики и ВПК России нельзя распродавать самое сильное наше оружие и тем более — своими руками повышать боевой потенциал НАТО.

Таким образом, в тугой клубок противоречий сплетались политические, экономические и военные аспекты проблемы продажи С-300В в США. Но был и еще один, не менее важный. Нравственный. Высшая власть, приведшая страну к экономическому кризису, вынуждена была «выскребать» последние резервы пополнения казны валютой. В сущности — это и вопрос политического выживания самой власти. И тут нередко соображения морали отступали на второй план даже тогда, когда речь шла о военной безопасности государства.

Однажды меня обожгло конфиденциальное известие, поступившее в Генштаб: в соответствии с распоряжением правительства Российской Федерации № 1841-рс от 25 ноября 1994 года госкомпании «Росвооружение» совместно с Госкомоборонпромом было поручено провести переговоры с целью поставки через американскую фирму «Г.Р.А. Трейдинг Компани Инк» одной зенитной ракетной системы С-300В. В связи с этим требовалась экспертная оценка наших специалистов.

Становилось ясно, что сделка переходит в практическую плоскость...

Вскоре мне попал в руки чрезвычайно любопытный материал. В переведенной на русский язык статье американской газеты «Дифенс ньюз» (№ 16, апрель 1995 г.) под заголовком «США собираются приобрести русскую С-300» сообщалось: «...Планы российского правительства продать современную ракетную систему класса «поверхность — воздух» Соединенным Штатам могут предоставить последним редкую возможность разобрать по косточкам одну из самых совершенных русских систем оружия...»

В статье была и ссылка на заявление представителя «Росвооружения», который сказал, что компания подпишет контракт на продажу министерству обороны США С-300В в конце апреля того же года, но сумму контракта назвать отказался.

Представитель Пентагона в связи с публикацией в «Дифенс ньюз» заявил, что США обычно покупают экземпля-

ры иностранного оружия и техники для оценки возможностей и пределов их применения, а также с целью использования полученной информации для того, «чтобы быть полностью подготовленными на поле боя».

И другие американские эксперты не скрывали, что полученная при детальном изучении С-300В информация может быть очень полезной для совершенствования ЗРК «Пэтриот» и системы противоракетной обороны США в целом.

Хорошо оплаченная американцами двухлетняя атака российских «лоббистов» на Кремль, на правительство и Минобороны в конце концов завершилась успехом. Добро на продажу С-300В было получено (помните, — «Разрешил только президент»).

И уже вскоре по Генштабу стали разгуливать пикантные слухи о некоторых деталях сделки. Сначала о том, что мы якобы снова нарушили священное правило торговли оружием — продали ЗРС в единичном экземпляре. Затем пошла еще более сенсационная молва: дескать, американцы боялись какого-то подвоха от русских (подмены некоторых важных узлов на менее современные) и потому упростили наших продать «натуру».

Самым сенсационным был слух о том, что ЗРС была снята прямо с боевой позиции в части ПВО в Подмосковье, после чего ее доставили на базу отправки и там принялись в срочном порядке подкрашивать.

В это нельзя было поверить. Чем острее конкуренция среди наших оборонщиков, тем чаще они используют лопухих журналистов и высокопоставленных дилетантов в борьбе с «противником». Чтобы не попасться на мякине, я обратился в госкомпанию «Росвооружение» с просьбой подтвердить или опровергнуть факт продажи ЗРС с боевой позиции. Там категорически отрицали «дезу» («за которую надо набить морду!») и доказывали, что С-300В была взята с завода.

Таким образом, сам факт продажи не отрицался, но до полной истины еще предстояло докопаться. В этом помог любопытный документ с грифом «Совершенно секретно». Комиссия по экспортному контролю РФ (ее председателем был Андрей Кокошин, а секретарем — Виктор Миронов) на трех страницах составила и завизировала акт, в котором настоятельно требовала, чтобы были приведены в порядок технические документы, убраны некоторые пояснительные таблицы и т.д.

Когда боевая техника экспортируется с завода, таких банальных рекомендаций обычно не бывает. Там отлично знают, что категорически запрещается продавать технику вместе с нерассекреченными инструкциями. Прячется все, что позволяет покупателям узнать о комплексе гораздо больше, чем положено.

Инициаторы продажи С-300В в США «выламывали» в Кремле, в правительстве, в Минобороны согласие на это с помощью эффектного аргумента:

— Конгресс США выделил на покупку нашей системы аж 290 млн долларов.

Итог: до России дошло только 120 млн. На заводы и в КБ, участвующие в производстве С-300В, попало лишь около 40 млн долларов. Куда испарились остальные десятки миллионов долларов, можно только догадываться. Отлично знающие теневые стороны оружейного бизнеса спецы не исключали, что «премиальные» полюбовно поделили между собой продавцы и покупатели...

Дело приняло настолько серьезный оборот, что им занялась ФСБ. Возникал вопрос: если все было по закону, то из праздного ли любопытства сыщики с Лубянки проявили к этой истории «горячий» интерес? Хотя случается, что их благородный порыв остывает, по мере того как обнаруживаются следы, ведущие в сторону Кремля или Краснопресненской набережной.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Выкупив у нас С-300В, американцы уже вскоре занервничали и стали уговаривать русских изменить порядок реализации контракта. Они настаивали на том, чтобы радиолокатор секторного обзора был доставлен в США в первую очередь. Наши же оружейные торговцы возражали против этого, поскольку подготовка радиолокатора на экспорт требовала немало времени (есть определенные технические хитрости, о которых нельзя знать иностранцам, тем более — главным конкурентам).

Найти общий язык русским и американцам не удалось. Чтобы снять эту проблему, весной 1995 года в Вашингтон был командирован советник гендиректора «Росвооружения» Александр Лузан. В американском аэропорту представитель фирмы-покупателя, желая, видимо, ошара-

шить русского своей осведомленностью, встретил гостя словами:

— Приветствую вас, генерал-майор!

Александр Григорьевич (воинское звание которого не афишировалось) не растерялся и заметил как бы между прочим, что он — истинный специалист ПВО в отличие от президента компании «Г.Р.А. Трейдинг Компани Инк» господина Нормана Блейлока, бывшего кадрового сотрудника разведуправления МО США.

Когда Лузан встретился с Блейлоком, американец стал сетовать на то, что его фирме до нарезки вне графика надо получить радиолокатор секторного обзора. Было ясно, что фирма Блейлока очень хотела как можно быстрее начать «ковыряться» в одном из важнейших компонентов нашей ЗРС.

Переговоры были трудными, но ничего в порядке реализации контракта по С-300В не изменили. А когда американцы получили систему и стали в ней разбираться, из России поступила развединформация, что этот вид ЗРС имеет значительные отличия от другой системы — С-300ПМУ. К тому же американцы уже пронюхали, что в результате глубокой модернизации С-300В русские выходили на создание новой системы.

Но самое главное, что они поняли: С-300В и С-300ПМУ — это два принципиально разных комплекса.

Проглотив пилюлю, Пентагон начал повторную «атаку» на заветную цель, но уже гораздо лучше подготовленную. Их спецы и агенты не пропускали ни единой выставки, где можно было получить малейшую информацию о наших ЗРС любых модификаций...

О том, чтобы аналогичным образом выкупить другой тип ЗРС, уже не могло быть и речи: в России еще шло расследование истории с продажей С-300В. В ходе его, говорят, наши спецслужбы потребовали объяснений и от генерал-полковника Анатолия Ситнова — начальника вооружений Вооруженных сил РФ, который состоял в приятельских отношениях с генеральным конструктором «Антея» С-300В Вениамином Ефремовым.

Первых успехов во время повторной операции американцы добились на Украине. Там у производственного объединения «Искра» (Запорожье) за большие деньги была выкуплена радиолокационная система, предназначенная для дальнего обнаружения самолетов и ракет. Таким обра-

зом американские эксперты стремились получить еще одну возможность разгадать некоторые секреты устройства радиолокатора, обеспечивающего «захват» целей на дальнем расстоянии.

Вскоре в Генштабе стало известно, что таким же образом американцы на Украине выкупили и ракеты к комплексу С-300ПМУ-1. Они не скрывали, что хотят основательно изучить устройство головок наведения ракет и разгадать структуру их топлива.

За компонентами этой системы они на территории бывшего Союза охотились всюду, где было можно. В 1994 году им удалось купить в Белоруссии пусковую установку С-300ПМ и некоторые другие элементы системы. Между штабами ПВО России и Белоруссии вспыхнул острый конфликт. И хотя белорусы пытались запудривать своим российским коллегам мозги, наши приперли их к стенке, назвав даже номера «изделий», которые ушли в Америку. Наших хоть немного успокаивало то, что за рубежом не оказались самые важные узлы — радиолокатор подсвета наведения с командным пунктом комплекса (в них были «защиты» боевые алгоритмы).

Однако американцы продолжали упорно добиваться заветной цели на «белорусском фронте». Им стало известно, что на казахском полигоне Сары-Шаган еще с начала 92-го года осталось на испытательных площадках несколько кабин системы С-300ПМ. Это имущество после распада Союза в Москве и Алма-Ате считалось спорным. До разрешения претензий его по обоюдному согласию сторон заварили электросваркой и опечатали российскими и казахскими печатями. Американцы решили добыть это оборудование. Они через американско-канадскую компанию «А.Т.О.С.» уговорили белорусскую госкомпанию «Белтехэкспорт» за большие деньги купить у казахов кабины.

Москву о готовящейся сделке ни Минск, ни Алма-Ата в известность не поставили. Когда казахи привезли с полигона кабины в свою столицу, их ждало жестокое разочарование: оборудование оказалось сильно раскуроченным. Кто-то электросваркой прорезал в полу кабин люки и проник в них. По тому, как грубо выдирались блоки, специалистам сразу стало понятно, что работали «золотодобытчики» (в высокочастотной аппаратуре используются платина, золото, серебро).

И тем не менее белорусы не отказались от покупки кабин. Заплатив казахам символическую цену, они переправили сильно покуроченную аппаратуру на полигон научно-производственного объединения «Агат», где и принялись приводить ее в рабочее состояние. А для этого необходимо было восстановить рабочие блоки и ячейки. Приобрести их можно было только на предприятиях-изготовителях в России, куда и направились тайные белорусские «эmissары».

Обо всем этом Главкому ПВО генералу Виктору Прудникову стало известно от наших «источников» в Белоруссии. Узнав о том, что белорусы затеяли восстановление С-300 с помощью российских заводов (американцы пообещали им за это 130 млн долларов), Прудников попросил военную контрразведку и военпредов на заводах, участвующих в изготовлении аппаратуры «трехсотки», взять проблему под контроль.

Уже вскоре сигналы последовали с Костромского и Сергиево-Посадского электромеханических заводов, Государственного завода радиотехнического оборудования в Санкт-Петербурге, головного научно-технического предприятия «Гранит». Еще один сигнал поступил с Украины: там во Львове по российскому заказу был изготовлен комплекс 13Ю6 («мозг» центральной вычислительной системы), который белорусы намеревались тайком перекупить для восстановления раскуроченных казахами кабин).

Когда же 13Ю6 был доставлен в Россию, то выяснилось, что и здесь минские оружейные коммерсанты устроили за ним охоту, — пришлось даже выставить возле него круглосуточную вооруженную охрану (заимев комплекс и вскрыв его, американцы могли бы получить информацию о многих секретных характеристиках нашей системы).

Поняв, что львовский 13Ю6 им не получить, белорусские спецы и уговорили наших за солидную плату в валюте быстро изготовить комплекс. Что и было сделано. Затем оборудование было погружено на машины, которые направились к российско-белорусской границе. Там караван уже ждали сотрудники таможни и ФСБ. Оборудование было возвращено в Сергиев Посад и взято под охрану. Сделка сорвалась...

Но поскольку изготовители деньги за свою продукцию уже получили, возвращать их белорусам было жалко. Через некоторое время выяснилось, что комплекс 13Ю6 почти полностью оказался в Белоруссии.

Расследование показало, что изготовители учли горький урок, преподнесенный им контрразведчиками и таможенниками: они погрузили оборудование на машины и окольными дорогами сумели объехать таможенные посты. А вскоре в Белоруссию из Москвы прибыли и специалисты по пуску-наладке комплекса, которые и довели ЗРК до «кондиции».

Вскоре от своих людей в США Генштаб получил известие, что кабины через Канаду уже доставлены на американскую военную базу Хантсвилл...

Когда об этом стало известно Главкому ПВО России Виктору Прудникову, он разослал гневные шифровки президенту Белоруссии, Совету безопасности и Минобороны республики, назвав сделку с американцами по С-300ПМУ подрывом боеготовности вооруженных сил СНГ.

После этого Александр Лукашенко приказал своим силовикам, госкомпаниям и коммерческим фирмам заморозить какие-либо контракты по зенитно-ракетной системе.

Но у российских специалистов до сих пор нет никакой уверенности, что оставшиеся в Белоруссии и Казахстане ЗРС находятся под контролем властей и что не продолжится их распродажа по частям.

УТЕЧКА

Я не раз обращался к нашим специалистам-оборонщикам и экспертам, занимающимся продажей оружия за рубеж, с просьбой дать свою оценку запутанной истории, связанной с экспортом С-300 в США. Мне предоставили возможность познакомиться с содержанием экспертной записки военных советников правительства РФ, направленной В. Черномырдину в апреле 1995 года. В ней говорилось:

«Получают одобрение сделки по продаже единичных современных образцов оружия и военной техники зарубежным странам, причем явно для целей изучения. В результате таких поставок происходит не только утечка охраняемых тайн и передовых уникальных технологий, но и использование импортерами результатов исследований полученных образцов в своих военных целях, что в конечном итоге наносит серьезный ущерб национальной безопасности и обороноспособности страны».

Принципиально важен и еще один момент: такая практика позволяет нашим конкурентам быстрее сокращать отставание.

Одно дело продать С-300 куда-нибудь в Африкандию, другое — в Америку. Когда историей с продажей С-300 в США заинтересовались спецслужбы, разгорелся скандал. Кремль, правительство, Минобороны хранили партизанское молчание.

Парламент настаивал на том, чтобы ему доложили результаты расследования о законности продажи С-300 в Америку и выводы наших контролирующих органов, прежде всего — комиссии по контролю за экспортом вооружений. Ее председатель Андрей Кокошин в интервью «Интерфаксу» еще задолго до российско-американской сделки по С-300 сказал, что комиссия по контролю за экспортом вооружений «является важной составной частью экспортного контроля РФ и в каждом конкретном случае стремится обеспечить оптимальное сочетание между интересами государства и частными интересами отдельных предприятий». Хотя интерес, в общем-то, тут один — максимальная выгода.

Попытки Госдумы установить истину ничем не закончились — начиналась очередная предвыборная гонка. Но зато стала разгораться скрытая война вокруг производителей ЗРК, в которую включились президентские, правительственные, парламентские структуры и отдельные военные чиновники. К тому времени президент и кабинет министров уже дали официальное разрешение на серийную продажу одной из модификаций С-300 за границу.

Контракт с Китаем принес в государственную казну гигантский доход — 600 млн долларов. Такой успех омрачало лишь то, что началась возня вокруг правил дележки доходов между производителями, КБ, финансистами. В нее втянули даже некоторых первых лиц в правительстве, в частности Олега Сосковца. В Государственной думе и в правительстве всплыли документы, свидетельствующие об этом.

Получив возможность ознакомиться с порцией таких документов, я поначалу не поверил в их подлинность. И был вынужден обращаться к знакомым депутатам Госдумы, к чиновникам правительства и администрации президента. Надо было убедиться, действительными ли являются подписи, штампы, фирменные бланки, номера документов. Но, вместо того чтобы подтвердить или опровергнуть подлинность материалов, там интересовались спо-

собами их получения и в экстренном порядке информировали спецслужбы.

Судя по документам, 20 февраля 1995 года заместитель председателя Комитета Госдумы по обороне А.Пискунов направил на имя первого заместителя правительства РФ О.Сосковца письмо за № 3.13-798, в котором поставил большое количество вопросов, касающихся порядка экспортных поставок и финансирования производства С-300.

Содержание письма явно указывало на то, что Пискунов был крайне озабочен юридическими правомочиями некоторых фирм-посредников, участвовавших в поставках ЗРС за границу. В своем письме Сосковцу Пискунов сделал целый ряд сенсационных утверждений. Некоторые из них сводились к тому, что отдельные посредники, участвующие в сделках якобы «для повышения эффективности расходования бюджетных средств», в действительности способствуют «увеличению финансовых издержек производства». Иными словами — незаслуженно получали крупный навар. Ставилась под сомнение и система распределения основной доли прибыли...

Были и многие другие серьезные претензии. Например, в стоимость производимой техники включалась стоимость межбанковских кредитов, превышающая 200% годовых. Такой подход значительно снижал экономическую эффективность контракта с Китаем.

Весьма негативно к фирмам-трутням был настроен и начальник Государственно-правового управления Президента РФ Р. Орехов. В своем письме на имя Пискунова (от 7 апреля 1995 года — № А19-1-707) он указывал на грубые нарушения требований Положения «О военном-техническом сотрудничестве Российской Федерации с зарубежными странами», утвержденного указом Президента РФ от 12 мая 1992 года № 507.

Но все это ничем не закончилось.

Заимев наши ЗРС целиком или по частям, американцы намеревались слямзить из них все, что было можно. Но была и еще одна очень серьезная неприятность. В 1997 — 1998 годах американцы «засветили» группу своих патентов, которые охватывали почти все базовые технологии, заложенные в наших С-300 всех модификаций (структуру комплекса, методы наведения и т.д.). Мы не делали этого, чтобы преждевременно не раскрывать их.

Чем это нам грозит?

Россия намеревается, например, продемонстрировать свой новый комплекс С-300ПМУ-2 («Фаворит»). Он является модернизацией комплекса-«предшественника» (ПМУ-1). Одно из новшеств — улучшение характеристик системы по борьбе с разными видами баллистических ракет. Но стоит ПМУ-2 появиться на международной выставке, как его именины тут же окажутся испорченными. Дата его рождения — 1999 год, а американцы предъявляют патенты, в которых указывается, что некоторые идеи, заложенные в «Фаворите», они запатентовали еще в 1997 году. Появятся серьезные претензии к русским в связи с нарушением авторских прав...

Такой тактикой ведения «патентной войны» американцы пытаются заблокировать целое направление в развитии российских ЗРК. А это не только неприятности, но и колоссальные дополнительные расходы.

Некоторые наиболее эффективные решения российских конструкторов и ноу-хау, заложенные в С-300, американцы переносят на свой модернизируемый ЗРК — «Пэтриот» («ПАК-3»). Однако это долгожданное дитя никак не появляется на свет. А мы уже пошли еще дальше, соорудив новую систему «Триумф» и новую ракету, которые с полным правом можно назвать оружием XXI века, способным поражать все существующие и перспективные ракетные и авиационные средства.

Однажды на международной выставке вооружений русские конструкторы и военные предложили американцам принародно устроить соревнование комплексов. Американцы не согласились...

Мы их опережаем. Американцы и сами это признают. Когда они пронюхали о боевых качествах новой ЗРС «Триумф» и новой зенитной ракеты, ЦРУ получило экстренное сообщение своего агента в Москве: «Создание этих ракет можно отнести к числу выдающихся достижений российского ракетостроения. Их появление показывает, что Россия продолжает находиться среди ведущих ракетных держав мира».

АВИАНОСЦЫ

Когда в 1993 году у нас наклеывался контракт с Малайзией на продажу ей партии МиГ-29, то у малайзийских генералов голова кругом шла от тех русских оружейных

коммерсантов, которые доказывали, что именно они имеют право от имени государства торговать истребителями. И таких набралось человек семь.

Но уже хорошо ученые малайзийцы никому из них не поверили и потребовали, чтобы прилетел «кто-нибудь серьезный». Пришлось браться за дело самому тогдашнему вице-президенту России Александру Рущкому. Ему только и поверили.

После развала СССР дикий российский бизнес зубами вцепился в оружие, прекрасно понимая, какие доходы сулит его продажа. Сотни сомнительных фирм и фирмочек пиявками присосались к военно-промышленному комплексу, к запасам наших вооружений, техники, войскового и флотского имущества.

В ту пору и разгорелся скандал вокруг сделки, связанной с продажей 12 списанных подводных лодок Тихоокеанского флота в Южную Корею через одну из японских фирм (хотя Россия сама могла сделать это). Другая странность сделки состояла в том, что имевшийся в составе штаба флота отдел по реализации излишков военного имущества был практически отстранен от нее представителем Госкомимущества.

Это вызвало законное негодование бывшего в ту пору командующим флотом адмирала Георгия Гуринова.

В телеинтервью программе «Зал ожидания» Гуринов рассуждал так: списанные подлодки принадлежат флоту. Министерство обороны заплатило когда-то за их постройку деньги, корабли стали собственностью военного ведомства. С какой же стати теперь деньги за этот товар должны идти в карман Госкомимущества? Не лучше ли обратить выручку на постройку жилья для тысяч офицеров флота? Много, очень много странного было в той сделке. Да и не только в ней...

Почти год шли шумные и скандальные разговоры о продаже за границу тяжелых авианесущих крейсеров (ТАКР) ТОФа «Минск» и «Новороссийск». Хотя, казалось бы, что тут сложного: если есть разрешение правительства, комиссии по экспортному военно-техническому контролю, если найден покупатель — командование флота заключает с ним контракт, оговаривает методы разделки кораблей, сроки расчетов и бьет по рукам.

Ан нет. Вокруг авианосцев, словно черные вороны, почуявшие вкусную добычу, закружили сомнительные

фирмы. Одна из них именовалась «Янг дистрибьюшн» и была вскоре после августовских событий 1991 года учреждена некоторыми бывшими советскими отставными военачальниками. По этой причине «Янг дистрибьюшн» сравнительно легко добилась в нашем Минобороны права играть роль посреднической фирмы при продаже авианосцев за рубеж.

Но, уже после того как была заключена сделка по «Минску» и «Новороссийску», ее неожиданно остановили и... назначили уголовное расследование. Эксперты пришли к выводу, что продавать корабли на утиль в другую страну опасно хотя бы потому, что они могут быть перепроданы третьей стороне и восстановлены.

Встал вопрос о том, что корабли должны быть разделаны по месту стоянки. Таким образом, получалось, что посредничество «Янг» вроде бы уже было ненужным. А дальше события развивались так.

На пресс-конференции во Владивостоке заместитель командующего Тихоокеанским флотом Николай Лысенко сказал, что подготовленные для продажи за рубеж «списанные на металлолом» авианосцы «Минск» и «Новороссийск» будут разделяться в России. Заявление это было сенсацией: ведь еще недавно некоторые флотские руководители вообще высказывали сомнение в правомерности сделки. Они же настаивали на том, что российская сторона должна контролировать процесс переработки кораблей в Южной Корее, для того чтобы авианосцы не были перепроданы третьей стране.

А тут все резко поменялось: у Сеула, дескать, отсутствовали соответствующие технологии «для демонтажа каркасов такого объема» (и это почему-то выяснилось лишь год спустя после начала переговоров о сделке). Данное утверждение выглядело весьма странно. Хотя для несведущих все выглядело логично: России действительно было бы гораздо выгоднее продавать уже разделанные корабли — это давало колоссальный дополнительный доход. Но все дело в том, что посредническая фирма «Янг» имела свой особый козырный интерес при продаже именно кораблей, а не металлолома. Суть его вскоре обнажилась...

Взорвалась новая сенсационная бомба: при проверке состояния приготовленных для продажи за рубеж авианосцев выяснилось, что с них так и не были сняты многие узлы,

агрегаты, блоки, механизмы, подпадающие под гриф «Совершенно секретно».

Вот выписка из акта, составленного инженерами и сотрудниками военной контрразведки ТОФа:

«...Было установлено, что ТАКР “Новороссийск” и “Минск” не демонтированы и остаются на штатных местах вооружение и техническое оснащение кораблей с комплектующими узлами и запасными частями. При них находится документация с описанием, порядком эксплуатации и схемами устройств. В том числе:

1. МР-700 (РЛС “Фрегат”), радиолокационная станция освещения воздушной, надводной обстановки, обнаружения целей — совершенно секретно.

2. “Аллея-2”, автоматизированная система сбора и обработки информации целеуказания и выработки рекомендаций для использования средств противолодочной и противовоздушной обороны — совершенно секретно.

3. “Сапфир-1143”, навигационный комплекс — совершенно секретно.

4. СЦУ “Корвет-1143”, система целеуказания — совершенно секретно.

5. МР-105 РЛС, станция управления стрельбой корабельной зенитной артиллерии — секретно.

6. МР-123, станция управления стрельбой АК-630 — секретно.

7. МНРА, привод СВ — автоматизированная радиотехническая система ближней навигации и посадки самолетов (вертолетов) — секретно.

8. МС-33, заряжающее устройство, техническое описание РПК-1 “Вихрь” (ракетный противолодочный комплекс) — секретно.

9. “Оса-М”, корабельный зенитно-ракетный комплекс СУ, АК-33-ТУ — секретно.

10. КВН-98/64-111, главный котел — секретно...»

Затем выяснилось, что количество устройств, относящихся к разряду секретных, оказалось гораздо больше. Стало известно и другое: хитроумные спецы демонтировали и припрятали в корабельном хламе большое количество совершенно исправного оборудования, кабельных сетей, нашпигованных платиной, золотом, серебром...

Следователи, разматывающие это дело, пришли к выводу, что следы преступления ведут в высокие московские и владивостокские кабинеты. Наверное, поэтому об итогах расследования этого дела в Минобороны и Генштабе никто ничего конкретного сказать не может...

В 1997 году произошла еще одна подобная сделка, связанная с продажей в Индию списанного на металллом корабля Северного флота «Москва». Когда его прибуксировали в индийские территориальные воды, он был неожиданно задержан, а экипаж буксира арестован.

Для сглаживания инцидента понадобилось вмешательство высоких московских инстанций. По некоторым данным, все это стало следствием яростной борьбы конкурирующих российских фирм, одна из которых, не допущенная к сделке, «заложила» соперницу индийским властям, посеяв у них большие сомнения в юридической состоятельности сделки. Индусы долго не могли понять, с кем же в реальности имеют дело — с мошенниками или с солидными государственными людьми...

ВЕТО

С начала 90-х годов и до недавнего времени в Минобороны и Генштабе часто можно было слышать утверждения высокопоставленных чиновников о том, что «военное ведомство оружием не торгует». Президентский указ действительно запрещал МО и ГШ заниматься этим делом. Такое вето было правильным во всех отношениях — армия никогда не должна быть торгашкой.

Но жизнь не втискивается в строгие рамки президентских указов. Однажды, отправляясь с визитом в одну из стран Ближнего Востока, министр захватил с собой новейший образец автомата в подарочном варианте.

В функциональных обязанностях министра не было и намек на необходимость выступать в роли продавца оружия. Не та должность. Все-таки — министр обороны, а не министр «военной торговли». Но Грачев несколько раз попытался испытать свои способности на этой ниве. Когда же «вверху» выразили недовольство, он с детской непосредственностью заявил:

— У нас не умеют торговать оружием, а мне сказали «Не суйся!». Тут каждый хочет себе в карман положить...

На Арбате долго разгуливала легенда о том, как Павел Сергеевич до того разжег аппетит одного шейха, что тот сказал:

— Присылай скорее танки, денег дам столько, что твоего самолета не хватит.

Грачев ответил:

— В следующий раз. Когда мой самолет побольше будет.

Я думал, то была очередная генштабовская байка. А вскоре удалось посмотреть видеозапись рассказа Грачева о том случае, который, насколько мне помнится, заканчивался такими словами министра:

— Да он (шейх. — *В.Б.*) за наши танки любые деньги даст... Он же, кроме денег, песка и лошадей, ничего не видел...

Многие шутки Павла Сергеевича были очень удачными...

Но шутки шутками, а министр обороны РФ так однажды разошелся, что наобещал генералам Объединенных Арабских Эмиратов продать партию танков по весьма сходной цене. Военное ведомство ОАЭ поставило в известность свое правительство, что готовится закупить большую партию боевых машин у России.

Эмиратчики, не веря привалившему счастью, потребовали от своего министра обороны провести глубинную разведку вопроса и выяснить, наделен ли глава военного ведомства РФ официальным правом торговать оружием и подписывать контракты.

Эмиратские спецслужбы, бросив на выполнение задачи все лучшие силы, через несколько месяцев доложили главному шейху, что в системе российского оружейного бизнеса так и не могут разобраться: создается впечатление, рапортовал в свою столицу один из сотрудников дипломатического корпуса, что в Москве каждый имеющий пропуск в Кремль и правительство, является специалистом «в этом секторе бизнеса».

Арабам только и удалось выяснить, что предлагаемые им танки — старых образцов и находятся на консервации на стратегических складах стран бывшего Варшавского Договора. Казус вышел настолько серьезный, что в ОАЭ по этому случаю проводились даже парламентские слушания.

И все же надо отдать должное Павлу Сергеевичу: во время «оружейных» международных переговоров он демонстрировал блистательное искусство рекламировать отечественное оружие, его профессиональный военный азарт иной раз подкупал собеседников настолько, что многие военные министры, короли и шейхи невольно тянулись за проектом контракта и кошельком... Положительные результаты переговоров Грачева с министрами обороны

ЮАР, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Китая, Южной Кореи, Турции, Израиля и многих других стран говорили об очень многом.

Самоуверенные и навороченные, надувающие щеки и сверкающие плутоватыми глазами иные наши «гиганты оружейного бизнеса» не могли воздействовать на покупателей так, как влиял на них Грачев своим азартом, прямодушием и напором.

Когда долго служишь на Арбате, то незаметно привыкаешь к тому, что постоянно живешь в мире сенсационных слухов, большинство из которых в конце концов подтверждается. Например, в качестве слуха долгое время существовала информация о том, что сват Грачева — начальник Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковник Дмитрий Харченко оказался каким-то образом причастным к почти детективной истории, связанной с передачей крупной партии бронетанковой техники болгарам. Прошло время, и слух стал явью. Более того, первый заместитель министра обороны РФ Андрей Кокошин лично вылетал в Болгарию на церемонию передачи танков братушкам.

Потом у нас в МО стали ходить усиленные слухи о том, что хотя наше руководство и говорит, что мы технику болгарам якобы бесплатно отдали, а на самом деле...

Когда по обмену визитами к нам прилетела группа старших болгарских офицеров, за чашкой крепкого чая в посольстве я попросил братушку по-славянски врезать мне правду-матку. Братушка хотя и был уже хорошо разогретый, но службу знал крепко, даже за дружеским столом. Он хитровато блеснул глазами и сказал:

— Болгары никогда не бывают неблагодарными...

Я это с детства знал. Я руками и ногами за то, чтобы братьям-славянам не сто, а тысячу танков безвозвездно отдать, — если это на пользу России. Но у меня не было никакой уверенности, что некоторые наши проворные дельцы с Арбата по старой привычке не погрели руки.

Ведь был же случай, когда они 20 млн долларов, полученных за сделку с болгарами, умышленно заслали на счет зарубежного банка — так их легче было «крутить». После этого надо быть инопланетянином, чтобы поверить в то, что боевая техника, переправленная в Болгарию, оказалась там за «спасибо». Сейчас, когда братушки «ложатся под НАТО» и даже предоставили блоку свои военные аэродро-

мы, с которых взлетали самолеты на бомбежку сербов, и уже обсуждают план создания американской военной базы, «безвозмездная» передача Болгарии наших танков выглядит нелепо: получается, что мы позаботились об укреплении боевой мощи Североатлантического альянса...

По Минобороны и Генштабу частенько ходили разговоры, что к некоторым сомнительным коммерческим сделкам, связанным с продажей российской военной техники за рубеж, были причастны даже первые заместители министра обороны. В 1995 году органы контрразведки с помощью одного из сотрудников военной приемки (проверка качества вооружений) пресекли попытку российских дельцов загнать одной из дальневосточных стран уникальную радиотелеметрическую аппаратуру, которая не подлежала продаже за рубеж. А в ходе следствия выяснилось, что разрешение на контракт давал один из первых замов министра. Только идиот поверит, что человек пошел на такой риск «по ошибке».

Еще один такой слишком рискованный служил в свое время у нас в Генштабе. Этого бравого контр-адмирала у нас называли «непотопляемым крейсером». Особенно после того, как еще во время работы в «Росвооружении» он влип в одно очень скандальное дело и сумел выйти из воды сухим.

Некая российская компания «Бонекс», которая выдавала себя за официального посредника «Росвооружения», подписала контракт с Йеменом на поставку трех старых штурмовиков Су-17. Предоплату, 3,95 млн долларов, фирма получила, а самолеты не пригнала.

Тогда йеменские власти отобрали у представителя фирмы паспорт, из-за чего он долгое время был вынужден жить на территории российского посольства.

Посредническую доверенность «Росвооружения» гендиректору фирмы пробивал наш коммерсант-генштабист. Он же содействовал, чтобы «Бонексу» были выданы гарантии на 7,4 млн долларов. Под них фирма успела получить в банке еще 6,4 млн долларов.

Казалось, если были вскрыты такие факты, то контр-адмиралу место не в Генштабе, а на Колыме... Но эта логика не для России. После выдворения из «РВ» адмирал получил статус «специального уполномоченного по военно-техническому сотрудничеству между Россией и Туркменией».

Многих таких шустрых у нас на Арбате называли «бак-сонасосами». Все они имели холеный вид, и у всех были одинаковые глаза — плутоватые и настороженные одновременно. У этих людей был взгляд вокзальных наперсточников, привыкших дурачить простофилю. В то время когда сотни тысяч их сослуживцев упирались на службе, пытаясь спасти быстро дистрофирующую армию, эти люди выискивали себе должностенки, на которых можно было успешно «дойти» государство к собственной выгоде. А таких теплых местечек в МО и ГШ было немало.

Большой отряд военных заседал в Главном управлении по сотрудничеству и кооперации Министерства внешних экономических связей (ГУСК). Все они были подведомственны Минобороны РФ. И тоже были причастны к военно-техническому бизнесу. И не только...

Передо мной документ — своеобразная визитная карточка ГУСК, которую его сотрудники вручали тем, кто имел отношение к военно-техническим сделкам (мне он достался года два назад, во время встречи с военным министром Бразилии, когда тот давал пресс-конференцию в посольстве своей страны в Москве). Вот как рекламировал ГУСК свои права и возможности. Читаем: «В настоящее время ГУСК имеет право: осуществления поставок вооружения и военной техники как производимых предприятиями оборонных отраслей промышленности Российской Федерации, так и из наличия Министерства обороны и Министерства внутренних дел Российской Федерации; экспорта и импорта продукции двойного (военного и гражданского) назначения; стратегических товаров, таких как: нефтепродукты, каменный уголь, прокат черных металлов, минеральные удобрения, аммиак, менатол, неорганические кислоты и других товаров».

Наверное, нормальному человеку невозможно понять, как могли люди с погонами на плечах выступать в роли торговцев минеральными удобрениями или органическими кислотами.

Государство, поместив военных людей в среду бизнеса, превращало их в банальных торгашей. Искушение велико. Преступные комбинации неизбежны. Формирование мафиозной структуры объективно...

В 1996 году Президент РФ издал указ, в соответствии с которым все военнослужащие, которые числились прикомандированными к различным гражданским ведомствам,

должны были возвратиться в структуры МО или уволиться, если позволяла выслуга лет. Этот указ президента не выполнялся. Многие старшие офицеры МО и Генштаба (а с ними — и десятка два генералов) по-прежнему заседают в «хлебных местах», в том числе и связанных с вооруженческим бизнесом.

Если вам на улицах Москвы встретится внушительная вывеска типа «Спецтех» или «Спецпроект», будьте уверены — это еще одна кормушка, где обязательно можно найти «партизана» в чине генерала или полковника, подвизающегося на ниве военно-технической коммерции...

Помню командировку на Тихоокеанский флот. В составе нашей минобороновской комиссии находился старший офицер, представлявший какую-то вооруженческую торговую организацию.

У причальной стенки Камчатской военно-морской базы уныло покачивалась на воде ржавеющая подводная лодка. Командир базы жаловался министру обороны Игорю Родионову на то, что катастрофически не хватает денег на ремонт субмарины, что рабочие местного судоремонтного завода из-за невыплаты денег грозят приостановить работы даже на тех военных кораблях, которые стоят в доках. Стоявший рядом со мной вооруженец по-хозяйски оглядывал подлодку и что-то прикидывал. Потом спросил:

— Как ты думаешь, во что все это обойдется?

Я не понял и уточнил:

— Ремонт, что ли?

— Да нет, — ответил он, — продать ее к черту на металлолом. За нее бы гору долларов дали...

На Тихоокеанском флоте сегодня все больше появляется субмарин, которые смиренно ждут «приговора», исполненного газовым резаком. Глаза бизнесменов в погонах и без жадно прилипают к ним.

Во все времена морские командиры считали первейшим смыслом службы поддержание боеготовности кораблей. Сегодня многие из них часто видят в своих кораблях прежде всего товар...

РУКА ДРУГА ИЛИ ЛАПА ЛИСЫ?

После крушения СССР большинство предприятий российского военно-промышленного комплекса оказались в тяжелом положении: урезалось их финансирование, свора-

чивался оборонный заказ. В Минобороны и Генштаб непрерывным потоком шли жалобные письма директоров оборонных заводов — просили помочь спастись.

Наше арбатское начальство ничем не могло помочь — не оно определяло военно-техническую политику в стране.

При Гайдаре многие правительственные чиновники лишь важно надували щеки и, как заклинание, талдычили магическое слово «конверсия».

Но четкого стратегического плана конверсии оборонной промышленности не было. По этому поводу бывший министр обороны маршал Е. Шапошников справедливо говорил: «Конверсию у нас начали методом кавалерийского наскока, без сколько-нибудь взвешенной общегосударственной программы».

Ни к чему и не привели долгие споры о том, на какую глубину надо сворачивать на наших заводах военное производство. К тому же не было и военной доктрины, концепции военной безопасности и военной реформы, в соответствии с которыми власти могли бы выстроить новую «архитектуру» ВПК.

Уже в тот период ко многим арбатским генералам и офицерам все яснее начинало приходить осознание того, что новая власть беспомощна перед завалами проблем, которые она же и создала. Эта власть обладала почти атомной силой разрушения старой политической и экономической системы и проявляла жалкую немощь в попытках созидания нового государства, новой армии.

И только там, где многим представителям новой власти светили какие-то личные финансовые или материальные выгоды, — только там с невиданной силой проявлялись потрясающие «успехи» — Россию грабили алчно, ненасытно, изощренно...

У меня была возможность систематически знакомиться с конфиденциальными материалами о положении в оборонке, которые поступали на имя министра и начальника Генштаба. Время от времени появлялись и документы наших спецслужб. В них все чаще стал мелькать вывод о том, что нарастающим развалом многих предприятий ВПК стремятся с максимальными для себя выгодами воспользоваться иностранцы, — начиналось активное проникновение заграничного капитала на российские оборонные предприятия. А вместе с инвестициями в секретные цеха, лаборатории и КБ проникала зарубежная агентура.

Уже к началу 1993 года насчитывалось несколько десятков российско-американских договоров о создании совместных коммерческих фирм в различных подразделениях нашего ВПК. Причем фирмы эти образовывались чаще всего там, где умами и руками русских был достигнут наибольший прогресс в производстве военной продукции.

На одном из авиационных заводов в Омске был создан самый маленький и самый мощный авиационный двигатель в мире. При ритмичном финансировании государство и непосредственно авиастроители могли бы получать колоссальные доходы. Но государство не давало денег. Американцы быстро сообразили, что сулит им кооперация с русскими, и захомотали их, предложив крупные инвестиции и совместные проекты.

И подобных примеров было великое множество. Иностранные коммерсанты стали проникать даже на наши военно-стратегические заводы типа санкт-петербургской «Искры» и выкачивать оттуда самые лучшие наши технологии и интеллектуальные решения.

С помощью американских долларов активно шла коммерциализация российского оборонного цеха. По этому поводу в одном из документов Федеральной Службы безопасности РФ (январь 1995 года) говорилось:

«...Соединенные Штаты... через возможности своих спецслужб и научных центров осуществляют глубокое внедрение во все сферы жизнедеятельности нашей страны, занимают стратегические позиции и оказывают решающее влияние на развитие политических и экономических процессов в Российской Федерации».

Сотни американских бизнесменов ринулись в Россию на элитные предприятия нашего ВПК. А ведь еще в начале 1992 года наши генштабовские аналитики констатировали, что прорыв иностранного бизнеса в российский ВПК является формой экономической экспансии и военно-промышленного шпионажа...

Но были в России люди, которые думали по-другому: дескать, если лучшие наши военно-промышленные предприятия умирают без государственного финансирования, так не разумнее ли их спасти с помощью иностранных капиталовложений?

Считающийся в президентских кругах одним из наиболее авторитетных специалистов в области военно-полити-

ческих проблем Сергей Рогов 3 ноября 1994 года писал в «Независимой газете»: «По оценкам экспертов, стоимость конверсии в России составит не меньше 150 млрд долларов, но правительство выделило на эти цели за последние годы 120 млрд рублей (в ценах 1992 года). Это не больше 10 процентов того, что требуется. К сожалению, наши руководители просто заболтали конверсию».

Рогову вторил патриарх отечественного ракетостроения, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, кавалер четырех орденов Ленина, академик Николай Семихатов: «Идея конверсии с ее «рваным» финансированием изначально была обречена. Основная масса оборонных предприятий лежит на боку, а некоторые бездумно распродают. Как могло случиться, что чуть было не продали 9-й завод спецтехники на «Уралмаше», который всю жизнь делал пушки? Как можно заявлять, что НПО «Автоматика» стране не нужно? Если так, то через пару лет можно смело ставить крест на всем ракетном флоте России, потому что только мы сегодня знаем, как сделать хорошую систему управления морской ракетой...»

Чем меньше государство вкладывало в ВПК, тем больше начинали вкладывать иностранцы под видом «помощи» конверсии и развития совместных предприятий.

В то время в руки мне попал документ — «Конфиденциальное обозрение. 27 мая — 3 июня 1994 года». В нем было такое:

«...Российские специалисты обеспокоены проникновением иностранного капитала на оборонные предприятия.

Группа российских специалистов в области оборонной промышленности подготовила закрытый доклад президенту и правительству России, который содержит специальный анализ участия американских компаний в программе конверсии РФ.

...В докладе обращается внимание на то, что американские фирмы «действуют в России как у себя дома и пользуются широкой поддержкой американского правительства и спецслужб». При этом внимание американцев привлекают такие предприятия, как Реутовское (Московская область) производственное объединение «Машиностроение», НИИ авиасистем, научно-производственное объединение «Исток» (Московская область) и завод «Ленинец» (Санкт-Петербург)...»

Приходилось читать оперативные материалы и о том, как некоторые российские специалисты ВПК, обуреваемые

страстью получить свои заветные баксы, сами выискивали иностранных партнеров, заманивая их с помощью уникальных научно-технических заделов и технологий. Когда их уличали в этом омерзительном бизнесе, они клялись и божились, что таким образом хотели спасти родные предприятия от полной разрухи.

Великий дурман опустился на землю русскую.

Иногда у меня создавалось впечатление, что кто-то дено и ночью зомбирует сознание некоторых наших оборонщиков, доводя иных до состояния туземцев, готовых слитки чистого золота обменивать на стекляшки...

В десятках арбатских кабинетов в ту пору можно было слышать гневные речи моих сослуживцев о том, что «пускать иностранных козлов в русский огород» не только глупо, но и преступно. Иные начальники называли людей с таким мнением «отмороженными совками».

И возникали сомнения насчет того, что, возможно, и мое сознание «изуродовано» старой идеологией, а те люди, которые убеждали нас отказываться от мышления периода «холодной войны» и жить в ногу со временем, — они из будущего.

И думалось: «А может, действительно наступает уже иная эпоха, когда не надо прятать наши оборонные секреты и «солить» военно-технические тайны?» А тут еще из Кремля и МИДа раздавались радостные возгласы, что у России больше нет врагов, что мы должны становиться более открытыми для Запада, что наши армии должны переходить от противостояния к партнерству и сотрудничеству. Все это звучало убедительно. Неубедительным оставалось лишь то, что под лозунгами об искоренении «образа врага» в наши конструкторские бюро и на оборонные заводы хлынуло сонмище иностранных «специалистов по конверсии», размахивающих толстыми кошельками.

Многие из этих спецов были опытнейшими агентами зарубежных спецслужб. И это называлось «новой политикой».

Вот один из документов периода расцвета «новой политики», подготовленный в аппарате Андрея Кокошина, бывшего в ту пору первым заместителем министра обороны:

«Большое значение придается кооперации России с Западом в области конверсии, — прежде всего из-за остроты проблемы финансовых средств. Госкомитетом по оборонным отрас-

лям промышленности накоплен огромный банк данных по предприятиям, которые имеют конкретные проекты сотрудничества с иностранными партнерами в самой различной форме.

Иностранные вкладчики могут участвовать в деятельности такого вида оборонных предприятий путем долевого участия, а также путем покупки пая акций, облигаций и других ценных бумаг. Зарубежные партнеры могут предоставлять займы, кредиты и т.д. На базе заводов, которые будут конверсированы, возможно создание предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам.

Среди основных направлений сотрудничества конверсионных заводов и иностранных вкладчиков можно выделить создание совместных и акционерных предприятий по выпуску высокотехнологичной гражданской продукции с использованием технологии зарубежных фирм и высоких технологий конверсируемых предприятий с последующей реализацией продукции в России и за рубежом.

Перспективны и такие формы, как кредитование зарубежными фирмами выпуска гражданской продукции с последующими расчетами продукцией и возврата кредитов в обычном порядке; продажа через иностранные компании отдельных видов гражданской продукции конверсируемых предприятий, обмен технологиями, лицензиями, «ноу-хау», научно-технической информацией, которые до конверсии использовались в военном производстве, и др.».

А в аналитических документах наших разведорганов все чаще звучали выводы о том, что «чисто коммерческие интересы некоторых руководителей российских оборонных предприятий игнорируют интересы обеспечения безопасности».

Эта тенденция с каждым годом получала все большее развитие и вела к тому, что наш ВПК обрастал совместными коммерческими предприятиями, многие из которых опять-таки были с участием иностранцев...

У иностранцев были деньги.

С этими деньгами они легко находили в России сторонников, которые становились яростными лоббистами их интересов. По этой причине однажды вспыхнул громкий скандал на знаменитом Московском вертолетном заводе им. М.Л. Миля (в свое время его машины продавались в 60 стран мира).

Дважды лауреат Государственной премии, заместитель главного конструктора МВЗ Андрей Некрасов в служебной записке в правительство России обвинил начальника де-

партамента авиационно-космической промышленности и судостроения Минэкономики Александра Книвеля в том, что ему «удалось провести в Совет директоров трех представителей американской фирмы “Оппенгеймер”. В том же документе Некрасов требовал от кабинета министров «не включать в состав коллегии для управления государственным пакетом акций (31 процент) А.Я. Книвеля, заменив его на более компетентного и честного специалиста».

Получалось, что чиновник Минэкономики был обвинен в лоббировании иностранных интересов и нанесении серьезного вреда некогда самой мощной вертолетной корпорации планеты. Книгель подал на Некрасова в суд, но там не удалось доказать несостоятельность предъявленных ему обвинений. Слишком серьезными были аргументы, которые «работали» против него. Ведь не без помощи своих «радетелей» в России сразу три представителя «Оппенгеймера» — Андрей и Элеонора Романовы, а также Александр Коротков являются членами Совета директоров АО «МВЗ им. М.Л. Миля» (всего же из 11 членов Совета только двое представляли свое предприятие).

Беды легендарной фирмы начались еще на заре приватизации. Из государственного предприятия, выпускающего продукцию стратегического назначения, МВЗ превратился в акционерное общество открытого типа (с категорическими протестами против этого выступали Минобороны, Генштаб и командование ВВС, но им было рекомендовано «не совать нос не в свое дело»).

Как, наверное, уже догадывается читатель, одним из акционеров МВЗ стало Мингосимущество, его у нас в ГШ в шутку называли «Минчубхап», которое в то время почти нигде не упускало случая «присосаться» к наиболее доходным объектам отечественного ВПК. Но самое опасное было в другом: среди акционеров фирмы Миля оказалось более десятка иностранных компаний. А среди них и корпорация Сикорского — основного конкурента «Миля» на мировых авиарынках.

Этому особенно яростно противился тогдашний генеральный конструктор фирмы Марк Вайнберг, который неоднократно обращался в правительство и в Генпрокуратуру с требованием остановить «инострannую экспансию». Он доказывал, что через подставные фирмы-акционеры корпорация Сикорского берет под свой контроль МВЗ, что

наносит колоссальный вред флагману отечественного вертолетостроения. Борьбу Вайнберга активно поддерживали Минобороны и Генштаб. Более того, наши спецслужбы располагали сведениями, что американцы щедро проплачивали «неутомимые усилия» тех, кто помогал им стать влиятельными акционерами «Миля».

Смерть Вайнберга в феврале 1997 года значительно облегчила положение иностранных акционеров «Миля». Об «эффективности» их хозяйствования на фирме свидетельствует то, что из полуторатысячного коллектива на предприятии осталась лишь четверть, да и тем по полгода не выплачивают зарплату. И нетрудно догадаться, что такое положение — одна из форм «устранения» конкурента... его же руками.

Я много раз видел и слышал респектабельных людей, приезжавших к нам на Арбат, чтобы убедить высоких Минобороны и Генштаба начальников в том, что «не надо бояться иностранцев с деньгами на наших оборонных предприятиях». В этом они видели панацею от разрухи ВПК. Они произносили проникновенные слова о «спасении Отечества» и о «дикости совкового сознания», стремясь убедить наших генералов, что без иностранных инвестиций и совместных проектов мы загнемся.

А через некоторое время становилось ясно, что такое остервенелое проталкивание иностранцев в число инвесторов наших лучших оборонных фирм было вовсе не патриотической заботой об их выживании, а всего лишь отработкой валютных взяток, с помощью которых забугорные партнеры получали доступ к заветной цели.

Так обороноспособность России нередко тоже становилась доходным товаром.

Дошло до того, что для одного из наших уникальных оборонных предприятий — НПО «Машиностроение», создававшего межконтинентальные баллистические и крылатые ракеты, а также спутники, способные лучше всех в мире производить фотосъемку из космоса, — коммерческого партнера подбирало... министерство обороны США. Самое унижительное для нас состояло в том, что партнером НПО стала американская компания «Дабл кола» — производитель безалкогольных напитков из штата Теннесси...

В одном из конфиденциальных документов ВПК говорилось:

«...Контракт с “Дабл колой” явился первым из четырех контрактов такого типа. Министерство обороны США выделило еще 3,9 млн долларов компании “Интернэшнл Америкэн продактс” на организацию производства зубоорудования совместно с петербургским военно-авиационным предприятием, а также 5,7 млн долларов компании “Хиаринг эйдс интернэшнл” на совместное производство слуховых аппаратов с московским военно-электронным заводом...»

Наши космические волшебники рассчитывали на проект, который бы помог им совместно с американцами к обоюдной пользе решать сложнейшие научные задачи, а в итоге получили производственную линию, с которой должны были сходить бутылки с напитками. Проект позволял задействовать всего 50 наших специалистов, хотя на НПО их было свыше 6 тыс.

А в Кремль и в правительство, на Лубянку и к нам в Генштаб все шли и шли с разных концов России документы, в которых раскрывалась многообразная иностранная технология «реформирования» нашего ВПК.

США выделили более 20 млн долларов для американских компаний, желающих основать совместные предприятия и фирмы в России на ее оборонных предприятиях. Это был один из гениальных пунктов программы сенатора Ричарда Лугара, который однажды открыто заявил, что именно таким способом США удастся «выдернуть зубы советскому медведю».

А ведь американцы наверняка страшно обиделись, если бы мы приспособили их ядерную суперлабораторию в Лос-Аламосе под производство русских пельменей.

В России образовалась целая колония дельцов, которые грели руки на том, что помогали иностранным военно-промышленным фирмам бороться с отечественными. Получив за посреднические услуги причитающиеся проценты, они тихо уходили в сторону, а мы начинали расхлебывать последствия таких конверсионных «инициатив». Вот пример.

Еще не так давно в Москве на одном из оборонных заводов производились лучшие в мире аэродромные радары. Они стояли и в гражданских аэропортах, и на наших военных авиабазах. Цены им не было. Десятки стран толпились в очереди за ними. Мы еле успевали их клепать. А что сегодня узнаю? Узнаю, что Россия уже покупает жалкое подобие наших радаров у Италии. В 1996 году я был на одном из итальянских заводов концерна «Аления»,

производящем радары. Итальянские инженеры не скрывали, что российская техника — серьезный конкурент и по многим компонентам превосходит их систему.

Многие российские ракетостроители с возмущением встретили весть о том, что премьер-министр Виктор Черномырдин и вице-президент США Альберт Гор подписали соглашение о разделе космического рынка, по которому России дается право до конца столетия лишь на 8 запусков спутников в год и она лишается возможности самостоятельно предлагать кому-либо свои услуги, которые дешевле западных (а равно и американских) более чем на 7,5%. Это соглашение было прозвано «космическим апартеидом».

Американцы установили нам лимит на коммерческие запуски ракеты «Протон». Коэффициент надежности ее запусков равен 96, что значительно превосходит показатели американских ракет «Дельта», «Атлас» и «Титан». Это превосходство, а также то, что россияне установили цены на свои коммерческие запуски ниже американских, и побудило власти США пойти на такой шаг. Например, американская компания «Инмарсат» за запуск спутника с помощью своей ракеты запрашивала более 60 млн долларов, а российская сторона — 35,5 млн долларов.

Наши спецслужбы регулярно поставляли властям информацию, которая позволяла делать важные стратегические выводы. Один из них заключался в том, что с помощью некоторых «горячо заинтересованных» российских лоббистов зарубежные инвестиции буквально рвались на наши лучшие оборонные предприятия. Только в 1993—1996 годах западные компании разместили на предприятиях российской ракетно-космической промышленности заказов на сумму, превышающую 1 млрд 200 долларов. Причем 70 процентов заказов размещались прежде всего на тех российских предприятиях, которые в области некоторых ракетно-космических технологий имели значительное преимущество над США. Например, в производстве нескольких видов ракетных двигателей.

Американская корпорация «Моторолла» одной из первых создала в России совместное предприятие по производству двигательных установок. Она выделила большие суммы на совместную разработку ряда научно-исследовательских и проектно-конструкторских программ. При достаточном государственном финансировании российские ракетостроители могли бы сами получать за свои изделия ко-

лоссальную прибыль. А теперь ее придется делить с американцами...

По подсчетам самих американских экспертов, США ежегодно тратили на военно-технологическую разведку против России (только по космической тематике) более 1,5 млрд долларов. Теперь же они почти по бросовым ценам покупали у нас всю необходимую им информацию, ракетно-космическую технику и технологию. Например, НАСА намеревалось за 400 млн долларов купить у России космическую технику, хотя ее стоимость на мировом рынке была в 3—4 раза дороже. Когда же русские ученые и инженеры намекали американцам, что они берут нашу технику по слишком низкой цене, те давали понять, что могут найти и другого продавца.

Оценивая такое сказочно выгодное положение для США, Боб Берри, президент компании «Спейс системз» (концерн «Лорал») как-то без стеснения признался: «У них так много разных предприятий, занимающихся этим, столь разнообразные возможности, так много способов выхода в космос, что там есть из чего выбрать».

Создавалось впечатление, что вдохнуть настоящую жизнь в ВПК могли только иностранные деньги. Иногда мне казалось, что Кремль даже радовался такому выходу из положения. Это снимало угрозу забастовок и массовых выступлений работников предприятий оборонки. Это давало возможность режиму удерживаться на плаву. А иностранная коммерческая саранча все яростнее налетала на нашу оборонку...

ПИСЬМО АМЕРИКАНЦА

Однажды на имя Павла Грачева поступило любопытное письмо из США. Это было послание президента группы компаний «Дайнерг» Тивадара Комароми министру обороны России. Вот этот документ:

«Министерство Вооруженных Сил Российской Федерации
(так в тексте. — В.Б.)

г-ну генералу армии Грачеву Павлу Сергеевичу,
Министру обороны
г. Москва

Уважаемый господин Министр!

От имени группы компаний “Дайнерг”, имеющих заинтересованность в сотрудничестве с Россией во многих областях и

представляющих интересы финансовой группы г-на Сидни Грина и г-на Джозефа Риппа, Соединенные Штаты Америки, по всем возможным направлениям деятельности по России, имеем честь довести до Вашего сведения наше желание сотрудничать с Вами по предлагаемым нами нижеследующим проектам:

1. Совместные проекты по разработке вооружений. Данные проекты могут проводиться по двум схемам:

1.1. Финансирование уже ведущихся в России работ в области авиационной, ракетно-космической и иных оборонных отраслей с последующим поступлением созданной техники на вооружение обеих сторон (России и США). Примерами возможности этого являются договоренность о вооружении морской пехоты США самолетами вертикального взлета Як-141 или план финансирования США проекта по созданию конструкторским бюро Сухого самолета Су-37.

1.2. Создание совместных научно-технических групп для разработки высокотехнологичного оружия.

1.3. Создание совместных групп специалистов по боевой подготовке. Это позволяет создать программы эффективного обеспечения сокращения численности войск и количества вооружений за счет более высокой профессионализации личного состава и повышения эффективности применяемого оружия. Это, по мнению американских экспертов, позволит создать оригинальную оборонную концепцию, включающую выполнение армией контрольно-миротворческих функций в районах региональных конфликтов.

1.4. Сотрудничество военных разведок в третьих странах во взаимосогласованных путем переговоров областях. Имеется в виду сотрудничество именно военных разведок по их специфике.

2. Совместные работы в области конверсии оборонной промышленности:

— Участие фирм и финансовых структур США в уже действующих российских конверсионных проектах, например, в программе уничтожения химического оружия в России.

— Разработка совместных конверсионных проектов и технологий по переводу большей части оборонных отраслей в область производства продукции мирного назначения с последующим финансированием реализации этих проектов со стороны финансовых структур США.

— Использование в США уже созданных или создаваемых в России концептуальных схем и технологий, по которым можно эффективно использовать мощности оборонных предприятий. Возможно обсуждение и иных вариантов сотрудничества.

3. Создание при участии финансового управления Министерства обороны России крупного международного инвестици-

онного банка, который будет целенаправленно заниматься инвестициями в строительство жилья для военнослужащих, их переподготовки для гражданской деятельности, а также целевыми инвестициями в финансовые программы.

Для окончательного обсуждения и решения вышеозначенных вопросов мы готовы вылететь в Москву в удобное для Вас время.

*С уважением
Тивадар Комароми, Президент».*

Это письмо было передано на экспертизу нескольким военным аналитикам. Мне было интересно узнать, как оценивают они этот документ. Вот мнение военного эксперта полковника Александра Соловьева:

— Такие предложения — откровенное стремление американцев за счет русских мозгов ликвидировать отставание на ряде участков, догнать, а затем и перегнать нас в ракетно-космической, авиационной и других оборонных областях. Не секрет, что у нас есть много проектов, разработок, по которым мы обгоняем США на 10—15 лет. Погоня за нами обходится им в сотни миллионов долларов. А тут все просто: американцы платят деньги — русские открывают им все свои феноменальные секреты...

Несколько лет подряд я внимательно следил за тем, как реализуются предложения г-на Комароми. На его письмо был дан уважительный и запутанный ответ в фирменном бюрократическом духе с оборотами типа «заслуживает внимания» и «мы готовы рассмотреть». Какие практические шаги были сделаны — это держалось в строжайшей тайне...

Знаю лишь одно — американцы, привыкшие к конкретности и деловитости, были страшно раздражены бюрократическими проволочками с нашей стороны и в конце концов стали искать иные пути реализации своих совместных проектов. Они сумели подобрать ключи к руководству больше всего интересовавших их российских оборонных предприятий.

Одно из них — научно-производственное объединение «Энергомаш» (Химки), где разрабатывались российские жидкостно-реактивные двигатели (ЖРД) Р-120. Ловким людям из США потребовалось немного времени, чтобы вызвать у заводского начальства волчий аппетит к совместному российско-американскому проекту. В соответствии с ним предполагалось использовать Р-120 в качестве бустер-

ной силовой установки (двигателя I ступени) на новых американских ракетах-носителях легкого класса X-34. Производить и продавать этот двигатель русские и американцы договорились на совместном предприятии, учрежденном российским «Энергомашем» и американским Pratt & Whitney (президент — Карл Клапек).

Российский серийный жидкостно-реактивный двигатель P-120 10 июля 1995 года был доставлен в США для проведения огневых испытаний на стенде компании. Американские эксперты были вне себя от восторга: использование российских ЖРД на американских ракетах обеспечит США надежными и сравнительно дешевыми двигателями (P-120 стоит в 5—6 раз меньше, чем аналогичные западные).

Выгоды были очевидными.

К сожалению, с нашими — несопоставимые...

СЕКРЕТ МАФИОЗНОЙ ТЕХНИКИ

Самые головокружительные жульнические сюжеты в сфере военно-технического бизнеса, которые известны криминальному миру, в России выглядят скучными. Уже дошло до того, что иностранцы, которым наши дельцы предлагают сказочные проекты, говорят: «Вы или слишком большие глупцы, или слишком гениальные преступники».

Однажды даже не отличающаяся симпатиями к России «Нью-Йорк таймс» назвала безумием распродажу за бесценок уникальных российских оборонных предприятий. А было это сказано по поводу, о котором некоторые правительственные реформаторы «эпохи Чубайса» сегодня хотели бы забыть. Но Генштаб не болеет склерозом. На Арбате отлично помнят, как несколько лет назад нашей армии некоторые отечественные приватизаторы могли сильно подрезать боевые крылья. Россия могла лишиться ОКБ имени Сухого...

ОКБ — основной производитель российских штурмовиков Су-27 (ежегодно поднимает в небо две новые боевые машины). После 2000 года «сухие» могут занять первое место по реализации на мировом рынке военной авиации, опередив американских и европейских конкурентов (которые сами признают реальность такой перспективы). Сегодня ни одно другое предприятие России не приносит в казну столько денег от оружейного экспорта.

Мощности ОКБ (даже в результате конверсии и десяти-

кратного падения оборонного заказа) позволяют экспортировать или наладить в третьих странах производство примерно 450 самолетов Су-27 в год.

Но это — сейчас. А в 1993 году к ОКБ Сухого стало подбираться Госкомимущество, которое в ту пору активно участвовало в распродаже предприятий оборонки. ГКИ оценило ОКБ в несколько десятков миллионов долларов (американцы — в 18 млрд) и выставило его на продажу.

Схема этой сделки соответствовала Положению об инвестиционном конкурсе, разработанному в соответствии с Указом Президента РФ от 25 декабря 1993 года. В Положении говорилось: «В случае отказа победителя конкурса от заключения договора купли-продажи право покупки предоставляется участнику, предложившему наибольший по сравнению с остальными объем инвестиций».

Именно на это и был рассчитан грандиозный фокус.

Итак, победителем конкурса признавался тот, кто предлагал наибольшую сумму. Ее должна была заломить подставная фирма, назвав солидный банк в качестве гаранта. А в день оплаты «победитель» должен был объявить о своей финансовой несостоятельности, ссылаясь на внезапное банкротство банка, который якобы выступал в качестве гаранта.

Тогда права на владение ОКБ согласно Положению должны были перейти ко второму покупателю. Но и тот таким же макаром «неожиданно» заявлял, что оказался без денег. И тут появляется третий покупатель, который и берет имущество за смешные деньги...

Оскандалившиеся «банкроты» получают от «победителя» солидный гонорар и весело празднуют «поражение». Самое страшное состояло в том, что такие «торги» тютелька в тютельку соответствовали закону, в котором мошенники нашли (вернее — сами же просверлили) золотую дыру.

Мне до сих пор помнится, какое беспрецедентно резкое письмо из Главного штаба ВВС поступило в тот период в Генштаб. Обеспокоенные зреющей аферой с ОКБ, наши летные генералы с тревогой отмечали, что «таким образом может быть заморожено ОКБ Сухого и тогда российские ВВС лишатся ударной силы». Группа прославленных ветеранов ВВС писала еще откровеннее: «Преступление — выставить на торги с участием иностранцев легендарное ОКБ по стоимости однокомнатной квартиры!»

Слава богу, тогда обошлось.

Однако и поныне не стихает реформаторская возня вокруг флагамена российского военного авиастроения. Творцам одной из лучших в мире боевых машин не дают покоя одолеваемые рыночным зудом новые правительственные и кремлевские стратеги: одни носятся с интеграционными концепциями, другим надо усадить в доходное кресло «своего» человечка, чтобы взять под контроль денежные потоки в преддверии парламентских и президентских выборов.

В конце мая 1999 года и до ОКБ Сухого добралась «семья». Слишком лакомый это был кусок: продажа самолетов составляет почти половину объемов экспорта «Росвооружения», при этом около 80 процентов экспортируемой авиатехники приходится на Су-27 и Су-30. Ежегодно Россия экспортирует их примерно на 1 млрд долларов.

Еще задолго до очередного собрания акционеров ОКБ в Минобороны и Генштабе пошли разговоры, что на нем будет предпринята попытка сместить с должности гендиректора предприятия Михаила Симонова, а на его место протолкнуть Михаила Погосяна — ставленника зама секретаря Совбеза Алексея Огарева (как я уже говорил, большого друга «семьи»).

Многие относились к этим разговорам с недоверием, как к обычным московским сплетням. Тем более что опытнейший Симонов был, как говорится, на месте. Да и по здравому рассудку, о каких кадровых перетасовках, о каком «переделе собственности» могла идти речь, если в тяжелейших для экономики России условиях портфель контрактов на продажу Су в Индию, Китай и другие страны был забит «под завязку», что сулило новые колоссальные доходы в госказну.

Но интересы государства и «семьи» явно не совпадали. Вместо того чтобы дать Симонову спокойно работать, вокруг него стали плести вероломные интриги. Всецело занятый проблемами предприятия, гендиректор своевременно не оценил их опасность. Еще за несколько дней до собрания акционеров он с наивным простодушием сказал: «Больших сложностей от собрания я не жду».

Вскоре он был смещен с должности.

Его место, как и предсказывали в прессе хорошо знающие интересы околоельцинской верхушки люди, занял Михаил Погосян.

И приходилось лишь дивиться тому, как еще рождаются в цехах и взмывают в небо многострадальные Су.

Такие же псевдореформаторские кадровые и организационные игрища уже долгое время истязают и производителей знаменитых МиГов. Тут тоже все идет по известной схеме: каждый новый вице-премьер, курирующий оборонку, сажает своего наместника, «неведомые силы» с толстыми кошельками остервенело продавливают идею акционирования авиационно-промышленного объединения с явным намерением завладеть блокирующим пакетом акций.

Когда же заводчане стали демонстрировать жесткий отпор таким намерениям, нашлись люди, которые выделили 300 тыс. долларов тем, кто должен был организовать банкротство предприятия. И только бдительность ФСБ спасла его от катастрофы (человека, который с помощью такой взятки должен был организовать аферу, арестовали).

Мы часто любим списывать свои национальные беды на происки ЦРУ, «Моссада» или МИ-6. Но самое опасное зло России таится в ней самой...

ДУРМАН

Чем больше хирел военно-промышленный комплекс России, тем чаще стремящиеся спасти свое производство руководители многих предприятий оборонки шли на всяческие ухищрения, не надеясь уже на помощь государства. В стремлении выжить они пускали на продажу за границу свою продукцию, в том числе и уникальную. Иногда доходило до того, что в обход обязательных экспертных заключений Минобороны и Генштаба за рубеж уплывали такие образцы оружия, которые давно были заветной целью иностранных спецслужб и конструкторских бюро.

Рассказывает военный инженер Виктор Павлов, автор 40 изобретений:

— Оружие, которым мы сегодня защищаемся, может устареть неожиданно, если, например, противнику удастся создать максимально эффективную систему его подавления. Именно это грозит нашему уникальному помехозащищенному зенитно-ракетному комплексу (ЗРК) «Игла» после того, как через иностранные фирмы-посредники «Neska» и «Mitra» он был продан вместе с секретами технологии изготовления и технической документацией. Фирмы эти работают под «крышей» ЦРУ США. Руководители ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение. — В.Б.) оправдывали свою позицию тем, что, дес-

кать, у двигателей американского самолета F-16 и другой американской техники якобы сверхнизкое инфракрасное излучение. Эти типы самолетов на самом деле невозможно сбить американским «Стингером». Однако наша «Игла» в отличие от «Стингера» снимает с неба F-16, как муху с потолка, так как оптическая головка самонаведения (ОГС) на «Игле» имеет два канала восприятия и обработки оптического сигнала... Это повышает пороговую чувствительность «Иглы» почти до теоретического предела и обеспечивает обнаружение, сопровождение и наведение на любые слабоизлучающие цели даже в самой дальней зоне. Против технического гения наших военных конструкторов американские самолеты сегодня бессильны...

Многие люди, подобные конструктору Павлову, болезненно переживающие развал отечественной оборонки и распродажу наших лучших вооружений за рубеж, упорно апеллировали к властям, слали письма в различные инстанции. Немало таких писем поступало в Минобороны и Генштаб, в правительство и Госдуму, в администрацию президента. Не получая убедительных ответов на свои трудные вопросы, они пересылали свои письма в редакции газет и журналов. Эти люди наивно верили в спасительную роль главы государства. А жестокая реальность состояла в том, что уже и Ельцин часто ничем не мог помочь им.

Из письма Президенту РФ Борису Ельцину депутата Государственной думы А.Гордеева:

«...России достался в наследство от Советского Союза сильный, структурно сбалансированный оборонный комплекс, который был гордостью нации, стержнем научной, промышленной и социальной деятельности государства. В нестабильном мире он был тем противовесом, который позволил нам сохранить мир в течение полувека. И это был современный комплекс, позволявший вести научно-технические разработки по всем перспективным направлениям.

Однако сегодня оборонный комплекс переживает глубокий и затяжной кризис. Уникальный научный и производственный потенциал разрушается. Объем поставок вооружений и военной техники по заказам Министерства обороны Российской Федерации был сокращен только в 1994 году по сравнению с 1991 годом более чем в 17 раз!

На фоне усиления геополитических разногласий, территориальных притязаний к России со стороны многих государств, ук-

репления мощи вооруженных сил стран блока НАТО, и прежде всего США, позиция президента, правительства, Совета безопасности Российской Федерации представляется, мягко говоря, более чем странной...»

Странного и туманного было много. Ясным было одно — страна и армия рушатся. И уже который год подряд во всем этом беспределе, обильно припудриваемом бодрыми уверениями государственного и военного руководства о скором наступлении экономического подъема и стабильности, нельзя было усмотреть и малейших признаков восстановления порядка.

Такой хаос был идеальной средой для мародеров, яростно и ненасытно спешивших воспользоваться моментом...

Российский военно-промышленный комплекс становился все более привлекательной кормушкой для иностранных дельцов и нашей крепнущей мафии. К осени 1995 года уже не было ни одного предприятия оборонки, на котором бы не орудовали мошенники. Масштабы их черных дел принимали все более угрожающий характер, и наши сыщики еле успевали фиксировать следы «деятельности» оружейных преступников. Как правило, следы эти вели из Москвы к крупным центрам ВПК. Одним из них была Башкирия. Там на оборонном предприятии, где было организовано общество с ограниченной ответственностью «Митчел Трейдинг Лтд», органы по борьбе с организованной преступностью в ноябре 1995 года выявили факт хищения 8 млрд 700 млн рублей...

Но чаще всего на криминальные следы «результатов» совместной деятельности государственных чиновников и криминальных структур сыщики по-прежнему натывались в Москве. Осенью 1995 года было закрыто уголовное дело по расследованию фактов крупномасштабных хищений и взяточничества чиновников Главного управления по ракетно-космической технике (ГУРКТ) Госкомитета по оборонным отраслям промышленности и Госкомимущества (ГКИ) РФ.

Главный специалист ГУРКТ Юрий Воронин за выделение одному из предприятий ВПК бюджетных средств на проектно-изыскательские работы, как выяснили сыщики, получил взятку в 1,2 млн рублей. Птицы покрупнее брали и покрупче — по 9—10 млн.

Было выявлено более десятка фактов, свидетельствующих о систематическом вымогательстве чиновниками

этого ведомства с представителей оборонных заводов. Оборонная сфера продолжала оставаться Клондайком для российского жулья...

Чем сильнее обострялась борьба между отечественными вооруженческими кланами, тем чаще в правоохранительные органы и спецслужбы попадали документы о тайнах мафиозных сделок. Такое противостояние было даже на руку нашим сыщикам — оно помогало получать сведения о закрытых сторонах оружейного бизнеса и о том, насколько оружейная мафия сплелась с государственной. Не только офицерам Лубянки, но и Генштаба было забавно наблюдать, как порой мафиозные кланы публично сводили между собой счеты, сливая друг на друга компру в прессе. Иногда она облекалась в колоритную детективно-фантастическую форму. Вот один из таких сюжетов.

...Теплым тропическим вечером 1 сентября 1993 года в Сеульском аэропорту совершил посадку обычный рейсовый «Боинг». Среди прочих пассажиров по трапу сошли и трое научных сотрудников из России. Официально они должны были изучить опыт конверсии на южнокорейских военных заводах. Это было занятно. Ибо основная деятельность первого ученого протекала в качестве одного из помощников председателя Верховного Совета страны, другой по роду занятий был бизнесменом, тесно связанным с Министерством обороны, а третий под видом «жреца науки» состоял на службе ГРУ...

Обеспечивал этот тайный визит некий господин Ли, сотрудник корпорации «Дэу» — третьей по величине в Южной Корее. Визит состоялся по личной договоренности председателя «Дэу» господина Кима с руководством Минобороны России. Прямо к трапу самолета подогнали автомобиль, на котором визитеров отвезли в апартаменты «Хилтона».

Первая неделя поездки прошла в непрерывных встречах с важными персонами из «Дэу», двух-трех ежедневных экскурсиях по сеульским заводам и обильных излияниях под острую корейскую закуску. Следующие восемь дней делегация провела в разъездах по Корее, перемещаясь между городами на поездах, машинах, вертолетах и даже кораблях южнокорейских ВМС. Три десятка предприятий, делающих электронику, текстиль, металл, автомобили, распахнули свои двери перед русскими гостями.

А напоследок делегацию привезли на верфь Окпо, где помещается надежно отгороженное и совершенно секретное производство военно-морской техники для войск Южной Кореи...

По возвращении в Сеул опять пошла череда встреч с руководством «Дэу». На сей раз дважды свое внимание гостям уделил советник председателя «Дэу» и его тезка, другой господин Ким.

По данным западных спецслужб, до прихода в корпорацию он служил генералом в военной разведке Южной Кореи. С Кимом номер два дела пошли проще: конверсия была за ненадобностью выброшена из тематики бесед. Разговоры велись исключительно о бизнесе, о технике российского ВПК и о том, как славно российские вооружения подошли бы Южной Корее. Больше всего людей «Дэу» интересовало внедрение российских оборонных технологий в гражданскую и военную промышленность их страны.

Гости отправились восвояси 25 сентября.

Сразу по их возвращении на родину из России повалили в Корею косяками новые делегации. Визит Грачева в Сеул увенчался реальными заказами на технологии вертолетостроения (речь шла о машинах, собираемых в Татарстане) и строительства кораблей ВМС на верфях Комсомольска-на-Амуре. Рассматривались и проекты контрактов на поставку отдельных видов другой российской военной техники (в частности, БТР).

Вскоре распоряжением председателя правительства РФ заводу «Камов» и Улан-Удинскому авиазаводу были выделены средства на доработку и серийный выпуск многоцелевого вертолета Ка-64 с американскими двигателями. 8 вертолетов Ка-62, уже проданных Южной Корее, обошлись покупателям в 15 млн долларов.

Еще через некоторое время у нас на Арбате становится известно, что у изготовителей вертолетов есть серьезные претензии по поводу того, что их московские «благодетели» прикарманили немалую сумму...

За маневрами российских оружейных коммерсантов иностранные спецслужбы (особенно американские, английские и израильские) следили не менее бдительно, чем наши собственные. У меня была возможность судить об этом по некоторым конфиденциальным материалам служебного характера.

Иногда меня поражало одно загадочное «явление»: информация, полученная по тайным военным каналам из-за рубежа и имевшая гриф повышенной секретности, неожиданно всплывала на страницах какой-нибудь российской газеты. Причем если в одном месте детали искажались лишь слегка, то в другом они дополнялись потрясающими воображение сенсациями, папахивающими международным скандалом (моя работа много лет подряд была связана с ежедневным анализом публикаций на военную тему в нашей и иностранной прессе, и потому такие совпадения обнаружить было несложно). Поначалу у меня возникли подозрения: или наша разведка за рубежом плохо работает, или кто-то из наших торгует секретной информацией.

Однако, как удалось выяснить, суть этой загадки заключалась в другом: информацию подбрасывали в наши газеты иностранные спецслужбы — таким образом нашим оружейным стратегам давали понять, что об их замыслах многое известно. Был тут и другой умысел — вбить клин между Россией и ее стратегическими партнерами. Вот типичный пример такого материала.

«...7 апреля 1995 года на американской базе “Эрли” (штат Вирджиния) открылось совещание по международной стратегической стабильности. На такие сборища с непонятными названиями обычно съезжаются отставные военные и действующие разведчики с тем, чтобы прощупать почву для разных военно-политических ходов. В том числе — и продажи вооружений друг другу и в третьи страны.

В этот раз на конференцию прибыл представитель Индии — бывший начальник Генштаба генерал Сундарджи.

В течение трех часов индийский генерал и представитель России обсуждали возможные перспективы создания ракетно-ядерных сил Индии на базе российских ракетносителей — со всем необходимым матобеспечением, связью, управлением, поставками запчастей, регламентным техобслуживанием и обучением персонала... Заказ должен был потянуть примерно на 3 миллиарда долларов. Предполагалось, что часть этих денег пойдет в бюджет Минобороны, ГК “Росвооружение” и другие структуры».

По некоторым соображениям мне бы не хотелось говорить о том, сколько здесь правды. Но, когда иностранные корреспонденты стали осаждать пресс-службу Минобороны РФ с просьбой прокомментировать это сообщение, «сверху» нам поступил приказ: «Никаких комментариев!»...

* * *

Уже не бывает дня, когда бы к нам в Минобороны и Генштаб не поступала информация о новых «злодеяниях» вооруженческой мафии. Растут масштабы преступных махинаций, все более наглым становится стиль «деятельности» торговцев оружием.

Происходят удивительные вещи: уже не единицами, а крупными партиями мафия ворует на предприятиях ВПК гусеничную боевую технику, привозит ее почти в центр Москвы, чтобы спрятать на одной из овощных баз, где сыщики и обнаруживают тягачи.

«ИТАР-ТАСС

24 ноября 1995 года

Москва

Нелегальный склад новой армейской гусеничной техники обнаружили на одной из плодоовощных баз Москвы сотрудники Главного управления уголовного розыска МВД РФ. В их числе оказались 18 тягачей из партии, недавно похищенной с одного из российских заводов по подложным платежным документам на сумму 3,2 млрд рублей. Задержан и сопровождавший данную технику посредник сделки, по словам которого техника должна была быть переправлена в Чечню по железной дороге через территорию одной из республик СНГ. Правоохранительные органы считают, что в результате этой операции удалось пресечь один из налаженных каналов снабжения чеченских незаконных вооруженных формирований техникой. Возбуждено уголовное дело».

Я уже не удивлюсь, если узнаю, что сыщики задержали ворованные тягачи «по ошибке». Ибо может оказаться, что это «совсем не те машины», а эти, согласно распоряжению одного из «бугров» правительства, в плановом порядке должны были поступить в Чечню якобы для восстановления ее экономики.

На том и поставят крест...

ПРОДАВЦЫ И ПОКУПАТЕЛИ

Летом 1994 года в Кремле появилась конфиденциальная записка Е. Примакова и С. Степашина «О тенденциях в политике Запада в отношении российского военно-промышленного комплекса». В ней отмечалось: «Запад приобрел в России столь большой объем новых технологий,

что НАТО учредило для их обработки специальную программу...»

К тому времени наши спецслужбы уже располагали одним чрезвычайно любопытным документом, добытым в США:

«...Основной способ заключается в поиске лиц, имеющих доступ к представляющей интерес технологии, и последующей покупке у них коммерческих секретов и патентов. Ради получения ценной информации можно пойти и на создание совместных предприятий с иностранным конкурентом...»

И.о. Генерального прокурора РФ Илюшенко направил Черномырдину письмо, в котором говорилось о разбазаривании федеральной собственности на предприятиях оборонных отраслей промышленности. При этом особо отмечалась тенденция незаконного перехода в руки иностранцев предприятий, имеющих стратегическое значение для обеспечения безопасности страны.

Например, около 30% акций Московского электродного завода (которому была передана площадка НИИ «Графит», производящего графит для военного ракетостроения) перешло к подставной фирме «Граникс». Средства для приобретения ею пакета акций были получены при содействии гражданина США Д. Хэйема. Интересы этого иностранного предпринимателя лоббировали российские госчиновники, имевшие свой финансовый интерес к сделке. Эта афера нанесла стратегический удар по уникальному российскому производству. Ни одна страна в мире не владела технологией изготовления ракетных двигателей с применением графита. Это давало нам колоссальные преимущества при использовании ракет в безвоздушном пространстве. Но только до тех пор, пока мы сами были хозяевами графитного производства...

Иностранцы скупали акции российских оборонных предприятий всюду, где им хотелось. Концерн «Сименс» приобрел 20% акций АО «Калужский турбинный завод», производящего паротурбинные установки для атомных подводных лодок. Американские авиационные фирмы «Боинг» и «Сикорский» скупили львиную долю акций вертолетного завода М.Л. Миля. Акции алюминиевых заводов на Урале и в Сибири, выпускающих «летающий металл», приобретали наши основные конкуренты — США, Израиль...

В своей записке на имя главы правительства РФ пришедший на смену А. Чубайсу в качестве председателя ГКИ В. Полеванов, проанализировав эти и другие факты, предложил «поручить ГКИ создать комиссию по анализу и исправлению допущенных просчетов в стратегически важных для России отраслях промышленности, в первую очередь оборонной, космической, авиационной...»

Но довести начатое до конца В. Полеванов не успел — его уже вскоре освободили от должностей вице-преьера и председателя ГКИ.

Еще в одном документе наших спецслужб отмечалось, что такое положение дел в ВПК «может привести к утрате контроля над важными с точки зрения национальной безопасности секторами экономики...»

...А ведь еще в декабре 1993 года в Москве громко зазвучали тревожные голоса. Положение в сфере приватизации стратегических предприятий ВПК России с участием иностранцев стало настолько опасным для безопасности государства, что секретарь Совета безопасности РФ Олег Лобов обратился с секретным письмом к Борису Ельцину. Президент начертал на документе резолюцию: «В.С. Черномырдину. Запретить выставление на аукционы акций предприятий ВПК». Многие директора оборонки слишком оптимистично назовут эту резолюцию «спасительным звонком за пять минут до смерти».

Не пройдет и шести месяцев, как снова акции некоторых оборонных предприятий будут выставлены на аукционы, где не всегда присутствовали иностранцы, но их деньги участвовали в торгах почти везде. Тогдашний председатель Госкомоборонпрома Виктор Глухих по этому поводу сказал крылатую фразу: «Оборонка — единственная область, где даже в нынешних условиях нельзя делать национальное достояние интернациональным».

Я не раз интересовался у знакомых офицеров ГРУ, СВР и ФСБ, каким образом те же американцы так быстро и основательно научились ориентироваться в состоянии наших оборонных предприятий, большинство которых относятся к категории закрытых.

Разведчики — люди немногословные и скрытные. У иного спросишь, которое сегодня число, он обязательно поинтересуется, почему именно ему задается такой вопрос. Но я все чаще замечал, с каким свирепым негодованием выплескивают они свое возмущение даже незнако-

мым людям, когда речь заходит о наших военных и гражданских согражданах, которые с остервенением ударников первых советских пятилеток бросались на реализацию любых иностранных проектов, едва им показывали тысячу другую баксов.

За глаза иностранные разведчики, работавшие в России «под крышей» сотрудников коммерческих фирм, называли наших дешевых «пылесосами». Этим «пылесосам» зачастую было все равно, какую информацию просили добывать в России их заграничные «коллеги» — о Баковском заводе презервативов или военном предприятии, производящем разведывательные спутники.

В 1994 году в России появились представители американской корпорации «Дан и Бредстрит» («Dun and Bredstreet Corporation»). Поначалу их интересы простирались не дальше контактов с Российским центром приватизации (РЦП), сотрудники которого оказывали американцам различного рода услуги, связанные с реализацией программы «BIS» (изучение возможностей привлечения иностранных инвестиций на наши промышленные предприятия).

Более того, руководство РЦП заключило со штатовцами договор и привлекло к его выполнению региональные отделения приватизации. К реализации программы «BIS» охотно подключилось и крупнейшее информагентство «Интерфакс» во главе с его директором Михаилом Комиссаром (впоследствии он был переведен на работу в Кремль).

Огромное количество писем с подписями Комиссара и президента «Dun and Bredstreet Corporation» Зофии Муха рассылалось по всей России — руководителям крупнейших промышленных предприятий (в том числе и имевших оборонное значение) под предлогом изучения их возможностей для участия в крупных инвестиционных проектах. В соответствии с задумкой американцев, их фирма с помощью русских помощников должна была собрать сведения о 1000 крупнейших промышленных предприятий и заводов России. Русские вкалывали на американцев с жутким рвением — им прилично и исправно отваливали валюту.

А недостатка в ней представители фирмы не испытывали: Европейский банк реконструкции и развития в 1996 году выделил российскому правительству огромный кре-

дит. При весьма странных обстоятельствах пользователем его оказалась... американская компания «Dun and Bredstreet Corporation».

Сделано это было на основании решения руководства Российского центра приватизации (председатель — Эдуард Бауэр), состоящего в тесных приятельских отношениях с некоторыми вице-премьерами, некогда тоже начинавшими свою карьеру на ниве приватизации. Более того, при их содействии список предприятий, о которых американской фирме было позволено собирать информацию, был значительно расширен. В их число попали и такие, которые были подведомственны Госкомоборонпрому. Вскоре они получили объемную анкету, содержащую пять разделов с вопросами, которые имели разведывательный характер. Ответы на них попадали под Указ Президента РФ № 1203 (1995 г.) и становились «совершенно секретными».

Но и это не остановило людей из РЦП, которые, по строгому счету, среди бела дня занимались шпионажем в родной стране за счет денег, полученных их хозяевами от Европейского банка при содействии «лоббистов» из российского правительства...

Достаточно назвать лишь некоторые предприятия российского военно-промышленного комплекса, чтобы понять, какую направленность носил «платный шпионаж», осуществляемый против России ее же гражданами: Конструкторское бюро им. В.П. Макеева (разработка баллистических ракет для подводных лодок), КБ машиностроения (высокоточное артиллерийское оружие и средства ПВО), Государственный космический Центр им. М.В. Хруничева (ракетно-космическая техника) и еще ряд оборонных заводов, в том числе и занимающихся ядерной тематикой.

Когда же некоторые директора предприятий ВПК заподозрили неладное и умышленно саботировали участие в предоставлении данных американской фирме, они получали суровые телеграммы от вышестоящего руководства с предупреждениями о самых строгих санкциях за такое «безответственное поведение».

Но самое абсурдное заключается в том, что органы контрразведки России оказываются бессильными перед людьми, которые с благословения высокопоставленных правительственных чиновников занимаются фактически сбором стратегической разведывательной информации. Как пожаловался один из них, «мы вынуждены ограничи-

ваться лишь рассылкой обращений непрерывно сменяющимся руководителям государственных органов».

Тем временем «Dun and Bredstreet Corporation», в течение пяти лет создававшая огромную базу данных о российском военно-промышленном комплексе, почуяв неладное, потихоньку начинает сворачивать свою «плодотворную деятельность». Один из ее руководителей с наглой откровенностью признался:

— Русские помогли нам сделать то, о чем мы и не мечтали. Ни сейчас, ни на ближайшие годы в наших сведениях о российском оборонном комплексе нет «белых пятен»...

Стыдно и противно жить в стране, где нет различий между преданностью и предательством, между законностью и беззаконием, между властью и безвластием, между умом и глупостью.

Однажды наш лопухий генерал — начальник пресс-службы МО — фактически содействовал сбору данных об офицерах Генерального штаба и Минобороны под благовидным предлогом. Он приказал нескольким подчиненным объявить по управлениям и отделам о том, что можно бесплатно на полгода подписаться на одну московскую газету.

Почти две с половиной тысячи сотрудников МО и Генштаба клюнули на «халявку» и оставили на подписных бланках свои ФИО и домашние адреса. А потом выяснилось, что хозяин этой газеты живет в США. Он с большим удовольствием отвез за океан длиннющий список сотрудников центрального аппарата военного ведомства России...

А может, нам так и надо?

* * *

«Экономическая необходимость» все больше заставляет Россию экспортировать вооружения, включая продажу лицензий на их производство. Стратегические последствия такой политики несут в себе серьезную угрозу не только безопасности России.

Например, два основных клиента России: Индия и Китай — исторически являются противниками. Кроме того, некоторые представители российской военной элиты втихаря высказывают мнение, что уже в начале следующего столетия Китай из стратегического партнера может превратиться в стратегического соперника России. По этому по-

воду еще во времена Сосковца и Грачева в правительстве возникали очень горячие дискуссии, в ходе которых звучали вопросы типа: «Зачем вооружать потенциального противника?»

Мы никак не могли найти в решении этого вопроса баланс между политическими и вооруженческими интересами. Чаще всего глаза застилала интересы коммерческие. Еще бы! Было время, когда более 80 процентов доходов от оружейного бизнеса в российскую госказну приносили сделки с Китаем и Индией. Эти деньги фактически помогли выстоять многим предприятиям нашего военно-промышленного комплекса в самое тяжелое время.

И пока одни члены правительства вели жаркие споры о том, до какой степени можно вооружать Китай и Индию, другие при поддержке «единомышленников» из президентского комитета по военно-технической политике яростно проталкивали новые контракты. Проталкивание контрактов — дело очень трудное. Но не бесплатное...

Сегодня 50 процентов китайских вооруженных сил и почти 70 процентов вооруженных сил Индии оснащены российской военной техникой. В 1995 году Россия продала Китаю лицензию сроком на 15 лет для производства штурмовика Су-27 (будет выпущено 200 самолетов). В ноябре 1996 года Индия подписала с нами контракт на приобретение 40 самолетов Су новой модификации. Чуть позже Пекин закупил большое количество зенитных ракетных систем типа С-300ПМУ. Теперь Дели собирается купить у нас 300 новейших танков Т-90 и еще несколько подводных лодок...

Мы бурным потоком гоним лучшие вооружения в иностранные армии, а наша при этом остается с ржавой и допотопной боевой техникой. Конечно, легко воздевать руки к небу и гневно восклицать, что таким образом мы готовим, возможно, себе погибель. Кто-то в Генштабе называл это «трагическим парадоксом» времени, кто-то — результатом дурацких экономических реформ.

Но так или иначе, а снова встает неотвратимый вопрос: по чьей вине мы оказались в таком положении? Чередой тех, кто все эти годы подпевал Кремлю, уже такова, что за спиной Ельцина невозможно обнаружить крайних. Иные верноподданные, некогда отброшенные президентом со столбовой дороги власти в политический кювет, снова свирепо карабкаются «на проезжую часть» и уже сменили

свои лицемерно-подхалимские песни «главе семьи» на его беспощадную критику.

Каждый думает о своем выживании во власти. А кто будет думать о выживании России?

ЛОВКАЧИ

Передо мной — еще один криминальный «бриллиант» из той же серии.

...25 февраля 1995 года генеральный конструктор Тульского конструкторского бюро приборостроения Аркадий Шипунов подписал контракт на закупку программно-вычислительного комплекса у одной из английских фирм. Вдохновителем сделки, по мнению следователей, выступил управляющий центральным филиалом Первого русского банка Москвы Дмитрий Ревзон. Говорят, именно он свел тульских оборонщиков с представителем английской фирмы «Аддингтон Лимитед» Станиславом Старых, который брался поставить искомую вычислительную технику. А банк в лице Ревзона изъявил готовность выступить в роли гаранта сделки.

Покупатель перечислил на счет продавца 1,1 млн долларов, но никакой техники не получил. Фирма оказалась сомнительной. А банк, как выяснилось, к тому времени и не мог играть роль гаранта — он был уже банкротом.

Интересно, что «пострадавшая сторона» совершенно не проявляла естественную в таких случаях настойчивость, с тем чтобы возратить деньги. Почему? Вот что сказал по этому поводу прокурор спецпрокуратуры Тулы Николай Нагорный:

— Если должностные лица КБП, переведя на инофирму такую сумму, ничего не сделали, чтобы ее вернуть, можно предположить, что у них есть свой интерес. Допустим, под маркой договора эта фирма получила от меня деньги, пустила их в оборот и делится со мной прибылью...

Сегодня становится ясно, что это не версия, а истинная разгадка махинации, нанесшей нашей стране колоссальный убыток...

Проворные дельцы сказочно богатеют на растаскивании оборонки. А тем временем положение на многих предприятиях ВПК становится катастрофическим. Например, на заводе по ремонту и утилизации подводных лодок «Звезда»

в Большом Камне (Приморье) вместо зарплаты, которую здесь не видели уже много месяцев, распределяли по 1,5 кг муки на человека. Детям вместо обеда учителя выдают на переменах хлеб...

Председатель Ассоциации российских профсоюзов оборонных отраслей промышленности Юрий Спиченок рассказал как-то об одном испытателе танков, который работал на оборонном заводе в Челябинске. Не перенеся долгой задержки зарплаты и отсутствия средств на питание, он сел в танк, выбил ворота завода и несколько часов гонял на боевой машине по улицам города...

АНГОЛА — СТРАНА АЛМАЗНАЯ

...В Российской армии все чаще бьются вертолеты. Многие машины держатся на честном слове. В последнее время мне довелось немало полетать на них в командировках, и бросилось в глаза, что в кабинах пилотов уже стали привычными иконки...

Сегодня Российской армии необходимо в год как минимум 50 вертолетов. Мы получаем в лучшем случае четыре. Нет денег. На многих наших военных аэродромах все реже слышен шум винтокрылых машин.

А небо Анголы кишит боевыми вертолетами. В том числе и знаменитыми Ми-8. Их доставляют сюда часто. У Анголы много алмазов, а значит, и много денег. Много денег — много вертолетов. Живет во Франции некий Аркадий Гайдамак. В Москве и Париже ногой открывает двери в самые высокие кабинеты. Очень богатый гражданин. И есть у него друг Пьер Фалькон — тоже богатый человек. Два богатых человека — уже фирма. Гайдамак приедет в Россию, походит по кабинетам, и вскоре уже на одном из вертолетных заводов готовят в дорогу новую партию машин. В разобранном виде их везут до одного из крупных портов, где стоит огромный сухогруз, за фрахтовку которого уплатил Фалькон.

Сухогруз плывет до ангольского порта. В документах на груз значатся сеялки-веялки. В месте назначения к «сеялкам-веялкам» навешивают пушки и пулеметы и — в бой.

Деньги из Анголы в Россию идут сначала через одну малоизвестную словацкую фирму, которая, в свою очередь, перебрасывает их банку «Paribas». Затем валюта течет в «Dresdner bank», а уже оттуда — на счета одного извест-

ного русского банка. Мне сказали: никакого криминала. Банк уполномочен правительством обслуживать оружейные сделки.

Я это знаю.

Но мне очень стыдно за свою страну...

Недавно я был в Госдуме. Там в парламентском Комитете по обороне выступал начальник вооружений Вооруженных сил РФ генерал-полковник Анатолий Ситнов. Он возмущенно говорил о том, что заработная плата часто не доходит до производителей. Ситнов рассказал, что из 65 млн долларов, выделенных Иркутскому авиазаводу на разработку нового самолета, это предприятие получило лишь полтора.

Остальные растворились на необъятных российских просторах как сиреневый туман...

Из документов Госдумы России:

«Вскрыты конкретные угрозы утраты Россией уникальных производств, входящих в систему военно-промышленного комплекса: продажи за долги единственного в стране производителя дизельных двигателей для всех модификаций танков и бронемашин с последующим перепрофилированием производства новыми хозяевами; утраты государством управления единственным в России и СНГ предприятием-разработчиком (а частично и производителем) оптико-электронных приборов и систем для ракетно-космических комплексов, а также ведущего конструкторского бюро в области боевых и военно-транспортных вертолетов различных модификаций...»

Мне очень стыдно за свою страну...

Глава 5 АРМИЯ И ПРЕССА

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

...25 октября 1986 года в медчасти ташкентского военного аэродрома улыбчивый прапорщик-фельдшер здоровенным шприцем загнал мне в задницу несколько кубиков лекарства и выписал справку — профилактическая прививка сделана. Она была обязательной для всех, кто улетал в Афганистан.

Рейс на Кабул задерживался. Человек сто офицеров и солдат в полевой форме коротали время на затоптанной рыжей траве возле «накопителя» — большого каменного сарая, в котором сильно воняло хлоркой и мочой.

Шум-гам, карты, выпивка, брэнчание гитары и песни, надрывно-крикливые и одинаковые, как патронные гильзы. Не знающие слов чувственно подвывали мотострелковому барду-старлею.

На гитаре он брал лишь один аккорд, голоса у него не было, зато мужественное лицо получалось.

И вдруг бзынь — умолк старлей. Ладонь на струнах.

Толпа повернула головы в одну сторону. И мгновенно с лиц исчезли добродушные хмельные улыбки.

В стоявшем неподалеку военно-транспортном «Иле», на котором все мы должны были лететь «туда», раскрылись створки и опустился на серую бетонку трап. В грузовом отсеке, будто огромные слитки серебра, штабелем лежали оцинкованные гробы. «Оттуда»...

Солдаты-грузчики принялись выносить их и споро перегружать в кузова «КамАЗов». Затем увозили к самолетам, которые должны были разнести «Груз-200» во все концы Союза...

Война шла уже почти семь лет.

И все это время отсюда же, вместе с мрачными оцинкованными коробками, разлетались и сотни угрюмых (час-

то безногих и безруких) людей в военной форме, сильно выгоревшей на злом и ярком, как газосварка, афганском солнце.

Уже который год в Генштабе продолжал расти и без того длиннющий «совершенно секретный» список военно-служащих, погибших и раненных в Афганистане. Он зашкаливал за 11 тысяч.

Уже который год цензура Генштаба, Главное оперативное управление ГШ и управление спецпропаганды Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота строго следили за информационной маскировкой «мероприятий за Черной речкой». Так называлась война. В наших газетах ее величали «интернациональной помощью дружескому афганскому народу».

Почти 120-тысячный Ограниченный контингент советских войск в ДРА еще с декабря 1979 года громил в горах душманские отряды и сам нес немалые потери. А в прессе сообщалось, что гуманные советские воины помогают революционным афганцам восстанавливать взорванные дороги и мосты, охранять больницы и ткацкие фабрики, доставлять в отдаленные кишлаки муку, керосин и соль.

Реальные бои назывались «тактическими занятиями». Совместные боевые операции советских и афганских подразделений именовались «совместными учениями по отработке взаимодействия». Погибшие и раненые обозначались словом «потери». Душманов вежливо называли «противником».

Война на газетных полосах выглядела потешной. Ее тоже долгое время брали в кавычки.

То была первая настоящая война, на которую я попал в качестве военного корреспондента. По этому поводу в разведотделе штаба 40-й армии меня едко подкололи: «Я был батальонный разведчик — он был писаришка штабной!»

Интересные факты и детали афганской военной жизни перли отовсюду, как дрожжевое тесто из кастрюли.

Мой блокнот набухал записями.

...На хоздворе кабульского гарнизонного госпиталя солдаты деловито строгают сосновые доски для гробов и, сидя на готовых «изделиях», травят веселые байки. Рядом, на свежих смолянистых досках, лежит листок, придавленный булыжником, — заявка на десять «резервных» гробов...

В солдатском клубе страдал от творческих мук солдат-узбек, лепя из какого-то коричневого месива огромный

бюст Ленина. Замполит полка майор Трофимов был недоволен слишком сомнительным сходством скульптуры с оригиналом и орал на ваятеля:

— На прошлой неделе он у тебя был на Рашидова похож, а сейчас Ходжа Насретдинов какой-то!

Замполита злила медлительность узбека: хитропопый лепила умышленно тянул резину. Таким образом он сачковал от включения в состав рейдового подразделения, готовящегося в «зеленку», — там боевые переделки.

Я спросил у майора:

— Не проще ли заказать бюст через политуправление Туркестанского военного округа?

— Это большие хлопоты и лишние расходы. К тому же афганцы по какой-то причине запрещают провозить памятники и бюсты через границу. Да и на хрена мне переть Ильича из Ташкента, если этот Мудакпердиев — скульптор.

— Он такой же скульптор, как ты гинеколог, — сказал я майору, мучительно пытаюсь обнаружить в коричневом месиве признаки человеческого лица.

— Ничего, — уверенно заключил Трофимов, — я этого Мудакпердиева пару раз с собой в «зеленку» возьму, он у меня за два часа живого Ильича вылепит!

Группа солдат и офицеров, возвратившихся в часть после похода в «зеленку», почти вся была одета в новенькие джинсы «Ливайс» и кроссовки «Адидас» — попался душманский караван, навьюченный оружием, наркотиками и шмотками.

На двери штабного кабинета комбата Руслана Аушева кто-то написал мелом: «Командыр ранин — в госпетале».

На загородном кладбище я видел среди могильных камней и разноцветных матерчатых полосок плачущего афганка, который показал мне маленький грязный кулачок...

Офицеры-мотострелки пригласили меня в баню, где мы пили спирт-терпуг, наливая его из помятого алюминиевого чайника, и смотрели по телевизору матч сборной Союза. Пехота спирт не разбавляла. После первого глотка мне перехватило дых и будто расплавленным свинцом обожгло горло.

— Тебе, борзописец, только ослиную мочу пить, — дружелюбно сказал мне зампотех майор Ильин, — а мы только так и спасаемся от гепатита.

Наклюкались до того, что футболисты на экране стали троиться, а когда они забили единственный гол, мы вос-

торженно аплодировали, радостно орали и крепко по такому счастливому поводу еще добавили.

Наутро оказалось, что гол забили нашим...

Поздним вечером пропагандист 103-й воздушно-десантной дивизии подполковник Гара понес на узел связи телеграмму с моим репортажем, чтобы передать его в Москву. Ожидая Гару, я коротал время возле штаба армии. Заметив яблоки на яблоне, решил по старой пионерской привычке на халявку поживиться. Когда стал обходить дерево, чтобы выбрать плод покрупнее, задел ботинком воткнутую в землю фанерную табличку. И только тогда заметил на ней надпись: «Стой! Заминировано!».

Четыре шага от той яблони до тротуара были для меня страшнее четырехсот афганских военных километров.

В тот же вечер я узнал, что такого же, как и я, заезжего москвича вытаскивали из-под яблони на стреле подъемного крана: обоссавшийся полковник оцепенел от страха.

Потом я бродил по дворцу Амина.

На белых стенах — грубо замазанные цементом и известью следы пуль и осколков. Видел голые ржавые крючки, на которых, рассказывали мне, когда-то висели редкостные картины и ковры. Гранитные плиты тут и там были выдраны из пола. Я уже знал, что здесь основательно похозяйничали наши тыловики, только на потолках не отдрали лепнину.

Наши брали дворец Амина по-разному: одни — с раскаленными от пальбы автоматами в руках, другие, прибывшие следом, — с ломami и мешками. Одних отсюда выносили запеленутыми в окровавленные тряпки и с дюжиной пуль в животе, другие тащили отсюда ковры ручной работы...

В кабинете замначальника политотдела армии от душманской пули в окне была дырка, которую залепили синей изолянтной. Там я и узнал, что подполковник из Главного штаба Сухопутных войск уже в первый день своей недельной командировки в Кабул втихаря и въедливо допытывался у штабного офицера, сколько валюты ему причитается и хватит ли ее на портативный японский магнитофон «Сони», джинсы и платок с люрексом...

* * *

Я привез в Москву огромную статью, от которой пахло порохом и кровью, сосновой смолой новеньких грововых

досок и спиртом-терпугом. В ней звучал жуткий крик юного «литера», взводного Рябова, впервые увидевшего, как из живота разорванного душманской гранатой солдата выперли кишки.

Я написал о мародерах во дворце Амина, о грязном кулачке афганенка, о джинсах «Ливайс» и кроссовках «Ади-дас», о бюсте Ленина и о заявке на новые гробы, о солдатах, которые делают эти гробы и одновременно используют их в качестве стола для игры в дурака.

И, конечно же, о мужестве солдат и офицеров, достойно выполняющих свой долг. А еще о том, как провел ночь на одном из блокпостов в горах под Кабулом, где при свете тусклой аккумуляторной лампочки над зеленым снарядным ящиком в паре со штабным офицером мы играли в карты против прапорщика и сержанта.

Эти ловчилы громили нас с легкостью тюремных шулеров. Создавалось впечатление, что они насквозь видят наши карты. В ходе партии прапор и сержант время от времени брали в руки автомат и палили в воздух. Объясняли: «Для профилактики духов».

Только к утру мы с напарником догадались, что таким образом прапор и сержант подавали друг другу условные сигналы, соответствующим количеством одиночных выстрелов обозначая имеющиеся на руках карты.

А стоило попросить их не шуметь — игра пошла в обратную сторону. Разоблаченные напарники рассказали, что однажды таким образом догола раздели новичка-сержанта.

Но чтобы мой очерк был напечатан, надо было соблюсти обязательную формальность — получить визу военного цензора и фиолетовый штамп с надписью: «Сведений, составляющих государственную и военную тайну, не содержится».

— Хемингуэй недоделанный, — ласково сказал мне давно знакомый полковник-генштабист Александр Ошмянский, — ты приказы министра хоть иногда читаешь?

И возвратил мне материал.

Весь мой очерк был исчеркан красными чернилами. Никаких гробов и потерь. Никаких джинсов и кроссовок — в Советской Армии обмундирования хватает, а личный состав на службе должен быть в уставной форме. Никаких карт — грубое нарушение боевого дежурства. Ника-

кого спирта даже в бане — наши офицеры не злоупотребляют. Никаких кулачков — недружественный жест по отношению к советскому солдату. Никаких самодельных бюстов Ленину — оскорбление государственной символики, да еще в действующей армии! Никаких яблок с яблони — признак плохого продовольственного обеспечения и безопасности на войне. Никаких реальных боев — «тактические занятия с выходом в район».

Генштабовский цензор был умным человеком. Он и сам понимал, что в данном случае занимается хреновиной. Но требования приказа министра выполнял бдительно. После его замечаний в моем очерке остались неподправленными лишь заголовок и подпись...

Наверное, на его месте так бы поступил каждый.

В том числе и я.

Такими тогда были правила игры.

Приходилось с ними считаться.

До назначения в Генштаб я два десятка лет проработал в советской военной прессе. Потом вкалывал в ней и в демократические времена. А по роду службы в центральном аппарате Минобороны и Генштаба занимался (как значилось в моих служебных обязанностях) «информационным обеспечением деятельности руководства военного ведомства».

Должность начальника информационно-аналитического отдела Управления информации МО и пресс-секретаря министра обороны помогла узнать многие секреты отношений армии и прессы на самом «верху».

Но — обо всем по порядку...

VIP-ПЕРСОНА

Вплоть до начала горбачевской перестройки отношения армии и центральной прессы складывались в соответствии с давно утвердившимися канонами: средства массовой информации рассказывали о жизни и учебе Вооруженных сил сплошь и рядом в позитивном ключе. И, хотя в войсках уже набирали силу серьезные негативные тенденции в боевой подготовке и дисциплине, в социально-бытовом обеспечении личного состава, протекционизм и стяжательство в рядах высшего военного руководства, все это чаще всего подавалось в прессе как «отдельные недостатки» или как «проблемы, требующие решения».

Помню, как где-то в середине 80-х годов в ЦК КПСС поступила коллективная жалоба жителей одного из северных районов: они негодовали по поводу того, что командование 10-й армии ПВО регулярно пробавляется истреблением редкостной породы белых медведей. На Север срочно вылетела комиссия, состоящая из сотрудников цеховского Комитета партийного контроля, отдела административных органов и офицеров ГлавПУра.

В ходе проверки факты подтвердились. Пронюхавшие об этом журналисты «Красной звезды», «Правды», «Известий» устроили охоту за сенсационной «фактурой». Уже были подготовлены к опубликованию материалы.

Но Старая площадь наложила на них табу. Причин никто не объяснял.

Несколько лет спустя волей обстоятельств я оказался в одной госпитальной палате с полковником Василием Ивановичем Артамоновым, который занимался в свое время «медвежьим делом». Он и сообщил мне: его прикрыли по той причине, что в нем фигурировали чиновники ЦК, вместе с генералами пробавлявшиеся охотой на белых мишек и получившие в качестве трофея звериные шкуры.

Тогда критиковать армию в центральной прессе было не принято еще и потому, что это подрывало бы авторитет самой партии, один из лозунгов которой гласил: «Руководство КПСС Вооруженными силами — основа основ военного строительства».

В печати был сформирован устойчивый стереотип «положительного образа армии». Она была почти полностью закрытой зоной для публичной критики. Идеологические цензоры власти строго следили за дозировкой информации.

И все же иногда в центральную прессу прорывались критические материалы, чаще всего они касались таких проблем или чрезвычайных происшествий, которые уже никак нельзя было скрыть от общественности. Начальник Калининградского высшего военного училища, бравший взятки и путавший государственный карман со своим, был в мгновение ока сметен с должности, после того как в «Правде» появилась статья ее военного обозревателя полковника Василия Изгаршева.

В то время такие материалы появлялись редко. Но почти всегда — после согласования с соответствующими отделами ЦК.

Газеты, телевидение и радио дружно «гнали позитив» о высшем руководящем составе армии. И хотя проблем было множество, командиры и их подчиненные чаще всего изображались способными успешно решать их, несмотря на невзгоды и лишения (что, впрочем, часто соответствовало действительности).

Правда или ложь о жизни армии порой превращались в конъюнктурный идеологический товар, который менял окраску в зависимости от ситуации. В связи с этим мне запомнился один забавный случай. Мой друг, корреспондент отдела боевой подготовки газеты ДальВО «Суворовский натиск» капитан Борис Довгаль, был в командировке на Камчатке. Оттуда передал репортаж с заголовком «Мимо цели!» о никудышной стрельбе ракетчиков. А тут в округ нагрянула высокая цековская комиссия. По этому случаю начальник политуправления ДальВО генерал Попов поставил газете задачу — дать серию материалов под рубрикой «Дальневосточные рубежи Родины — неприступны!».

Репортаж «Мимо цели!» в эту концепцию явно не вписывался, но, поскольку был жесточайший цейтнот, а отсутствие ракетной тематики обедняло тематическую палитру, решили выпутываться. Связались с Довгалем по телефону и передали приказ редактора — срочно шли позитив о ракетчиках. Срок — три часа.

Была глубокая ночь, и ракетных стрельб ни в одной из частей не предвиделось. Капитана загоняли в угол. Но он выкрутился. На следующий день вместо репортажа «Мимо цели!» вышел другой — «Точно в цель!». О ракетных стрельбах, которые состоялись немного раньше в той же части. Престиж округа и газеты был спасен.

В советские времена весьма модными были выступления военачальников различных рангов в центральной печати. Чаще всего это приурочивалось ко Дню Победы, Дню Советской Армии, праздникам видов Вооруженных сил, родов войск или другим знаменательным датам. Для решения этих задач мобилизовались лучшие интеллектуальные силы в Минобороны и Генштабе, в военных академиях и институтах, призывались «первые перья» военных газет и журналов.

Министр обороны, начальник Генштаба и их заместители должны были предстать перед читателями во всей красе: «глубоко и широко» мыслящими, умеющими ставить пра-

вильные политические акценты над проблемами и предлагать конструктивные способы их решения.

Почти все такие статьи были слегка модернизированными и «освеженными» вариантами десятков предыдущих и чаще всего представляли собой набор банальных мыслей и проблем, разбавленных обязательными здравицами в честь Генсека — Верховного Главнокомандующего, руководящей и направляющей роли КПСС в армии, перечислению командиров, выделяемых в «лучшую» и «худшую» стороны.

Все эти коллективно изготовленные статьи были похожи друг на друга, как кирпичи в кремлевской стене, и ни одна из них и на волосок не вылезала за очерченный партией круг вопросов и тем более — не содержала критики в ее адрес.

По аналогичной схеме готовились статьи командующих войсками военных округов и флотов. Немало прослужив корреспондентом окружной газеты, я вдоволь наелся этого черного хлеба и хорошо знаю, что такое в одну ночь перевоплотиться из майора-репортера в командующего войсками военного округа где-нибудь между жужжащим холодильником и газовой плитой на кухне офицерского общежития и в соответствии с уровнем и масштабами генеральского кругозора четко изложить соответствующие рангу автора статьи идеи, выводы и предложения.

А утром — получить втык за то, что мелко мыслю, что не удалось «по-новому взглянуть на проблему». И все повторялось с начала. Красные глаза, которые резало от бессонницы так, словно их набили песком, ведро выпитого кофе, гора окурков... Иные военные журналисты были еще капитанами, а валидол глотали горстями.

После появления статьи министра или командующего в газете или журнале подхалимствующие подчиненные осыпали их восторженными комплиментами, а в это время редакторы ломали голову над тем, как выкроить из скромного редакционного бюджета приличествующий должности псевдоавтора гонорар. Гонорар часто отваливался сверх всяких нормативов — каждый редактор понимал, с кем имеет дело.

За многие годы службы в войсках и на Арбате я часто поражался тому, как наши генералы относились к людям, пишущим за них статьи.

Еще в бытность маршала Р.Я. Малиновского командующим войсками ДальВО к подготовке его статей часто

привлекался талантливый военный журналист полковник Юрий Леонидович Яхнин. Обычно Родион Яковлевич приглашал его к себе в кабинет и долго наговаривал вопросы, которые хотел бы отразить. Показывал свои черновые наброски. Когда материал был готов в первом варианте, командующий и газетчик вместе доводили его, обсуждали, правили.

А после появления статьи в газете командующий никогда не забывал поблагодарить Яхнина за помощь и ни от кого не скрывал, что писал материал не сам. Когда Машиновскому приносили щедрый гонорар за статью, он вызывал Яхнина к себе, благодарил, вручал ему конверт с деньгами и добавлял:

— Ты извини, я себе только на партвзносы изъял...

Мне приходилось много раз быть в подобных ситуациях с маршалами В.Толубко, В.Петровым, С.Ахромеевым, генералами армии Е.Ивановским, В.Дубыниным, генерал-полковниками Н.Шлягой, Г.Стефановским, Н.Бойко и другими. Все они поступали так же. Они даже свою благодарность никогда не передавали через подчиненных, только лично. Это было гораздо дороже врученного тебе конверта с гонораром.

Никогда не забывали сказать журналистам или подчиненным «спасибо» за помощь в подготовке материалов маршалы Д.Язов, Е.Шапошников, генералы армии П.Грачев и И.Родионов, генерал-полковники Б.Громов и В.Миронов.

А иные военачальники даже не интересовались, кто написал за них материал.

В советские годы партийные органы одним из главных критериев популярности и авторитета любого издания считали количество писем рядовых читателей, поступающих в редакции. Но занятый службой войсковой и флотский народ в газеты писал неохотно. Поэтому письма постоянно приходилось «организовывать». В армии это делалось гораздо проще, чем на гражданке. Приезжаешь в полк, просишь командира во время отдыха личного состава собрать людей в клубе и с авторучками. Иногда приходило человек 200. Им раздавались чистые листы бумаги и указывалась тема заметок. Через полчаса моя полевая сумка лопалась от корреспонденций. Порой за время командировки удавалось «организовывать» по 300—500 штук. Из них от силы 10 попадало в газету. Зато благодарность редактора была гарантирована. Такая глупость считалась доблестью...

ЛЮБИМЦЫ

За многие годы работы в прессе и с прессой мне было известно немало случаев, когда некоторые главные редакторы газет и журналов, а порой и рядовые журналисты сами вызывались писать статьи за своих высоких начальников. И то был не только подхалимаж, а один из способов решения собственных меркантильных вопросов: кому-то надо было получать более высокую должность, очередное воинское звание или квартиру, кому-то — устраивать сына в училище или академию, приобрести по дешевке подержанный автомобиль или заполучить земельный участок в хорошем районе.

А уж если такой газетчик получал возможность написать очерк о своем «любимом герое», занимающем высокий пост в Минобороны, Генштабе, штабе военного округа или флота, то это порой становилось гарантией его головокружительного служебного роста.

Случалось это нередко и безо всяких меркантильных расчетов со стороны военных журналистов: человек искренне уважал того, о ком писал.

Корреспондент «Красной звезды» Геннадий Кашуба был еще майором, когда написал прекрасный очерк о командующем войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковнике Дмитрие Язове — «Язов из деревни Язово». Офицер-газетчик в то время уже имел хорошую должность и квартиру в Москве и, естественно, горячего желания послужить в отдаленном военном округе не испытывал. Написал искренне. Язова эта искренность глубоко тронула...

Прошли годы. Бывший командующий войсками Дальневосточного военного округа стал начальником Главного управления кадров МО СССР, а вскоре и министром обороны, маршалом. Все это время он не забывал своего «летописца». Отблагодарил его, назначив Кашубу начальником пресс-центра МО, а затем возвел и в генеральский чин. Но это был случай «протекционизма», против которого нельзя было протестовать: Кашуба имел светлую голову и сильное перо.

Подчинявшееся непосредственно министру обороны СССР информационное подразделение особое внимание уделяло созданию благоприятного имиджа главы военного ведомства. С этой целью регулярно проводились встречи

министра с журналистами, пресс-конференции и брифинги. Однажды кто-то подал идею провести в редакции одной из центральных газет «горячую линию». Замышлялось, что любой читатель в ходе нее может позвонить министру, задать ему вопрос и тут же получить ответ. Стали готовиться.

Начальник Информации министра (так тогда называлось будущее управление информации МО) генерал Валерий Манилов был человеком предусмотрительным и беспокоился о том, чтобы шеф не оказался в непредвиденной ситуации. Поэтому были «поставлены под напряжение» многие управления и отделы Минобороны и Генштаба, которые дено и ночью готовили справки по всем возможным вопросам — от содержания военной доктрины до суточного солдатского пайка.

А чтобы напрочь исключить какие-либо накладки, создали «особую группу»: наши офицеры, вошедшие в нее, во время проведения «горячей линии» сидели в своих арбатских кабинетах и оттуда под видом людей из войск задавали Язову по телефону вопросы. Министр еще дослушивал вопрос «из Алма-Аты» (Нарофоминска), а перед ним уже появлялся листок с готовым ответом, который Язову оставалось лишь озвучить (но Дмитрий Тимофеевич пользовался такими «шпаргалками» лишь в крайнем случае, когда надо было очень точно цитировать документы). А главный организатор мероприятия то и дело поднимал вверх большой палец. Так добывалось уважение шефа и зарабатывалось новое звание.

Обеспокоенное усиливающейся критикой положения дел в армии, руководство Минобороны по согласованию с ЦК предложило редакциям центральных газет ввести в их штаты обозревателей из числа военных журналистов. Эта идея была принята. Так наше арбатское начальство рассчитывало взять под контроль освещение армейской проблематики, а заодно и ослабить критику Вооруженных сил и их руководства.

Редакции были не против пополнить в свои ряды профессиональных военных газетчиков, на которых не надо было тратить (все они получали денежное содержание в МО).

Уже вскоре некоторых наших представителей в редакциях прозвали «засланными казачками», поскольку они притормаживали появление негативных корреспонденций по

военной проблематике и сами явно не горели желанием писать критические материалы об армии и уж тем более, когда это касалось высшего руководства.

Но не все прикомандированные к редакциям военные корреспонденты придерживались такой позиции. Некоторые стали писать без оглядки на Арбат и предельно откровенно. Их частенько вызывали «на ковер», напоминая, чей хлеб они едят.

Люди оказывались перед трудным выбором — кривить душой или писать правду. Одни безропотно выполняли установки начальства. Другие ершились и, несмотря на указания «давать больше позитива», писали о том, что видели в войсках — и плохое, и хорошее.

Такими разными я их и запомнил: одни по первому же звонку с Арбата мчались из редакций к нам и услужливо готовы были выполнить любой «спецзаказ». Другие либо сразу отказывались, либо умышленно не выходили на связь. Иногда после появления их критических статей (обычно — под псевдонимом) офицеры Управления информации получали задание начальника найти автора. Но их розыски ни к чему не приводили.

ВЕТРЫ

Во времена СССР, вплоть до августовских событий 1991 года, главной газетой страны считалась «Правда». Материалы на военную тему, которые появлялись в ней, внимательно вычитывались командирами и начальниками всех рангов. А директивные передовые статьи воспринимались почти так же, как и приказы министра обороны. По «Правде» можно было точно ориентироваться в том, как ЦК оценивает деятельность руководства военного ведомства и положение в войсках, кого Кремль недолюбливает, а кого привлекает.

Министр обороны, его заместители и нижестоящая военная свита считали весьма престижным выступить на страницах центральной газеты со статьей или дать ей интервью. Маршал Язов несколько раз посещал редакцию «Правды» и однажды даже подарил ей огромный — в полтора метра в диаметре — глобус, который много лет стоял в кабинете главного редактора.

И все же читатели центральных советских газет и журналов, как и СМИ поменьше калибром, имели возмож-

ность судить о положении дел в армии не только по статьям военачальников.

В газеты и журналы поступало много писем, в которых военнослужащие и члены их семей рассказывали правду о реальных проблемах войсковой жизни, о самодурстве некоторых командиров, о фактах протекционизма и бездушия армейских бюрократов.

Но все это в весьма крохотном объеме находило отражение на страницах центральных газет. Часто даже маленькие критические заметки тут же вызывали гнев высшего военного руководства, которое критику в адрес армии расценивало как удар по собственному имиджу и часто жаловалось в ЦК на «недопонимание» той или иной редакцией негативных последствий критики Вооруженных сил. Такая аргументация часто встречала понимание в ЦК, но людям со Старой площади к середине 80-х годов все труднее становилось находить общий язык с главными редакторами газет, которые уже почувствовали вкус творческой жизни без партийного ошейника.

И все же в доперестроечные времена влияние советской прессы на положение дел в армии было достаточно высоким. Командиры и начальники всех рангов немедленно реагировали на все критические публикации в СМИ. А печать, со своей стороны, — на тревожные сигналы, поступающие из гарнизонов. В те времена внимательная работа редакций с письмами и обращениями трудящихся и военнослужащих была возведена в ранг закона и находилась под постоянным контролем высших партийных и советских органов.

Письма на фирменных бланках газет «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Труд», журналов «Коммунист» или «Коммунист Вооруженных Сил», поступающие командирам и политработникам с просьбой рассмотреть жалобы их подчиненных, расценивались как документы особой важности.

На них мгновенно реагировали. Естественно, по-разному. Или тут же принимались меры по сигналам жалобщиков, или люди, вынесшие «сор из избы», попадали в немилость начальству и их начинали изощренно и немилосердно травить.

А если уж по письму офицеров, их жен в «Правду» или «Комсомолку» в округ или на флот приезжал разбираться корреспондент (а тем более — сотрудник аппарата ЦК,

МО или Генштаба), то это превращалось в ЧП местного масштаба, приносящее немало бессонных ночей командирам и политработникам. Особенно тем, которые чувствовали за собой вину.

Во время работы в журнале «Армия» мне вместе с полковником Евгением Лукашеней пришлось разбираться с письмом группы офицеров Ковровского гарнизона (Московский военный округ). Там некоторые начальники умудрились получить сразу по нескольку квартир, хотя в военном городке многие десятки семей офицеров и прапорщиков ютились по чужим углам.

Командир дивизии и начальник политического отдела по ходу нашего разбирательства поняли, что серьезных неприятностей им не избежать (на многих документах, подтверждающих незаконное выделение жилья «своим», стояли их подписи). Мы не скрывали, что на основе материалов проверки опубликуем статью в журнале. И тогда комдив и начпо решили предпринять контрмеры, чтобы материал не появился в печати.

Мы с Лукашеней отдыхали в гостиничном номере, когда поздним вечером раздался телефонный звонок. Женщина на том конце провода представилась заместителем председателя женсовета дивизии и убедительно просила, чтобы московские журналисты немедленно встретились для серьезного разговора с женским активом гарнизона.

Мы предложили перенести встречу на завтра, но тут же встретили категорический отказ, поскольку «завтра многие свидетели разъедутся». И все же в столь поздний час идти на встречу мы не решались. Но телефонные звонки не прекращались. И тогда мы решили, что вся эта история может стать частью материала.

Наша встреча с «женским активом» состоялась на чьей-то квартире, войдя в которую, мы сразу окунулись в обстановку праздничного веселья. Столы ломились от яств и крепких напитков. «Активистки» были уже явно на взводе и перед началом «серьезного разговора» предложили заправиться. Мы пропустили по одной, по второй... После малозначительных жалоб начались танцы. Одна из «активисток» оказалась в марлевом платье, которое даже с большой натяжкой можно было назвать символическим.

Я чувствовал себя голодной акулой, в пасти которой трепетал вкусный живец, но вволю полакомиться им было нельзя.

Не дай вам бог испытать это состояние захмелевшего офицера, который в отличие от какого-нибудь султана не так часто видит перед собой эротично извивающуюся в танце «неизведанное» женское тело, слегка прикрытое марлей, из-под которой зазывно торчат возбужденные соски тугой женской груди и ядреная попка, к которой лишь у покойника не потянется рука...

В такие минуты о требовании ЦК КПСС добросовестно разбираться с жалобами читателей как-то не думалось.

Нам стоило невероятных усилий покинуть теплую компанию, которая напоследок применила самое мощное «оружие» — стала попрекать нас отсутствием мужских достоинств, хотя под их бешеным напором уже трещали самые прочные в мире железные «молнии» почтового ящика № 56.

Сказали бы нам эти слова в другой ситуации — половые жертвы были бы неизбежны...

Выбор был небольшой: или мы откровенно валим командировку и остаемся на ночь заниматься групповухой с женским активом гарнизона, или отваливаем из ковровского гарема.

Наша партийная совесть все-таки одолела неукротимое желание всласть потрахаться и пополнить славную летопись сексуальных побед (о чем, признаюсь вам по большому секрету, нельзя вспоминать без глубокого прискорбия).

Выйдя из дома, мы сразу заметили «уазик» начальника политотдела дивизии полковника Зибарева. Он уже шел нам навстречу. Мы еле успели по старой журналистской привычке откусить по куску бумаги из своих блокнотов, чтобы сбить алкогольный запах.

И хотя начпо наверняка усек нашу нетрезвость, материал в журнале все-таки появился. Комдив и начальник политотдела были смещены с должностей.

Пресса нередко играла роль разоблачителя армейских мздоимцев и казнокрадов. Группа офицеров штаба Дальневосточного военного округа обратилась в свою газету с жалобой на зарвавшегося генерала-тыловика. Он изъял новенький холодильник в офицерском общежитии, а на его место поставил сломанный домашний такой же марки. Корреспондент газеты подполковник Аркадий Врабий рискнул написать об этом заметку. Генерал подал на него в суд за клевету. А главный редактор полковник Виктор Грушецкий был вызван к командиру генералу Петрову

на ковер и получил нагоняй. На карту была поставлена честь журналиста и газеты.

Врабий нашел оригинальный способ доказать правоту: выждав, когда генерал уедет в командировку, он переоделся в гражданку «под мастера по ремонту холодильников», взял потрепанный портфельчик с инструментом, явился в дом, где жил «герой», и пошел по квартирам якобы как сотрудник мастерской гарантийного ремонта холодильников. Ему удалось таким образом попасть и в заветную квартиру, где он битый час возился с холодильником, в котором ни черта не смыслил. Но главное было сделано — переписан номер холодильника.

И хотя до разбирательств в суде дело не дошло, новенький холодильник вскоре перекочевал на свое прежнее место в офицерском общежитии...

Довольно часто жалобы военнослужащих и членов их семей в центральные московские газеты приносили зримые положительные результаты, и это еще больше поднимало авторитет этих изданий в глазах войскового и флотского люда.

А сегодня даже самая популярная и тиражная газета может написать сенсационный критический материал о том, как генштабовская мафия построила себе «левый» дом и загнала его с выгодой для себя «новым русским», как МО тайком прокручивает в коммерческих банках миллионы бюджетных долларов — и абсолютно ничего после этого не произойдет (об этом можно судить по материалу «Комсомолки» о доме на Флотской, возведенном под «крышей» Генштаба с ведома столичных властей якобы для офицеров-«чеченцев», хотя ни одному из них в нем не досталось и метра).

Президент наш любит часто кичиться тем, что одно из великих завоеваний демократии — свобода слова. Да, слово без партийного или цензорского намордника — сегодня реальность. Однако реальность и то, что критическое слово стало холостым. Пресса перестала быть инструментом созидания нового государства, новой армии. Пресса сегодня — полигон заказного компромата, сведения счетов между олигархами, мафиями и политическими интриганами, клоака сплетен, цирк развлекательной критики.

В зеркале прессы мы часто видим жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой хотят ее видеть серые кардиналы, финансовые магнаты, заказчики политичес-

ких «убийств» или жаждущие популярности мутные личности.

И даже после того как Ельцин издал указ, обязывающий госорганы в строго обозначенный срок реагировать на выступления прессы, на документ этот почти никто не обращает внимания (в том числе в МО и ГШ). Возможно, если примут новый соответствующий закон, что-то изменится. Вот появился в «Московском комсомольце» материал о том, что дочка Верховного Главнокомандующего на сомнительного происхождения средства приобрела за границей огромный дворец. И что? А ничего. Но ведь папенька самолично обязывает госчиновников реагировать. Советник президента — тоже госчиновник — на папенькин указ тоже, вероятно, начал. На черта, спрашивается, нам такая свобода слова?

Уже долгое время по вагонам метро ходят безногие мужчины в камуфляжной форме и на костылях. Они жалостливо просят:

— Люди добрые, подайте инвалиду Афганистана на протез!

Однажды я разговаривал с одним из них. Оказалось, что он шесть лет после ранения в Афгане болел. Ногу ампутировали в 1989 году. Я спросил его, писал ли он о своей беде в какую-нибудь газету. Он посмотрел на меня, как на придурка, и сказал:

— Я шесть лет туда писал. Эффект такой же, как пукать в воду...

Военный обозреватель газеты «Московские новости» Александр Жилин опубликовал сенсационный материал о подпольной мафии, которая в корыстных целях использует инвалидов афганской войны. И что? Власть безмолствовала.

Когда-то я жил в маленьком украинском городке Барвенково в полуразваленной, довоенной постройки, хате. Отец, ветеран войны, много лет подряд обращался к местным властям с просьбой помочь отремонтировать ветхое жилище. Приходили рабочие, ставили новую подпорку под гнилую крышу, и считалось, что власти «отреагировали». Тогда отец с моей помощью написал письмо в «Труд». Вскоре появился корреспондент, все осмотрел, уехал. Потом в газете появилась заметка — строк десять.

А через неделю началось строительство нового дома...

* * *

И все же было бы необъективно утверждать, что в целом положительный имидж армии и ее руководства выглядел таким в советской прессе только потому, что он бдительно оберегался властью. Сама атмосфера в обществе, напитанная уважением к Вооруженным силам, к военному человеку, способствовала этому. Такую атмосферу поддерживала мощная система идеологических институтов — от отделов пропаганды ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ до районных партийных и комсомольских комитетов. В своей работе они широко опирались на прессу.

К тому же в стране существовала разветвленная индустрия военно-патриотической работы — от начальных школ до многомиллионного Общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). Неисчислимым было количество военно-патриотических кружков, ветеранских организаций и комитетов.

Военная тема регулярно освещалась по всей вертикали средств массовой информации — от Центрального телевидения и «Правды» до районных газет. Эту пирамиду мощно подпирали центральная, окружная (флотская), армейская и дивизионная военная печать (орган МО СССР газета «Красная звезда», почти 20 ведомственных военных журналов, около 25 окружных и флотских, почти столько же армейских и более 100 дивизионных газет).

Вся эта махина была подчинена проведению линии КПСС в Вооруженных силах и строго руководствовалась в своей деятельности решениями партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, постановлениями и решениями правительства и издаваемыми на их основе приказами министра обороны СССР и директивами начальника Генштаба.

Партийная идеология жестко пронизывала всю военную проблематику в СМИ СССР. Это называлось ленинскими принципами партийности печати. Буквально все проблемы жизни армии — от усиления роли политорганов и первичных парторганизаций до обеспечения военнослужащих положенным имуществом — подавались исключительно сквозь призму установок КПСС.

Сегодня многое из того времени кажется прямолинейным и глуповатым (не все прошлое умнее настоящего, как не все настоящее умнее прошлого). Не так давно, копаясь в своих архивах, я обнаружил рукопись моей статьи для одного из военных журналов, которая была написана лет

пятнадцать назад, накануне очередного партийного съезда. Ее нельзя читать без улыбки. Она называлась «К новым рубежам боеготовности» и начиналась так:

«В обстановке высокого патриотического подъема, возросшей организованности и деловитости личного состава в войсках и на флотах начался новый учебный год. Широкая подготовка к XXVII съезду Коммунистической партии, повсеместно развернувшееся обсуждение проектов новой редакции Программы и Устава КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года — все это оказывает большое влияние на духовную жизнь армейских и флотских коллективов, стимулирует общественно-политическую активность воинов».

Сегодня мне, как, наверное, и многим другим журналистам, смешно и грустно вспоминать, по каким уродливым правилам мы тогда играли. Жизнь была такой. Есть над чем сегодня посмеяться...

Ветеран советской военной журналистики полковник запаса Тимофей Вахнов рассказывал мне как-то о забавном случае из своей практики:

— Редактор газеты дал задание: «Поезжай в войска и напиши о политзанятиях». Приехал в часть. Лейтенант проводит с подчиненными беседу о загнивающем капитализме:

— Там у них сплошная безработица, эксплуатация человека человеком, бездомные, голодные люди лазают по мусорным бакам и выискивают жирные объедки...

Встает солдат:

— Товарищ лейтенант, у меня вопрос: а кто же в эти баки бросает жирные объедки?

Растерянный лейтенант объявил перерыв...

Сегодня многое из того времени кажется примитивным. Хорошо, что мы повзрослели.

Даже к малозначительным газетным заметкам о быте казармы или очередной политинформации часто пришивались цитаты из решений партийных съездов и пленумов, из выступлений Генсека ЦК КПСС или его очередного опуса типа «Возрождение» или «Новое политическое мышление для Европы и всего мира».

А уж если Генсек высказывался об армии, ее людях и проблемах, то его в обязательном порядке тиражировали все газеты — от цековской «Правды» до зачуханной завод-

ской многотиражки. Что-то северокорейское было во всем этом. Мало кто не понимал уродства такой идеологической азиатчины, но мало кто мог тогда выступить в армии против нее. Мы все были в плену свято исповедуемых тогда правил игры.

Доклады Генсека на съездах партии и на пленумах передавались на матрицах во все газеты и публиковались в обязательном порядке. И хотя все это уже через несколько дней появлялось в книжных киосках и библиотеках в виде брошюр, все равно каждая газета и каждый журнал, даже «Овцеводство», обязаны были дать этот же материал на своих страницах. Иначе руководящий партком или политорган могли уличить редакцию в игнорировании партийных позиций.

В такой ситуации дело иногда доходило до маразма. Например, очередной партийный съезд проходил в марте. А номер военного журнала находился еще в производстве и должен был появиться на свет лишь через два месяца. И все равно он забивался (иногда чуть ли не целиком) речью Генсека и доходил до читателей уже тогда, когда они почти наизусть изучили установки партайгеноссе...

А когда же вышли в свет брежневские произведения о Малой земле, о целине и другие, то в прессе по решению ЦК была развернута кампания, пропагандирующая труды кормчего, написанные одним из даровитых московских писателей.

Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота издало директиву, в соответствии с которой все военные СМИ должны были активно включиться в разъяснение военнослужащим и членам их семей «огромного воспитательного и философского значения» брежневских мемуаров для нынешних и будущих поколений советских воинов.

И трудно было понять, как можно «разъяснять» книги, после прочтения которых нормальному человеку и так все становилось ясно.

Особенно в такие периоды буйствовал в прессе главный идеолог армии генерал Дмитрий Волкогонов. Комментируя труды Верховного Главнокомандующего, он щедро украшал их эпитетами превосходной степени. Наш армейский коммунистический проповедник № 1 остервенело вдалбливал в головы военнослужащих мысли о бессмертности произведений Леонида Ильича, выступал в военной

и гражданской печати с яростными пропагандистскими опусами.

Пройдет не очень много времени, и тот же Волкогонов с той же иступленной яростью будет публично охаивать и проклинать то, на что еще вчера призывал армию молиться. Так разоблачала свою истинную суть гвардия коммунистической пропаганды.

* * *

И все же никуда не уйти от бесспорного факта: пресса приучала общество чтить армию, уважать военного человека. И как бы кое-кто сегодня ни охаивал тоталитарный режим, вряд ли он сумеет опровергнуть очевидное: при советской власти во многом благодаря прессе было достигнуто такое духовное единение армии и общества, при котором Вооруженные силы постоянно ощущали мощную поддержку соотечественников.

И то был результат не только идеологического давления КПСС, но и действительного ее умения выстраивать свою военную политику с учетом многих сокровенных чаяний народа, опираясь на идеи патриотизма. Партия часто выражала именно то, что думал и чувствовал народ, о чем помышляла армия (хотя хватало идеологического лукавства и примитивной брехни).

Долгое время тоталитарный режим прочно держал свою жесткую руку на горле прессы и благодаря этому не позволял прорываться голосу протеста гражданских и военных людей против авантюрного применения армии в стране и за ее пределами, против жирующей за чужой счет политической верхушки или о серьезных изъянах в стиле работы старшего комсостава. И тут нередко случалось такое, что в переплет попадал даже главный рупор Минобороны — газета «Красная звезда».

В 1986 году в «Звездочке» появился острый материал заместителя редактора отдела боевой подготовки ВВС полковника Александра Андрюшкова — «Клевета». Военный журналист развенчал добросовестного склочника одного из авиационных полков — майора Данилевича. После того как командир части полковник Александренко не поддержал его в ссоре с прапорщиком, не пропустившим жену Данилевича на территорию части без документов, майор решил отомстить. Он кропотливо насобирав кучу компромата на Александренко (инкриминируя ему, в частности,

подлог в оформлении часов налета) и отправил свой донос в «Красную звезду». Разобраться с письмом главный редактор газеты генерал Иван Панов поручил Андриюшкову.

Полковник побывал в гарнизоне и подготовил материал. После опубликования его в «КЗ» Данилевич был снят с должности, понижен в воинском звании. Обиженный таким поворотом дела майор обратился с жалобой в ЦК КПСС. Она попала на стол инспектору отдела административных органов ЦК Виктору Бучневу. И тут разразился скандал, в который были вовлечены не только главные действующие лица «Клеветы» и Андриюшков, но и высшее военное руководство. На журналиста «Звезды» пошел жестокий накат со стороны начальников Главного политического управления и парткомиссии ГлавПУра. Теперь уже Андриюшкову инкриминировали клевету. Дело дошло до разбирательства на коллегии ГлавПУра. Там генерал Алексей Лизичев сказал Андриюшкову:

— На вашем месте, полковник, я бы застрелился...

Полковнику впаяли строгий партийный выговор, его понизили в должности и потребовали убрать подальше от газеты. Но главный редактор, рискуя оказаться в немилости, отстоял Андриюшкова. Больше года офицер пребывал в опале, не ведая, из-за чего же на него обрушилась столь жестокая кара по указанию самого ЦК. И лишь потом выяснилось, что майор Данилевич был близким родственником старой большевички, которая однажды угощала самого Ленина пирожками с капустой, что особенно и растрогало цеховских чиновников...

ОЗОН И СМРАД

В середине 80-х было особенно заметно, что в обществе вызревает протест против застоя в стране и армии. Пресса начинала все смелее сдирать с себя партийный намордник, а горбачевские призывы к гласности способствовали этому. Начали круто меняться и отношения армии и прессы. Флагманом прорыва к гласности о жизни Вооруженных сил и их руководства стала газета «Советская Россия».

Затем к ней подключились «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Огонек» и другие. У каждого из этих

изданий было свое представление о гласности: некоторые из них, например «Огонек» и «МК», явно путали серьезную критику армейских недостатков со зловонным информационным дерьмом.

В тот период мне было дано задание выяснить отношения с руководством «Огонька» и попытаться переломить или хотя бы ослабить его резко негативное отношение к армии. Я встретился с главным редактором журнала Виталием Коротичем. Он долго и витиевато убеждал меня, что никаких злонамерений по отношению к армии у журнала нет. Коротич сказал мне:

— «Огонек» стремится лишь лечить Вооруженные силы, которые больны теми же язвами, что и общество.

Тогда я зашел с другой стороны: почему журнал из номера в номер публикует об армии концентрированную чернуху, не разбавляя ее хотя бы изредка чем-нибудь светлым? Ведь оно в армии тоже есть. А определенное равновесие минусов и плюсов и порождает объективность.

Я никак не мог взять в толк, откуда у этого умного, интеллигентного человека такая глубокая заикленность на армейском негативе. Да, есть у нас генеральское жулье, которое за казенный счет строит себе загородные хоромы. Но есть ведь среди генералов много и порядочных людей.

Он не дал мне договорить. Коротич стал вспоминать случай, когда в Киевском военном округе генерал построил себе дачу из элитной породы дерева...

Я спросил его:

— Почему вы так ненавидите армию?

— Ни в коем случае, — ответил он, — я ненавижу этот строй.

Наша беседа, начавшаяся вполне благопристойно, к концу пошла на высоких нотах. Моя позиция была проста: если уж «Огонек» так хочет вылечить армию от недугов, то почему с таким садизмом изгаляется над ней?

Коротич не соглашался. Он доказывал, что «гангрена зашла слишком далеко и надо уже резать без наркоза».

Расстались мы на том, что я передал Коротичу просьбу офицеров Кантемировской дивизии переименовать «Огонек» в «Кадило».

Мы так и не поняли друг друга.

Я и сейчас не могу понять великого страдальца за Россию и ее армию Коротича, который почти десять лет «лечил Отечество и армию», живя по другую сторону океана.

Когда мне довелось побывать в США и говорить там со специалистами по информационным технологиям, мы вспомнили и о том, какую колоссальную роль в разрушении устоев старой власти во второй половине 80-х годов сыграли некоторые наши центральные издания, популярность которых в то время была на пике. «Огонек» — среди них.

Американцы не скрывали, что в своих подрывных идеологических операциях делали большую ставку на «знаковые личности» в советской журналистике. На мои вопросы о том, был ли среди них Коротич и «подпитывали» ли они его финансами, американцы ответить отказались...

* * *

Слава самой доблестной армии, веками добываемая в победных сражениях, способна очень быстро померкнуть, если эту армию унижает родная пресса.

Выход демократов на политическую сцену страны еще больше активизировал подъем критических волн, то и дело накатывавшихся на Вооруженные силы.

Рвавшиеся к власти новые политические наперсточники и демагоги наносили по армии удары не меньшей мощности, чем по КПСС. Они хорошо понимали, что главная препона на их пути — компартия, опирающаяся на армию.

Горбачевская гласность широко открыла для многих «демократически ориентированных» СМИ шлюзы, сквозь которые на армию хлынули гигантские потоки помоев. Все самое низкое, отвратительное и грязное, что существовало в Вооруженных силах, — все это стало выплескиваться на газетные и журнальные страницы.

Министр обороны СССР маршал Язов жаловался Горбачеву и просил его защитить армию от разнузданной критики в прессе. Но Горбачев уже терял нити управления партией и государством, сам то и дело корчился от массивных ударов, наносимых ему демократами.

Антиармейски настроенные СМИ не отличались тогда особым конструктивизмом и богатством идей. Необходимость реформы доказывалась весьма примитивно — добросовестным смакованием фактов профессиональной и нравственной деградации Вооруженных сил. Институт США и Канады во главе с академиком Георгием Арбатовым активно развивал мысль о необходимости коренного сокращения армии и военно-промышленного комплекса (я до сих

пор не пойму, какое отношение все это имело к США и Канаде)...

Экономика страны не выдерживает непомерно тяжелого военного бремени — в этом арбатовцы видели одну из главных причин обнищания государства и народа. Такой вывод сильно задевал самолюбие многих генералов в МО и ГШ, которые не оставались в долгу перед оппонентами.

Пресса становилась полем боя между представителями новых и консервативных воззрений в военной области. Против разрушителей Вооруженных сил яростно сражался в печати гвардеец старой советской военной школы маршал Сергей Ахромеев, публиковавший страстные патриотические статьи, в которых призывал соотечественников не верить идеологическим инсинуациям арбатовцев. Ахромеев яростно протестовал против охаивания армии и авантюрного радикализма в ее реформировании.

В конце 80-х — начале 90-х годов в прессе развернулась громкая дискуссия о военной реформе, ставшая уникальным явлением, которое у нас в Генеральном штабе прозвали «пиром маразма». Дело в том, что многие люди, весьма и весьма далекие от военно-стратегических проблем, не обладающие дипломами даже о среднем военном образовании, на полном серьезе доказывали, что имеют собственные стратегические планы переустройства армии. И этим бредом некоторые редакции охотно пользовались.

Помню, как в то время возле здания Генерального штаба часто появлялся психически нездоровый человек с огромной амбарной книгой, исписанной мелким почерком. Он дергал наших генералов и полковников за рукава и говорил:

— Я разработал план военной реформы лучше, чем Милютин!* Вот посмотрите! Вы боитесь реформ!

Я вспоминал об этом человеке каждый раз, когда в печати появлялись реформаторские изыски безвестного начальника вечернего университета марксизма-ленинизма в Вологодском гарнизоне майора Владимира Лопатина (о нем я уже рассказывал в первой части книги). Он тоже призывал генералов к коренному реформированию армии. Заурядный пропагандист с весьма скромным военно-стратегическим кругозором, наверное, на полном серьезе считал состоятельными свои планы.

* Военный министр при Александре II, проведший военную реформу.

Реформирование любой армии прежде всего опирается на основы экономики и военной политики государства с учетом реально существующих и потенциальных военных угроз. Для анализа этих угроз Генеральный штаб, как говорится, по пылинке собирает информацию по всему миру, используя мощные каналы Главного разведывательного управления, некоторые данные Службы внешней разведки и многие другие способы. Для решения этой проблемы задействуются тысячи опытейших специалистов, военно-научных центров и НИИ, оснащенных мощными компьютерными системами сбора и обработки информации. Выработка конструктивных идей требует много времени и серьезных экспертных заключений на уровне маршалов и генералов армии. Но бравый майор Лопатин здесь проблем, похоже, не испытывал. Он упорно пропагандировал свою концепцию, части которой то и дело появлялись на страницах газет.

И у далекого от армии обывателя действительно складывалось впечатление, что в Генштабе сидят туполобые генералы-ретрограды, которые страсть как боятся потерять свои кресла и потому активно сопротивляются прогрессивным реформаторским идеям отставного майора.

В ту пору всенародной дискуссии о реформе армии в прессе наряду с маразматическими идеями появлялись все же и вполне серьезные (хотя и не всегда бесспорные) материалы истинных профессионалов военного дела. В журнале «Военный вестник» была напечатана статья начальника штаба одного из крупных объединений ПВО генерала Александра Владимирова. Она тоже была посвящена проблемам реформирования Вооруженных сил. В ней детально расписывалось, как придать новый облик армии — от подготовки младших командиров до количества генеральских должностей.

Хорошо помню, что материал Владимирова вызвал яростное негодование со стороны руководства Минобороны. Если майору Лопатину с великодушием отцов генералы МО прощали шалости «сынка», то с Владимировым ситуация была серьезная: этот человек оперировал всесторонне обоснованными военно-стратегическими данными и расчетами. Его свежие взгляды на некоторые проблемы были вызовом косности некоторых арбатских стратегов, ревностно относящихся к тем, кто демонстрировал интеллектуальное превосходство. Они подвергли автора и его статью из-

ничтожающей критике. Через некоторое время генерал был уволен.

Сразу после прихода демократов к власти его немедленно привлекли к разработке документов по реформированию армии, включив в аналитический отдел в президентских структурах. К сожалению, там генерал Владимиров совершенно потерялся, и армия забыла о его реформаторских идеях...

БЕЗ ОШЕЙНИКА

Изменение политического строя в России привело к новому раскладу средств массовой информации и породило новые тенденции в освещении жизни армии. Появилось несколько типов прессы. В Минобороны и Генштабе внимательно отслеживали все эти процессы, с тем чтобы правильно строить отношения с печатью.

Однажды П. Грачев через своего пресс-секретаря Елену Агапову приказал начальнику Управления информации и печати МО генералу Владимиру Косареву подготовить аналитическую записку о характере освещения в СМИ армейской проблематики. Аналитический материал был подготовлен к указанному сроку. В нем, в частности, говорилось:

«...В России существует несколько групп средств массовой информации, которые в соответствии со своими политическими позициями (которые почти всецело определяют учредители) отражают проблемы Вооруженных сил и деятельность их руководства.

Президентско-правительственная (или государственно-ведомственная) пресса лояльно освещает жизнь армии и большинство недостатков в оборонной сфере считает “тяжелым наследием тоталитарного режима”. При этом замалчиваются провалы нынешней власти в сфере военной политики и реформы. Просчеты президента, правительства, Министерства обороны и Генерального штаба выводятся из-под критического огня (“Российские вести”, “Российская газета”, “Президент”, “Красная звезда”, Общественное российское телевидение, Российская радиотелекомпания РТР, радио “Маяк” и др.).

Объективистские СМИ: “Комсомольская правда”, “Сегодня”, “Независимая газета”, “Московские новости”, “Известия”, “Общая газета”, радиостанции “Эхо Москвы”, “Европа плюс”, НТВ и др. К освещению жизни Вооруженных сил подходят в основном без предвзятости, делая упор на факты и деидеологизированные

комментарии к ним. Однако многие оценки и выводы сильно зависят от личных отношений авторов к армии и ее руководству...

Оппозиционные СМИ: “Советская Россия”, “Правда”, “Гласность”, “Завтра”, “Народная газета”, “Патриот и др. Данная группа газет основное внимание сосредоточивает на критике демократического режима за развал армии. Материалы оппозиционной прессы отличаются критической устойчивостью в отношении высшего государственного и военного руководства...»

Особое место в документе было отведено газетам «Московский комсомолец» и «Куранты», журналам «Огонек» и «Столица», писавшим об армии почти сплошь негативно. Там же были перечислены «персоны нон-грата» Минобороны — военные обозреватели некоторых газет, часто и едко подвергавших критике руководство военного ведомства. В числе этих «заклятых врагов» были названы М.Пастернак, Д.Холодов, И.Черняк, А.Жилин...

«Благодарю за ориентировку» — такая резолюция министра появилась на записке (кстати, Грачев, в отличие от многих других арбатских начальников, никогда не забывал говорить «спасибо» своим помощникам).

Вскоре состоялась встреча Грачева с представителями прессы. Журналистов, представлявших оппозиционные СМИ, в зале не было. Не было и «персон нон-грата».

Так с подачи своего пресс-секретаря Е. Агаповой (она утверждала списки приглашенных) министр поделил журналистов на «своих» и «чужих».

Такой подход часто приводил к тому, что оппозиционная и так называемая объективистская пресса с удвоенной яростью продолжала критиковать Грачева и других военных руководителей. Из-за этого Минобороны и Генштаб со времен Грачева и до сих пор не могут найти общий язык со многими военными обозревателями, которые выделены в разряд «чужих».

Обида некоторых журналистов на то, что МО и Генштаб лишают их возможности регулярно получать нужную для работы информацию, порождает предвзятость. Предвзятость становится способом мести за невнимание. И тогда вместо фактов в материалах появляются домыслы, щедро приправленные едкими комментариями, пустяк рядится в тогу крупной «сенсации», ложь подается как правда, а в итоге военное руководство предстает в общественном мнении в неприглядном, нередко глуповатом виде.

Когда мне в начале 90-х годов некоторое время довелось быть советником начальника Генштаба по печати, генерал армии В. Лобов, большой знаток отечественной военной истории, часто и настойчиво требовал от сотрудников своего аппарата искать способы решения трудных вопросов в опыте работы наших предшественников. В ту пору в генштабовской библиотеке я и обнаружил уникальные мемуары: «Мой дневник 1877—1878 гг.» генерала от инфантерии Михаила Александровича Газенкампа, преподавателя кафедры военной администрации Академии Генштаба, в последующем — заведующего делами печати в русской армии. В дневнике Газенкампа, написанном более 100 лет назад, содержались многие рекомендации, касающиеся налаживания партнерских и доброжелательных отношений между военным руководством и прессой. В своем дневнике генерал писал:

«...Требование дружественного тона от корреспонденций, равно как и предварительная их цензура, будут нам во вред: и то, и другое получит немедленную огласку и положит прочное основание недоверию публики к тем корреспондентам, которые будут допущены (на встречи журналистов с высшим командованием армии. — В.Б.). В этом случае можно даже опасаться, что общественное мнение будет более всего верить тем газетам, которые займутся фабрикацией ложных и злостных корреспонденций о нашей армии... А так как общественное мнение в настоящее время — такая сила, с которою нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, то лучше постараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и талантливые...»

Мы до сих пор так и не смогли «расположить корреспондентов в свою пользу». И потому многие российские издания активно формируют у своих читателей образ армии как глубоко прогнившего и вредного для молодых людей института, в котором преобладают руководители дебилно-туповатого типа.

Редакция «Новой ежедневной газеты» много раз обращалась в нашу пресс-службу с просьбой взять интервью у министра, побеседовать с ним о том, почему молодежь в последнее время избегает службы в армии, а некоторые общественные организации, которые регулярно получают из-за рубежа (в том числе и от спецслужб) крупные ва-

лютные субсидии в виде грантов, а на эти деньги ведут в России широкую антиармейскую пропаганду, запугивают призывников жуткими порядками в войсках. Однако удовлетворить просьбу редакции мы не смогли — пресс-секретарь министра мотивировала это тем, что, дескать, «НЕГ» плохо пишет о Грачеве и армии. И тогда редакция обратилась за помощью в подготовке материала в ту самую организацию, которую в интервью с министром собиралась разоблачить как вредительскую.

И вот 7 декабря 1995 года «НЕГ» опубликовала материал, который смело можно назвать образцом искусства проведения антиармейской агитации и запугивания юношей воинской службой. Чтобы читателей сразу прошиб пот от страха перед армией, автор материала рассказывает им о дикой казарменной игре, про которую ему, скорее всего, поведали в правозащитной организации:

«...Для тех, кто не слышал об игре «терминатор», поясню: неуголному «дедам» молодому бойцу в карман брюк засовывают боевую гранату, а затем выдергивают чеку. Проводящий эту операцию скрывается в укрытии, а несчастный салага, если успевает вытащить и откинуть гранату в сторону, спасается, а нет — война спишет все».

После такого вступления автор статьи затем подробно расписал наиболее популярные способы уклонения от воинской службы: тянуть волынку с учебой в вузе до 27 лет (несколько раз беря академотпуск), жениться и завести ребенка, сбежать за рубеж, купить липовый военный билет за 4 тыс. долларов, прикинуться больным энурезом и даже — если ничего не помогает — спалить военный комиссариат...

Многие из этих рекомендаций призывники брали на «вооружение», о чем признавались затем в военной прокуратуре. Число уклонистов в России росло из года в год и подскочило до 32 тыс. Начальник Генштаба вынужден был публично заявить о грозящей армии катастрофе в связи с низкой укомплектованностью многих частей личным составом.

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Став министром обороны, Грачев не отозвал из центральных газет прикомандированных туда еще при Язове и Шапошникове военных корреспондентов. Было ясно, что

Минобороны и далее рассчитывает использовать их в своих интересах.

Но даже в подходе министра и его пресс-секретаря к распределению военных журналистов по гражданским изданиям просматривался тенденциозный принцип с ярко выраженным политическим подтекстом. Если в лояльной Кремлю газете «Известия» было сразу два военных корреспондента, прикомандированных от Минобороны, то в «Советской России» — ни одного.

Прикомандированные военные журналисты делали свой нравственный выбор: кто ретиво исполнял все соцзаказы военного ведомства, а кто держался подальше от информационной проституции.

Военный корреспондент «Известий» полковник Николай Бурбыга не раз появлялся в Министерстве по первому же зову пресс-секретаря министра и добросовестно выполнял ее задания. Обычно это было тогда, когда в СМИ начинались очередные «накаты» на Грачева. Даже неискушенный в информационных технологиях человек уже по одному характеру вопросов министру мог заметить, что журналист «ложится» под собеседника и дает ему возможность показать себя в выгодном свете. Невыгодные, острые вопросы, естественно, исключались.

Напарник Бурбыги по «Известиям» военный обозреватель полковник Виктор Литовкин порой подключался к большой конфиденциальной игре, которую Минобороны и Генштаб вели в прессе против своих оппонентов. Когда между Москвой и Алма-Атой вспыхнула свара из-за дележки ядерного оружия, Литовкин опубликовал острый материал о том, что Казахстан не обеспечивает должного контроля за состоянием ядерных боеприпасов и ракет. Публикация вызвала взрыв негодования в казахстанском правительстве и Минобороны, которые выступили с протестом. Дело запахло международным скандалом.

Тогда еще ничего не ведая о подоплеке конфликта, я был удивлен, когда МИД РФ потребовал объяснений от руководства Генштаба. Оказалось, что сброс информации в «Известиях» проводился через 12-е Главное управление МО РФ, которое отвечало за техническое состояние ядерных боеприпасов и было очень заинтересовано в том, чтобы Казахстан быстрее возвратил в Россию оружейный уран, которым начинены ракетные боеголовки. Этот уран казахи намеревались с большой выгодой для собственной

казны продать американцам и, по сигналам нашей разведки, уже вели тайные переговоры об этом. Чтобы сорвать эту затею, наши генералы и торопились «слить» информацию в газету. Но публикация в «Известиях» опоздала: американцы выкупили и скрытно вывезли оружейный уран из Казахстана на своем самолете.

Еще одна публикация Литовкина в «Известиях» доставила нашей пресс-службе немало серьезных неприятностей. Многие офицеры Генштаба хорошо знали, что Виктор Николаевич числится в штате Управления информации, и, естественно, были абсолютно уверены, что полковник в своих публикациях проводит линию, отвечающую интересам МО и Генштаба, как и России в целом. Когда же в газете появился критический материал Литовкина о том, что завезенная в Россию американская аппаратура для контроля за испытательными полетами наших баллистических ракет бездействует, возмущению некоторых генштабистов не было конца.

Тут были и мотивы чисто политического свойства: генштабисты крайне ревниво относились к тому, что американцам было дозволено снимать телеметрическую информацию о параметрах российских ракет, да еще и непосредственно на нашей территории (такая директива была подписана первым замом министра обороны А. Кокошиным). Скажу и больше: тайно противящиеся такому «предательскому» решению минобороновского начальства некоторые спецы Генштаба оказывали сопротивление работе американских телеметристов в России.

Это и вызвало резкое недовольство военного ведомства США. Публикация Литовкина в ГШ была воспринята как подыгрыш американцам. Стали циркулировать слухи, что она «хорошо проплачена заказчиками». Мои попытки выяснить предысторию появления материала в разговоре с Литовкиным не увенчались успехом — полковник отвечал уклончиво. Вскоре в кабинетах ГШ стали ходить разговоры, что статья якобы была инициирована нашими «лоббистами» из МО, которые и проталкивали договоренность с США об установке телеметрической аппаратуры вдоль северных побережий России. Эта история так и ушла в небытие, покрытая густым туманом таинственности...

Военная тема в прессе стала «доходным местом» для некоторых московских журналистов. Особенно для тех, кто

выполнял тайные просьбы своих западных «заказчиков» за приличную плату в валюте.

Группа представителей «Росвооружения» в одной из стран Персидского залива в обстановке полной секретности провела переговоры о продаже одной из наших систем ПВО.

Хозяева проявляли огромную заботу о конспирации своих намерений: они необычайно остроумно подобрали место для переговоров, защитили его от прослушки, на встречи являлись в закамуфлированном виде.

Расставаясь с русскими, слезно просили их хранить в глубочайшей тайне достигнутые договоренности.

Но уже через два дня после возвращения наших специалистов в Москву в газете «Сегодня» появился материал, который раскрывал многие секреты переговоров и намерений сторон. Над контрактом нависла угроза срыва...

Блистательно исполняли роль «придворных» корреспондентов и журналисты «Красной звезды» А. Гольц и А. Пельц, которым пресс-секретарь министра обеспечивала режим наибольшего благоприятствования и частенько «кормила» эксклюзивом. Но об объективности их материалов говорить не приходилось. Достаточно было увидеть фамилию «звездюков» под статьей — и все было ясно...

Каждый из них в силу собственной журналистской прыти служил «двору». Особой чести удаивались те, кто умел вовремя повернуться на глазах у министра и показать себя верным членом его команды.

Уже упоминавшийся мной военный корреспондент «Известий» полковник Николай Бурбыга во время октябрьских событий 1993 года был в боевых порядках войск, штурмовавших Белый дом. В одном из своих материалов он признался: «Ситуация была такова, что я перестал чувствовать себя журналистом. На какое-то время стал пулеметчиком бэтэра номер 170 7-й мотострелковой роты».

Комментируя эти признания Бурбыги, депутат расстрелянного Верховного Совета РФ Иона Андронов написал в «Советской России»: «Полковник, вы целились в меня...»

Министр высоко оценил преданного газетчика, наградив его именным оружием.

Совершенно иная позиция была у военного обозревателя газеты «Рабочая трибуна» полковника Сергея Дорони-на. Он не променял офицерскую и журналистскую честь на подобострастную лояльность и писал так, как считал нужным.

Редкую порядочность проявлял и военный корреспондент «Комсомолки» подполковник Александр Хохлов, никогда не драивший сапоги родному ведомству. За это его особо ценила военно-журналистская братия.

По-разному складывались судьбы военных журналистов. Волей обстоятельств в газете «День» оказался в свое время военный корреспондент капитан Владислав Шурыгин. Он писал зубодробительные статьи о Грачеве и разваливающейся армии. Его не однажды таскали на арбатский ковер. Но от своих принципов капитан не отказался. В конце концов написал на имя министра рапорт-манифест и ушел из армии.

Весьма драматично складывалась и судьба еще одного военного журналиста, подполковника Александра Жилина. Не приняв навязываемые ему обязанности придворного борзописца, он стал издавать свою независимую военную газету «Армия России» с явным оппозиционным настроением по отношению к Грачеву. Власти тут же постарались газету прикрыть. Поднялся шум. Жилин собрал пресс-конференцию и рассказал правду об истинном отношении демократического режима к свободе слова. Его сенсационные заявления о методах удушения новорожденной независимой газеты были переданы многими крупными информационными агентствами мира.

После этого МО свести счеты с подполковником было не так-то просто. И тогда по рекомендации советчиков министра обороны Жилин был приглашен на «задушевную беседу» к Грачеву. Но общий язык им так и не удалось найти. Один из свидетелей той беседы рассказывал мне, что разговор между министром и его подчиненным доходил порой до запредельной откровенности и в конце концов собеседники перешли на «ты».

— Что ты делаешь, Паша, — говорил министру подполковник, — изгоняешь из армии думающих людей, а оставляешь вокруг себя услужливую серость. С кем ты останешься? Люди, которые постоянно говорят тебе комплименты, гораздо страшнее тех, кто рубит правду-матку в глаза.

Давно не слышавший от подчиненных такой дерзкой искренности, министр был ошеломлен. Он предложил Жилину пост заместителя главного редактора газеты «Красная звезда». Жилин отказался.

Он вскоре стал военным обозревателем «Московских новостей», где публиковал разоблачительные статьи о коррумпированных генералах. Посыпались письменные и телефонные угрозы. Дело дошло до того, что вопрос об обеспечении безопасности военного обозревателя «МН» однажды обсуждался в парламенте.

Подполковник продолжал портить настроение руководству МО, и Грачев в конце концов дал команду уволить его из Вооруженных сил. При этом министр и кадровики допустили ряд грубейших нарушений законодательных процедур. Они «забыли» присвоить Жилину звание полковника, на которое у него вышел установленный срок. Попытки военной прокуратуры восстановить справедливость успехом не увенчались.

ПРИДВОРНЫЕ

Начиная с мая 1992 года и до последних дней пребывания Грачева в должности (лето 1996-го) фигура министра обороны РФ была излюбленной мишенью большой группы журналистов, представляющих издания самого различного толка.

Уже вскоре после назначения на министерский пост Грачев попал под кинжальный огонь критики оппозиционной российской прессы.

Ближайшее окружение министра было обеспокоено таким положением и искало выход из создавшейся ситуации. А недостатка в советчиках не было. Один из них, полковник Олег Никонов, военный журналист, написал Грачеву письмо, в котором изложил свой план обуздания прессы, негативно настроенной к военному ведомству и его руководству (этот документ я и обнаружил в архиве пресс-службы).

Никонов предлагал монополизировать военную информацию и «кормить» ею только те издания, которые доказывают полную лояльность МО. Таким образом предполагалось держать СМИ на министерском поводке. «Согласен. Это то, что надо» — начертал Грачев свою резолюцию на письме полковника Никонова. Но этому стратегическому плану, слава богу, не суждено было сбыться. Пресса тогда уже могла рвать любые намордники, которые кто-либо пытался надеть на нее.

Реформаторский зуд, охвативший на фальшивой заре

демократии многих приткких журналистов, очень часто был нацелен не на то, чтобы превратить прессу в действенный инструмент созидания новой армии, а в доходное место. Под этим соусом разрабатывались сотни проектов, в которых всего лишь декларировались благородные цели совершенствования системы информации. На самом деле невооруженным взглядом можно было заметить, что преследуются совсем другие, меркантильно-коммерческие цели. Над огромной полиграфической базой Минобороны хищно закружило «воронье от бизнеса»...

«...Руководителю Федерального Информационного Центра России Полторанину М.Н.

Уважаемый Михаил Никифорович!

Предлагаю весьма продуктивную идею.

ФИЦ может иметь больше средств и больше политического влияния, если организует свою полиграфическую базу.

Для этого необходимо:

1. Попросить Грачева П.С. передать на баланс Дома Российской прессы 3-ю и 12-ю военные типографии (3-я газетно-журнальная типография, с новой ротацией, новой линией для многокрасочного производства и фотонабора. 12-я — книжная. Обе типографии имеют прекрасные коммерч. перспективы. Могу предложить и кандидатуры руководителей).

2. Передачу осуществить быстро, в 2—3 недели и провести акционирование (документы практически готовы).

3. В Доме Рос. прессы создать издательский отдел для организации коммерч. программ и проведения политики ФИЦа. Дом, как юридическое лицо, может выступать соучредителем СМИ.

Второй этап акции связан с ускорением создания Российской армии и сохранением политического влияния на личный состав Вооруж. сил России и СНГ. В настоящий момент военные СМИ, включая “Красную звезду”, окружные, флотские газеты, не способствуют углублению демократических реформ. Военно-политическая информация в основном тенденциозна и не ускоряет развитие демократических процессов.

Предлагаю:

1. Реорганизовать “Красную звезду”, сменив военное руководство на гражданское, т.е. сняв ведомственность с журналистики, подчинив военную печать Закону о печати.

2. Вместо окружных, флотских, дивизионных и прочих военных газет выпускать бюллетень официальной информации МО, приказов и распоряжений с распространением до каждого солдата.

3. Предоставить равные возможности на коммерческой основе выпускать независимые военные газеты и журналы, используя военную полиграфическую базу. Она огромна.

4. Газету «Войсковой круг» выпускать на языках народов бывшего СССР, как сословную, объединяющую все армии СНГ. Выпускать такую газету можно будет на базе 3-й военной типографии, используя компьютерный отдел журнала «Советский воин», где собраны соответствующие языковые программы.

Материальной основой издания могут стать вклады учредителей не только в России, но и в СНГ. (Для маршала Шапошникова — это еще одна соломинка.)

Все изложенное готов претворить в жизнь при поддержке ФИЦа и Министерства печати и информации России.

*Главный редактор газеты «Щит России»
и газеты «Войсковой круг» О. Никонов».*

Уже тогда я часто поражался тому, как некоторые наши ловкие военные борзописцы, ничем не проявившие себя в газетном цеху, начинали сверкать мощным талантом «делить и продавать», конструировать маразматические схемы деятельности военной прессы, разукрашивая их конъюнктурной словесной мишурой.

Жизнь — самый гениальный и самый неожиданный драматург.

Я подумал об этом тогда, когда через некоторое время встретил полковника запаса Олега Никонова в толпе пикетчиков у Дома Российской прессы, из которого власти задумали выкинуть больше дюжины мелких газетенки с микроскопическими тиражами. Одна из них называлась «Войсковой круг».

Запасной полковник яростно протестовал против намерения властей «вышвырнуть малую прессу на улицу» и доказывал, что его газетенка — образец независимой военной прессы, «свободной от ярма Минобороны».

Глядя в усталое лицо этого человека, я страшно жалел, что при мне не было хранящейся в моем сейфе копии письма полковника Олега Никонова министру обороны, в котором летом 1992 года излагался план одевания «усмирительной рубашки» на военную прессу.

Но в окружении Грачева уже были другие люди, которые искали свои способы благорасположения газет к министру обороны.

Пресс-секретарь главы военного ведомства Елена Агапова сформировала команду «своих» журналистов, представ-

ляющих различные влиятельные СМИ (Илья Булавинов — «Коммерсант», Марина Чернуха — «Российское радио», Виталий Джибути — «Интерфакс», Александр Гольц — «Красная звезда», Павел Фельхенгауэр — «Сегодня» и другие).

Им в МО обеспечивался режим наибольшего благоприятствования. Они имели возможность получать эксклюзивную информацию, их чаще всех приглашали, когда министр отправлялся за рубеж и в войска, звали на закрытые брифинги в МО и ГШ. Естественно, они писали об армии и о ее руководстве так, как того хотели на Арбате. Они описывали положение дел в армии, в МО и ГШ не таким, каким оно было на самом деле, а таким, каким его хотели видеть Павел Сергеевич и Елена Александровна.

Но даже десяток хорошо «прикормленных» Министерством журналистов центральных СМИ не защищали Грачева от беспощадной критики в газетах, которые занимали самостоятельную позицию. От них ему доставалось за «предательское» поведение во время августовских событий, за провалы военной реформы, за протекционизм, за участие армии в расстреле парламента, за натовскую форму одежды, за слабую подготовку войсковой операции в Чечне.

Особенно допекали министра «Комсомолка», «МК», «Московские новости», «День», журнал «Новое время». Из-за этого Грачев часто высказывал резкое недовольство работой начальника Управления информации и печати МО генерала Владимира Косарева, упрекая его в том, что подчиненные «слабо работают с прессой».

Однажды Косарев после очередного разноса у министра решил, видимо, раз и навсегда покончить с нелояльностью «Комсомолки», которая уже долгое время допекала Грачева своими колкими критическими статьями, и явился к главному редактору газеты Владиславу Фронину с бутылкой на «задушевную беседу».

Фронин принял генерала, поговорил с ним, отведать вкусной «огненной воды», но и после этого «Комсомолка» не перестала высвечивать промахи Грачева.

«Прикормленные» в нашем Министерстве журналисты центральных изданий иногда использовались руководством военного ведомства для проведения «отмывочных» кампаний. Так было, например, когда некоторые средства массовой информации дружно обрушились на Главнокоман-

дующего Западной группой войск генерал-полковника Матвея Бурлакова, особенно после того, как стало известно, что не без его ведома покупался в Германии «Мерседес» для министра (в одной из газет всплыли показания, которые давал главком во время допроса в прокуратуре, — она возбудила уголовное дело).

В других материалах содержались довольно толстые намеки на причастность Главкома к коррупции, публиковались копии документов, с помощью которых журналисты доказывали, что генерал нерачительно распоряжается денежными средствами, подписывая с иностранными фирмами заведомо невыгодные для войск контракты.

Бурлаков был одним из фаворитов Грачева. Павел Сергеевич не однажды раздраженно отзывался о газетных материалах, в которых Матвей Прокопьевич подвергался критике. И легко можно было догадаться, по чьей указке (или просьбе) для снятия подозрений с Бурлакова в ЗГВ за счет Минобороны РФ была снаряжена большая группа придворных журналистов во главе с начальником Управления информации В. Косаревым.

Когда я поинтересовался у одного из журналистов целью вояжа, он сказал, что главная задача акции — «показать передовой опыт работы Бурлакова и лучшие его нравственные качества».

Главком ЗГВ тепло принял журналистов. Работа руководства ЗГВ по экономии средств и борьбе с коррупцией была подана в самом радужном свете. Возвратившись в Москву, придворные газетчики принялись наперегонки строчить оды Бурлакову. Когда первый такой опус в исполнении военного обозревателя газеты «Сегодня» Павла Фельхенгауэра появился в газете, генерал Косарев, снедаемый нетерпением порадовать Главкома Бурлакова, распорядился немедленно перегнуть факсом материал в штаб ЗГВ.

Но факс в Управлении не работал. И тогда Косарев приказал дежурному по Управлению полковнику Александру Лучанинову диктовать статью машинистке газеты «Красная звезда». Статья была огромная, и дежурный часа два диктовал ее по телефону.

Иногда были периоды, когда буквально ежедневно в газетах появлялись материалы, язвительно высмеивающие министра обороны. Грачев рвал и метал. Управление де-

лами МО, аппарат министра, Управление информации то и дело писали опровержения в различные судебные инстанции и в газеты.

Я часто думал: как можно обрубить этот шлейф критики, который уже долгое время тянется за министром обороны? Один ответ был известен: с документами и фактами в руках доказывать читателям, что министра бьют несправедливо. Другой выход был простой и трудный одновременно — не давать повода прессе уличать себя в неприглядных делах...

Как можно было доказать, что осточертевший уже всем «Мерседес» министра приобретен законно? Как можно было доказать, что огромная дача министра строится исключительно на его собственные сбережения? Как можно доказать, что его сын Сергей на законных основаниях получил жилье на Рублевке? Только с помощью документов, представленных в редакции газет или суды.

К сожалению, этого не было.

Зато было другое. Депутат Госдумы Нина Зацепина однажды публично заявила о том, что в Геленджикском районе Грачеву незаконно выделен огромный участок земли. Информация об этом появилась и в прессе. Наша пресс-служба уже по привычке изготвилась к тому, что мы тут же будем опровергать очередной «злостный поклеп». Но министр молчал.

Через некоторое время станет известно, что после депутатского запроса Зацепиной геленджикская администрация отказала Грачеву в выделении земли.

Безусловно, в газеты и журналы просачивалась лишь жалкая часть информации о том, какие коррупционные или протекционистские махинации проворачивало наше высшее военное руководство (великое число преступных тайн навсегда кануло в Лету). Но даже и то, что засвечивалось в прессе, заставляло хитрых комбинаторов в лампах остужать свой воровской пыл. Если бы луч гласности не проникал в темные дела генералитета, то, наверное, у многих людей с большими звездами давно бы полностью атрофировалось чувство совести и чести.

И хотя пресса все же не могла отучить многих из них грабить родное войско, зато она вынуждала их бояться разоблачений и действовать с оглядкой. Бояться стали больше, но воровать не стали меньше...

ГРАЧЕВ — ГУСЕВ: НЕОЖИДАННЫЙ КОМПРОМИСС

Некоторые газеты критиковали министра обороны, нередко переходя все грани приличия. Особенно отличался в этом «Московский комсомолец». Вскоре после убийства Дмитрия Холодова в газете появился оидозный материал «Паша-мерседес — вор должен сидеть в тюрьме».

Грачев подал в суд на автора статьи — заместителя главного редактора «МК» Вадима Поэгли. Когда же начался судебный процесс и Грачев получил повестку, он проигнорировал ее. И тогда газета опубликовала заметку под заголовком «Представитель мира пернатых не явился в суд».

Но министр не явился в суд ни по второй, ни по третьей повестке. После этого судья Ольга Говорова постановила «подвергнуть гражданина Грачева приводу в суд в сопровождении милиции».

25 октября 1995 года сотрудники 169-го отделения милиции Москвы должны были исполнить это решение судьи, которое сразу же вызвало много саркастических реплик в СМИ.

Грачев допустил грубейшую тактическую ошибку, вступив в откровенную конфронтацию с судом и позволяя газетам на разные лады изгаляться над собой по этому поводу. Пожалуй, немалая часть вины в этом была на совести пресс-секретаря министра Елены Агаповой, в обязанности которой входило налаживание нормальных отношений Грачева со СМИ. Позже Павел Сергеевич признается, что одна из самых его больших ошибок за годы работы на посту министра заключалась именно в том, что он не сумел найти взаимопонимания с прессой.

И я был поражен, когда, вместо того чтобы быстро выйти из зоны критического огня прессы в связи с отказом явиться в суд, Грачев раздул конфликт, публично заявив, что к Фемиде он все равно не явится, поскольку в суде «разыгрывается шоу», на котором его, пострадавшего, журналисты хотят сделать посмешищем. Советники у министра были негодные.

Только глупые люди могли рекомендовать ему делать неуклюжие заявления, которые сильно вредили его имиджу. Там, где надо было промолчать, Павел Сергеевич «высовывался» и вызывал на себя кинжальный огонь некоторых недолюбливавших его газет. Там, где надо было сделать выверенное во всех отношениях заявление о том, что

он является законопослушным гражданином и строжайшим образом исполнит решение суда, Грачев, наоборот, бросал совершенно ненужный вызов суду...

Иногда министр совершал поступки, которые были больше присущи бездарным московским певичкам, испытывающим дефицит внимания прессы к себе: они постоянно искали повод, чтоб вляпаться хоть в какой-то скандал, но лишь бы быть на слуху. У меня создавалось впечатление, что Павел Сергеевич иногда так «заводился», что не просчитывал последствия своих заявлений.

Я был ошарашен, когда министр сообщил агентству «Интерфакс», что в день вызова в суд будет находиться в командировке в Греции. Это мгновенно вызвало в некоторых СМИ новые желчные реплики с явным намеком на то, что-де П.С. «умышленно прячется от правосудия за границей».

Все это вызвало раздражение в окружении Ельцина, которое дало понять Павлу Сергеевичу, что надо найти способ нескандального выхода из положения. Ему откровенно намекали, что для фаворита президента, который дал ему титул «самого сильного министра», неприлично быть объектом критики.

Дошло до того, что в ситуацию вмешался сам Ельцин: он приказал Грачеву отложить поездку в Грецию и урегулировать отношения с судом.

У нас на Арбате многие высказывали опасения, что судебная тяжба Грачева с «МК» продлится не один месяц, а в ходе ее могут всплыть такие побочные факты, что вопрос об освобождении Грачева от должности созреет в аккурат к пику президентской выборной кампании. Таким образом, ссора министра с «МК» приобретала серьезный политический оттенок.

Думаю, что по этой причине Павел Сергеевич тогда в весьма резкой форме отчитал своих придворных советников за то, что они избрали неверную тактику разрешения конфликта.

Грачев наверняка не исключал, что в ходе слушаний в суде пресса получит возможность ознакомиться с доводами Поэгли о том, почему он посчитал военного министра России вором. Журналист «МК», как и его адвокат Генри Резник, основательно подготовились к судебным слушаниям. Они располагали увесистой кипой документов, несущих в себе такой разоблачительный заряд, после взрыва

которого Грачев из пострадавшего мог превратиться в подсудимого.

Ходили разговоры о том, что в тех документах речь шла не только о «Мерседесе», приобретенном для Грачева в ЗГВ на деньги, предназначенные по указу Президента РФ для строительства жилья военнослужащим (такое правонарушение тянуло на серьезное уголовное дело), но и содержались другие компрометирующие материалы.

Советчики Грачева искали выход из положения: опасность погрязнуть в разоблачительных судебных разбирательствах с «МК» была очень реальной. Один из наиболее приближенных к министру генералов, начальник Главного управления воспитательной работы МО Сергей Здориков, приступил к реализации плана «выхода из кризиса»...

Здориков, судя по всему, сумел подобрать ключи к главному редактору газеты «Московский комсомолец» Гусеву. Павел Николаевич был приглашен в знаменитую баню (о, эти бани!) придворной Таманской дивизии, где, говорят, и проходил поиск консенсуса.

По замыслу инициаторов этой акции процесс припаривания Гусева должен был завершиться торжественным вручением ему комплекта камуфляжной войсковой формы. Но порученец главного армейского воспитателя забыл подарок в своем рабочем кабинете, что вызвало яростный генеральский гнев.

Хотя давний сослуживец, работавший в аппарате генерала Здорикова, по большому секрету сообщил мне, что ящик с амуницией для Гусева был якобы забыт в ГУВРе специально.

По его версии, главного редактора «МК» после баньки должны были привезти на Арбат в состоянии приличного подпития, чтобы расширить круг свидетелей. Просачивалась информация и о том, что теплый вечер в бане Таманской дивизии и момент вручения подарка главному редактору «МК» были даже тайно сняты на видеопленку.

Таким образом, по замыслу идеологов акции Гусев оказывался «на крючке». Следовательно, уже тогда можно было ожидать, что конфликт «МК» и министра скоро пойдет на убыль и стороны снимут претензии друг другу. Более того, разрабатывался трогательный сценарий примирения сторон, в ходе которого Грачев и Гусев должны были официально принести искренние извинения друг другу. Один — за то, что в свое время высказал циничную вер-

сию о самоподрыве Дмитрия Холодова на «чеченской игрушке», а другой — за «необоснованные обвинения» военного министра в воровстве и других прегрешениях.

Все остальное затем можно было увидеть на экране телевизора. «Историческое» примирение в прямом московском эфире проходило в не запланированное программой время, в час пик и длилось почти полчаса. А если учесть, что 1 минута (в самое смотрибельное время) стоила в октябре 1995-го почти 1500 долларов, то легко представить, за какую сумму инициаторами спектакля был выкуплен 30-минутный «прайм-тайм». За мыльную оперу платил тот, кто больше в ней был заинтересован...

Забегая вперед, скажу, что, когда Павла Гусева летом 1997 года во время телепередачи на «РЕН-ТВ» журналисты попросили объяснить, в чем заключался секрет его столь неожиданного примирения с Грачевым осенью 1995 года, он поначалу категорически отказывался отвечать на этот вопрос. И лишь когда его «достали», с ухмылкой обронил: дескать, если вам так хочется знать секрет, то можете считать, что ГРУ сняло фильм о том, как главный редактор занимался в бане гомосексуализмом (правда, не уточнил с кем).

Слухи о теплых отношениях главного армейского воспитателя генерала Здорикова и главного редактора «МК» в середине октября 1995 года стали обрастать еще более сенсационными подробностями. Гусев публично признался: «Министерство обороны не единожды предлагало мне выехать в войска».

Гусев и Здориков на самолете МО совершили путешествие в 14-ю армию в Приднестровье. Там их тепло принял командир Оперативной группы генерал Валерий Евневич. Гусева в Приднестровье интересовала не только жизнь бывшей армии А. Лебеда. Он проявлял «живой интерес» к некоторым сенсационным байкам недоброжелателей Александра Ивановича о «заговоре», якобы готовившемся бывшим командармом (по всей видимости, в этом тоже заключалась одна из целей появления предводителя «МК» на берегу Днестра). Генерал Евневич намекал, что владеет определенной информацией по «заговору» — спецслужбы ПМР, с которыми у Лебеда сложились очень натянутые отношения, представили в штаб Оперативной группы некоторые документы, оказавшиеся на поверку чистой липой.

Было ясно, что внимание Гусева к компрометирующей Лебедея информации связано с предстоящими парламентскими и президентскими выборами. Понятно, что было очень заманчиво заглянуть в таинственное досье на одного из лидеров Конгресса русских общин и кандидата в президенты.

Судя по поведению генерала Евневича, ему, как и Здорикову, отводилась одна из ударных ролей в примирении Грачева с «МК». Он оказал не только царский прием Гусеву в Тирасполе, но и лично прибыл на вечер поминовения Дмитрия Холодова в «МК» 17 октября 1995 года. Свое появление в Москве Евневич объяснил очередным отпуском, хотя только очень наивные могли поверить в то, что генерал только и мечтал о том, чтобы уже первые часы отпуска провести в газете, которая 365 дней в году несла Грачева по кочкам и уже одно название которой еще недавно вызывало у министра обороны резкое повышение кровяного давления...

Надо было иметь большое мужество явиться на вечер поминовения Холодова в редакцию, руководство которой утверждало, что именно на военных падает страшная тень причастности к убийству Холодова...

Главный редактор «МК» уже и после театрального примирения с Грачевым по-прежнему упорно твердил: «Я знаю, что Диму Холодова убили профессионально обученные люди в мундирах. Страшный грех — обвинить человека в убийстве, но, говоря о Министерстве обороны, я не ошибался: если в твоём «хозяйстве» могут существовать подразделения убийц, знаешь ты об этом или нет, вина и подозрения падают и на тебя».

Разве не понятно, кого именно имел в виду Гусев? Но если, по его убеждению, вина и подозрения падают на людей в мундирах, то во имя чего произошло примирение?

Возникал и еще один вопрос: о каких «подразделениях убийц» говорил Гусев? Что он недоговаривал? Почему боялся открыто сказать о том, про что уже давно говорит половина Москвы? О том, что одна из версий убийства Димы связана с подразделением спецназа, в котором не однажды бывал в свое время Дима и где, по той же версии, обнаружил «взвод киллеров», тайно проходивших подготовку за крутые деньги некоторых мощных московских банков.

Но если Гусев намекал на это публично, то о каком примирении с министром обороны могла идти речь?

Помню, в то время стал популярным в Генштабе изобретенный кем-то из наших юмористов каламбур: «Как Гусев с помощью Грачева на деньги Воробьева (тогдашнего главного финансиста МО. — В.Б.) хотел клюнуть Лебеда».

Такая вот «птицеферма»...

СУД

24 октября, за день до начала суда между Грачевым и Поэгли, в газете «Московский комсомолец» появилась статья ее главного редактора Павла Гусева под заголовком «Прямой эфир — коварная вещь».

«Образцом лицемерия» назвал статью Гусева в «МК» один из старших офицеров Таманской дивизии, принимавших участие в организации теплой встречи главного редактора в соединении.

А вот впечатления самого Гусева:

«...Я был желанным гостем в Таманской дивизии. От меня не скрыли всех — немало масштаба — проблем, которыми живут сейчас солдаты и офицеры Приднестровья. И на разных уровнях, в разных географических точках я видел, что помимо всех болезней, которыми заражено сегодня наше общество, сохранила армия и такие понятия, как долг перед Родиной и офицерская честь. И увидел приличных людей в погонах, которым происходящее в стране не безразлично».

После выхода телепередачи о публичном примирении Гусева с Грачевым ведущий журналист «МК» Александр Минкин по поводу странных манипуляций своего шефа сказал:

— И для сотрудников «МК», и для наших читателей это было шоком. Каждый чувствовал, что его предали, и никто не понимал — зачем?

На этот вопрос еще предстоит дать ответ коллективу «МК».

...25 октября Грачев на суд явился. Генерал Здориков позаботился, чтобы в зале суда сидело немало его подчиненных в гражданской одежде. Встретив министра еще у входа в здание, они с добросовестностью хорошо оплаченных клакеров дружно скандировали:

— Павел Сергеевич, мы с вами!

— Павел Сергеевич, мы победим!

Когда через несколько часов Грачев покинул зал, клакеры понеслись следом за ним, так же дружно крича лозунг:

— Павел Сергеевич, мы победили!

И мне трудно было понять, утверждение это или вопрос...

С первых же минут суда стало ясно, что прислуга сильно «накачала» министра по части новой тактики поведения. Грачев сразу же принес извинения суду за то, что в одном из интервью назвал его «судилищем». Это судьбе явно понравилось.

Затем началась языковая казуистика — споры о том, кто и как понимает слово «вор», которым Поэгли обозвал Грачева.

Я внимательно следил за тактикой мудрого судебного волка, адвоката Генри Резника. И все ждал, когда же он ударит из орудий главного калибра — материалами уголовного дела по «Мерседесу». Но Резник медлил. Наверное, он хотел понять, в каком направлении противник хочет нанести главный удар, и давал ему сосредоточиться на участке прорыва. Я знал, что у Резника есть и другие серьезные козыри для игры с Грачевым. И он потихоньку начал приоткрывать их.

Грачев настаивал на том, что журналист без суда не мог назвать его вором. Это было верно. Следовательно, Резнику и Поэгли надо было доказать обратное. И Резник ринулся в атаку.

Из протокола суда:

«...Резник. Чем вы объясняете, что назвали ложью и вымыслом опубликованные документы?»

Грачев. Мне нечего сказать.

Резник. Кто принял решение о покупке “Мерседесов”?

Грачев. Я.

Резник. Вы объясняли приобретение “Мерседесов” неким распоряжением ездить на иномарках. Чье распоряжение?

Грачев. Правительства.

Резник. Почему же Черномырдин ездит на “ЗИЛе”?

Судья. Вопрос снят.

Резник. На деньги, уплаченные за два “Мерседеса-500 SEL”, можно построить два 16-квартирных дома. Вы согласны, что, истратив деньги, предназначенные на жилье для офицеров, на покупку “Мерседесов”, вы обворовали 32 офицерских семьи?

Грачев. Не согласен...».

Это и был критический момент суда. Судья больше не дала Резнику развить атаку.

Адвокат с мировым именем пасовал. Я не понимал, почему Резник отступил, не сказал о нескольких указах Ельцина, которые строго предписывали министру тратить полученные от продажи войскового имущества деньги исключительно на строительство жилья для бездомных офицеров ЗГВ.

Я не понимал, почему Резник молчал о том, что Грачев лукавил, когда говорил, что «Мерседесы» приобретены на основании решения правительства. Ранее на допросе в Генпрокуратуре он заявлял, что ему разрешил Ельцин и что машины были куплены на средства, вырученные от продажи «резиновой крошки». Следователи не обнаружили и документальных доказательств утверждению Грачева, что разрешение на покупку машин дал лично президент.

При весьма странных обстоятельствах уголовное дело № 92621 было прекращено. В МО и Генштабе многие объясняли это тем, что у руля Генпрокуратуры в то время был Алексей Ильюшенко — приятель Грачева. Ильюшенко, кстати, не один раз посещал ЗГВ и, по рассказам некоторых очевидцев, уезжал оттуда «не с пустыми руками». Уж кого-кого, а Генпрокурора Матвей Бурлаков всегда встречал по первому разряду...

Грачев суд выиграл.

Его победа у многих асов юриспруденции вызывала большие сомнения. Вот мнение известного адвоката Дмитрия Штейнберга:

— Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а именно ее 6 пункт действительно предусматривает возможность прекращения дела по примирению потерпевшего с обвиняемым. Но только по делам, возбужденным в суде по жалобам потерпевших. Однако статья 27, часть 3, говорит о том, что дело, возбужденное прокурором, а именно Генеральная прокуратура возбудила дело по факту оскорбления в средствах массовой информации, не может быть прекращено даже после примирения сторон...

Пройдет не так много времени — и решение суда будет отменено. Похоже, что для Грачева это было пустяковой неприятностью: он никак не отреагировал. А для Позгли такой поворот дела послужил утешением, вскоре дополненным тем, что на конкурсных торгах он сумел выкупить тот самый одиозный «Мерседес», который доставил много нервотрепок его старому и новому хозяину...

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ВАТЕРЛОО»

Развитие событий на Северном Кавказе, приведшее к чеченской войне, особенно ярко высветило новые грани отношений между властью, прессой и армией.

В Генштабе уже полным ходом шла разработка плана войсковой операции, но ни в Кремле, ни в правительстве, ни в Совете безопасности никто и пальцем не шевельнул, чтобы скоординировать эту работу со средствами массовой информации. Ею начали активно заниматься уже после начала войны. И многое тут намеревались делать в стиле советских времен, когда Кремль управлял прессой так же легко, как министр обороны армией. Однако на сей раз сильно поржавевшая информационная машина долго не заводилась.

Пожалуй, самая большая ошибка заключалась в том, что не был учтен принципиально новый характер СМИ в многопартийном обществе.

Если в недавние советские времена Кремль командовал ВСЕЙ прессой, то теперь его власть распространялась лишь на ЧАСТЬ редакций и агентств. Но и при этом деятельность даже управляемых СМИ заблаговременно не была согласована. Кремль слишком поздно обнаружил, что в стране нет органа, который отвечал бы за решение таких вопросов, и поручил их Госкомпечати (о том, что из этого вышло, я еще расскажу).

Были и другие серьезные факторы, которые негативно влияли на спешно формируемую систему информационного прикрытия действий нашей Объединенной группировки на Кавказе. Генштаб разрабатывал план военной операции в условиях политического раздора в обществе. Впрочем, и в руководстве армии не было единства: раскол в рядах высшего генералитета привел к отставке целой группы известных военачальников.

Общий драматизм ситуации заключался в том, что расчет Кремля на возможность усмирения взбунтовавшейся республики с помощью жестокой военной силы под видом «наведения конституционного порядка» изначально был авантюрным. Однако ни протесты парламента и политических партий, ни открытое отвержение войны народом, ни разлад в рядах армейского командования не смогли предотвратить трагедию.

Наши дивизии и части подкрадывались к границам Чечни, сомневаясь в правоте приказов, которые отдали им президент и министр обороны. Двойственные чувства в душах офицеров и солдат породила и пресса: одни СМИ яростно протестовали против зреющей войны, другие, ангажированные Кремлем, безудержно, но малоубедительно вдохновляли военных «до конца исполнить долг». Ко всему этому добавлялась изощренная и мощная чеченская контрпропаганда, которую активно поощряли и поддерживали иностранные спецслужбы.

Чеченские агитаторы еще задолго до того, как прогремели первые выстрелы, развернули целеустремленную и эффективную информационную войну против России и ее армии и все полтора года прочно держали инициативу в своих руках. Москва же противопоставляла всему этому разлаженную, «стреляющую в разные стороны» информационную машину, беспомощность и неразворотливость войсковых спецпропагандистов.

Преступная глупость войны вынуждала «кремлевские рупоры» чаще всего пользоваться малоэффективными аргументами — лукавыми лозунгами и примитивной ложью...

* * *

Еще месяца за три до начала войны Минобороны и Генштаб совместно с другими силовыми ведомствами России начали секретную операцию, главная цель которой заключалась в усилении так называемой антидудаевской оппозиции нашими военными специалистами, оружием и техникой. Офицеры ФСК в ряде соединений Московского военного округа активно вербовали наемников из числа офицеров и старослужащих солдат.

В контрактах, которые подписывали наши волонтеры, говорилось, что в их обязанность входит «обслуживание боевой техники в экстремальных условиях». Подразделения контрактников Кантемировской танковой дивизии и Солнечногорского гарнизона перевозились на машинах на Чкаловский аэродром, а оттуда самолетом доставлялись в Моздок. Затем под покровом ночи на вертолетах или окольными дорогами на бронетехнике личный состав перемещался в Надтеречный район Чечни, где концентрировались вооруженные отряды оппозиции, представлявшие собой сборище плохо обученных людей, многие из которых и не помышляли воевать с земляками: одни были чем-то

вроде дудаевских шпионов-перебежчиков, другие, получив оружие, часто исчезали в неизвестном направлении.

Операция, имевшая целью создать в Чечне мощную антидудаевскую вооруженную «колонну», проводилась до того неуклюже, что уже в самом ее начале информация о секретных телодвижениях наших спецслужб в подмосковных гарнизонах попала в печать. Один за другим в газетах начали появляться разоблачительные материалы. Всплыли подробности вербовки наемников в Кантемировской танковой дивизии (вплоть до того, что открыто указывалось, какое именно управление ФСК занималось этим и под чьим руководством).

Затем появились статьи о том, что в знак протеста подал в отставку командир дивизии генерал Борис Поляков — он не соглашался с тем, что его подчиненных противозаконно (и якобы без ведома командования соединения) загоняли в «горячую точку». Вскоре в газетах промелькнуло сообщение, что между командованием дивизии и высокопоставленным кремлевским чиновником генералом Александром Котенковым возник на этой почве серьезный конфликт (по этой причине подразделение контрактников, уже прибывшее на Чкаловский аэродром, было возвращено в расположение соединения). Котенков был вынужден жаловаться начальнику Генштаба генерал-полковнику Михаилу Колесникову.

Пресса начала мусолить эту тему. Грачев публично отрицал факты нашей военной помощи антидудаевской оппозиции. Пресс-служба Минобороны в унисон министру сделала официальное заявление: ни наших солдат, ни нашей боевой техники в Надтеречном районе Чечни нет.

А через несколько дней после этого заявления газета «Сегодня» рассказала о прибытии наших военнослужащих в Надтеречный район. И в подтверждение этому поместила снимок наших добровольцев. Вскоре Грачев был вынужден признать эти факты...

Что ни день — новая засветка «тайной» операции в прессе.

Даже не посвященные в ее детали арбатские офицеры уже догадывались, что Центр намеревается завалить режим Дудаева с помощью силовых операций «изнутри и снаружи». Но и среди силовых министров не было согласия: одни на заседаниях Совета безопасности подстраивались под Ельцина и высказывались за «решительные меры»,

другие (в том числе и Грачев) говорили о том, что еще далеко не все политические методы урегулирования конфликта исчерпаны. Но Павел Сергеевич кардинально изменил эту свою позицию, после того как Верховный выразил недовольство ею, заявив, в частности, что пришла пора «действовать смело и радикально». Николай Егоров поддержал Ельцина язвительной репликой:

— Наши генералы уже не могут одолеть каких-то пастухов...

Чеченская разведка в Москве работала блестяще: уже через три часа после заседания СБ России (последнего перед войной) чеченские информаторы по своим каналам передавали в крупнейшие агентства мира такие сведения, о которых многие еще не знали даже в ГРУ и ФСК: «Стенограммы выступлений на СБ не велись, решение о вводе войск в Чечню принималось келейно, с множеством нарушений федеральных и международных законов, без консультаций Ельцина с лидерами поддерживающих его политических партий».

Чеченцы в своих сообщениях из Москвы резонно напоминали читателям, слушателям и зрителям, что именно на этой почве у Ельцина произошла первая и очень серьезная размолвка с Егором Гайдаром, открыто заявившим о своей оппозиции Кремлю, после того как к чеченским границам были брошены российские танки. Весьма резко свое несогласие с Ельциным и СБ высказывал Явлинский.

Не из Кремля и не из российских СМИ, а из материалов радиоперехватов передач иностранных радиостанций, непрерывно осуществляемых ФАПСИ (Федеральным агентством правительственной связи и информации), генералы и офицеры Генштаба узнавали о том, что в ходе обсуждения силового варианта разрешения конфликта с Чечней президент «выкручивал Грачеву руки», что генерал Андрей Николаев якобы воздержался от голосования на СБ, что самым активным сторонником «войны против пастухов» был Николай Егоров.

Армия готовилась к операции, слыша за спиной яростные разборки политиков: одни настаивали на том, чтобы Ельцин искал политический выход из кризиса и сел за стол переговоров с Дудаевым, другие подталкивали Кремль к применению силы против непокорной республики.

За несколько дней до начала войны по Генштабу пошли разговоры, что Грачев и командующий войсками Северо-

Кавказского военного округа генерал-полковник Алексей Митюхин во время встреч с Дудаевым убеждали его не призывать народ к оружию и попытаться найти мирный выход из положения. Дудаев ответил, что «уже поздно». И признался, что самая большая обида у него на Ельцина, который так и не соизволил встретиться с ним с глазу на глаз.

— Если бы Борис Николаевич хоть раз пригласил меня в Кремль, а тем более сам приехал в Чечню, все было бы по-другому, — говорил Дудаев, — а сейчас я не могу взять назад слова, которые дал своему народу. Он меня не поймет.

Мосты были сожжены.

В ночь на 11 декабря 1994 года в штабном вагончике на краю Моздока Грачев поставил свою подпись под словом «Утверждаю» на оперативной карте. Он сделал на ней единственную поправку: на час позже сдвинул время начала операции. И сказал при этом генералу Митюхину:

— Пусть бойцы побольше отдохнут. День будет тяжелый...

* * *

Уже к концу первого дня войсковой операции стало ясно, что пресс-служба Президента России была не осведомлена даже об элементарных вопросах организации ее информационного обеспечения. Об этом можно было судить по характеру вопросов, которые чиновники из Кремля задавали начальнику Управления информации Минобороны, дежурным офицерам. Они, например, долго выясняли, каков порядок поступления информации в Минобороны и Генштаб из войск, есть ли у нас «ответственные люди», которые «обеспечивают правильное построение информационной стратегии и тактики». Высокопарная заумность их слов и наивные вопросы указывали на то, что эти люди беспомощны.

Уже после войны бывший пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков признался:

— События в Чечне выявили полную неадекватность планирования, принятия решений и их реализации. В информационной сфере была проявлена полнейшая некомпетентность и безграмотность. Пресс-служба президента была полностью отключена от информации по Чечне. Пресс-служба Совета безопасности самоустранилась. Пра-

вительство попыталось латать информационные пробоины от точных попаданий дудаевской пропаганды, но эти меры были не подготовлены, грубы и вызвали лишь раздражение в СМИ. Меня поразило, что в преддверии ввода войск в Чечню никто не удосужился собрать главных редакторов крупнейших газет, конфиденциально проинформировать их об истоках чеченского кризиса, о целях и договориться о взаимодействии. Неудивительно, что даже в дружественной президенту и правительству прессе начался полный разнобой оценок. В результате информационная и психологическая война с Чечней (я не касаюсь военно-политических аспектов этой трагедии) при наличии у России таких информационных гигантов, как ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», двух государственных телевизионных каналов и мощнейшего в мире радио, была полностью и позорно проиграна. Большинство информационных выпусков оказались заполненными сведениями со ссылкой на источники в Чечне. Это было настоящее «информационное Ватерлоо»...

Эти признания Костикова на редкость точны и правдивы.

Переваривая эти признания, я вспоминал, с каким алчным стремлением многие десятки наших информационных чиновников рвались к высоким начальственным креслам, когда шла их дележка, и какая безнадежная профессиональная их импотентность вдруг открылась Кремлю, когда настал час серьезной работы.

На Совете безопасности в конце ноября 1994 года уже был утвержден план силового варианта «восстановления конституционного порядка». А средства массовой информации, которые, казалось бы, должны были активно формировать общественное мнение в соответствующем направлении, вели безудержные дискуссии, надо или нет вводить войска в Чечню.

Этот раздрай был недобрим знаменем.

Потом будет много разговоров: мол, Ельцина подставила его свита, в которой Егоров и Шахрай наиболее активно подталкивали президента к роковому решению. Словно у Бориса Николаевича не было своей головы на плечах...

* * *

Когда пришло время включиться в дело армейской идеологической машине, многие на Арбате увидели, что она стала похожей на ржавый трактор.

До 1991 года в Главном политическом управлении Советской Армии существовало управление спецпропаганды, в обязанности которого входило информационное и психологическое противодействие противнику. В управлении работали высококлассные специалисты. Затем в ходе реформирования ГлавПУра многих из них уволили, перевели в другие подразделения. Функции управления спецпропаганды были переданы в ГРУ.

Идеолог такого новшества — военный советник президента генерал Дмитрий Волкогонов был противником терминов «информационная война» и «психологическая война» и настаивал на том, чтобы агрессивное слово «война» было заменено на более спокойное — «оборона». Дмитрий Антонович считал, что таким образом в условиях потепления международного климата мы создадим новый облик спецпропаганды. Противостоять этой пустой идеологической казуистике никто не мог: боялись попасть в немилость такому «признанному авторитету», как Волкогонов, находившемуся на короткой ноге с Верховным.

Когда начала вырваться чеченская заваруха, между Главным управлением воспитательной работы и ГРУ пошла дискуссия о том, кто и в какой степени должен заниматься информационным прикрытием силовой акции на Северном Кавказе. Руководство ГРУ явно не горело желанием связываться в это дело, мотивируя свою позицию тем, что подразделение его спецпропагандистов не предназначено для проведения информационных акций на территории своей страны, да еще и против «нестандартного» противника.

Руководство ГУВРа, в свою очередь, кивало на гээрушных спецпропагандистов. Дело дошло до того, что в этот спор пришлось вмешиваться руководству Генштаба.

Почти по тому же сценарию пошла дискуссия и между Минобороны и МВД. Сначала спорили о том, чьи войска должны играть решающую роль при проведении силовой операции. Затем пошла другая свара — можно ли использовать войска МО для боевых действий на территории собственной страны — даже для так называемого «наведения конституционного порядка». Многие в МО и ГШ считали, что это — функция войск МВД.

Долгое время было непонятно, кто играет главную роль в управлении информационной работой непосредственно в районе боев. По этой причине на начальном этапе войны

главным считался мобильный пресс-центр Минобороны, затем все переиначили и отдали приоритет сотрудникам пресс-службы правительства, фамилии их мне не удалось запомнить по той причине, что они уже вскоре оттуда умотали, перепоручив все свои функции одному из старших офицеров Управления информации МО. Наш офицер при этом остался наедине с кучей проблем: не было транспорта, не было факса, не было прямой связи с Москвой. Все эти проблемы приходилось решать на ходу.

Работа мобильного пресс-центра стала более-менее налаженной лишь тогда, когда его возглавил представитель Управления информации МВД полковник Владимир Ворожцов. С ним появились московский прямой телефон, факс, кинокамера, видеоманитофон, съемочная группа.

* * *

Когда в 1996 году на коллегии Минобороны России обсуждались военные уроки Чечни и зашла речь об информационном обеспечении боевых действий, начальник Генерального штаба Михаил Колесников угрюмо сказал:

— Мы проиграли информационную войну Дудаеву со счетом одиннадцать — ноль. Колесников признал, что к решению этой задачи «Генштаб и Минобороны оказались не готовыми».

Сидящие в зале четыре десятка высших генералов дружно кивали головами в знак согласия.

Элементарное информационное прикрытие войсковой операции наше военное ведомство было не в состоянии организовать.

Не были отработаны даже простейшие вопросы — обеспечение личного состава задействованных на Кавказе войск газетами.

Долгое время не вылезавший из районов сосредоточения частей Грачев (после того как наслушался жалоб солдат и офицеров на отсутствие информации) был вынужден связаться с начальником Генерального штаба по телефону и потребовать от него наладить доставку газет в Объединенную группировку.

В тот день было воскресенье, на хозяйстве в нашем Управлении информации был мой сослуживец полковник Владимир Коржавых. Генерал Колесников приказал ему связаться с руководством Главного управления воспитательной работы МО и добиться, чтобы уже к вечеру в

Моздок самолетом были переправлены по две тысячи экземпляров «Красной звезды» и «Российской газеты».

— И так должно быть каждый день! — раздраженно сказал в заключение НГШ.

Если начальник Генштаба лично занимается такими вопросами, это значит, что дальше плыть некуда...

Распоряжение НГШ было немедленно передано дежурному по ГУВРу. Сидя в кабинете Коржавых, я слышал его телефонный разговор и уже представлял, как засуетятся «воспитатели» — не каждый день им дает распоряжения сам начальник Генштаба. Тем более по вопросу, какой они обязаны решать без чьих-либо напоминаний и указаний.

Однако я сильно ошибался.

Через два часа один из старших офицеров ГУВРа позвонил полковнику Коржавых и стал выяснять, в чьи функциональные обязанности входит доставка газет в Объединенную группировку. И заключил: поскольку ваш департамент называется Управлением информации и печати, то вам и карты в руки.

Еще примерно час Коржавых убеждал несговорчивого «воспитателя» в том, что контроль за доставкой прессы на передовую в функциональные обязанности нашего управления не входит. Это святая задача ГУВРа.

Через полтора часа тот же офицер ГУВРа вновь позвонил Коржавых и стал допытываться, кто будет оплачивать редакциям «Красной звезды» и «Российской газеты» две тысячи экземпляров газет сверх тиража. Ему было сказано, что это головная боль его начальства.

Еще через два часа офицер ГУВРа очень радостно сообщил, что приказ начальника Генштаба не может быть выполнен, поскольку в выходной день редакции «Красной звезды» и «Российской газеты» не работают.

Такая вот была канитель.

Доставку газет с великим трудом удалось наладить лишь дня через три. За это время не один десяток офицеров и генералов у нас на Арбате схватился за сердце.

По такой же тяжелой бюрократической схеме прорабатывалась и доставка радиоприемников в действующую группировку.

Решение элементарных вопросов информационного обеспечения уже вышедших к линии фронта частей шло со скрипом. И я с завистью вспоминал время, когда нашей

армейской пропагандистской машиной управляли классные организаторы-профессионалы, которые, наверное, застрелились бы, если бы узнали, что министр обороны и начальник Генштаба уже дошли до того, что лично хлопочут о доставке газет на передовую.

Растерянность и беспомощность руководства информационно-воспитательных структур МО были еще одним доказательством того, что они в результате псевдореформ почти полностью пришли в негодность.

Пока в Минобороны долго соображали, каким образом доставить газеты в боевые порядки частей, на головы наших солдат и офицеров густо сыпались чеченские листовки и газеты, в которых ясно и доходчиво объяснялось, что ввод войск в республику — преступная кремлевская авантюра, что вся Чечня от мала до велика взяла в руки оружие и что многие русские солдаты найдут смерть на этой земле.

Пока в Минобороны и Генштабе мозговали, каким образом наладить радионформирование наших частей, чеченские пропагандисты входили в наши радиосети, лезли на наши войсковые частоты, выгоняли на горные высоты громкоговорящие установки и яростно обрабатывали «окупантов».

Каждое их слово глубоко впивалось в мозги наших солдат и офицеров и порождало в них сомнение в правоте того дела, за которое они взялись.

Обращение Президента России, которое было доставлено в группировку с большим опозданием, не вызывало у наших людей никакого интереса — его пачками продрогшие на холоде солдаты бросали в костры или использовали по другому назначению.

Когда чеченцы захватили первых наших пленных, они заставили их писать письма родителям, однополчанам, выступать по радио и телевидению. Один наш пленный солдатик, размазывая слезы по грязным щекам, жалобно говорил в телекамеру:

— Mamочka, забери меня отсюда, я хочу домой!

Кассеты с этим и другими эпизодами чеченцы в огромных количествах вскоре стали распространять по России через свои диаспоры, которые были почти в каждом городе с населением от 50 тыс. человек.

Узнававшие своих сыновей матери и отцы бросали все и через всю страну неслись в Чечню, прорывались через ли-

нию фронта и искали плененных детей в чеченских вооруженных отрядах.

Почти все аналогичные приемы чеченцев стреляли в «десятку».

А наши воспитатели и спецпропагандисты квели и с большим опозданием начали рассеивать над чеченскими позициями и селениями листовки с примитивными текстами лишь после того, как получили втык от Грачева.

К тому времени у многих наших офицеров и солдат уже сильно сдали нервы — пошли случаи применения оружия против мирного населения. Следователи военных прокуратур начали допросы подозреваемых в уголовных преступлениях.

В боевых порядках наших частей замелькала листовка:

«Солдаты и офицеры Российской армии!

Помните! В соответствии с Указом Президента Российской Федерации, вас направили в Чеченскую Республику для установления Конституционного порядка, а не для карательных акций.

Помните! Вы действуете на территории Российской Федерации и подчиняетесь ее законам.

Помните! Подавляющая часть населения видит в вас спасательную (так в тексте. — В.Б.) силу, призванную обеспечивать законность и правопорядок. Поэтому проявляйте выдержку и не поддавайтесь на провокации. Отдельные случаи нелояльности по отношению к вам не могут служить оправданием для применения оружия с вашей стороны.

К сожалению, уже имели место случаи обстрела жителей, оказавшихся на пути продвижения боевых колонн. Не допускайте повторения этих инцидентов — они могут подорвать доверие к вам и спровоцировать ответные действия.

Помните! Каждый случай применения вами оружия в невоенной обстановке будет расследоваться российской военной прокуратурой и не останется без последствий.

Помните! Ваша главная задача — защитить мирное население от произвола незаконных бандформирований Дудаева.

Помните! В Чечне вы представляете Россию. Не уроните ее чести в глазах многонационального (так в тексте. — В.Б.) народа Чеченской Республики».

* * *

Все чаще командиры уличали своих подчиненных в воровстве и мародерстве. По этому поводу бойцы шутили:

— Баран, отваливший от стада на 20 метров, считается диким!

Да, бывало, что измученные голодом солдаты пытались и таким способом добывать еду.

Чеченцы ловко использовали эти факты для того, чтобы вбить клин между частями Минобороны и МВД. Когда в селение заходила армейская колонна, чеченцы распускали провокационные слухи о грубости и воровстве эмвэдэшников. Они якобы врываются в дома, переворачивали все вверх дном, палили из автоматов по шкафам и погребам, забирали скотину и птицу, издевались над людьми. Появлялась колонна подразделения МВД — то же самое рассказывалось о частях МО.

* * *

А Кремль и правительство лихорадочно пытались выправить положение на фронте информационной войны.

От председателя Роскомпечати Сергея Грызунова потребовали монополизировать распространение всей официальной информации о боевых действиях в Чечне. Для этого был создан Временный информационный центр (жалкое подобие Совинформбюро образца 1941—1945 годов).

Московские журналисты сразу же остроумно прозвали Центр ВРИЦем и были во многом правы. ВРИЦ часто искажал информацию, передегергивал факты. А порой — просто врал.

Офицеры Управления информации и печати Минобороны полковники Виталий Лаптев и Павел Норенко, прикомандированные к ВРИЦу, рассказывали мне, как гражданские информационщики «варили кашу». Когда был подбит российский военный вертолет, один из сотрудников ВРИЦа превратил его в вертолет... дудаевской армии. То же самое было с количеством убитых и раненых. Из Чечни поступала информация — уничтожен российский танк. ВРИЦ сообщал — подбит танк боевиков...

Вот почему с первых дней работы ВРИЦа ни одна из серьезных редакций не верила ему и сама занималась добычей правдивой информации.

Уже после начала войны в Минобороны поступила правительственная шифровка, в соответствии с которой Управление информации и печати МО РФ не имело права самостоятельно сообщать в СМИ какие-либо сведения о ходе операции. Эти сведения надо было направлять во ВРИЦ.

Создавалась совершенно дурацкая ситуация, при которой головная организация была напрочь отрезана от самостоятельного информирования общественности. Телефоны дежурной службы Управления информации МО накалялись от звонков российских и иностранных журналистов. А мы откровенно ввали людям, говоря им, что «не располагаем информацией», хотя перед дежурным лежала самая свежая сводка Центрального командного пункта Генштаба.

Такую сводку мы обязаны были ежедневно направлять во ВРИЦ. Но перед тем как она попадала туда, ее визировало генштабовское руководство. Происходили забавные фокусы: прежде чем передать очередную сводку на ЦКП Генштаба, оперативный дежурный Объединенной группировки в Чечне визировал ее у своего начальства. Начальство это было хорошо ученое и понимало, что если передать в Москву всю правду о количестве погибших и раненых, уничтоженных единиц бронетехники, то там сделают вывод: если большие жертвы, командиры плохо организуют боевые действия. И потому урезало данные о потерях, которые передавались на Арбат.

На Арбате, в свою очередь, руководствовались той же логикой: большие жертвы — плохо управляем армией. И тоже урезали данные о потерях, прежде чем они попадали во ВРИЦ. А во ВРИЦе тоже занижали данные о потерях. Таким образом происходило многоступенчатое искажение правды о войне. Но ложь была не только с минусом, но и с плюсом. Особенно это проявлялось тогда, когда шли сообщения о количестве погибших или плененных «дудаевских боевиков», захваченного или уничтоженного оружия.

Я уже не удивлялся, когда, например, в сводке, поступившей в Генштаб из Чечни, сообщалось, что уничтожена банда, в которой было 10 человек, а на следующий день в газетах обнаруживал, что к этой цифре каким-то образом «прирос» еще один ноль. А если, например, по нашим позициям наносила внезапный удар группа чеченцев, включавшая примерно 20 человек, то кому-то этого казалось мало, и российского читателя информировали о сражении с двумя сотнями головорезов.

Поначалу даже не был налажен порядок посещения российскими и иностранными журналистами наших действующих частей. Многие из них добывали информацию так, как считали нужным. Часто случалось, что с утра московский газетчик брал интервью у одного из наших ко-

мандиров в штабе Объединенной группировки, а вечером делал то же в штабе дудаевской армии. Некоторым журналистам в течение дня удавалось побывать по обе стороны фронта и нередко их оценки происходящего зависели от внимания армейского начальства, количества выпитого спиртного или съеденных шашлыков в месте ночевки дудаевского отряда...

Корреспондент газеты «Московский комсомолец» Юлия Калинина или репортер НТВ Елена Масюк добирались до штаба Д. Дудаева и брали у него интервью, а в это время наши офицеры на Арбате все чаще раздраженно задавали вопрос: почему такое «интервью» у чеченского лидера не может взять офицер ФСК или ГРУ?

А по конфиденциальным каналам со всего мира в Генштаб и МИД поступала информация о том, что лидеры и правительства многих десятков стран все чаще и резче высказывают свое негативное отношение к политике Кремля на Кавказе. От одного из знакомых офицеров, служащих в Кремле, я узнал, что посол Великобритании в России Эндрю Вуд явился в Кремль и попросил объяснить, «что происходит».

Убедившись, что деятельность ВРИЦа неэффективна, Кремль и кабинет министров приняли решение изменить организацию информационной работы по освещению ситуации в Чечне. В Управление информации Минобороны поступила конфиденциальная телеграмма, в которой говорилось:

«В соответствии с постановлением правительства РФ службы Временного информационного центра переданы в распоряжение вице-преьера правительства РФ Сергея Шахрая. Теперь информацию о событиях на территории Чеченской Республики будет распространять Пресс-служба правительства РФ, которой руководит Валентин Сергеев».

Однако эта реформация несколько не улучшила качество информационной работы. Менялись ее дирижеры — фальшь оставалась...

* * *

Во время войны ложь и правда становятся сестрами. И тогда информационная война (как составная часть реальной) становится особенно кощунственной. Любое понятие о нравственности исчезает: торжествует циничный принцип — для достижения цели все средства хороши.

Чеченское телевидение показывало передачи «о зверствах русских солдат» с душераздирающими рассказами родственников пострадавших, с соответствующими съемками, подлинность которых невозможно было доказать.

Управление военной контрразведки ФСК РФ

Документ

«10 января 1995 г.

По оперативным данным контрразведки, продолжают иметь место факты бесчинства чеченских боевиков в отношении мирных жителей Грозного. 6 января с.г. на одной из улиц города зафиксирован факт сожжения боевиками ребенка 5—7 лет. Причем бандиты совершили убийство в форме солдат российских войск. Убийство записывалось ими на видеопленку. По этому факту Федеральная служба контрразведки располагает свидетельскими показаниями очевидцев убийства...»

Кассеты с видеоматериалами нередко попадали в руки иностранных журналистов, которые с большой охотой пользовались таким материалом.

Попадали такие материалы и в наши части. И порой случалось так, что чеченские пропагандисты побуждали наших офицеров и солдат к безоглядной мести.

В штаб одного из наших авиационных полков попала чеченская пленка: кинокамера запечатлела момент гибели российского вертолета. Пылающая боевая машина разбивается о землю... Обгоревшие трупы летчиков... Хорошо видимый бортовой номер...

Вскоре звено боевых российских вертолетов внезапно ушло на боевое задание.

И мало кто знал, что целью его была месть чеченцам...

Наши специалисты-информационщики часто не использовали выгодные возможности даже там, где они были очевидны. Например, захваченные в плен пакистанский и иорданский наемники были быстро переправлены в тыл наших войск. Но, вместо того чтобы представить российским телезрителям этих иноземцев, взять у них интервью, нашим репортерам лишь дали возможность снять документы наемников, что, естественно, резко снизило эффект и доказательность передачи.

Длительное время на экранах телевизоров командиры чеченских отрядов, уничтоживших сотни наших солдат и офицеров, появлялись в десятки раз чаще, чем российские командиры.

* * *

Таковы законы информационной войны: каждая из противостоящих сторон старается утаивать поражения и раздувать даже крохотные победы. Выпячивается лишь то, что выгодно.

Имея доступ к генштабовской информации о количестве убитых и раненых среди наших военнослужащих, я вскоре убедился, что нельзя верить тем данным, которые ежедневно сообщались в наших и чеченских СМИ. Из Москвы звучало: «Жертв среди российских военнослужащих нет». А на столе дежурного по ЦКП лежала сводка о гибели десяти военнослужащих с нашего блокпоста.

Чеченцы, в свою очередь, сообщали: «Наши отряды уничтожили более трех десятков оккупантов».

Чеченцы таким образом навязывали российским зрителям и слушателям свое видение ситуации, часто передергивая факты и придавая им выгодную для себя окраску. Но даже и при этом убедительно выглядел их самый главный аргумент: российские войска пришли на их родную землю с мечом, и противодействие им будет беспощадным (такую информационную агрессивность — да нашим бы СМИ, когда банды Басаева и Хаттаба летом и осенью 99-го терзали Дагестан).

Рассказывая об этом, я вспоминаю и об опыте информационной работы американцев во время операции «Буря в пустыне». Там официальные представители минобороны несколько раз в день давали журналистам оперативную информацию о ходе боевых действий, а наш генштабист генерал Иванов стал регулярно выступать по телевидению только через полгода после начала войны.

Офицеры Генштаба, которые занимались координацией деятельности Минобороны и МИДа, обратили внимание на то, что только после начала чеченской войны наше внешнеполитическое ведомство «проснулось» и стало лихо-радочно прощупывать позицию Запада в отношении военной акции Москвы на Кавказе.

Американцы долго размышляли, затем очень нехотя и туманно заявили, что это «внутреннее дело России». Немцы были более конкретны и в дипломатичной манере дали понять Кремлю, что он слишком рискует международной репутацией. Еще более жесткими были англичане — они в своей холодной британской манере намекнули МИДу РФ, что «договариваться легче, чем воевать».

Но что услышала Россия со Смоленской площади? Что международное сообщество «выражает солидарность с решительными действиями российских властей по сохранению территориальной целостности государства».

В мои служебные функции входила обязанность готовить для министра аналитические записки, в том числе и по реакции иностранных властей на нашу войну в Чечне. Особенно много информации по этому вопросу можно было почерпнуть из материалов радиоперехвата — иностранные радиостанции часто предоставляли слово своим политикам.

На основе их мнений и была составлена очередная аналитическая записка Грачеву. В ней отмечалось:

«Анализ освещения чеченской войны в иностранных СМИ позволяет сделать вывод: решение президента и Совета безопасности РФ о вводе войск в ЧР в целом негативно воспринято мировой общественностью».

После того как моя записка на пути к министру побывала на столе начальника Управления генерала Владимира Косарева и пресс-секретаря Грачева Елены Агаповой, этот вывод из документа исчез.

Уже вскоре после ввода наших войск в Чечню Минобороны и Генштаб узнали, что некоторые иностранные спецслужбы под шумок войны развернули ширококомасштабную операцию, направленную против укрепления позиций Москвы на Кавказе.

Наша разведка в Польше уже в январе 1995 года сообщила в Генштаб, что в Кракове начал действовать чеченский информационный центр, который под видом организации гуманитарной помощи «развернул активную пропагандистскую деятельность с ярко выраженной антироссийской направленностью». Причем средства на создание этого информационного центра брались в польских банках, где были открыты солидные счета.

Аналогичная информация нашей агентуры вскоре поступила в Генштаб и из других стран, в частности из Литвы. В Каунасе, например, приступила к работе радиостанция «Свободный Кавказ», которая вещала на значительную часть России, доставая до самой Чечни (сила передатчиков была такой, что их нельзя было полностью заглушить даже мощными армейскими средствами).

«Свободный Кавказ» вел передачи на нескольких иностр-

ранных языках, и это опять-таки указывало на то, что чеченские пропагандисты получили весомую кадровую, организационную и финансовую помощь Запада (по некоторым данным, со стороны Турции и Саудовской Аравии).

Судя по материалам радиоперехватов ФАПСИ, которые поступали в Генштаб, информационно-пропагандистская деятельность «Свободного Кавказа» была четко скоординирована с работой многих мировых информационных агентств и радиостанций. Они активно разносили по миру заявления официальных лиц Чеченской Республики, дополняя их комментариями откровенно антироссийского толка.

Необычайно широко многие западные информагентства комментировали обращение Дудаева в Организацию Объединенных Наций с просьбой «оказать содействие в разрешении противоречий между Москвой и Грозным». Все это способствовало формированию негативного отношения мирового общественного мнения к России.

Дипломатические попытки Москвы переломить такое положение выглядели вяло и беспомощно. Мир относился к ним недоверчиво и прохладно. Образ маленькой и свободолюбивой республики, на которую навалилась грубой военной силой «великодержавная» Россия, был создан и вызывал не только симпатии на Западе, но и растущее беспокойство. Дело дошло до того, что Европарламент принял специальную резолюцию «О положении в Чечне», в которой России предъявлялись очень серьезные претензии в связи с «военной интервенцией».

Активное содействие мировых СМИ распространению заявлений чеченских официальных лиц и сообщений дудаевских пропагандистов было хорошо скоординированным, «кооперативным» ведением информационной войны против России.

Во время пребывания в Турции министр иностранных дел Чечни сделал громкое заявление о том, что «чеченские повстанцы, значительно ослабив мощь Российской армии, сделали стратегический подарок армиям НАТО. И в связи с этим Чеченская Республика обращается к руководству Североатлантического блока оказать ей немедленную помощь». Это заявление в тот же день растиражировали все крупнейшие информационные империи мира.

Информационной сплоченности и солидарности западных СМИ с Чечней Россия ничего серьезного не могла

противопоставить. Ее государственные структуры проявляли растерянность, страшно запаздывали с принятием необходимых контрмер. В самом центре Москвы стало активно действовать информационное агентство «Чечен-пресс», которое превратилось в опорный пункт ведения пропагандистской войны Дудаева против Кремля. Но это агентство наши спецслужбы «свернули» с большим опозданием.

Таким образом, мы с самого начала вчистую проигрывали информационную войну Дудаеву. Кремль, правительство, Совет безопасности, Минобороны и Генштаб выглядели совершенно беспомощно. Вместо разумно налаженной и четко действующей системы противодействия чеченцам, которые даже из откровенной лжи умели делать мощные «информационные бомбы», с арбатской колокольни я видел лишь бестолковую суету вокруг заржавелой государственной пропагандистской телеги.

А когда чиновники в России не умеют работать, они придумывают блистательные оправдания своим провалам. Кто-то из них убедил Ельцина, что все наши поражения в информационной войне идут оттого, что Дудаев «купил» многие наши СМИ, которые-де теперь добросовестно обрабатывают заказ. И Ельцин в это поверил. В одном из своих выступлений он сказал:

— Мне известно, что не без участия чеченских денег функционирует ряд средств массовой информации России.

Заявление было сенсационным, и многие журналисты стали осаждать ФСК с просьбой фактами подтвердить заявление Ельцина. Контрразведчики многозначительно молчали...

...А телефоны дежурного по Управлению информации МО день и ночь продолжали звонить. Дежурный упорно переадресовывал журналистов во ВРИЦ. Дежурный по ВРИЦу часто отправлял их обратно, поскольку были такие вопросы, на которые могло дать ответы только руководство военного ведомства.

Был такой случай. Вскоре после начала войсковой операции в Чечне в СМИ промелькнуло сообщение о том, что Грачев снял с должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Алексея Митюхина и нескольких его замов. За подтверждением этой информации многие российские и иностранные журналисты стали обращаться к нам в МО. Минобороны дол-

го молчало, что, естественно, вызывало раздражение у газетчиков (что часто тоже было причиной неблагоприятного тона в освещении военной кампании).

Мы были в совершенно дурацком положении.

Начальник Управления информации генерал Владимир Косарев несколько раз прорывался к начальнику Генштаба за получением объективных сведений, но возвращался ни с чем.

Когда же Косарев в очередной раз обратился к НГШ с просьбой подтвердить или опровергнуть кадровые перестановки в СКВО, генерал Колесников сказал ему, что «все это чепуха на постном масле».

Получив такой комментарий, Косарев распорядился подготовить опровержение, в котором сообщения некоторых СМИ о смещении верхушки СКВО подавались как провокационные, имеющие целью внести раскол в ряды руководящего командного состава (я участвовал в подготовке документа). Это опровержение Управления информации вскоре появилось во многих СМИ.

А уже на другой день начальник Генштаба подтвердил Косареву, что командующего СКВО генерал-полковника Алексея Митюхина министр все-таки освободил от должности (причина, правда, не конкретизировалась). Пока мы в пресс-службе мучительно искали выход из дурацкого положения, «Свободный Кавказ» уже радостно трубил на всю Европу, что ранее переданное им сообщение о смещении Митюхина и разброде среди высших генералов МО и СКВО, «подтверждено самим руководством российского Генштаба».

Но и это еще не все.

Многие генералы и офицеры МО и Генштаба были искренне убеждены, что Митюхин снят из-за серьезных просчетов в организации операции. Я тоже пребывал в таком же глубоком заблуждении. И только после войны, просматривая личное дело генерала Митюхина и заключения врачей госпиталя имени Бурденко, я обнаружил, что командующий в то время не то что командовать, ходить не мог из-за обострившейся болезни позвоночника.

Но «утка» о его отставке по другой причине уже летала по миру.

Мы легко могли бы «обрезать ей крылья», но не имели для этого указаний начальства. Самое печальное, что на-

чалство часто либо держало на скудном информационном пайке руководство пресс-службы, либо по недопониманию важности непрерывного информационно-пропагандистского противодействия противнику «задвигало в сейф» сведения, которые не подлежали оглашению в СМИ, но их должны были обязательно знать те, кто непосредственно работал с прессой.

В информационной войне, как и в дипломатии, надо очень много знать, чтобы точно действовать. Тут, как и в боевых операциях, есть наступление и маскировка, ложные маневры и свои «точечные удары», эффективность которых прежде всего зависит от надежной разведки цели. К сожалению, приходится признать, что по части вынюхивания секретных сведений, которые умело «разыгрывались» в СМИ, чеченцы часто оставляли нас с носом.

Они, например, считали одним из самых заклятых своих врагов Николая Егорова, бывшего главу президентской Администрации, одного из вдохновителей войны в Чечне. И потому различными способами непрерывно отслеживали его действия, чтобы с помощью полученных сведений вбить клин между Егоровым и генералитетом. Они неведомо как пронюхали, что Егоров «имел зуб» на отстраненного от должности генерала Митюхина, который сильно повздорил с ним еще в начале войны. Более того, они проведали о вещах, про которые не знало даже руководство ГШ.

И вот уже наиболее жадным на кремлевские сенсации московским редакциям подбрасывается информация: Егоров в своем письме секретарю Совета обороны РФ Батурину сообщал, что бывшего командующего СКВО нежелательно назначать на новую должность, поскольку он-де «проявлял нерешительность» в начальный период войны. Читатели, получив такую информацию, делают очевидный вывод: между Кремлем и генералитетом серьезный разлад.

Наша пресс-служба снова выступает с опровержением «провокационных слухов». Признаюсь, как на духу: я с чистосердечным возмущением готовил этот текст для СМИ по заданию начальника. А через некоторое время давний сослуживец, окопавшийся на Старой площади, положил мне на стол копию письма Егорова Батурину. В нем было то, что я с такой бешеной яростью искренне «опровергал»...

* * *

Пока мы старательно лукавили или замалчивали истину, медлили с разоблачением слухов, некоторые наши СМИ и чеченские пропагандистские источники стали активно муссировать сообщения о том, что в «высших командных эшелонах Российской армии начался раздрай».

И в этом было уже немало правды.

Глупая война неизбежно вызывает разлад в командирских рядах. Первым таким симптомом стал отказ заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-полковника Эдуарда Воробьева возглавить Объединенную группировку, оказавшуюся в тяжелом положении. Некоторое время на Арбате (да и в газетах) циркулировало мнение, что-де Воробьев отказался принять группировку по той причине, что был категорически против силового варианта решения проблемы.

Однако истинная причина отказа Воробьева могла быть и в другом: он отлично видел (а может, и предвидел), что «чеченская партия» обречена, и не рискнул брать ответственность за ее спасение.

Еще один конфликт Грачева по той же причине произошел с его замом — генерал-полковником Георгием Кондратьевым. Еще один замминистра — генерал-полковник Борис Громов — открыто заявил о своем неприятии силового решения конфликта с Дудаевым. Вслед за Громовым о такой же позиции объявил и третий замминистра — генерал-полковник Валерий Миронов.

Было ясно, что кризис в нашем высшем военном руководстве — реальный факт. А наше Управление информации из кожи вон лезло, пытаясь убедить прессу, что слухи об этом — злобная клевета.

Всех несогласных генералов наказали выдворением за пределы Арбата. Это дало чеченской пропаганде еще один весомый повод говорить о «разложении» в российском военном руководстве.

Сообщения об этом в прессе производили удручающее впечатление на войсковых офицеров. В частях шли дискуссии о том, правильно или неправильно поступил Кремль, бросив войска на усмирение Чечни. Когда воюющие войска превращаются в дискуссионный клуб, высказывая сомнения в действиях власти, это становится предвестием военных поражений.

* * *

Невозможно победить в войне, в том числе и в информационной, если в основе ее лежит политическая авантюра. Она неизбежно порождает в людях сомнения и споры. Начинают грызться между собой уже не только высшие генералы, но и закадычные друзья-единомышленники.

...Корреспондент «Красной звезды» полковник Владимир Гавриленко — мой стародавний друг. За 30 лет знакомства мы с Володи не разу не поссорились. Когда в офицерской компании выпускников родной альма-матер отмечали юбилей поступления в училище, чеченская война была в разгаре. Умолчать о ней во время пирушки не удалось. Володя в то время опубликовал в «КЗ» небольшую заметку, в которой осуждал действия властей Ингушетии, воспротивившихся тому, что у них российские командиры не попросили разрешения, когда повели свои колонны на смену в Чечню.

Я был против такой его позиции и считал, что президент Ингушетии Руслан Аушев был абсолютно прав, когда высказал Москве протест. Володя доказывал, что Ингушетия — Россия и потому не обязательно-де «испрашивать разрешения у кого-либо, идя по собственной земле».

Мой контраргумент: ничего бы от Кремля не отвалилось, если бы он даже крохотную Ингушетию поставил в известность о своем намерении. Слово за слово — спор. За спором — ссора. Когда пришло протрезвление, пришлось просить извинения.

Глупая война способна поссорить и закадычных друзей...

А мы продолжали «играть в войну».

Однажды в «Красной звезде» появилось разгневанное коллективное письмо военнослужащих, воюющих в Чечне. Письмо было обращено к российским средствам массовой информации и содержало просьбу «не стрелять в спину».

Потом выяснилось, что это яркое эпистолярное произведение за несколько часов по указанию начальства Главного управления воспитательной работы сочинил один из офицеров. Но «коллективное письмо» не оказало должного влияния на прессу, и она продолжала гнуть свое.

Могла ли Москва выиграть информационную войну у Дудаева, если бы даже ее пропагандистская машина работала идеально? Убежден, что нет. В информационной

войне нельзя победить, если сама реальная война несправедлива.

Самые изощренные формы и методы ведения информационной войны, самые лучшие ее специалисты, самая современная техника не помогут добиться победы, если у власти, народа, армии и прессы не будет полной убежденности в правоте своего дела.

У нас не было такой убежденности.

Мы были обречены на поражение.

УРОКИ БЕЗ ВЫВОДОВ

Вскоре после окончания чеченской войны из правительства в Генштаб поступило указание разработать предложения по созданию специальной государственной структуры, предназначенной для осуществления информационного прикрытия военных акций. Такие предложения были разработаны: мы подали идею сформировать при правительстве межведомственный координационный комитет информационного обеспечения силовых операций. Но идея эта заглохла.

Чиновники в кабинете министров считали, что комитет должен работать «на общественных началах», т.е. быть штатным, не требующим дополнительных расходов государственных средств. Получалось, что информационные операции как часть государственной политики тоже надо осуществлять «на общественных началах». Почти по такой же схеме предлагалось создать в Генштабе специальную группу информационного прикрытия действий войск в экстремальных ситуациях. И снова дальше разговоров дело не пошло...

О том, что Кремль и правительство не сделали практических выводов из уроков информационной войны в Чечне, стало понятно сразу, как только НАТО в марте 1999 года начал бомбардировки Югославии. И хотя Россия не была непосредственным участником военного конфликта, позиция ее высшей исполнительной власти не получила эффективного информационного прикрытия ни в стране, ни за рубежом. У нас по-прежнему не было для этого ни специального органа, ни системы, ни стратегии и тактики.

Война в Югославии показала, что Россия, как и в период чеченской войны, не имеет механизма, с помощью

которого четко, наступательно и последовательно власть могла бы осуществлять централизованную государственную информационную политику внутри страны и за ее пределами. Самое мощное наше информационное оружие — телевидение, и то использовалось безалаберно. Отсутствие четкой информационной политики и привело к тому, что некоторые наши телекомпании в конце концов превратились в составную часть информационной машины НАТО на территории России.

Как и ведущие телекомпании стран Североатлантического альянса, основные российские телеканалы упорно раздували очень выгодный для НАТО миф о «сербском геноциде в Косово», хотя ни разу (подчеркиваю — ни разу!) этот геноцид «живьем» не был показан на наших экранах. Да, мы видели тысячи беженцев из Косово, слышали их слезные причитания и рассказы о зверствах сербов, которые оставались за кадром и выступали в роли привидений. А в это время агенты СВР и ГРУ докладывали в Москву, что «геноцид» умышленно инспирировался НАТО, военные советники которого были задолго до начала операции «Союзническая сила» заброшены в Косово и подстрекали местных албанцев к бегству из родных очагов (не случайно Вук Драшкович назвал это «самой большой в мире массовой с американской режиссурой»)...

90 процентов времени российских телерепортажей из Югославии были посвящены страданиям албанских беженцев и 10 — последствиям натовских бомбардировок сербских населенных пунктов. Россия почти каждый день видела пресс-конференции в штаб-квартире НАТО в Европе и слышала комментарии пресс-секретаря альянса и его генералов, а командиры и солдаты сербской армии словно не существовали для российских тележурналистов.

Невозможно было понять, на чьей же мы стороне «воюем» и на чью мельницу льем «информационную воду»? Хотя в это время президент, премьер правительства и министр иностранных дел возмущались «варварством натовской военщины» и высказывали соболезнование народам Югославии...

Необъективность телепередач российских журналистов справедливо получила негативную оценку сербских спецслужб, которые в условиях войны резко усилили цензуру (а мы бы делали иначе?). По этой причине даже у тележурналистов главного российского телеканала — Обществен-

ного телевидения — возникли серьезные трения с сербами. А группа журналистов НТВ вообще была выдворена за пределы страны...

Телекомпания НТВ, как и другие российские СМИ, входящие в так называемую «информационную империю Гусинского» (НТВ, журнал «Итоги», газета «Сегодня» и др., объединенные в так называемый «Медиа-Мост»), на мой взгляд, часто сбивали с толку миллионы зрителей и читателей (вольным или невольным?) подыгрыванием НАТО и логическими перекосами в подаче материалов из Югославии.

Зачастую идеологическая линия передач и статей «Медиа-Моста» мало чем отличалась от материалов ударных информационных сил НАТО — таких, скажем, как радио «Свобода» или «Голос Америки». Разве только тем, что их русские редакции более тонко и изощренно прислуживали военно-политической стратегии НАТО. Радио «Свобода», густо опутавшее своими электронными сетями Россию, почти непрерывно и примитивно развлекало свои передачи антиюгославской пропагандой с «русской приправой».

Вот тульская тетка с дикцией хмельной провинциальной доярки все бормочет в микрофон имя Льва Толстого — она «вспомнила» письмо писателя, в котором он призывал «не любить сербов, а любить весь мир». Вот уральский коммерсант, бизнес которого в Югославии лопнул, нещадно ругает Милошевича, из-за которого якобы и начались все его беды...

* * *

Меня особенно поражало то, что в Россию по нашим разведканалам непрерывно поступала выгоднейшая для подкрепления политики Кремля и правительства информация, но она соответствующим образом не обрабатывалась и не передавалась в отечественные и зарубежные СМИ. Всего лишь один пример.

Еще в начале апреля Москва располагала сведениями разведки о том, что на южной границе Югославии произошла страшная трагедия: там сербскими силами ПВО были сбиты сразу два военных вертолета НАТО, в которых находилось 19 американских спецназовцев и пилот одного из F-117A (катапультировавшийся после попадания ракеты в машину). Все, кто был в вертолетах, погибли. Уже

вскоре их тела были переданы представителям министерства обороны США в Албании, а затем переправлены за океан. Там погибших с традиционными почестями, но без широкой огласки похоронили.

Однако эта информация так и не попала ни в российские, ни в зарубежные СМИ (что могло стать сильной «отрезвляющей» информационной пилюлей для американского общественного мнения). Пресс-служба НАТО устами Джемми Шеа продолжала упорно и лицемерно убеждать мир, что никаких потерь со стороны вооруженных сил блока нет. Эту ложь подхватывали и старательно тиражировали многие российские СМИ.

Россия упустила колоссальные возможности с помощью точно выверенных информационных «выстрелов» гасить пожар югославской войны и в выгодном для себя и югославов направлении формировать общественное мнение. Наши разведорганы за границей поставляли в Москву идеальные для ведения информационного контрнаступления сведения об уничтожении уникальных памятников старины и зреющей экологической катастрофе в Югославии, о секретных маневрах натовских дипломатов и спецслужб, о тайных планах командования блока, об усилении массового протеста против войны в странах альянса, но все это и на 10 процентов не получило выхода в наших СМИ. Зато был широко разрекламирован маразматический блеф о «перенацеливании» российских ядерных ракет на страны НАТО...

Как и в период чеченской кампании, информационное противодействие Москвы своим оппонентам часто велось «по законам дурдома». Сегодня пресса сообщала, что Москва отозвала своих послов из стран — закоперщиков войны в Югославии, а завтра уже новая весть — отправляет их обратно. Наш президент — Верховный Главнокомандующий сегодня заявлял по телевидению, что Россия может пойти на оказание военной помощи югославам, а завтра высказывал недовольство «нервными заявлениями некоторых военных», которые точь-в-точь повторили его же слова...

Сегодня разгневанная Москва выпроваживает из страны пресс-секретаря НАТО в России Алексея Шахтахинского, а завтра крупнейшие российские СМИ публикуют его пространное интервью, в котором он ловко «впаривает» миллионам наших соотечественников мысли и выводы, выгод-

ные прежде всего пропагандистской машине НАТО. А Милошевич в тех же наших СМИ предстает в облике, который и Гитлеру не снился...

В нашем арсенале так и остались невостребованными многие «информационные бомбы», с помощью которых Россия имела все возможности изрядно потрепать примитивные натовские редуты лжи и существенно повлиять на ход событий в Югославии и вокруг нее.

Еще до начала операции НАТО Кремль располагал сведениями, что между Клинтонем и разведуправлением Минобороны США произошла серьезная размолвка по поводу прогнозирования последствий ударов по сербам. Кремль имел информацию и о том, что некоторые европейские страны (в частности, Швейцария и Австрия) активно противились предоставлению воздушного коридора для натовских самолетов, что срывало секретный план НАТО, в соответствии с которым альянс ставил задачу втянуть в войну на своей стороне практически все государства Европы и таким образом сформировать выгодный для себя политический фон «мировой поддержки силовой операции».

И даже самые опытные российские специалисты по информационным технологиям никак не могли взять в толк: каковы же главные цели, принципы, идеология, замыслы и позиции высшей российской государственной власти в отношении югославской войны? Разброд, непоследовательность, беспомощность, пассивность.

Но вот когда надобно спасти президента от импичмента или «замочить» его политических противников, наши немощные и квелые, безынициативные и нелогичные ангажированные СМИ чудесным образом преображаются: неукротимая агрессивность и безудержные пропагандистские трюки, самый вонючий компромат и четкая скоординированность, изощренность и напористость, едкая желчность комментариев и возмущение такое, что слюни репортеров брызжут сквозь телеэкран. Таким «информационным войнам» и американцам у нас можно поучиться...

С РОДИОНОВЫМ

Когда Родионов в день своего назначения министром обороны был у Ельцина в Кремле, тот посоветовал ему:

— Игорь Николаевич, не повторяй ошибок Грачева, не светись слишком часто в прессе.

Он прислушался к рекомендации президента. И в этом сильно отличался от своих предшественников: Шапошников и Грачев сразу после своего назначения на пост министра провели пресс-конференции.

А Родионов долго отказывался от публичной встречи с журналистами (с июля по октябрь 1996 года). И немалый резон в этом был. Что мог сказать прессе глава военного ведомства, который еще не успел как следует изучить положение дел не то что во всей армии, а в Минобороны и Генштабе?

К тому же Игорь Николаевич был напрочь лишен собственного многим большим военачальникам честолюбия. Я давно заметил: пустота, бахвальство и ложь обожают покрасоваться на телеэкране. Ум, скромность и честность не любят без толку светиться. Однажды Родионов сказал мне:

— Я на эти телекамеры смотрю, как на пулеметы...

Уже шел третий месяц службы Родионова на Арбате, а на его счету не было даже кратенького комментария для прессы.

Мне пришлось в то время испытать немало неприятных минут в общении с московской и иностранной журналистской братией. Редакционные просьбы о встрече с министром ежедневно поступали по телефону и факсу. А мне приходилось заниматься самым противным делом пресс-секретаря — вежливо отказывать. Министр не давал согласия:

— У меня дел по горло. Вот что-нибудь путевое сделаем, тогда и будем раздавать интервью.

Некоторые московские журналисты, которые при Грачеве были избалованы легким доступом к министру, получив отказ, потихоньку начали Родионова «прикладывать». Недостаток информации о его работе порой компенсировался выдумками или желчными репликами по поводу «медленного реформирования армии» (одна из них появилась в «Известиях» на 45-й день службы Родионова на Арбате).

Нашлись и такие журналисты, которые с большим пристрастием стали ворошить тбилисские события 1989 года. В то время И.Н. был командующим ЗакВО и оказался «крайним», на него Кремль пытался свалить свои грехи.

На Съезде народных депутатов, где обсуждались итоги расследования тбилисской трагедии, Собчак обличал Родионова, а командующий, защищая себя, должен был о

многим умалчивать. Сказать всю правду — значило перед всей страной «заложить» Горбачева и Шеварднадзе, сказать, кто, когда и какие давал распоряжения, а потом умывал руки.

Если бы Родионов на съезде нардепов сказал всю правду про Михаила Сергеевича, тот никогда бы не стал президентом СССР...

Некоторое время не подпускал журналистов к Родионову и начальник аппарата министра генерал-лейтенант В. Козлов. Его аргументы поначалу убедительно воздействовали на меня: Виктор Иванович показывал мне график работы министра, в котором было «вбито» столько мероприятий и встреч, что в их плотный ряд, как говорится, лезвия нельзя было вставить.

И только спустя два с лишним месяца после назначения Родионова удалось с трудом уговорить его дать интервью известному югославскому журналисту Лозански накануне встречи министра с главами военных ведомств НАТО в норвежском городе Бергене. Целесообразность интервью обосновывалась тем, что в Норвегии должен был обсуждаться вопрос о позиции России в международной миротворческой акции на территории бывшей Югославии.

Перед нашим отлетом в Берген несколько журналистов, представляющих ведущие российские газеты и информационные агентства, просили их взять с собой в Норвегию. Это был первый визит министра за рубеж, Козлов беспокоился о его четкой организации и во избежание каких-либо непредвиденных накладок не решился дать добро журналистам, хотя от Минобороны требовалось лишь предоставить им место в самолете.

Наш просчет имел и другой аспект: Грачева во время зарубежных визитов сопровождала обычно как минимум дюжина «элитных» московских репортеров, которые уже отлично знали, как надо отблагодарить министра за привилегию вместе с ним побывать за кордоном. Эта традиция была нарушена, что и вызвало обиду у военных репортеров.

И возмездие последовало быстро: визит Родионова в Норвегию и его результаты наша обиженная невниманием пресса откровенно саботировала. И упрекать ее было нельзя.

После Бергена критика Родионова в СМИ усилилась. Я понимал, что несую личную ответственность за формиро-

вание имиджа министра в прессе (к тому же многие журналисты все яростнее упрекали меня за неправильно выбранную тактику). Генерал Козлов придерживался прежней точки зрения: «Не надо отвлекать министра от работы».

Убедить его, что налаживание взаимопонимания с прессой для Родионова не менее важная работа, чем любая другая, мне не удавалось. Все мы были новыми людьми в команде министра, притирались друг к другу, вращались в должности и, стараясь не допускать ошибок, добросовестно совершали их...

В конце сентября 1996 года на совещании со своими помощниками — полковниками Н.Дерябиным, Ю.Ждановым и А.Лучаниновым — мы пришли к выводу, что необходимо радикально изменить отношение министра к СМИ. А для этого от меня требовалось нарушить установленные правила: прежде чем идти к Родионову со своими предложениями, надо было согласовать их с Козловым. Но тогда все возвратится на круги своя.

Прорвавшись к Родионову без санкции Козлова, я убедил его в том, что надо в ближайшее время провести пресс-конференцию для российской и иностранной прессы, посвященную состоянию армии и перспективам ее реформирования.

Первая пресс-конференция Родионова состоялась в МО 1 октября 1996 года. На ней присутствовало почти 100 представителей СМИ, что было рекордом для Минобороны. Игорь Николаевич после обстоятельного рассказа о положении дел в войсках и первоочередных задачах реформы почти два часа отвечал на вопросы.

После этого критический тон прессы заметно смягчился. Чтобы развить наметившийся информационный прорыв, я предложил Родионову дать несколько интервью ведущим российским телепрограммам. Он согласился.

И вот когда начала уже просматриваться система в работе министра со СМИ, стали происходить странные вещи. Некоторые компании, программы и издания, ранее подавшие заявки на встречу с министром, сообщили в пресс-службу, что от своих былых намерений отказываются. Это настораживало.

За годы работы на Арбате мне удалось перезнакомиться и установить приятельские отношения с большинством военных обозревателей газет всех политических направлений.

И потому не стоило большого труда у них выведать, что «сверху прошла команда не раскручивать Родионова». Снова стали появляться критические материалы по поводу того, что министр «слишком медленно разворачивает военную реформу».

И никакие контраргументы не помогали, даже те, что если Грачев за четыре года не смог реформировать армию, то как может Родионов реформировать ее за четыре месяца. Но такая критика мало задевала министра. Он продолжал ездить по войскам и изучать обстановку, чтобы выверить жизненность той концепции, которая разрабатывалась в МО и ГШ.

Родионов мечтал о том, что обсуждение концепции военной реформы на Совете обороны с участием Верховного Главнокомандующего станет историческим событием в жизни Вооруженных сил. И потому готовился к нему с особым тщанием. Не только министру, многим на Арбате уже опротивели бесконечные разговоры о плане переустройства армии, который много раз обещал, но никак не мог утвердить президент.

И даже когда проект концепции реформы в МО был готов, заседание СО в очередной раз откладывалось. Вскоре после того, как проект был отправлен с Арбата в Совет обороны, в печать стали просачиваться критические реплики кремлевских чиновников о том, что руководство МО и ГШ «со старыми мерками подходит к реформе». Все это создавало у гражданских и военных людей не лучшие представления о сути задумок Родионова. Но вступать в полемику с людьми за кремлевской стеной министр не хотел. Он считал, что такие споры вокруг реформы в «высших кругах» неприлично выносить на публику. Уже не только сама реформа, но и споры вокруг нее становились частью политических игр Кремля против Родионова.

А обстановка в армии ухудшалась. Особенно в связи с продолжающимися задержками денежного содержания. В газету «Красная звезда» валом валили письма из гарнизонов, в которых офицеры и члены их семей не стеснялись в выражениях, подвергая критике президента, правительство, Минфин из-за своей убогой жизни. И эта жизнь упорно прорывалась на газетные полосы. Однажды «Звездочка» опубликовала целую полосу писем читателей под заголовком «Так жить нельзя». То был гневный крик и зубовный скрежет армии. Когда Родионов прочитал все

письма, он приказал доставить ему сотню газет и с ними на следующий день отправился на заседание правительства. Там он раздавал газеты членам кабинета министров и приговаривал:

— Чтобы знали, как живет армия.

Уже на следующий день из Кремля министру позвонил Чубайс (он в то время был главой Администрации президента) и попросил Родионова «попридержать слишком раздухарившуюся газету». Родионов ответил ему:

— Я не могу закрыть рот газете, которая пишет правду.

Так ни до чего и не договорились. К тому времени я уже знал, что «Звездочку» в президентской пресс-службе обозвали «антиправительственным рупором».

Вскоре министр приказал мне пригласить к нему на беседу главного редактора «Красной звезды» капитана первого ранга Владимира Чупахина. Зачем — не говорил.

Мы с Чупахиным ломали голову, пытаясь предугадать, что нас ждет. Владимир Леонидович волновался. Утром признался мне, что перелистал все газеты за последний месяц.

В назначенное время я представил Чупахина министру. Игорь Николаевич встал из-за стола, улыбнулся и сказал:

— Знаете, зачем я вас вызвал?

— Никак нет, товарищ министр!

— Затем, чтобы лично пожать вам руку и поблагодарить вас и всю команду «Звездочки» за хорошую работу. Спасибо всем за то, что пишете правду. Потому газету армия и Россия стали читать. Продолжайте в том же духе. Желаю удачи.

Пользуясь моментом, я напомнил министру о проблеме, которая давно меня возмущала: главный редактор центрального органа Минобороны и его заместители не имели постоянного пропуска в кабинет министра и крайне редко приглашались на заседания коллегии МО. В тот же день вопрос с пропуском был решен.

Самая большая трудность в отношениях министра с журналистами заключалась в том, что он не умел им врать. Знание истинного положения дел в армии выжигало ему душу, и Родионову все труднее удавалось сдерживать себя от замалчивания правды. В конце концов однажды он в телекамеру произнес слова, которые вызвали бурю возмущений в Кремле:

— Я министр разваливающейся армии и умирающего флота...

Это признание было его приговором самому себе.

* * *

Во времена Родионова я пытался реформировать пресс-службу Минобороны так, чтобы пресса стала активным помощником военного ведомства в строительстве новой армии. Было много проектов нашей информационной политики, было много споров. А все между тем сводилось к простой и одновременно трудной задаче — служить прессе.

Было у нас немало теоретиков информационной работы, которые носились по высоким кабинетам с десятками концепций, схем организационно-штатной структуры пресс-службы, талдычили заумные слова об информационной политике МО, но все это мгновенно отступало на второй план, когда в комнате дежурного раздавались звонки и журналисты спрашивали:

— Сколько боеголовок должно остаться у России после СНВ-1?

— Правда ли, что генерал Рохлин отказался от звания Героя России?

— Какая сегодня зарплата у министра?

— Сколько сегодня дезертиров в армии?

— Был ли пожар на Центральном командном пункте РВСН?

Я считал, что на любые вопросы мы обязаны оперативно давать людям исчерпывающие и честные ответы, соблюдая лишь требования о неразглашении военных секретов.

Но такая точка зрения не находила поддержки у некоторых (наиболее ленивых) сотрудников пресс-службы МО:

— Мы не справочное бюро! Мы обязаны только порекомендовать журналисту, к кому ему лучше обратиться за консультацией по интересующему его вопросу.

Когда-то мы применяли и такой диспетчерский метод. А в результате получалось, что министр обороны называл журналистам одну численность личного состава армии, начальник Генштаба — другую. Или в Генштабе называли одну численность оставшихся ядерных боеголовок, а в Главном штабе РВСН — другую. Было много и других серьезных разнобоев в информации, которую журналисты

получали в МО, Генштабе, центральных и главных управлениях.

Вот почему во избежание таких казусов нужно было добиться централизации информационной работы МО, собрать и упорядочить огромный информационно-справочный материал, охватывающий все сферы жизни армии и деятельности ее руководства. Сама жизнь подсказывала, что пресс-службе необходим огромный банк официальных данных, которые в любой момент и в считанные минуты дежурная служба могла бы предоставлять журналистам. Но что было в жизни?

Звонит военный обозреватель газеты и спрашивает у дежурного по пресс-службе:

— Какое количество наших военнослужащих-миротворцев задействовано сегодня в «горячих точках» на территории бывшего СССР?

Дежурный офицер рекомендует прислать факсом вопрос и обнадеживает репортера, что «через недельку, возможно, получите ответ».

А человеку до сдачи материала час остался. Да и ему-то всего лишь одна цифра нужна! Он, естественно, возмущается. Сотрудник пресс-службы говорит ему:

— Что поделаешь, такие у нас требования.

Звонок из какого-то детского журнала:

— Скажите, пожалуйста, как зовут кота министра обороны?

Дежурный офицер сухо отвечает:

— Вы что, издеваетесь?

И, чертыхнувшись, бросает трубку. А я знаю, что теперь корреспондент наверняка «оттянет» нашу пресс-службу в своем материале. Наверное, на его месте я бы поступил так же. А ведь стоило снять трубку внутренней связи, позвонить в приемную министра и узнать, что кота министра зовут Федором.

И я опять твержу на совещании в общем-то банальные вещи: что пресс-служба должна СЛУЖИТЬ ПРЕССЕ. И чем лучше будем делать это, тем шире сумеем реализовать именно ту информационную политику, которая отвечает интересам Минобороны и Генерального штаба.

Вряд ли кто из моих подчиненных не знает, что от качества нашей работы очень во многом зависят даже оттенки в оценках, которые будут даны в статьях на военную тему.

Да, бывают такие вопросы, на которые нельзя ответить мгновенно или даже через час. Но отвечать обязательно надо. Через час, через два, через день...

Самый обидный журналистский упрек для меня, когда я в очередной раз слышу:

— Что толку от вашей пресс-службы? Когда ни позвонишь, ответ один и тот же: «Сведениями не располагаем»... Если вы никакими сведениями не располагаете, то на хрена вы тогда нужны?!

В свое время бывший начальник пресс-службы полковник Юрий Мамчур хотел даже повесить в дежурке огромный плакат со словами: «Категорически запрещается говорить журналистам: «Информацией не располагаем»».

Когда журналистам не хватает информации, они пользуются слухами или фантазируют. Из-за этого в СМИ почти два года разгуливала ложь о числе наших военнослужащих, погибших в Чечне. Цифры назывались разные, и ни одна из них не была правдой. Руководство МО и Генштаба заставляло нашу пресс-службу постоянно опровергать «дезу». Но ведь и само правды не говорило.

Управление информации несколько лет подряд категорически опровергало отсутствие коррупции в Западной группе войск, а в это время следователи полным ходом раскручивали там уголовные дела. Главная военная прокуратура РФ уже вела следствие по двум десяткам генералов, уличенных в финансовых, квартирных и иных махинациях, а мы упорно доказывали прессе, что все это «не соответствует действительности». Утайки, передержки, блеф, а нередко и ложь, были неотъемлемой частью нашей информационной работы.

МАНИЛОВЩИНА

После того как министром обороны стал Игорь Сергеев, начался новый этап реформирования информационной работы, в котором роль своеобразного идеолога играл первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Валерий Манилов. Он еще при Родионове оказался на этой высокой должности при весьма странных обстоятельствах, в которых не смог разобраться даже министр. Его назначение в Генштаб было неожиданным и загадочным.

Многие в ГШ знали, что до прихода на Арбат Манилов служил в Совете безопасности. Когда же там летом 1996

года появился Лебедь, устроивший «великий кадровый шухер», Манилов оказался одним из немногих генералов СБ, удержавшихся в кресле. В то время мне и довелось встретиться с ним на Старой площади, в его рабочем кабинете, где мы долго и обстоятельно беседовали об информационной работе.

Валерий Иванович говорил со мной тоном аксакала, любящего поучать малоопытных юнцов (хотя стаж моей работы в прессе, начиная с дивизионки и кончая центральным военным журналом, был намного больше, чем у генерала). Манилов с многозначительным видом наговорил кучу банальностей, и мне стоило больших усилий корчить физиономию внимательного и восторженного слушателя.

Он производил впечатление неглупого и много знающего человека (хотя информированный и умный человек — не одно и то же). Еще с того времени, когда в 1991 году мы познакомились с ним на Арбате, сильно бросалось в глаза, что и манера говорить с людьми, и заметная привычка «светиться» рядом с большим начальством выдавали в нем «карьерного генерала». Люди такого типа, мне кажется, больше всего заботятся о том, какое место они занимают при «дворе» и какое впечатление производят на начальство и подчиненных.

А неплохо подвешенный язык, хорошо усвоенные великосветские манеры тертого столичного аппаратчика и некоторый артистизм производят сильное впечатление на косноязычных генералов, которым еще труднее складно изъяснять свои мысли на бумаге.

Весть о том, что бывший сотрудник «Красной звезды» и бывший спичрайтер маршала Шапошникова вдруг оказался на командном мостике Генерального штаба, где издревле не любят «варягов» и тем более не служивших на соответствующих штабных или командных должностях, удивила многих не только у нас на Арбате.

Некоторые журналисты центральной прессы попытались выяснить детали прохождения президентского указа о назначении Манилова в ГШ через положенные инстанции (и даже интересовались — была ли подпись Ельцина подлинной). Копнувшая глубже других газет «Комсомольская правда» по этому поводу многозначительно заметила, что «Манилов взял Генштаб без боя»...

О нем писали в СМИ вот так:

«Манилов был полезным человеком: он не только мог говорить сложноподчиненными предложениями (что в Минобороны, в сущности, редкость), он мог их писать... Сейчас Манилов — главный теоретик военной реформы. И, как рассказывают в Генштабе, автор всех публичных выступлений маршала Сергеева...»

Называть Манилова «главным теоретиком реформы» было, конечно, огромной натяжкой, примерно такой же, если утверждать, что Ленин был одним из основателей «советской школы футбола».

Хотя, на мой взгляд, Валерий Леонидович стремился создавать впечатление, что он играет одну из ключевых реформаторских ролей на Арбате.

Его функциональная ниша в Генштабе, наверное, не только мне была долгое время непонятной — он с одинаковым рвением решал вопросы разработки концепции военной реформы «под ядерным зонтиком» и занимался проблемами совершенствования информационной политики в Минобороны и Генштабе.

При Манилове, который оказывал большое влияние на начальника пресс-службы МО генерала Анатолия Шаталова и курировал вопросы информационной работы, было допущено немало серьезных просчетов.

Прежде всего это было связано с кадровой перетряской в пресс-службе и подбором специалистов по непонятным принципам. Профессиональные военные журналисты оказывались не у дел, а на их место назначались люди, слабо разбирающиеся в секретах информационных технологий. Очевидной нелепостью было и то, что на должность куратора группы военных корреспондентов был назначен офицер, который и дня не работал в прессе.

По совершенно непонятным причинам был смещен с должности исполняющего обязанности начальника ВоенТВ полковник Александр Островский, а на его место назначен, на мой взгляд, весьма средний, но амбициозный специалист — отставной полковник Виталий Серебряков, который тут же вознамерился провести активную кадровую чистку, обосновывая ее низким профессионализмом подчиненных (программа «Армейский магазин» действительно была, да и остается, лубочно-уродливым творением, рассчитанным на примитивный вкус). Но и у сотрудников ВоенТВ были серьезные претензии к своему руководителю по той же части.

Серебряков стал рисовать красивые прожекты будущих

программ, и, по мере того как шло время, становилось ясно, что его грандиозные намерения не соответствуют возможностям. Он, на мой взгляд, оказался человеком с хорошо развитой коммерческой хваткой...

Уже вскоре после назначения Шаталова был перекрыт единственный канал поддержания оперативной связи Минобороны со средствами массовой информации. Круглосуточное дежурство офицеров было прекращено. Российские и иностранные корреспонденты лишились возможности получить даже элементарную справку по телефону пресс-службы. Это сразу же вызвало бурю негодования в СМИ и, естественно, весьма отрицательно отражалось на характере публикаций об армии.

Дефицит информации сразу же вызвал переизбыток домыслов, слухов, кривотолков и дезинформации. Предвидеть именно такой поворот событий мог бы и непрофессионал. Просчет был настолько очевидным и, более того, политически опасным, что уже через месяц Шаталов был вынужден признать несостоятельность принятого решения и вернуть все на круги своя. Так бывает всегда, когда за реформы берутся амбициозные дилетанты.

Очередной этап информационных псевдореформ разрушал даже тот скромный, но драгоценный опыт, который накапливался на Арбате в последнее десятилетие. У меня все чаще складывалось впечатление, что реформы эти шли по двум путям — активный поиск источников личных доходов некоторых руководителей и сворачивание информирования общества о деятельности военного ведомства.

Взятничество в нашей пресс-службе было давней тайной болезнью. Еще в «дореволюционные» времена многие иностранные журналисты, обращавшиеся в Минобороны за помощью, хорошо усвоили, что получение нужной военной информации стоит денег. Для них в пресс-службе были установлены негласные таксы на посещение гарнизонной гауптвахты, Центра подготовки космонавтов, Центрального командного пункта Генштаба, Ракетных войск стратегического назначения и т.д. Минимальной была такса в 200 долларов (гауптвахта или военкомат). Максимальной — 1000 долларов (ЦКП ГШ).

Чтобы меня никто не уличил в том, что я сочиняю байки, рекомендую посмотреть «Белую книгу», выпущенную в Японии в 1992 году. Там можно найти и фамилии наших арбатских мздоимцев.

С коммерческой стороны решил начать реформирование военных СМИ и генерал Шаталов. Его идеи об акционировании некоторых редакций и типографий военного ведомства вызвали бурный протест со стороны творческих коллективов, что серьезно осложнило отношения между руководством МО, Генштаба и прессой. Против идей Шаталова в российских СМИ развернулась бурная кампания протеста, что вынудило руководство Минобороны спешно отказаться от планов акционирования.

Оно было чрезвычайно опасным, в частности, по той причине, что контрольный пакет акций мог оказаться в руках подставных фирм, владельцами которых могли быть иностранные спецслужбы.

Одно из изданий писало о Шаталове: «Знаменит он тем, что под флагом военной реформы решил приватизировать всю военную печать, включая издательство и типографию «Красной звезды». Шаталов направил на имя министра обороны докладную записку, в которой издательство объявлялось убыточным. А раз так, его-де надо приватизировать...»

После вспыхнувшего скандала министр пресек опасные «реформаторские» попытки своего пресс-секретаря.

Д-21

За первым громким провалом информационной реформы вскоре последовал второй. 24 декабря 1997 года директиву министра обороны № 21 «Об упорядочении работы с представителями средств массовой информации» подписал начальник Генштаба генерал армии Анатолий Квашнин. К этому самому скандальному и невежественному творению за всю историю пресс-службы МО приложил руку и генерал Шаталов. Директива по целому ряду требований ставила прессу в унижительное положение, а самое главное — грубейшим образом противоречила Закону о СМИ (что особенно сильно подчеркивало дилетантизм тех, кто ее разрабатывал).

И опять шум в прессе. Да еще похлеще прежнего.

В Центральном доме журналиста состоялась пресс-конференция протеста против Д-21. Ее участники осудили «информационный геноцид против СМИ», который собиралось устроить МО.

На пресс-конференции появился и начальник Воен-ТВ

Послесловие в качестве предисловия

В 1986 году во время командировки в Афганистан для выполнения спецзадания я познакомился там с иностранной журналисткой. Наше знакомство продолжалось в Москве, где превратилось в любопытную человеческую историю (об отдельных ее фрагментах я уже упоминал как в этих, так и в ранее вышедших моих книгах). Естественно, наши отношения с Керри попали под колпак спецслужб. Это вынуждало нас делать выбор между искренностью и игрой. Но особый драматизм такого поворота событий заключался в том, что наш профессиональный интерес друг к другу уже перерос в нечто иное...

По некоторым причинам (надеюсь, понятным читателям) я, как бывший офицер Генерального штаба и Минобороны, до последнего времени не имел права рассказывать о событиях, к которым мы с Керри имели непосредственное отношение как главные действующие лица и как свидетели. Теперь это время пришло.

Мои записки, которые я вел почти 12 лет, превратились в книгу с рабочим названием «Англичанка». Она должна пройти экспертизу в разведорганах (ГРУ, ФСБ и СВР). Мне обещано, что к весне 2000 года я получу разрешение издать ее. Естественно, при условии, что я выполню все требования, касающиеся неразглашения государственной и военной тайны. Я понимаю, что мне придется изменить некоторые фамилии, номера секретных документов и переиначить определенную их часть. Но я абсолютно уверен, что это почти никак не повлияет на суть истории, которая изложена в моей новой книге.

Оглавление

Глава 1 РОССИЯ—НАТО: ВОЙНА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ	5
Глава 2 ТЕНИ ПУТЧА	110
Глава 3 КРИМИНАЛ ЦВЕТА ХАКИ	190
Глава 4 ОРУЖЕЙНАЯ МАФИЯ	251
Глава 5 АРМИЯ И ПРЕССА	371
Послесловие в качестве предисловия	462

Виктор Николаевич БАРАНЕЦ
ГЕНШТАБ БЕЗ ТАЙН
Книга вторая

Выпускающий *Б.Д. Мороз*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *С.С. Басипова*
Оператор компьютерной верстки *А.В. Волков*

Издательская лицензия № 071429 от 17 апреля 1997 года.

Подписано в печать 22.09.99. Формат 60 × 90/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Объем 29 печ. л. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 2807

Издательство «Политбюро»
109369, Москва, Новочеркасский б-р, 47
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — patarum@mail.i-cjnpnect.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г. Хаيفا

Оптовая торговля:

«Клуб 36,6»

Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

Тел.: (095) 523-25-56, 523-92-63

E-mail: club366@aha.ru

Фирменный магазин «36,6 — Книжный двор»:

Москва, Рязанский пер., д. 3

Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93

Книги почтой:

107078, Москва, а/я 245 «Клуб 36,6»

Книжная лавка «У Сытина»:

125008, Москва, пр-д Черепановых, д. 56

Тел.: (095) 156-86-70 Факс: (095) 154-30-40

Электронная почта: sytin@aha.ru или info@kvest.com

Интернет-магазин

<http://www.kvest.com>

Электронная почта: info@kvest.com

Доставка в любую страну

В Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России:

«Невская книга»: (812) 567-47-55, 567-53-30

ISBN 5-8975-6021-8

9 785897 560219 >

Полковник Баранец Виктор Николаевич родился в городе Барвенково Харьковской области. В Вооруженных Силах — с 1965 года. Окончил Высшее военное училище и Военную академию, служил в ряде военных округов и Группе советских войск в Германии. С 1983 года — в центральном аппарате Минобороны и Генерального штаба. Был экспертом-советником начальника Генштаба, начальником информационно-аналитического отдела Управления информации МО РФ, начальником пресс-службы и пресс-секретарем министра обороны России. Участник афганской войны. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Автор книг «Ельцин и его генералы», «Потерянная армия».

Политбюро